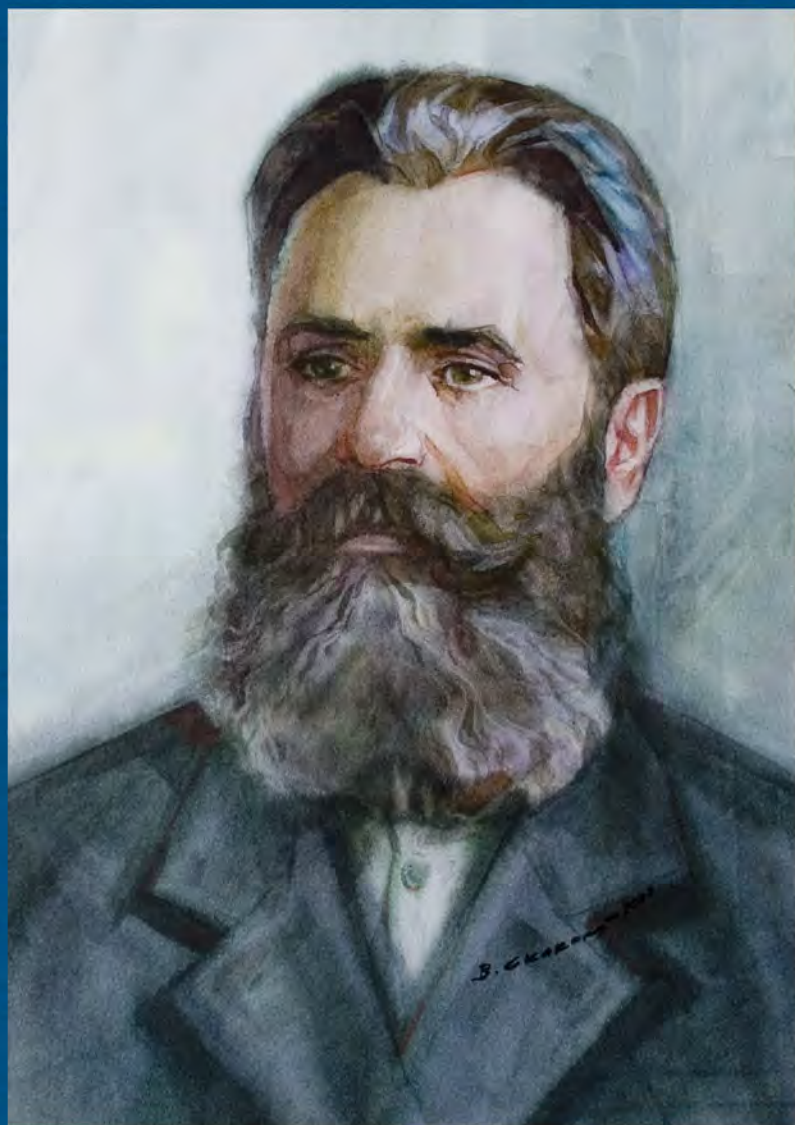

Намараю здалася ў Пемгріі меча,
зівяла вяртэла перамагла ў
Васовіі.

Евгеній Фенцик

ТВОРЫ

Транкайі. Вее Васі:
Евгеній Андр. Фенцик
свагоўшчы

РУСИНЬСКА КЛАСІКА
СЕРІЯ

Євгеній Фенцик

5.10.1844 – 5.12.1903

Евгений Андр. Шевченко
Шевченко

Євгеній Фенцик

ТВОРЫ

Вшорили:

Валерій Падяк

Міхал Павліч

Пряшів

Выдавательство Пряшівской універзіты

2021

Євгеній Фенчик (1844–1903) – священник, поет, прозаїк, драматик, публіцист. Закладатель і незмінний редактор ізвітного ужгородського часопису «Листок» (1885–1903). Іскрава і плодна особность doby будительства. Ёго творы, незаслужено забыты, лем днесь ся вертають ид русиньскому читателю.

Книга ёго выбратых творів вміщає в собі лем три майважны літературны творы (із веце як двадо); суть то повісті «Нищіє духом» и «Учитель-Неборак», а тыж драма «Покореніє Ужгорода».

Тексты вишорили:

доц. Мгр. **Валерій Падыак**, к. н.

Мгр. **Міхал Павліч**, ПгД.

Проект реалізований під веджінём

доц. Мгр. **Валерія Падыака**, к. н.

*Спередслово, додаткы, текстовы позначкы
і языкова управа (транслітерація)*

доц. Мгр. **Валерій Падыак**, к. н.

Рецензенты:

проф. Д-р. **Павло Роберт Магочій** (Торонтська універзіта)

проф. ПгДр. **Осиф Сіпко**, PhD. (Пряшівська універзіта в Пряшові)

Realizované s finančnou podporou Fondu na podporu kultúry národnostných menšín.

© Ідея серії "Русинська класика", В. Падыак, 2019

© Вшореня текстів, В. Падыак, М. Павліч, 2021

© Спередслово, В. Падыак, 2021

© Додаткы, текстовы позначкы, В. Падыак, 2021

ISBN 978-80-555-2878-6

ВІЙНА!

УКРАЇНА ОБОВ'ЯЗКОВО ПЕРЕМОЖЕ!

Станом на 24 лютого 2022 року книжка творів Євгенія Фенцика вже була готова на 95%. Залишалось написати вступну розвідку. Але світ вразила жахлива звістка – Росія напала на суверенну державу Україну. Війна!!! Війна, якої з часів Другої світової в Європі не було.

Передмова до цієї книжки свідомо написана нами українською мовою – на знак солідарності з українським народом у його героїчному протистоянні окупанту – Російській Федерації – державі, яка чверть століття тому, згорнувши демократичні ініціативи попереднього президента Б. Єльцина, стала на шлях «реінкарнації» Радянського Союзу, фактично – Російської імперії. Як результат, протягом наступної чверті століття вектори соціально-політичного розвитку України та Росії були діаметрально протилежними. Тому цю війну навряд чи можна однозначно назвати «російсько-українською» – це війна двох цивілізацій, це спроба тоталітарного прорадянського режиму знищити демократичну систему цінностей та свобод не лише у сусідній державі, але й у цілому світі, адже цінності, до яких Україна (не завжди легко!) рухалась та продовжує рухатись, є загрозою існування самій імперії.

Впевнений, цю війну Росія ніколи не виграє, і неминучим буде розпад самої Російської імперії; хоча ціна тієї жертви, яку українці та увесь демократичний світ, що об'єднався навколо України, покладуть на вівтар боротьби за демократію, буде високою.

Тотальне зомбування російського народу, який, у більшості своїй, завжди з якоюсь патологічною ностальгією згадував життя у Радянському Союзі, саме з цієї причини відбувалось легко; гебельс-пропаганда на російському телебаченні обіцяла незабаром повернути російському народу оті «радянські» блага; відбувалось це в обмін на згортання демократії та в умовах ширення ідей російського великодержавного шовінізму, який в уяві пересічного росіянина завжди асоціюється з історичною роллю Росії як держави-месії, що врятувала світ від фашизму та нацизму. У сухому залишку цього двадцятилітнього ідеологічного експерименту, нині саме Росія є джерелом фашизму, або ж його різновиду – рашизму. І це той вирок, який наступним поколінням росіян доведеться спокотувати багато десятиліть.

Світ сказав своє слово, ставши на захист суверенітету України. Мовчазна більшість населення російської держави все ще не бачить та не засуджує акти геноциду російського окупаційного війська в Україні. Просякнуте тваринним страхом перед майбутнім, російське суспільство не може не передчувати кінець путінського режиму. Стадний інстинкт самозбереження, між тим, все ще кидає його в обійми Путіна, адже, словами російської антитоталітарної музики 1990-х років, хворе російське суспільство та він – «скованные одной цепью». Пересічний росіянин любить повторювати: «Є Путін – є Росія, немає Путіна – немає Росії!». Ця генерація російського суспільства цілковито втрачена для сучасного демократичного світу. І що очікувати від наступних поколінь росіян?

Вже перші дні війни розвіяли міфи російської пропаганди. Наприклад, міф про існування на теренах України Новоросії, яка прагне з'єднатися з «русским миром». Ще один міф – про росіян та українців як «один народ». Фіаско зазнав також стародавній міф про слов'янську єдність та роль Росії у єднанні всіх слов'ян. А цей міф багато у чому пов'язаний із формуванням русинської суспільної думки. З часів виникнення постулатів слов'янофільства у середині XIX століття карпатські русини, як й інші слов'янські народи тодішньої Австрійської держави, а також південнослов'янські народи були втягнуті в обрій російської політики поступової інкорпорації цих територій у склад Російської імперії, потім – Радянського Союзу. Ця політика, однак, зазнала фіаско. А війна в Україні свідчить: навіть сусідні слов'янські народи нині засуджують політику Росії. Росіяни, по факту, єдиний слов'янський народ, який не прийняв демократичних цінностей, а Росія – держава, яка кинула виклик усьому демократичному світу.

Світ об'єднався. Україна обов'язково переможе!

24 березня 2022 року.

ЄВГЕНІЙ ФЕНЦИК:

ЖИТЯ – ЛІТЕРАТУРА – НАРОД

1. ФЕНЦИК И ФЕНЦИКОЗНАТЕЛЬСТВО

«Литературное наслѣдіе Фенцика чрезвычайно обширно и богато, но до сихъ поръ совершенно не изучено и не учтено».

Є. Недзелський

«Да будетъ же одной изъ главныхъ задачъ грядущихъ поколѣній этой утвердившейся Святой Руси – забота, чтобы къ воздвигнутому нынѣ памятнику Фенцика, этого вѣрнаго въ безвременьи стража на рубежѣ русскаго слова, «не заросла народная тропа!»»

Дмитрій Вергун

Што мы знаємо днесь за Євгенія Фенцика – поета, прозаика, драматика, публіциста, літературознаателя, педагога, літургіста, видавателя? Правду повісти – скоро нич. Од того часу, коли по Первій світовій війні містна інтелігенція поклала в Ужгороді ёму пам'ятник (1926)¹ и наплановала собі зачати широко популяризувати ёго творчість, одтак приправила у 1932 році, хотяй неповну,

¹ Звіт за торжественной одкрытя пам'ятника Є. Фенцику в Ужгороді 16 мая 1926 рока бы в опубликованый у пресі. *Позирай*: Торжественное одкрытіе пам'ятника Евгенія А. Фенцика въ Ужгородѣ. *Іп*: Русскій народный календарь Общества Александра Духновича на обыкновенный годъ 1927. /подъ ред. Д-ра Іосифа В. Каминскаго. – Ужгородъ: Книгопечатня Юлія Фелдешія, 1926, с. 68-71.

перву бібліографію творів², перебігло 90 років. Од того часу нич ся не поміняло. Главні ёго твори, як то **повісті** «Нищіє духом» и «Учитель-Неборак» нигда не увиділи світло світа. Оба два твори за жита писателя были напечатані у журналі «Листокъ» на продовження – у 72 и відповідно 67 числах того журналу. Але днесь самый журнал у архівах однайти тяжко. Так же позбрати докупы по многих архівах ушиткі часті каждой из тых двох повістей стало гет искомплікованов задачов.

Скоро таков самов неуспішнов є доля **драмы** за князя Лаборця «Покореніє Ужгорода». Автор загнав рукопис до Львова, де у 1879 році песа ся вказала на продовження у новинці «Слово» – у 10-ти числах. По тому (за далші веце як 140 років!) текст той пёсы був опублікований лем раз (и то гет порусчений!); він увидів світло світа у зборнику, што го не так давно вшорив пряшівський изгладователь Юрій Панько (1933–2017)³.

Ани за **роман** (повість?) Є. Фенцика під назвов «Въ отчизнѣ безъ отечества» («На родинѣ безъ отечества?») за сто років нич ся не подарило выяснити. Днесь знаєме лем тільки, кілько у 1926 році ся дозвідав галицький літературознаватель-русофіл Дмитрій Вергун, котрый, до кінця, тыж не читав тот твір, ани не видів го и не знав, ци тот твір у Росії напавду був опублікований, а кедь опублікований, то де и коли – лем же мав на руках даякі непрямі доказы того, што, як він пише, тот літературна штука «стала извѣстной нѣскольکو ранѣе въ Россіи, чѣмъ въ Подкарпатской Руси»⁴. Д. Вергун зазначив:

Если взять въ руки протоколы Славянскаго Благотворительнаго общества въ Петроградѣ за 1883 годъ, изданные подъ загла-

2 Собрание сочинений Евгения Андреевича Фенцика. Часть I: Ф. Ф. АРИСТОВЪ, Н. А. БЕСКИДЪ. Хронологическій перечень напечатанныхъ сочинений Евгения Андреевича Фенцика / Издание Культурно-просвѣтительн. общества имени Александра Духновича въ Ужгородѣ. Выпускъ 78; приложение къ журналу «Карпатскій свѣтъ». – Ужгородъ: Типографія «Школьная помощь», 1932, 16 с.

3 ФЕНЦИК Є. А. (Владимир). Покорение Ужгорода: Драма в пяти действиях. *Ин:* Ю. ПАНЬКО Князь Лаборецъ в художній літературі: Художні твори о князёви Лаборцёви / Русиньска оброда на Словеньску. – Пряшів, 2008, с. 65-115.

4 ВЕРГУНЪ Д. Н. Евгений Андреевичъ Фенцикъ и его мѣсто въ русской литературѣ: Рѣчь, произнесенная на открытіи его памятника въ Ужгородѣ (16 мая 1926 г.) проф. Русской Учебной Коллеги въ Прагѣ Д. Н. Вергуном / Издание Культурно-просвѣтительнаго общества имени Александра Духновича въ Ужгородѣ; Выпускъ 22. – Ужгородъ: Типографія «Школьная помощь», 1926, с. 16.

віємъ «Первыя 15 лѣтъ дѣятельности Сл. Бл. О-ва», то на стр. 775-ой можно найти ссылку на это произведение Е. А. Фенцика.

Послѣ «похабнаго мира», какъ называлъ И. С. Аксаковъ Берлинскій тректатъ 1878 г., въ Россіи наблюдалось въ обществѣ громадное уныніе. Для поднятія вѣры въ себя славянское общество устроило торжественное собраніе въ самомъ большемъ зданіи русской столицы и пригласило проф. М. О. Кояловича прочесть лекцію на тему: «Историческая живучесть Русскаго народа и ея культурныя особенности»... И вотъ для иллюстраціи послѣдней мысли профессоръ русской словесности въ Петроградскомъ университетѣ Орестъ Федоровичъ Миллеръ и прочелъ отрывокъ «Безъ отечества на родинѣ» – «одного автора-славянина, имени котораго лекторъ не могъ назвать – изъ опасенія повредить ему»...»⁵.

Пак у 1929 році ужгородський літературознаватель-русофіл Павел Федор дашто иншак писав за історію первовидання того роману:

«Фенцикъ является и авторомъ перваго романа изъ карпаторусской жизни, который онъ знаменательно озаглавилъ – «Въ отчизнѣ безъ отечества» и, въ силу понятныхъ цензурныхъ причинъ, издалъ его безъ имени. Этотъ романъ встрѣтилъ сочувствіе и въ Москвѣ и былъ напечатанъ въ С. Петербургскомъ журналѣ «Церковныя вѣдомости» (1904 г.)»⁶.

Як мож видіти, літературознателі, котрі перві на зачатку ХХ століття зачали писати за сесь твір, не єднако вказувут на жанр, назву и час першопечатання. Д. Вергун пише за «прекрасную повѣсть» «На родинѣ безъ отечества», опубліковану до 1883 року. А П. Федор пише за «роман» «Въ отчизнѣ безъ отечества», опублікований у 1904 році. Так ци иншак, сочасне фенцикознательство мало бы уж раз дати отвѣт на сесь вопрос. Але факт обстає фактом: подля испоминок потомків Є. Фенцика (маєме на гадці у первім ряді Ендре Байзу⁷) сесь роман автор написав ищи у році 1870 (!); але и через 152 роки (!) карпаторусинський читатель не має можность прочитати и оцінити роман того талантованого писателя.

5 Там же.

6 ФЕДОРЪ П. Очерки карпаторусской литературы со второй половины XIX столѣтія / Изданіе Культурно-Просвѣтительнаго Общества имени Александра Духновича въ Ужгородѣ. Выпускъ 56. – Ужгородъ: Типографія Г. Миравчика, 1929, с. 50.

7 БАЙЗА Е. Литературна діяльність греко-католического священника Евгения Фенцика (до 100 р. Из дня смерти 5 декабря 1903 р.). Часть II. *Іл: Русинський світ. Ruszin világ.* – Budapest. – Річник П. Число 6 (март 2004), с. 8.

Є. Фенцик як **публициста** त्यж лишив по собі читавой число опублікованых у новинках творів на вшелиякі теми, главно, теми просвіты, школства, языка, національного житя русинів, їх політичных прав в Угорській державі, ролі інтелігенції у долі народа, але त्यж соціалных проблем русинської меншини в Угорщині, її вынародовлення, економічного бідованя верховинського люду и др. Є. Фенцик ищи до заведеня соціально-економічної програмы Едмунда Егана, так называной «Верховинської акції» (1898), од зачатку 1890-х рр. на сторонах журналу «Листокъ» фурт убертав увагу мадярської и містной, світської и церковной влады на проблему бідованя угорських русинів, голода на Верховині; у своїх публикаціях він глядав путі рішення той проблеми.

Ціле, Фенцикова публицистика є важнов частёв русинського общественого житя кінця XIX – зачатку XX столітя. У році 1932 під редагованям близького родака Є. Фенцика, ёго братанича Степана Фенцика (1892–1946), священника и культурно-національного діятеля-русофіла на Підкарпатській Руси, зачала ся робота, обы вшорити читавой літературной и публицистичной наслідство вызначного будителя. Нараз хочеме зазначити: тота ініціатива, результатом котрой мало стати «Собраніє сочиненій Е. А. Фенцика», и то у дакілко томах, обстала незавершенов. На заваді тому стало активной політичной житя С. Фенцика у часы меживойня и дочасна смерть од рук советських окупантів. Межи тым, выйшли дві перві часті того «собранія»: 1) бібліографія творів Є. Фенцика и 2) зберька ёго публицистичных статей⁸. Так друга часть («Статьи»)⁹, як перва часть («Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій Евгенія Андреевича Фенцика»)¹⁰, подля обсяга суть брошурками, каждая на 16-ти сторонках. Друга часть, хоть то не є зазначеной у реквізі-

8 Степан Фенцик наплановав собі выдати и далшу, третю, часть «собранія» Є. Фенцика. В анонсах книжных выдань Общества Александра Духновича читаєме сякоє: «Собраніє сочиненій Е. А. Фенцика подь ред. Д-ра С. А. Фенцика – часть III (готовится къ печати)». Годно быти, ишло за книжку стихів Є. Фенцика. Тоты планы С. Фенцику реалізувати, выдав, уж ся не судило.

9 Собраніє сочиненій Евгенія Андреевича Фенцика. Часть II: Статьи. [подь ред. Д-ра С. А. Фенцика] / Изданіє Культурно-просвѣтителън. общества имени Александра Духновича въ Ужгородѣ. Выпускъ 79; приложєніє къ журналу «Карпатскій свѣтъ». – Ужгородъ: Типографія «Школьная помощь», 1932, 16 с.

10 Собраніє сочиненій Евгенія Андреевича Фенцика. Часть I: Ф. Ф. АРИСТОВЪ, Н. А. БЕСКИДЪ. Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій Евгенія Андреевича Фенцика..., 16 с.

тах брошурки, вийшла «подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика»¹¹. То значит, С. Фенцику як редактору другой части «собрания» подарило ся опубліковати лем девять публіцистичных статей. У далшу епоху тоту ініціативу веце никто не подпорив. Одтак, публіцистичне наслідство Є. Фенцика до днесь чекає на свого вшорителя и публікатора.

Май ліпшов є доля **поетичного наслідства** Є. Фенцика. Хотяй поезії автора ани єден раз не вийшли у книжнім форматі, як то, приміром, было из творами А. Духновича, А. Павловича, Ю. Ставровського-Попрадова, И. Сілвая, Ф. Злоцького и др. будителів ХІХ столітя, межи тым, туй-там по хрестоматіях и антологіях, так в Ужгороді, як Пряшові (докінця – у США, 1923 р.), находиме півтуцета-туцет поетичных творів Є. Фенцика. Приміром, иде за видання, вшорителями котрых суть Євменій Сабов (1893), Степан Фенцик (1930–1931), Олена Рудловчак – Юрій Бача (1964), Василь Микитась – Олена Рудловчак (1965), Олекса Мишанич (1984), Олена Рудловчак (1985) и др. Май читавым у тому списови був добір стихів (24 твори) у журналі «Карпатскій свѣтъ» у 1931–1932 роках¹². Ушорив тот поетичный добір С. Фенцик. Туй были опубліковані стихи різних років видання, «приміром, «Привѣтствованіе» (1867), «Ночь вѣковая убывает» (1868), «Пѣснь о пѣсни» (1868), «К невѣрному» (1868), «К Угорской Руси» (1868), «Русскій народ» (1868), «Ко грудному младенцу» (1868), «К работѣ Русс» (1869), «Славянам» (1870), «Видѣніе» (1876), «Прорицаніе» (1876), «Ко сторожам Сіона» (1876), «Нашему вѣку» (1877), «Источник» (1879), «Нигилистам» (1879), «Родимым» (1879), «Плевна» (1879), «На 1-е января 1880», «Современный стих» (1880), «Бережской русской молодежи» (1880) и др.

Формованя у другій половці ХІХ столітя на Підкарпатській Руси **літературознательства** тыж прямо повязаной из публікаціями Є. Фенцика. Позад історично-літературных обзорів, авторами котрых были Юрій Игнатков (1867), Петро Феєрчак (1888), Євменій Сабов (1893), появили ся тыж твори из історії літературы од Є. Фенцика. Так, у 1892-1894 роках на сторонах журнала «Лис-

11 Тоту інформацію стрічаєме на третій сторонці обкладинки.

12 Изъ стихотвореній Е. А. Фенцика. *Іп:* Карпатскій свѣтъ: Литературно-общественный журналъ Общества им. Александра Духновича въ Ужгородѣ. – Годъ IV, 1931, № 1-2, с. 1107-1116; № 3-4, с. 1178-1182; № 5-6-7, с. 1213-1220; № 8-9-10, с. 1235-1239; Годъ V, 1932, № 1-2-3, с. 1254-1266.

токъ» овін публіковав на продовження обзор «Очеркъ Угро-русской письменности». Сеся ёго публикація усе ищи на часі. Изглядователі літературного процеса на Підкарпатській Русі черяли и надале черявут выдти цінні біографічні відомості за многих русинських писателів. Провказав себе Є. Фенцик тыж як історик славянських літератур, главно словацькой и чеськой. Тій проблематиці він приділив дакілко обзорів, як то «Очеркъ словацкой литературы» (1892), «О славянскихъ языкахъ и литературахъ» (1899–1903) и др. Высоко оцінив сесю часть творчого наслідства Є. Фенцика український карпатознаватель доктор наук Василь Микитась. Він писав (цітуєме в оригіналі, по українськы):

«... його інформаційні популярні статті про російські, західнослов'янські і західноєвропейські народи, їхню культуру і літературу <...> на свій час мали певний інтерес і розширювали кругозір читаючої публіки. Багато з них є документами культурних і літературних зв'язків Закарпаття з усім слов'янським світом...»¹³.

Біда лем та, што до днесь ушиткі тоты обзори из історії літературы од Є. Фенцика мож прочитати лем в архівах, вни суть доступні лем про гет малой коло изглядователів. Зато за сесь фалат творчого наслідства русинського будителя історикы и літературознателі волівут не пригадовати.

Ціле, кедь мало хто из містных ци загатарных изглядователів ся интересовав умілецьков творчостёв Є. Фенцика, кедь нич из ёго творів не было (и то током цілого столітя!) опублікованої, выдтак, ёго літературне наслідство выпало из історично-літературного процеса карпатських русинів; творы писателя не заведені до школьной и універзітетной програм, а читатель не має можности знати свою културу и літературу. Інтерес до житя и творчости Є. Фенцика у русинській громаді інтелектуалів и читателів раз-дараз ся живит лем вдяка юбілейным статям од многих авторів у містных новинках и журналах, куртым обзорам творчости писателя у научных монографіях и зборниках а тыж гаслам в немногих енциклопедичных виданях.

Єднозначно: обы днесь покинути з міста фенцикознательство, мусай зачати из выяснення обсяга творчого наслідства Є. Фенцика. Іншак повісти, історикам літературы хыбит професіонално изло-

13 МИКИТАСЬ В. Л. Літературний рух на Закарпатті другої половини XIX ст.: Конспект лекцій з курсу історії української літератури XIX ст. / На правах рукопису. – Ужгород: Ужгородський державний університет, 1965, с. 97-98.

жений **бібліографічний указовач** творів Є. Фенцика. Перву таку бібліографію составив пряшівський історик и літературознаватель Ніколай Бескид. Из важными доповненнями московського карпатознателя Федора Аристова вона вийшла в Ужгороді у далеких 1932 році. Степан Фенцик у куртому передслові до бібліографії писав:

«Приступая къ собиранію матеріаловъ о Е. А. Фенцикѣ и публикacji его сочиненій, мы были въ большемъ затрудненіи, такъ какъ изданія, въ которыхъ онъ помѣщаль свои произведенія, относятся не только къ бывш. Угорской Руси, но и къ Галиции, а кромѣ того многія изъ нихъ и вообще являются большой рѣдкостью. Большое облегченіе въ работѣ принесли намъ трудъ Д-ра Н. А. Бескида, который собралъ обширную библиографію сочиненій Е. А. Фенцика, а кромѣ того и дополненія къ ней, сдѣланныя по запискѣ проф. Ф. Ф. Аристова (Москва). Этотъ библиографическій списокъ сочиненій Е. А. Фенцика мы и публикуемъ въ первую очередь, такъ какъ онъ явился ключемъ къ дальнѣйшей работѣ»¹⁴.

Од часу видання в Ужгороді першої бібліографії творів Є. Фенцика ізбігло 90 років. Тот указовач мож означити як дочасний, изложений не научно, не професіонально; але и самі вшорителі не выказовали амбіцій тримати го за научну бібліографію, зато має він одповідну назву – «Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій...» и мав навігвати у 1930-х роках першихъ научників – тотых, котрі бы мали дяку зачати изглядовати творчость писателя Є. Фенцика. У тому бібліографічному указовачі хыблят многі тексти будителя. Вшорителі завели творы, котрі легко дало ся атрибутовати. Приміром, де під текстом стояло имня и прозвище писателя авадь впознаваний кріптонім «Е. Ф.», авадь поетичні творы писателя, підписані ёго літературным псевдонімом «Владиміръ». Межи тым, автор заганяв свої кореспонденції и літературні творы до галицьких русофілських выдань, главно до новинки «Слово». То самое – публикації в ужгородській новинці «Новый Свѣтъ»¹⁵. А на сторонах журнала «Листокъ», закладателём и незмінным редакто-

14 ФЕНЦИК С. А. Предисловіе. In: Собраніе сочиненій Евгенія Андреевича Фенцика. Часть I: Ф. Ф. АРИСТОВЪ, Н. А. БЕСКИДЪ. Хронологическій перечень напечатанныхъ сочиненій Евгенія Андреевича Фенцика..., с. 2.

15 У новинці «Новый Свѣтъ» публикації Є. Фенцика уж суть пописані. *Позирай*: В. ПАДЯК. Ужгородський тижневик «Новый Свѣтъ» (1871–1872): Анотована бібліографія матеріалів та історичний нарис. – Ужгород, 2006, 172 с. *Главно позирай* стор. 91, 149.

ром котрого овін був, многі ёго публикації ся появляли анонімно; и то зато, бо Є. Фенцик ся притримовав редакторської етики. Ищи далші ёго твори, котрі мали політичний підтекст, тыж ся появили анонімно. До того, на наш позір, на сторонках «Листка» Є. Фенцик міг выступати під псевдонімами, за котрі мы днесь нич не знаеме. Приміром, автором публицістичных матеріалів, котрі суть підписані псевдонімом «Торачевъ», може быти Є. Фенцик. То самое, на наш позір, на сторонках «Листка» ся дотыкає літературного псевдоніма «Де Хвастаевъ» (авадь «Де Хвастеевъ»), котрым суть підписані даякі літературні твори, главно гуморістичного характера.

Пристаеме на думку Степана Фенцика, котру він высловив у спередслові до указовача Бескида и Арістова, што бібліографія (нова, научна, повна) стане ключом до усе ищи непознаного творчого наслідства Є. Фенцика. Але зачинати из тым треба чим скорше!

Выше назначили сьме главні задачі про сочасне фенцикознательство. З того дашто на днесь уж ся подарило зділати. У 2021 році Фонд про народностні меншины – Kultminor – підпорив виданя книги творів Є. Фенцика. Сесе книжка выхидит у серії «Русинська класика», у котрів переже выйшла зберька творів Фенцикового сочасника и єднодумника писателя-будителя Анатолія Кралицького (2019). Книга выбратых творів Є. Фенцика під назвов «Твори» (2021) вміщає в собі лем три майважні (из поверьх двасто) літературных творів; суть то повісті «Нищіє духом» и «Учитель-Неборак», а тыж драма «Покореніє Ужгорода». Тішиме ся, што тоты твори уж не будут про заінтересованого русинського читателя даяков «terra incognita». Надіеме ся, што поступно и другі твори писателя подарит ся опубліковати. У 2022 році наплановали сьме выдати далшу книжку творів Є. Фенцика – під назвов «Євгеній Фенцик за славянські літературы». На сесь раз иде за обзоры русинської и других славянських літератур, як то «Очеркъ Угро-русской письменности», «Очеркъ словацкой литературы», «О славянскихъ языкахъ и литературахъ» и др. А дале треба думати на повной виданя ёго поезії...

Євгеній Фенцик, незаслужено забытый, має ся раз вернути до мів – ид русинському читателю!

2. «ВЕРХОВИНА ... СДИЛАЕТ МЕНЯ ПОЕТОМ!»

«Какіе высокіе нравственныя и духовныя устои передавали вѣками предки Фенцика изъ рода въ родъ смѣнявшимся поколѣніямъ, чтобы въ славному нынѣ Евгеніи Андреевичѣ Фенцикѣ могъ воплотиться чистый образъ карпаторусскаго писателя, пріобрѣвшаго своимъ творчествомъ значеніе не только въ Руси Подкарпатской, но уже и за ея предѣлами?»

Дмитрій Вергун

«Фенцик и въ гораздо болѣе тяжелый періодъ сумѣлъ говорить и проповѣдывать національную правду, страдая за свой народъ, но не теряя присутствія духа до самой послѣдней минуты».

Є. Недзелський

Житєвий путь отца Євгенія Фенцика схожий на біографію хотькотрого из карпаторусинських грекокатолицьких священників. Діти попів тыж ставали попами. Так то было и у родині о. Андрія Фенцика, котрый служив у селі Мала Мартинка (Бережська жупа, Угорське корольство; днесь Мукачевський раён Закарпатської області, Украина). У тому селі на бережку, котрый містні люде звали Голицѣв, стояла деревляна церков Різдва пресвятой Богородиці. Отець будучого писателя був добрым пастырём, лишив по собі у селі неумираючу память. При нём у 1852 р. містна церков ся поповнила новым (середнім) звоном.

У тому селі 5 октовбра 1844 рока ся родив Євгеній Фенцик. Отець и мати (Анна Фірцак) старали ся виховати дітей у народнім духу. Як писав єден из Фенциковых біографів Павел Федор, «Его родители происходили изъ старыхъ русскихъ [русинських – В. П.] фамилій и это во многомъ опредѣлило и склонности ребенка. Въ кругу своей семьи онъ уже былъ патріотомъ»¹⁶.

16 ФЕДОРЪ П. Очерки карпаторусской литературы со второй половины XIX столѣтія..., с. 47.

Основну школу Є. Фенцик скончив у своєму селі. Гімназію (вусям класів) выходив в Ужгороді и Сатмарі (днесь Сату Маре, Румунія). Ужгородська гімназія на тот час мала лем шість класів. До сегого класа вна была підвишена лем у році 1856¹⁷. Так же послідный (ци, годно быти, два послідні гімназіалні роки) Фенцику ся прийшло выхажовати у Сатмарі.

Інтерес до теологічного образования привів го до Відня. Туй у Централній грекокатолицькій семінарії при Віденському університеті він ся учив у роках 1865–1868. Сесе были роки політичної трансформації Австрійської державы, вытвореня у 1867 році дуалістичной монархії – Австро-Мадярщины. Лібералні реформи на ранішній етапі тых трансформацій 1860-х років помагали еманципації славянських народів у державі. Културні рухы у Відні, де были репрезентовані скоро вшиткі славянські народы Австрійської державы, поступно выпестовали ідею єдноты межи вшиткыма славянськыма народами. Сесі ідеї заінтересовали молодого Фенцика. Він ся заохотив славістиком, навщивляв лекції познатого словенського австрійського славіста Франца Міклошича. (На лекціях у Міклошича він ся познакомив из галицькым студентом Богданом Дідицькым – будучым редактором многих галицьких выдань русофілського направеня). Туй ся у нёму збудив інтерес до красной літературы. Зачав писати стихи.

Помежи Фенцикові познаємники був Михайло Федорович Раєвський – російський сященик на дипломатичній службі¹⁸. Видав, акурат він був тов особов (як пригадовав А. Волошин, котрый дашто чув од Фенцика за тоту історію, – «один русскій князь»), котра ся причинила до одміны студента третёго рочника богословія Є. Фенцика грошима (23 золоті) за єден из ёго стихів. Ищи як сту-

17 ЯНОВИЧЪ, П. И. Корреспонденція, Унгварь 6. (18.) декабря. *Ін:* Церковная газета, въ пользу Восточно-каѳолической церкви... – Будинь, 1856, № 39, 20. декабря (1. генваря 1857), с. 310-311.

18 Раєвський М. Ф. (1811–1884) – сященик, поважна постава в історії російської дипломатії. У роках 1842–1884 був настоятелём російської посольської церкви у Відні. Общественный діятель славянофілського направеня. В Австрійській державі сповняв функції заграничного контрагента російських Славянських комітетів. Выдтак, посредствовав межи Славянськыма комітетами у Росії и културныма діятелями славянських земель: спомагав фінансами а тыж російськов поліграфієв общественні організації, редакції часописів, націоналну моложаву и студентів, способив ширеня ідей славянофілства, агітовав новинарів-русофілів заганяти свої кореспонденції у славянські одділы російських новинок «Русская беседа», «День» и др. Інформовав російські державні інституції за славянське двиганя в Австрійській державі.

дент Фенцик у 1867 році зачав заганяти свої стихи до редакції пер-
вой русинської новинки «Свѣтъ», котра акурат у тому році зачала
виходити в Ужгороді.

У році 1869 Є. Фенцик був высычений на грекокатолицько-
го попа. Скоро по тому ишов служити до села Богаревиця (мад.
Falucska; Бережська жупа; днесь Берегівський раён Закарпатської
обл.). У селі Богаревиця стояла стара деревяна церков, де и служив
Є. Фенцик до середини 1871 рока.

В архівах Петербурга ся сохраниявут два письма Є. Фенцика, на-
писані о. М. Раєвському до Відня. Из письма од 14 мая 1869 рока,
котре він загнав из с. «Богаревица» (акурат так!), дознаєме ся, же
Фенцик попує («рукоположень во пресвитеры») у тому селі. Тыж
курто він пише за свій сімейный став. Зачим письмо нигда ся не
публиковало, даєме го без покуртань¹⁹:

Христосъ воскрес!

Богаревица Мая 14. 1869

Любезнѣйшій батюшка!

Извините, что я такъ довѣренно пишу къ Вамъ, но я тотъ
самый, который былъ какъ семинаристъ, и я убѣжденъ, что Вы
это благосклонно пріймете. Я слава Богу уже рукоположень
во пресвитеры и увы до сихъ еще обрытъ и острижень, но мы
надѣмся на Господа, что эта окаянная западня бритва уже не
долго будетъ дѣлать съ насъ чубаковъ.

Я женился на Маріи Васовчиковой, дочери одного ревнаго
русскаго православнымъ духомъ обдареннаго священника; фа-
милія его вышла изъ Россіи, принадлежитъ фамиліи Василче-
ковъ, которая здѣсь въ Венгріи теченіемъ времени перемѣни-
лась въ Васовчики.

Я посылаю Вамъ любезнѣйшій батюшка свою фотографію
вмѣстѣ съ супругою, надѣясь, что вы это благосклонно пріймете,
какъ знакъ моей къ Вамъ преданности.

Радъ бы знать, есть-ли у Васъ теперь любезнѣйшій батюшка
требникъ, литургиконъ да часословъ [въ] 8-ую долю московска-
го изданія, – ибо ужасъ какія у насъ богослужебныя книги, – я
хотѣлъ бы ихъ на свою часть пріобрѣсти²⁰, для того любилъ бы
знать и цѣну ихъ.

19 Сесе письмо у Петербургу виявив о.Константин (Тимофеев). Дякуєме му за мож-
ность опубліковати текст письма.

20 У тому письмі на білому полі о. М. Ф. Раєвський записав простов церузов курту
фразу: «Послалъ требникъ, служебникъ и часословъ».

Не забывайте обо мнѣ во своихъ молитвахъ.

Пращайте, весь Вашъ

Евгеній Андр. Фенцикъ,
священникъ.

У 1871 році містні люде по селах Богаревиця, Воловиця и Комловш (днесь Хмільник) зачали выказовали неспокойность. И то зато, як писав Є. Фенцик²¹, бо церковна адміністрація Мукачевської єпархії статус матірної церкви у тів парохії приділила селу Кивяждь (днесь Кам'янське), а далші три церкви у селах Богаревиця, Воловиця и Комловш ставали філіалками матірної церкви. Влада тримала за підбурюючу особу молодого попа Фенцика, а ужгородська мадярськоязычна газета «Ung» опублікувала критичну замітку. Є. Фенцик из честѣв боронив свою репутацію на сторонках новинки «Новый Свѣтъ». Скоро по тому, кедь ся изрушило місто попа у с. Богаревиця, церковна адміністрація приділила Є. Фенцика на новий місто попованя.

У 1871–1872 роках Є. Фенцик служив у селі Буковець на Бережській Верховині (Бережська жупа, днесь Мукачевський раён). В ужгородській новинці «Новый Свѣтъ», де він заганяв свої кореспонденції, Фенцик ся підписовав як «администраторъ Буковецкій»²².

Туй яло бы сочасному читателю объяснить статус «администратора» у грекокатолицькій церкви. Як писав авторитетный знатель традицій грекокатолицької церкви о. Анатолій Кралицький (1835–1894), духовенство ся розділяє на три розряды: парох, администратор и капелан. Далє він розясняв:

«Затем уж следует приходское духовенство, разделяющееся на три разряда: парохов, администраторов и капелланов (сотрудников). Здесь различие только то, что парох – постоянный пастырь известного прихода, администратор – временный, а сотрудник – без всякого служебного срока»²³.

То значит, што молодого сященика Є. Фенцика поклали у Буковець администратором – лем дочасно. Буковець – бідной верховинської село, што ся испрятало межи горами Пікуй, Остра и Рівна на

21 ФЕНЦИКЪ Е. А. Изъ подъ Бескида: Корреспонденція. *Ил:* Новый Свѣтъ, 1871, № 17, с. 3-4.

22 Там же..., с. 4.

23 [КРАЛИЦЬКИЙ А., СІЛВАЙ И.]. О современном положении Русских в Угрии. *Ил:* А. КРАЛИЦЬКИЙ. Князь Лаборець: Выбрані творы / вшорили: В. Падык, М. Павліч. – Пряшів, 2020, с. 314.

пути из Жденієва до Ужка. Але акурат туй він найшов душевний спокій и не без іронії подяковав єпископу («Преосвященному») за то, же го приділив до Буковця:

«... я благодарю Божіе провидѣніе, что позволило мнѣ опридѣлити мѣсто по моему вожделѣнію. Буковецъ – не лгу, если скажу – есть наилучшій приход для мѣня. Здѣсь мало чиновственныхъ занятій; для того могу я свободно предатися любимымъ мною литературнымъ занятіямъ. Правда, я далеко отъ людей, но мнѣ уже наскучало видѣти коварное лицемѣріе многихъ, – впрочемъ, этотъ недостатокъ изобильно выполняетъ здѣсь созерцаніе красной природы и великолѣпія Божіяго міра. Если взгляну на нашъ Русскій Бескидъ, онъ восхищаетъ меня, онъ воспламеняетъ воображеніе мое и наполняетъ сладкимъ вдохновеніемъ грудь мою. Верховина, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаетъ меня поэтомъ! Как же не благодарити мнѣ Божіе провидѣніе и нашего Преосвященнаго, который, чтобъ дати мнѣ досужное время для литературныхъ занятій и чтобъ вселити милый жаръ вдохновенія во грудь мою, назначилъ меня на такъ живописное мѣсто.

Что же касается доходовъ, они, правда, довольно скудны, но однако довольны для того, чтобъ одинъ молодой, еще великаго семейства не имѣющій человекъ изо дня на день прожилъ. А роскошамъ предаватися и не намѣренъ. Когда же умножатся выдатки, тогда, надѣюсь, и доходы нѣкимъ путемъ увеличатся. Для того нѣтъ чого печалиться...»²⁴.

Статус Є. Фенцика ся поміняв, коли церковна адміністрація Мукачевської єпархії іменувала го на пароха села Дусино (Бережська жупа; днесь Мукачевський раён). Туй він («парох Дусинскій») служив од 1873 до 1882 рока. Далє поклали го у с. Порошково (Ужанська жупа, днесь Ужгородський раён), туй из родинов він перебував у роках 1883–1894. Аж наконєць далші скоро девять років (апріль 1894 – децембер 1902) Є. Фенцик служив у селі Великий Раковець (Угочанська жупа, днесь Хустський раён). До того, у році 1896 Є. Фенцика вибрали членом розширеного Засідання консісторії Мукачевської єпархії²⁵. Послідний рік свого житя Є. Фенцик як «приходскій священник», авадь парох служив у с. Горінчево (мадар. Herincse, Мараморошська жупа, днесь Хустський раён). По двох роках хвороты умер 5 децембра (подля старого календаря –

24 ФЕНЦИКЪ Е. А. Изъ подъ Бескида: Корреспонденція. *Іп*: Новый Свѣтъ, 1871, № 17, с. 4.

25 Новости, смѣсь. *Іп*: Листокъ, 1896, № 3.

22 новембра) 1903 рока. Похований у с. Горінчево. (На сайті села Горінчево ніякого упоминку за славного писателя и священника не є).

Кедь говорити сухим языком статістики, Є. Фенцик прослужив церкві повні 33 роки. Служив у 6 селах. У тому, што церковна адміністрація Мукачевської єпархії так часто перемітовала го из єдного міста на другой, научники видят одношеня ид ньому церковного – прямого и непрямого – началства. «Свѣтская власть была противъ него, русская часть духовенства всецѣло на его сторону», – писав П. Федор у 1929 році²⁶. «Можна тільки подивуватися витримці й мужності цього публіциста, якого переводили з парафії на парафію...»²⁷ – резумовав історик о. Степан Пап у 2003 році.

Межи тым, як пригадовав єден их Фенциковых потомків Ендре Байза, Є. Фенцик «из свойов супругов Марійов Васовчик жив примірним родинним животом, воспитуючи 13 дітей. Родителі воститовали свойих дітей из любовью, заботов, из сознаниєм любви до Бога, родної землі, из широким кругозором, воспитали їх русинськими інтелігентами»²⁸.

3. ОД РОМАНТИЗМА ДО РЕАЛІЗМА

«Всѣ произведения Фенцика носят на себѣ печать его чистой набожности, глубокой любви къ своему племени, благородного идеализма, чистого патриотизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальной грусти, причиною которой является отсталость его народа отъ просвѣщенія. Въ его поэзии часто и ясно звучатъ струны меланхолии, задушевности, патриотической душевной боли. Стихотворенія Фенцика отличаются глубокими мыслями, красотою языка и правильностью внѣшней формы».

Августин Волошин

26 ФЕДОРЪ П. Очерки карпаторусской литературы со второй половины XIX столѣтія..., с. 48.

27 ПАП С. Історія Закарпаття. Т. 3. – Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2003, с. 435.

28 БАЙЗА Е. Литературна діяльність греко-католического священника Евгения Фенцика..., с. 8

«Всѣ беллетристическія произведенія Фенцика отличаются, помимо идейности, правдивымъ и реалистическимъ описаніемъ, и въ настоящее время историкъ въ правѣ пользоваться ими для характеристики нашей жизни во второй половинѣ XIX вѣка».

Павел Федор

«Покореніє Ужгорода» (1879)

Доста резонансних на Підкарпатю була тема приходу мадярських племен у Тисо-Дунайську низовину. Подля мадярської історіографії, на пути из Азії у Европу через Київську Русь мадяри привели из собов выдти даяку часть славянського населення. Русинська романтична історіографія, нарубы, доказовала, же мадяры прийшли у Карпатську область не на пустое місто, а стрітили туй славян-аборігенів – високоорганізовану державу карпатських русинів. На доказ того містні писателі свої ідеї реалізували у дакіл-ко творах. Се – романтична повість А. Кралицького «Князь Лаборець» (1863), повість Александра Гомічкова «Покореніє Ужгорода» (1864) и трагедія Євгенія Фенцика «Покореніє Ужгорода» (1879). У рукописі тиж довгі роки обставала поема літератора doby будителства Івана Сілвая «Львовборець».

Жерелом, з котрого авторы начеряли інформації, була мадярська хроніка Аноніма. Анонім – неизвідний автор хроніки «Gesta Hungarorum» («Діяння мадярів»). Як тайник мадярського короля Бейлы III (король правив у 1172–1196 рр.), Анонім лишив по собі твір за похождения мадярських племен и їх діяння током X століття. Тота хроніка як єдина історична пам'ятка споминат тиж на ужгородського князя Лаборця, войско котрого боронило од мадярів Ужгородський град. Анонім не жив у тых часах, за котрі він пише (хроніку написав у промежку межи 1196 и 1203 рр.), зато Анонім мав хосновати майстарші літописні жерела авадь устні легенды; не знати лем, накілко вони были правдиві.

На закладі націоромантичних воззрінь Є. Фенцик спробовав написати класичну трагедію за історію русинського народа. (Штоправда, сам автор означив свою песу як «драму» на пять дій). Песа «Покореніє Ужгорода» повістує за приход мадярських племен

у Карпати и оборону дружинов князя Лаборця Ужгородського замка. (Фенцик хоснує у песі автентичну форму прозвища князя – Лаборц, майже так, як то подає хроніка «Gesta Hungarorum» (*loborc*), то значит не славянізовану назву (Лаборець). Аналогічну назву річки автор подає у женському роді – Лаборца).

Жанр твору мож означити як героїчно-романтичну (іншак як історико-патріотичну) трагедію. Автор показав русинське обшество у момент трагічних суспольно-політичних и економічних трансформацій.

Драматик у традиціях ідейного двигання радикального русофілства написав твір так называним язычієм, котре доста близько одстоит од російського языка. Доста часто у тексті мож видіти доказы слабого знатя автором російського языка. Йому хибит запас лексики, синтаксичні конструкції доста искусственні, неприродні.

За життя драматика песа была напечатана на продовження у львівській русофілській новинці «Слово» у 1879 році (№№ 11-20). Довгі роки за песу нич не писала крітика, ї не брали до увагы містні драматичні кружки, ї не грали на сцені. Лем у середині ХХ століття на тоту літературну памнятку убернули увагу літературознагель-русофіл Петро Лінтур²⁹ и ушорителі хрестоматії літературы другой половкы ХІХ століття пряшівські научники украинської орієнтації Олена Рудловчак и Юрко Бача, котрі напечатали покуртану верзію песь³⁰. У наш час повный текст песь напечатав пряшівський літературознагель и лексикограф Юрій Панько у доста орігінальному виданю «Князь Лаборець в художній літературі»³¹. Штоправда, так Ю. Панько, як О. Рудловчак и Ю. Бача порусчили текст Є. Фенцика, написаний язычієм (!). Вірили в ілузію, гейбы Фенцик писав свої

29 ЛИНТУР П. Драма Е. А. Фенцика «Покорение Ужгорода» // Матеріали ХХІ наук. конф. Ужгородського держ. ун-ту. Сер. філологічна. – Київ, 1967, с. 67-70.

30 ФЕНЦИК Е. Покорение Ужгорода: Драма в пяти действиях// Хрестоматія нової закарпатської української літератури. (Друга половина ХІХ сторіччя): Посіб. для студентів вищих учб. закладів, учнів старших класів середніх шкіл, учителів та працівників культурно-освітніх установ/ Упоряд.: Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1964, с. 187-215.

Олена Рудловчак у 1985 році ищи раз опубліковала тот текст у новій верзії хрестоматії. *Позирай*: Хрестоматія закарпатської української літератури ХІХ століття. Друга частина / Уклад.: О. М. Рудловчак. – Prešov – Košice, 1985, с. 181-201.

31 ФЕНЦИК Е. Покорение Ужгорода: Драма в пяти действиях // Ю. ПАНЬКО. Князь Лаборець в художній літературі: Художні твори о князєві Лаборцєві. – Пряшів, 2008, с. 65-115.

літературні твори російським языком, не лем вни, а скоро вшиткі научники XX и зачатку XXI століть.

За анахронізм мож тримати уже тот факт, же автор на кінцёви XIX столітя пише класичну трагедію у стиховій формі. Песа написана білым стихом, без рімованя. Розмір шорика стиха – п'ятьстопный ямб (хотяй П. Лінтур твердив, же іде за шістьстопный ямб³²). У сілабо-тонічній системі стихосложеня (од *tonos* – надголос) іде вирівнёваня надголошених и ненадголошених складів, їх чергованя. Ямбічний стих – то усе двоскладова стопа из надголосом на другому складі. То значит, же у ямбічному стихови ритмічний акцент припадає на парні (силні) склады. Хотяй подаколи мож видіти пропущеня метричного надголосу, обы однайти специфічну ритмо-мелодіку.

Автор ігнорує правила «трёх еднот» класіцизма; дійство у песі не тримле ся на єднім місті. Автор вольно переносит дійство из єдного міста на друге. У ремарках до пёсы драматик вказує, же дійство ся одбыват у 895 році в Ужгородськім замку ци близько од нёго, в Невичанськім замку авадь у таборі мадярського вождя Арпада, на березі річки Лаборцы ци десь инде.

Тема боротьбы карпатських славян из мадярськими племенами є основов сужета трагедії «Покореніє Ужгорода». Хоснувучи інформації из хронікы Аноніма, автор дає своє товмаченя історії. Як то мож уже было видіти у повісті Кралицького, Фенцик показав на сцені князя Лаборца як старшого чоловіка, котрый не годен ефективно організовати оборону Ужгородського замка. Подля верзії Фенцика, княжество акурат переживало період боярських бунтів и межисобной боротьбы, што гет послаблєвало державу. Автор (доста неприродно про ранний середнєвік!) вказує на три соціалні станы карпаторусинського общества; суть то «рабочій люд», «бідный крестьянин» и бояре.

Лаборц (ищи до прихода у Карпаты мадяр) хоче поліпшити життя роботників, але тото выкликує недовольность помістной арістократії (бояр), котра пробує ся противити централізації и посиленню влады ужгородського князя Лаборца, бо то бы значило послабленя їх прав. Лаборц ледве издержує бунтарьство бояр (їх

32 ЛІНТУР П. В. Євген Андрійович Фенцик // Хрестоматія нової закарпатської української літератури. (Друга половина XIX сторіччя): Посіб. для студентів вищих учб. закладів, учнів старших класів середніх шкіл, учителів та працівників культурно-освітніх установ/ Упоряд.: Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1964, с. 180.

підпорили селяне) из близько и далеко одстоячих околиць Ужгорода.

Коли у державі старіє князь, се викликає боротьбу аристократії за владу. Сісти намісто старого князя на княжий трон хотів бы ужанський жупан Ярослав, котрый хоче про свої корыстливі цілі выхосновати боярський бунт. Ярослав підбурює бояр против князя Лаборца.

Але приход на руську землю смертного врага мав бы исперти у державі межисобну боротьбу и стати главнов причинов консолидованя довкола старого князя ушитких соціальних станів, обы спасти свою отцюзнину од нищення. Князь Лаборц, котрый ся не здогадує за ціль жупана Ярослава, наївно довіряє му быти посередником межи ним и боярами. Він у новій політичній сітуації готовый ити на примиреня из боярами, полівляє їм у їх одвічних правах. Але жупан Ярослав почас стріч из боярами, нарубы, представляє князя як жестокого и кровожадного правителя, котрый ся наміряє їх казнити. Тым самым Ярослав підбурює на бунт против князя бояр Ярополка, Бориса, Мстислава и других. Свада ледве ся не выляла у межисобну розопрю:

Б о р и с

Но сила відь у нас, и он от нас
Зависит, не мы от него; мы можем
Сей час прогнать его и поставить
Хотя кого князем. Не правда ли,
Бояре и друзья?

В с е

Да, словно так!

Обы посилнити драматичный конфлікт и показати трагізм сітуації у державі, котру гет послаблюють свады и межисобні розопрі, автор заводит до пєсы конфлікт межи ужанським жупаном Ярославом и ёго сыном Мірославом. Отець и сын, обає стоят при князєві Лаборцу, еден як ёго радник и корыстолюбный чоловік, другый – як ратник и бесстріберник, котрого любить дочка князя Лаборца Євфросинія, и котрый, годно быти, може претендовати на княжеський трон, и то из благословіня старого князя.

Обає, отець и сын, силуют ся перетягти на свій бік боярську рать. Лем же Мірослав, знавучи за зрадницькі плани вітця, выкрыває го, але бояре тому не вірят.

Жупан Ярослав уж став на путь зрады своєї державы, так же, за тов логіков, мусит зрадити и свого сына. Він ся силує доказати старому князю Лаборцу, же сын Мірослав – зрадця, же він поклик-кав до Ужгорода войско других славянських князів (Святополка, Залана), обы изверечи князя из княжеського трона. Винит він Мі-рослава и у тому, же тот покликав попід Ужгород маляр:

Я р о с л а в

(Один)

Итак, мой сын – против
Меня, мой враг; я воспитал ехидну
При собственной груди своей; а он
Вліятелен при дворі; доч князя
Совсім плінена їм, а князь ни в чом,
За білий світ, не может отказать
Красивой дочери своей; мой сын
На доч вліяет, доч же на отца,
Итак, мой сын, мой враг здісь всемогущ!
(Задумывается)
Проч с ним, он враг, он должен умереть...
Но сердце, чувство его, ах, любов
Природная отца?.. Теперь всему
Молчать! Мой сын противен замыслам
Моїм – проч с ним, ему не должно жить.
Лиш все путём правильным. Все идет
В лад, указ хорошо подіствовавал.
Бояре всі ожесточились на
Князя. Я вірно приближаюсь к ціли
Своей. Мадьяре хлынули на нас, –
Все равно, мні они и пользоваться
Могут. Днесь-завтра я – ужанский князь!

Бояре у послідный момент порозуміли, же Ярослав – інтрігант, же він їм не союзник, а лем тот, хто їх хоче выхосновати про свої цілі, зато їх изробив пособниками у заговорі против Мірослава. И то порозуміли у тот момент, коли Мірослава мали уж засудити на смерть.

Ярославу вдає ся втечи из замка и выкрасти Євфросинію, яку він силов приводит у табор Арпада – вождя мадярських завоюєвни-ків. За рабську послушность Арпад пристає на то, обы поставити Ярослава на князя Ужанського, а Євфросинію, котра гордо ся отка-зує стати жонов Арпада, приказує забити.

Мірослав из своєв дружинов vysлободжає Євфросинію из ма-
дярського арешту. Айбо сеся успішна атака нияк не міняє общу кар-
тину покорення княжества мадярами. И третій раз Ярослав зрадив
свій народ, коли указав мадярам тайну путичку до ужгородського
града. И хоть такой нараз настигла го смерть, айбо мадяры захва-
тили замок, а князя Лаборца, што провбовав тікати гет, повісили на
березі недалеко одстоячої річки.

Оборонці Ужгорода розбиті. Але Мірослав усе ищи ся надіє на
союзеня славянських народів против мадярських завоювників, він
обчекує поміч дружин Святополка и Залана:

Мірослав

Ты здісь, любезна дружина, пришла,
Чтоб отомстить позорну смерть князя!
Наш князь убит – Ужгород же в руках
Врагов, велика часть отечества
Уж покорилась побідителям!
Погибель уж крылья раскрыла над
Ужанскою землей, нас преслідуєт
Судьба, нас преслідуєт чорный рок...
Но не погибло все еще – еще
Живет Паннонія, еще живет
Славянска річ, еще живет Славян
Великий дух!

У фіналі пєсы видиме повный оптимістичных (и зато нереаль-
ных) надій заклик Мірослава боронити свою землю. Видиме клят-
ву вояків умерти за слободу отцюзины: «Смерть иль побіда!» На
тому фоні контрастно звучат пророчі слова Євфросинії:

Всі вы умрете, друзья,
И память наша улетит, как дым...

Автор не занурює ся глыбоко у події кінця IX столітя. Історич-
ный контекст выписаний туй доста условно, без уведеня друго-
рядных історичных фактів, атрібутив той doby а т. д. Тым самым
автор підчеркує, же історичный контекст про нєго – то лем спо-
соб діалога из своїм сочасником. Автор хоче дати отвїт на вопро-
сы, котрі суть важні про підкарпатських русинів у другій половці
XIX столітя, коли політика помадярення веде ид тому, же славянське
житєльство у Карпатах щезне, асіміловане сусідным народом. Зато
слова Мірослава у фіналі пєсы мож потовмачити як убєрнення авто-
ра ид свому сочаснику:

Мірослав

... нас преслідуєт
Судьба, нас преслідуєт чорный рок...
Но не погигло все еше – еше
Живет Паннонія, еше живет
Славянска річ, еше живет Славян
Великий дух!

«Нищіє духом» (1891)

Драма «Покореніє Ужгорода» написана у традиціях карпаторусинського романтизма. Період романтизма в умілецькій творчості Є. Фенцика поязаний тыж из ёго ранішніма поетичныма творами. У послідній четвєртині ХІХ столітя помежи творы карпаторусинських літераторів, котрі ся уж мєнтовали романтизма и хибашнєго дідактізма, мож видіти творы, приближені ид реальному удображеню житя – из психологічнов оцінков душевного става героїв, соціалнов мотивованостєв їх дій и др. Правда, же така еволуція была выкликана самым ходом поступованя європейського літературного процєса; най лєм візьмім популярні у краю творы російської реалістичной прозы – И. Тургєнєва, Ф. Достоевського, Л. Толстого, А. Чєхова и др. У сім контексті яло бы назвати на Підкарпатськів Руси, приміром, творчость піздного А. Кралицького (оповіданя «Екзекутор»), повість Є. Фенцика «Нищіє духом», а на Лємковині – новелістику братів Петра и Амвросія Полянських.

Из 1880-х років у творчості писателя Є. Фенцика зачинавут доміновати соціальні мотивы. Сєсє доста читаво ся провказало у прозі. Поступно писатель переходит на ідеєво-єстетичні основы реалістичного умілства. Акурат в рамках реалізма были написані повісті «Нищіє духом» и «Учитель-Неборак», котрі стали слідным явленям карпаторусинської прозы другой половкы ХІХ столітя.

Повість «Нищіє духом» має черты публицистичного твора. Межи тым, як писав Василь Микитась, ушиткі повісті Є. Фенцика «мають жанрові знакы повістей – и подля хода сужетных ліній, и подля рисованя главных и другорядных постав, и подля маніры вести бесіду то од первой особы, то од автора у ліричных и публицистичных одбочєнях»³³. Мож ся согласити тыж из тверженям ищи

33 МИКИТАСЬ В. Галузка могутнього дерева: Літературний нарис. – Ужгород: Карпати, 1971, с. 160.

єдного научника, Петра Лінтура, аж твори Є. Фенцика до даякой міры суть повістями-хроніками закарпатського життя послідной четвєртины XIX століття. Написані вни суть в слідах тогочасным реаліям, а то значит до даякой міры суть образчиками реалістичной умелецькой прозы³⁴.

Повість «Нищіє духом» убертає увагу читателя на тогочасні проблеми Підкарпатської Руси. Написана, видав, на кінци 1880-х ци самому зачатку 1890-х років, тота літературна штука є документалным потверженням значущих проблем національного и соціално-економічного життя карпатських русинів у мадярській части дуалістичной Австро-Мадярщини. Автор доста реалістично изображує життя русинського села, подає характери простих селян, описує внуторний світ грекокатолицького духовенства, традиційный уклад життя мадярських провінціалных и столичных урядників. У доста карікатурній формі автор изображує парламентську виберанкову систему у Мадярщині, поліційну систему, універзитетське школовання ци даколишню мадярську аристократію (немешів), котра днесь ся силує приспособити ид світу капіталізма. Автор саркастично описує корупцію у тій державі, запроданство мадярських урядників, бюрократізм нотарських урядів, лицемірство сященослужителів, фалошность інтелігенції. Він розоблачає фінансові махінації євреїв-корчмарів, котрі ведно из мадярськими урядниками и панством, нотарськими урядами суть главными експлоататорами русинського селянина – малограмотного, національно індіферентного, асоціального, політично бузучастного и економічно нешколованого. Автору ся подарило панорамно провказати тогочасну Мадярщину, котра обставала доіндустріалнов, нерозвитов державов. Єдным словом, сесь реалістичный твір в умелецькій формі подає читателю образ карпаторусинського регіона у Мадярщині кінцєм XIX століття.

Соціално-політичні трансформації в Угорщині по року 1867, доста часто неуспішні (кедь поровнати їх из реформами в Австрійській части той двуєдиной державы), привели ид тому, што у державі ся не додержовали прав національных меншин. Мадярській владі мусай было визнати, што у своїв властнів державі мадярське

34 ЛИНТУР П. В. Художественная проза Е. Фенцика. *Іп: Тези доповідей до XX наукової конференції УжНУ. Серія літературознавства.* – Ужгород, 1966, с. 47-55.

населення є меншинов³⁵. Сесь фактор став важнов причинов політики асіміляції немадярського населення у державі. Одтак каждый репрезентант національной меншини, обы ся выучити на спеціаліста, изробити кар'єру, быти успішным у роботі, приставав на то, што му мусай «стати мадяром».

Історично так ся исклало, што на селі у русинів были два духовні авторітеты – піп и учитель. У повісті «Нищіє духом» читатель має можность видіти, як під впливом політичного житя у Мадярщині деградує помадярена русинська церковна інтелігенція. Вна дає себе втягнути у процеси непомірного избогачованя и підвышення свого соціального статусу у мадярськів сполочности. Платов за сесе стає упадок моралности русинського (грекокатолицького) попівства, истрата свого авторітета в очах русинських вірників. Сякий сященик одгорожує ся од своїх вірників, він є глухий до каждоденных проблем селян; він стає причинов духовной, а дале и економічної деградації русинського села.

Епіграф у повісті «Нищіє духом», взятий из Біблії («Не надѣйтесь на князи ваши, въ нихже нѣсть спасенія!»), провказує читателю главну ідею твору: Бог поставив сященика в пастырї, в князі людей своїх. Але він, корыстолюбный и лакомый до богатства, зрадив Бога, коли зрадив свій народ. Поет и сященик Иван Пастелій (1741–1799) ищи у XVIII столітю за сесе писав атсяк:

Апостольство тобі єсть поручено
Людей просвіщати от Бога дано,
А ты сам во тьмі ходиш
И всіх за собою вводиш
Во ров пекельный.

Але и в очах мадярського урядника зрадник / ренеґат є підозрілов особов. У повісті «Нищіє духом» мадярський чиновник, ид котрому Коломан Грабовчак ся підлещує, миче му на очі: «...а кто измѣнил своему отцу, тот является ненадежным человеком во всіх предпріятіях».

35 Подля считаня людности 1869 рока шість міліонів мадярів у Мадярщині и Трансільванії (6 207 298 чол.) мали помадярити майже два міліоны німців (1 816 068 чол.), веце як два міліоны румын (2 321 906 чол.), майже два міліоны словаків (1 825 723 чол.), півміліона сербів и хорватів (284 529 чол. + 208 529 чол.) и майже півміліона русинів (448 040 чол.). Доведна людности у Мадярщині и Трансільванії было 13 192 051 чол. (*Цітуєме* подля статістичной таблиці у новинці: Новый Свѣтъ, 1872, № 38, с. 3). *Авадь позирай*: Падыак В. Ужгородський тижневик «Новый Свѣтъ» (1871–1872): Анотована бібліографія матеріалів та історичний нарис. – Ужгород, 2006, с. 156.

Обы показати глибину деградації русинського церковного інтелігента, причини и наслідки помадярення русинів, автор проважує читателю три генерації родини Грабовчаків – Дьєртянфі.

Главнов поставов у повісті є Коломан Грабовчак. Овін – сын селського дяка из бідного верховинського села:

«... отец его был дьяком в Козодоях, но все житье-бытье его не отличалось от крестьянского. Жил он в соломою крытой крестьянской хижині (в сороковых годах еще таковы были дьяковні!), ходил в холошнях и гуні, обувал лапті и заходил с на мужицкий лад приготовленными блюдами. <...> Он был благочестивый старик и, несмотря на свое убожество, чувствовался довольным, ибо высокопарных мечт и желаній у него не существовало».

Дітвацтво хлопця, хотяй отець му дав мадярської имня – Коломан, перебігало у природному русинському окруженю. Дяк сам школював свого сына, він первый розгледів в нёму талант до просвіты. Він ся тыж постарав, обы дітвак скончив у вароші гімназію и пак духовну семінарію:

«Коломан изо всіх сил рвался за наукой. Он не желал заниматься черной работой, не хотіл ходити в лаптях и холошнях, а хотіл статися паном. <...> Когда Коломан сділался слушателем седьмого-восьмого гімназического класса, тогда было уже у него и порядочное содержание и всегда водились и кое-какія деньжонки, получаемыя за уроки, уділяемые тупоумым баричам. Еті уроки доставили Коломану возможность познакомиться с знатнішими кругами общества; одна семья рекомендовала Коломана другой, о нем говорили только с похвалою... <...> Коломан бывал ежедневно в театрі. Кроме сего, очень любил заниматься мадярскою літературой, перечитал лучшие сочиненія всіх современных мадярских белетристов. <...> Дошло до того, что он даже сам составлял мадярскіе стихи и декламовал їх в компаніях. <...> Он зачал почитати себя, по крайней мірі, таким паном, как ті, которым он давал уроки и над которыми его настолько превозносили. Не станем удивлятися, что между такими обстоятельствами Коломан как-то скрывал свое происхождение и ему очень не нравилось, что фамилия его – Грабовчак. (Тогда он был еще Грабовчак, а не Gertyánfi). Он пристал бы уже тогда переименити свою фамилію, однако не хотіл обидіти своего старика-отца, да и не знал тому способ. <...> Окончив гімназический курс, Коломан Грабовчак был воспринят в клір и сділался слушателем богословія. Отец его кріпко настаивал на том, чтобы сын его сділался священником.

Коломан не противился отцу; відь он от дїтства того именно и желал, чтобы сдїлатися священником. Он еще как мальчик часто бывал в домі своего приходскаго священника; ему нравился и его образ жизни, и почесть, [с] которою относились к нему прихожане, а особенно не могло стерться с памяти мальчика, когда приходский священник одівался в блестящія ризы и совершал богослуженіе. Невинная душа мальчика полюбила священническое служеніе и его что-то інстинктивно влекло, чтобы он тоже сдїлался совершителем такого високаго служенія. Никогда не чувствовал Коломан бѣольшую радость, как того дня, когда он первый раз облекся в талар; ему так казалось, что теперь осуществились всі его задушевныя мечты».

Коломан за каждую ціну ся хоче стати паном. Задля того поміняв своє славянське прозвище на мадярське. Оженив ся на мадярці Луйзі – дочці новтароша Гейзы Ньюзова. Веде світський образ життя. Помежи ёго познаємники и цімборы – самі лем мадярські урядники и землепаны. В ёго хыжі мож чути лем мадярську бесїду. Діти виховує у духові мадярських традицій. Ёго стихы ряснівут мадярським патріотизмом. Їх печатавут будапештські літературні журналы...

До верховинського села Зарваниця, свого первого міста попования, молодый сященик Коломан Дьертянфі прийшов уж печеным ренегатом. И туй (а за два роки на новому місті – у с. Заломы) він гоносно позирає на селян. Про нёго (а ищи білше про ёго жону попадю Луйзу) русины-вірники – то усе «полулюди», «дикарі», «обдертыє русначки». У бесїді из містным євреєм-корчмарем Германом Розенцвайгом, из котрым має ґешефт и котрый ненавидит русинів и твердит, же «хлопы – то свинї», отець Дьертянфі соглашає ся из тым и додає: «Відь не дурный то выдумал, что русин токмо печеный добрый»!

Сященик-ренегат отець Дьертянфі має свою візію на будучність вшитких русинів в Угорщині. Каждый русин має прийняти мадярську ідентичность:

«...предложил цілыє планы, по каким намірен он поступати как священник, чтобы вывести їх из теперішняго коснінія, возбудити в них горячий патріотизм и сдїлати їх настоящими мадярами. «Русский народ до тіх пор, – выразил он свою задушевную мысль, – не вымотается из своего полудикаго состоянія, пока не сдїлається настоящим мадярским»».

Лем на старі коліна о. Дьєртянфі признає ся, *«что народ стал смотрѣти на священников, как на своїх притѣснителей. Народ начинает отчуждаться от своих пастырей, начинает ненавидѣти их»*.

У повісті «Нищіє духом» май помадареным ознав ся акурат сын Коломана – Гейза. Автор удѣлив доста увагы сів літературнів поста-ві. Репрезентант третей генерації родини Грабовчаків – Дьєртянфі, сесь образ є сімволом повной деградації асімілованого народа. Гейза уж ани русинську бесѣду не знає, тримле ся мадяром и гоносно позирає на «русначков» и «товтов» (словаків). У житю Гейзы не є нияких моральных засад ци амбѣтных планів. Він ся не справує так, як треба, ани в школі, ани на універзитеті, ани у духовній семінарії. На правника ся записав до Будапештського універзитета, але веще ходив поза універзитет, чим на лекції и семінары. Обстав без діпло-ма. Кедь уж не мав жадной шансы найти дома роботу, пристав на то, же піде ся учить на грекокатолицького попа. Лем вдяка вітцѣ-ви ся вышколовав на попа. Але ай так сесь піп-мадярон не находит путь властной реалізації и наконець ся стає паницѣв.

Є. Фенчик взяв за основу сюжет знамой Духновичовой мініа-туры «Басня противо стыдящихся своей народности». Главну ідею того твора він уплатнив у розвязці повісті. Коломан, якого житя бе из вшитых боків, обективно оцінює свій статус: кѣлько енергії він доклав до того, обы ся стати мадяром, ай вірників своїх, ид тому силовав, и сына выховав у підданицькому дусі, но ани він, ани сын в очах титульного народа не мавут почести и довірѣя; иншак повісти, тримавут їх за «москалів»:

«Я, увы, из опыта убѣдился, что нас всегда подозревают в каких там, нам вполне неизвестных замыслах, в гравитации на вни, пожалуй, даже в измѣні отечеству! Я всею душою послужил мадырскому ділу, писал мадырскіє стихи и повѣсти, мадырізовал в церкви и в школі, стыдно признаться, пресмыкал пред сильными мира сего, во всѣм потворствовал їм; а наконець вышло, что сын мой, который ни на шаг не уступает мнѣ в мадырізаторских стремлениях, не надежен быти даже простым нотариусом в Заломах, ибо он греко-католик, стало быти – панслав, москаль и чорт его знает что!»

На фоні многих негативных літературных постав у повісті «Нищіє духом» автор провказав позитивный образ отця благочинного. Старший и опытный священник, він не стратив духовну близ-кость из своїм народом, він декларує ідеї національной оброды

русинів и у тяжкий час політичного противостаня обстає ведно из своїми вірниками:

«... в Угорщині живет полуміліонный русский народ, который, несмотря на то, что всегда был вірным своему отечеству, что всі патріотическія должности свої примірно выполняет, живет в полудиком состояніи, ибо о просвіщеніи его никто не заботится, а заботятся лиш о том, чтобы он чім скоріє забыл свой язык и сдѣлался холодным к своей вірі».

Фактично, благочинный вістує устами автора Є. Фенцика, котрый на сторонах свого «Листка» як публіциста веце раз укаряв владі, что русины в Угорськѣм корольствѣ усе были патріотами; и днесь суть патріотами у своїв Мадярськѣм отцюзнині. Лем же дашто ся показило у державі! Недобра політика односно національных меншин стала причинов помадьярення русинів. Главный одказ Є. Фенцика, межи тым, адресованный русинам: не забудьте на свое – язык и віру, не перечиніть ся на «нищіхъ духом»:

«... когда вокругъ насъ ото всѣхъ сторонъ раздаются такіе голоса, что в Угорщинѣ Русскихъ нѣтъ, мы засвидѣтельствовали, что въ Угорщинѣ живетъ полумилліонный русский народъ, который съ прадѣднею вѣрностью прилѣпляется къ своему угорскому отечеству, любитъ его и из-за него готовъ на всякую жертву; но не менѣе любитъ и свою русскую рѣчь, свой прадѣдный русский обрядъ и далеку отъ того, чтобы далъ совершати надъ собой постыдную и противуестественную операцію вынародовленія»³⁶.

«Учитель-Неборак» (1895)

Ведно из попом духовным авторітетом на селі усе быв учитель. Кедь сященик ся измагав о віру и обряд, то учитель школовав діти и сокотив русинський язык. Історично ся стало так, што школа была під опіков церкви, а діточки учив селський дяк, авадь дякоучитель (півцеучитель), котрый мав скончити дварочні курсы при духовній семінарії. Реформа просвіты у Мадярщині у другій половці ХІХ столітя предпаладала, што школа буде фунговати у рамках державной правовой сістемы и што на село прийде робити учитель-фахман.

36 [ФЕНЦИК Е.]. По поводу десятилітїя издаванїя «Листка». Іп: Листокъ, 1895. – Годъ ХІ. Нрѣ 18. (15. сентябрю), с. 205.

У повісті «Учитель-Неборак» старого дяка Константина Білогорку у русинському селі Яблоновка має вимінити новий педагог. Автор провказує читателю двох молодих учителів. Обое суть фахманы. Оба два суть русины. Обое уж стали на путичку помадзярення. Вни дадут собі мадьяризовати імя и прозвище: Владимир Неборак стає Аладаром Neboráky (Неборакі), а Міша Баранчишин міняє фамілію на Bárányfi (Бараньфі). Бо, як Баранчишин ся одкрыто признає:

«...я не отрекся своего отца, а переименил свое имя на мадырское, ибо так надюсь преуспивати и устроить свое счастье!»

Оба два – Neboráky и Bárányfi ся залюбили у Білогоркову дочку Лізеньку – красну молоду дівку. Из подобнов сюжетнов колізієв читатель уж ся стрічав у русинській літературі. У комедії Івана Даниловича (Івана Корытнянського) «Семейное празднество» (1867) молодый містный землепан Кирилл Чумаков (Карл Csomakövi) утаїв своє русинське походження и гоносно позирав на русинську народну культуру, докля ся не залюбив до Оленки.

Так Лізенька у повісті «Учитель-Неборак», як Оленка у песі «Семейное празднество» суть виховані у ліпших традиціях русинської народной культури. Обы заслужити їх любов, так Баранчишину, як Чумакову мусай крітично осмыслити своє життя и стати ся русинськыма патріотами.

У повісті «Учитель-Неборак» автор еkleктично искапчав два умелецькы методы – реалізм и соціалну утопію. У першій часті Є. Фенцик на продовження своїх публіцистичных выступів крітично осмыслює систему просвіты про національні меншини. У Мадярщині, де про немадьярські народы заказана просвіта у народнім языку, де школаші-русины ушиткі учебні предмети, як то математика, географія, фізика, біологія, хімія и т.д. учат по мадьярськы, шкода чекати на добру успішность учеників:

«...учители – это наёмники, которые не о том заботятся, чтобы обучать народ, а о том, чтобы удостоиться награды за его омадьярщенье. В самом ділі, наши школы, собственно, не школы; в них відь не обучают знаніям, а весь интерес сосредоточили около того, чтобы вводить мадырский язык. Положеніе наших школ таково, что оно даже не дает сравниться с положеніем школ мадырских. Мадьярскія діти обучаются знаніям, а наши – чужому языкознанію. Понятно, что при таком состояннї діла наши школы и

наши діти должны остатися назаді и не могут в успіхї сравнитися с тїми школами, в которых нїт никаких преград для успїха».

Дві главні літературні постави у повісті «Учитель-Неборак», а то Володимир Неборак и Міша Баранчишин, суть антіподами. Ясною діло, оба два суть претенденты на сердце и руку Лізеньки. Але, главно, конфлікт ідейних концепцій, носителями котрых суть тоты дві постави, викликає авторські роздумованя на тему ролі інтелігенції в історичній долі народа:

«Если каждый образованный человек оставляет свой народ и примкнет к чужому народу, тогда, разумеется, в народе останутся самые необразованные. Бедный русский отец и мать рожают образованных лишь для чужих, а для своего народа – лишь таких, которые не достигли никакой степени гражданственности. Да, между угрорусским народом нїт інтелігенції, ибо інтелігенція змінила своєму народу, сділалась ренегатами. Вот для чего не замїтно между нашим народом никакого преуспїянія».

У другій часті повісті, у духови соціальної утопії, автор спробовав провказати читателю образ ідеального русинського інтелігента и так кукнути до будучности русинів. Учитель Неборакі (як то у повісті «Нищїє духом» ся стало из Коломаном Дьєртянфі) деградує; люде виганяють го из села. А вчорашний *Bárányfi*, а днесь назад Міша Баранчишин, високо несе призначеня народного учителя. Нова прогресивна система школованя, котру у Яблонівці завів учитель, позитивно вплинула на успішность дітей, але тыж на родичів. Поступно у селі зачинають процвітати ремесла и комерція. Село багатіє; за пар років вно пригадує процвітаючий варош, у котрому живут щастливі люде.

Чи вірив автор Євгеній Фенчик у таку будучность русинів? Видав, вірив, бо цілою своє життя поклав на оltарь просвіты русинського народа. Як добрый пастырь и добрый учитель!

Доц. Валерій Падяк,
кандідат філологічних наук

(статя написана у підкарпатському варіанті
русинського языка)

ПОКОРЕНІЕ УЖГОРОДА.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

(Посвящается столѣтнему юбилею ужгородской духовной семинаріи Владиміромъ.)

Дѣйствующія лица:

Лаборцъ, князь ужгородскій.

Евфросинія, дочь его.

Людмила, подруга ея.

Ярославъ, жупанъ ужанскій.

Мірославъ, сынъ его.

Ярополкъ,

Борисъ,

Мстиславъ и другіе

} бояре и жупаны.

Арпадъ, князь мадьярскій.

Герольдъ.

Татошъ, жрецъ мадьярскій.

Славянскіе и мадьярскіе воины, чернь мадьярская.

Происходятъ 895 года въ крѣпости ужгородской, — нынѣшней духовной семинаріи, и невичанской, въ таборѣ мадьярскомъ, подъ стѣнами ужгородскими, и на берегѣ рѣки Лаборцы, въ нынѣшней земланской жупѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Теремъ у князя.)

ЯВЛЕНІЕ 1.

Лаборцъ одинъ.

Я утомился симъ правленьемъ ужъ;

Труждаюсь въ день, въ ночи спать не могу

Отъ тягостныхъ заботъ. Искою средствъ

Которыми возможно бы создать

ПОКОРЕНІЄ УЖГОРОДА

Драма в пяти дійствіях

*Посвящается столітньому ювілею
Ужгородской духовной семінарії*

Дійствующія лица:

Лаборц, князь ужгородский

Євфросинія, доч его

Людмила,* подруга єя

Ярослав, жупан ужанский

Мірослав, сын его

Ярополк

Борис

Мстіслав и другіє

} бояре и жупаны

Арпад, князь мадьярский

Герольд**

Татош, жрец мадьярский

Славянскіє и мадьярскіє воины, чернь мадьярская.

Происходит 895 года

в кріпости Ужгородской – нынішней духовной семінарії,

и Невичанской,

в таборі мадьярском,

под стінами ужгородскими и

на берегі ріки Лаборцы в нынішней Земплинской жупі.

* В первопечатному тексті пєсы (туй и дале) стрічаєме подвоєну букву “л” в имени «Людмила». Видав, туй проскочила явна хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

** **Герольд** (од лат. heraldus; герольд = вістун, извіститель, вістник) – довжність (посада) у войську князя Лаборця (зазначка вишорителя – В. П.).

ДІЙСТВІЄ І¹

Терем у князя

Явлення 1

Лабориц
(Один)

Я утомился сим правленьем уж;
Труждаюсь вдень, вночи спать не могу
От тягостных забот. Искою средств,
Которыми возможно бы создать
Благополучный быт в своей землі.
Хороши законы созданы, но
Нельзя всім угодить, дозлетворить
Нельзя боярам вмісті и народу.
Рабочій люд хотіл я облегчить,
И вот – волнуется бояр могучій клас.
А бідный крестьянин, во сліпоті
Своей, идет за ним. Чего же ділать?
Я обуздать хотіл бы злых бояр;
Но одного смирю, другой же
Причинит бунт и пагубно смятенье,
И потрясет мой княжеский престол.

¹ Язык первопечатного текста драмы «Покореніє Ужгорода» (вна ся печатала на продовження у лвівській газеті «Слово» у році 1879) мож означити як «язычіє», авадь «традиційный карпаторуський язык» XIX столітя. Доднесь сесь твір майже ся не перевыдавав (весе інформації *позирай* розділ «Комментарі и зазначкы»), а вшиткі наміреня перевыдати го ся скончили переробков языка драмы на російський манір. Зачим наше видання націленої на сочасного русинського читателя, сесь архаїчний “язык” передали сьме у транслітерації русинськов кирилков. Весе за основы «язычія», правилда и проблемы транслітерації тестів, писаных в «язычію», *позирай*: додаток «Язычіє. Прінціпы и проблемы транслітерації творів (не лем) Є. Фенчика», с. 385 (зазначка вишорителя – В. П.).

Ніт, строгость здісь не стоїт ничего.
Итак, простить мятежное волнение,
И не внимать роптанью непокорных?
Но сим я обнаружу слабость,
И княжеской лишуся чести. Мні
Об етом много должно размышлять.

Явленіє 2

(Ярослав входит)

*Лаборц
(Про себя)*

Презріть ли все иль наказать бояр?

*Ярослав
(Про себя)*

Так точно, с бунтом торопится он.

(Вслух)

Пресвітлый князь, с печальной вістью я
Пришѣл сюда: новійшіе законы
Ужасно взволновали клас бояр.

Лаборц

Я знаю это, жаль конечно, жаль!

Ярослав

Везді, гді только появишся лиш,
Негодованія слышать мятежный
Глас; всі бояре негодуют на
Тебя, что отняты у них права,
Которыми от незапамятных
Времен пользуются они; проста же
Чернь сліпо слідует приміру злomu
Своіх господ, бояр. Днесь-завтра, князь,
Прольется кров в страні Карпат безмолвной,
И наш народ миролюбивый вдруг
Разовьет прапор пагубнаго бунта.
Нам должно ділать, князь, пока еще
Не вспыхнул явно огонь злосчастных січ.
Пока лиш тлієт – легко загасить
Огонь, но тяжко, если пламя весь

Кров об'яло. В зародыші бунт нужно
Нам задавить.

Лабори

Итак, новоизданный
Придет нам отозвать закон, чтобы
Отнять причину недовольности.

Ярослав

Не дай
Нам, Боже, мысль таку, пресвітлий князь,
Відь етим показал бы слабость ты
Свою, а зла вовсе не отдалил
Бы – строго нужно поступать тобі
Да чередой наказывать мятежных.

Лабори

Ніт, строги міры здісь опасны, друг:
Оні лиш разъярят бояр,
И вызовут конечное упорство.

Ярослав

Не знаєш, князь – прости – людей своїх,
Когда приписываєш їм такой нрав;
С них многіє – подлинные зайцы,
И скроются, как скоро загремит
Могучій глас князя.

Лабори

Мні кажется,
Что лучше было б красным² способом
Увіщевать бояр, чтобы законы
Учились почитать.

Ярослав

Вірь, ето, князь,
Не пользовало³ б ничего. Така
Необдуманна мягкость подала б
Причину нікотрым думать, что

2 **Красный** – у значеню «порядный», «добрый» (зазначка вишорителя – В. П.).

3 **Не пользовало б ничего** – туй у значеню «мало з того буде хосна». Явна стилістична грішка (зазначка вишорителя – В. П.).

Владыка-князь боится подданных
Своих, и вѣрь, пресвѣтлый князь, нашлись
Бы люди здѣсь, которые б посмѣли
Изгнать с престола своего князя,
Чтоб похитить начальство. Здѣсь
Пролилась бы ручьями братска кров,
И кто бы мог ручаться днесь, что княжеский
Престол твой не потрясся бы? Народ
Наш странный: если строг да силен князь,
То он смирен, покорствуєт, трепещет;
А если замѣтил, что государь
Слаб, о, тогда готов роптать, кричать,
Вооружиться силой на него.

Лаборѣ

Итак, ты строгость совѣтуєш мнѣ.

Ярослав

Конечно, Государь.

Лаборѣ

Чего ж начать,

Какія мѣры предпринять теперь?

Ярослав

На двух зачинщиков крамолы, князь,
Опалу наложи.

Лаборѣ

Которые ж

Они?

Ярослав

Борис и Ярополк.

Лаборѣ

Нѣтъ-нѣтъ.

Опалу – нѣтъ, нельзя; вѣдь это, это, друг,
Знатнѣйшіе бояре в княжествѣ
Моѣм.

Ярослав

Так что ж? Ты должен показать,
Что не боишься их. Они давно

Враждуют, Государь, против тебя;
Їх ціль – лишить тебя престола и
Хотя б над розвалинами сей кріпости
Ужанской завладіть землѣй. Итак,
Пока ті два врага твої свободны,
Вірь, Государь, покой не может жить
Во княжестві твоєм.

Лаборц

Но если я
Опалу наложу на сих бояр,
Всі прочіе повстанут на меня,
И лиш тогда начнется, что не было,
Тогда начнется мятеж в полноті
Своей, да потрясется княжеский
Престол...

Ярослав

Ты ошибаєшься, Сударь;
Всё зло затіивает Ярополк
С Борисом, ето відь начальники
Да предводителі мятежников.
Как скоро їх не станет, всі смирятся
И беспокойствіе престанет, ибо
Лиш еті два иміют смілость, бодрость,
А прочіе – страхаются и тіни
Своей. Итак, рішися, Государь,
Вот всё готово!

(Вынимает пергамен⁴)

Подпишись.

(Передаст Лаборцу пергамен)

Лаборц

(Приняв пергамен, читает)

Ніт-ніт,
Борис и Ярополк не провинились
Єще против меня – я не могу
Їх столь жестоко оскорбить.

4 **Пергамен** – застаріла форма слова «пергамент» (зазначка вишорителя – В. П.).

Ярослав

Твоя,

Владыко, воля, руки мою я
Свої, но если под стінами, князь,
Сей кріпости явится полк мятежных,
Которым будет предводить Борис,
Иль Ярополк, и если княжеский
Престол твой развалится, Государь,
А ты изгнанником в землі чужой
Скитаться будеш, если – страшно и
Подумать – будут весть тебя на казнь
Мятежники, тогда, пресвітлый князь,
Меня не упрекай...

Лаборц
(Подписується)

Довольно, друг!

(Передаєт єму пергамен)

Здісь княжеска рука; спіши, вели
Бориса с Ярополком оковать.

Ярослав
(Покорно принимає пергамен, про себе хитро)

Итак, вновь ближе к цілі [я]⁵ своєї.

(Уходить)

(Лаборц в раздум'ї ходит по комнаті,
как вдруг боковою дверью)

Явлення 3

(Входить Євфросинія)

Євфросинія

А х , батюшка, как ты угрюм, тебя
Смущаєт непокорность подданных;
Тебя тревожат ті волненія
Бояр. Сколь много заботишся ты

5 У квадратних скобках (туй и дале) додали сьме пролишеной автором слово (авадь часть слова), котрі туй хыблят подля смысла и сістемы вершованя (азначка вишорителя – В. П.).

О благе подданных своїх, весь день
Томишься, работаєш – полно, полно,
Тебі уж нужно отдохнуть, поди,
Пожалуй в комнату свою; пора,
Чтоб ты нічим⁶ там рассіялся.

Лаборц

Любезна доч, я не могу забыть
Неблагодарность подданных; днесь не
Развеселяться мні.

Євфросинія

Не знаєш ты,
Отец, что приуготовила доч
Тебі, – увидиш, ты развеселишся
Днесь.

(Лаборц уходит боковой дверью).

Явленіє 4

(Людмила входит)

Євфросинія

Бідный батюшка, всегда томится
Да думает, а пользы нїт с того;
Вїдь каждому и ангел угодить
Не может. А кто знает, вірны ли
Совїтники его? Не странно ли
Тебі, Людмила, то, что Ярослав
Ма[й]струет здїсь? Мні кажется, что он
Лиш обманом, інтрїгами живет...

Людмила

Конечно так, его наружность и
Мні как-то подозрительна.

Євфросинія

Его

Чело угрюмо, потаємно ходит.

6 **Нічим** – туй автор мав бы выхосновати *русин.* «дачим»; *російськ.* «чем-нибудь». Видав, причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором *російського* языка (*азначка вшорителя* – В. П.).

В душі его коварной должна жить
Какая-то измінническа ціль.

Людмила

Глаза его блуждают как-то робко,
Сам он ползет землею, как змія,
А сли со взглядом встрітишся его,
То он тотчас потупит хитрый взор;
Он вірно наш – найопаснійший враг.

Євфросинія

Я должна предостерегать пред ним
Отца. Но для чего мы зачали
Сей разговор; не дівушкам судить
Об етіх ділах. Ярослава бросим
Проч.

Людмила

Лучше, сли заговорим о сыні
Его, не правда ли, княжна?

Євфросинія

Твоя

Свободна воля, милая другиня.

Людмила

Конечно, нам приличніє, сужу я,
Поговорить о Мірославі, чім об
Отце его. Відь нужно же признать,
Что Мірослав – надежда наша днесь.
Как воин – первый он; діла его
Рыцарскія в цілой Паннонії⁷
Слывут: он вірный сын отечества,
Готов пролить и кров свою за нашу
Славянщину, да он к тому красив
И молод, словно цвіт весны.

7 **Паннонія** (лат. Pannonia) – туй и дале у первопечатному тексті драмы «Покореніє Ужгорода» (1879 р.) автор хоснує традиційной про російську орфографічно-орфо-епічну норму (а тыж про «язычіє») написаня топоніма «**Паннонія**» – из подвос-ням буквы "н". Хотяй сочасна русинська орфографічна норма требує написаня без подвосня («Панонія»), россудили сьме лишити авторський варіант написаня того слова як дань старій традиції письма (зазначка вишорителя – В. П.).

Євфросинія

В глазах

Его горит какой-то странный хмель,
В движеніях же обнаруживает
Дух благородный он, а взгляд его
Внушает твердость воли, с чім-то ніжним
Соединенную; мужеский глас
Его так и трогает грудь. Людмила,
Ему нельзя противустать –
Пліняет он...

Людмила

Признанье хорошо

Из уст твоїх.

Євфросинія

Да, дух его плінил

Меня, и должен каждого плінить, кто
Уміст оцінить геройство, храбрость,
Дух кріпкий да любов к отечеству.

Людмила

Да он, как вижу, уж совсім вскружил
Головушку твою, моя княжна!

Євфросинія

Он, признаюсь, обворожил меня,
И что ж? Людмила, знай: не стыдно мні
Пліненной быть мужчиною таким...

Явленіє 5

Мірослав

(Входит)

Здравствуй, княжна, – гді князь? Вість важну

должно

Мні сообщить ему.

Євфросинія
(*Приближаясь к Мірославу, ніжно*)

А мні нельзя
Узнать, какая его вість?

Мірослав

Почто
Тревожить грудь твою печальной вістю,
Красивое дитя?

Євфросинія
(*С апрегензією⁸*)

Итак, теперь
Для Євфросинії у Мірослава
Ніт вісти никакой?

Мірослав

Была бы, но...

Явленіє 6

Лаборц

(*Входит. Євфросинія и Людмила, садясь на диван,
разговаривают, позже уходят*)

Авось⁹ и ты какой-то худой вістю
Пришёл язвить мою грудь, Мірослав?

Мірослав

Конечно, вість моя не лиш для нас, —
Для всей Паннонії ужасна, князь!

Лаборц

Чего придется мні слышать еще?
Ну, говори, любезный Мірослав.

Мірослав

Ужасная гроза хлынула, князь.
На весь славянский мир...Ты, думаю,
Слышал об Уграх уж, о том чужом
Свиріпом племени?

8 **Апрегензія** (лат. apprehensio) – едновременной восприимания и восторг (зазначка вишорителя – В. П.).

9 **Авось** (російськ.) – русин. «годно быти», «видав» (зазначка вишорителя – В. П.).

Лабориц
Да відь Мадьяре
Остановились над Дніпром.

Мірослав

Они

Оставили Славян Полянских, чтоб
Занять Паннонію, гді некогда
Аттіла царствовал, тот «божий бич»,
Свиріпый гунский царь, котораго
Мадьяре¹⁰ считают предком и так
Паннонії роскошные равнины –
Наслїдієм своїм.

Лабориц

Значит, ты мні
Доносиш, что Мадьяр ужасны полки
Идут на нас.

Мірослав

Они уже в твоїх

Владініях, біглецы доносят, что
Перешагнули уж хребет Карпат
И прямо к нам идут – к Ужгороду!

Лабориц

Но вірна ль ета вість?..

Мірослав

В ней сомніваться

Нельзя, пресвітлый князь, відь біглецы,
Из разных стран спасавшіеся, всі
Однако говорят об їх внезапном
Нашествїи. Но здісь довольно знать,
Что Угры – в княжестві твоєм, да вспомнить
О дикости, свиріпом нраві їх.

10 Туй и дале у первопечатному тексті драмы «Покореніє Ужгорода» (1879 р.) автор послідователно (што не мож уповісти за другі ёго творы) хоснує традиційне про російську орфографічно-орфоепічну норму (а тыж про «язычіє») написаня етноніма «Мадьяр»/«Мадьяре», а тыж ёго одведень («мадьярский» и др.) – из розділюючим мягкым знаком, по котрому буква "я" высловлює ся як споєня [й+а]. Хотяй туй не иде за авторський стил, а лем за традицію письма, рассудили сьме лишити сесь варіант написаня як дань старій традиції письма – без того, обы транслітеровати го ближе гу живій бесіді русинів, як то «Мадяр», «мадьярский» (зазначка вишорителя – В. П.).

Лаборц

Ужель свиріпствуют да мучат мирный
Народ?

Мірослав

Ужасно вспомнить, Государь,
О том, что говорят о диком нраві
Мадьяр: пепел¹¹ и кров – їх страшный слід;
Селенія сожжены, діти и
Немощны старики лежат бездушно
В крови, дівицы силой оскверняются.
Ніт алтарей, церквей, священников:
На месті первых – чорный дым клубится,
Служителі-ж церковные – убиты.
Пуста карпатская страна, избито
Да разрушено всё; и гибель чорна
Раскрыла крылья над Верховиной,
В которой Угры появились уж...

Лаборц

Итак, наш долг – защита, друг; против
Мадьяров должно нам сей час послать
Бояр со дружиной.

Мірослав

Конечно, князь.
Мішкать нельзя, миг каждый дорогой.

Лаборц

Но это невозможно.

Мірослав

По какой
Причині, Государь?

Лаборц

Не знаєш ты?
Бояре взволновались, не хотят
Повиноваться нам – зміна, бунт,
Раздоры да мятежное волнение
Царствует днесь в злосчастной сей землі.

11 Пепел (російськ.) – русин. «попель» (зазначка вишорителя – В. П.).

Мірослав

Но сли увидят общую опасность,
Смирятся всі, и вірно соединятся,
Чтоб отразить врага.

Лаборці

Не думаю,
Юноша благородный, ніт. Славян
Не вразумит їх общая опасность.
Когда бы їм соединяться и
Єдинодушно стать против врага,
Они тогда, увидиш, станут меж
Собой ссориться, и брат обнажит
На брата меч; а если побідит
Один, другой пойдет к врагу просить
Врага, чтобы помог ему убить
Родного брата; знай, раздоры да
Вражда родная, братская – Славян
Уничтожат...

Мірослав

Но нам в сей грозный час
Бездільничать нельзя...

Лаборці

Ты прав, безділье
Днесь было б непростительно. Чего ж
Во первых яться нам?

Мірослав

Созви бояр,
Да повели, чтоб чім скорій на бой
Приготовили дружину и шли
Навстрічу грозному врагу, чтоб сей
Не мог врасполох напасть на нас хоть здісь.
Но так как мы одни противустать
Не можем столь численному врагу,
То нужно вдруг¹² воззвать сосідных нам
Князей, чтоб слали нам на помощ рать,
Чтоб шли опасность общу отразить.
Відь Угры днесь всему Славянству грозят
Конечной гибелью...

12 Вдруг (російськ.) – русин. «нараз», «чим скорі» (зазначка вишорителя – В. П.).

Лаборц

Все хорошо,
Но знать, бояре слушать нас не будут.

Мірослав

Опасность обща, князь, – они в біді
Не будут бунтовать.

Лаборц

На них надежды
Ніт...

Мірослав

Для чего бы не была?

Лаборц

Борис

Да Ярополк – мятежники, против
Сих двух опалу подписал я днесь.

Мірослав

Ах, как ты промах сділать мог такой?

Лаборц

Відь мні отец твой дал совіт такой.

Мірослав

(Про себя)

Я знал, что мой отец – измінник, но

(Вслух)

Єще все не пропало, у меня
Надежда, что удастся мні вліять
На сердце доброе бояр, сынов
Отечества, и возбудить любовь
К отчизні в них. Они прельщены ніким
Измінником, и блудят в темноті,
Но сердце благородно у Славян.
Надежда єсть: славянскіє орлы
Слетятся бессомнінно, чтоб спасти
Свою Паннонію. Но ты, Сударь,
Будь так добр, отозви свое рішеньє
Противу Ярополка да Бориса,
Иначе с ними о поході днесь
Не говорить...

Лабориц

Но твой отец уже
Авось и міры предпринял против них.

Мірослав

Лиш дай мні уполномоченьє, князь,
Чтоб дѣйствовать во имени твоєм.
Я от отца, авось, еще достигну
Отнять злосчастное распоряженіє.
Оно, мні кажется, останет тайной.
А если б запоздался я, тогда
Во имени твоєм уничтожу
Распоряженіє твоє, тебя
Же извиню.

Лабориц

Здѣсь полномочіє, –
(Подписуєт пергамен и даєт Мірославу)
Спіши же дѣлать в имени моем.

Мірослав

Благодарю, князь, за довірїє.
Знай, что возможно будет только мні,
Исполню вірно я.

(Уходит).

Явленіє 7

Лабориц

(Один)

Еще сего

Недоставало нам, ужасно и
Подумать, здѣсь спасенія нѣтъ, вот дѣла –
Раздоры, несогласіє, извнѣ
Же грозит столь ужасный враг. Погибло
Славянство и Паннонія; всему ж
Причина – несогласіє... О как
Бы мог смѣяться Славянин толпѣ
Свирѣпых азіатцев, если бы

Славянство было – дух один, и сли б
Славянами от севіра до юга
И от востока – до стран запада
Мысль правила одна... Но нам, увы,
Єдиномысльє не дано. В странах
Восточных чуть вселился ряд
Меж дітьми Славы, послі долгаго
Там безначалія, и то варяжской,
А не славянской дружиной... А здісь,
В Паннонії, на западі и пядь
Земли имієт своего князя!
Ну как же отразить врага? Я вижу –
Настал час, приближается конец
Паннонії. Віка пройдут и здісь
Не будет уж рядить славянский глас!

(Занавіса опускається).

Невичанская кріпость

Явленіє 8

*(Ярополк, Борис, Мстіслав и другіє бояре,
опершись на ружья, поют:)*

Во странах старых Карпатов
Каждый дух свободен,
Здісь тіран людей свободных
Угнетать не годен.
Раз[г]орим¹³ мечты мы гордых,
Словно дым – вітр бурный,
Воссіяет нам свободы
Луч златой, пурпурный!
Проч с тіраном, проч с владыкой,
Здісь живет свобода,
Не оставит вольна воля
Своего народа.

13 В оригіналі напечатаной так: «разоримъ». Туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили. **Разгоріти** – видав, є то неудачный авторський неологізм; автор мав на гадці иншакой семантичной наповнення слова – «разжечь», «раздути»; *русин.* «роспалити» (азначка вишорителя – В. П.).

Ярополк

Так єсть, друзья, свобода не оставит
Нас, ружья наши нам порукой в том.
Но чудуюсь, как может слабодух тот
Так самовольно поступать с боярством.
Он думает авось, что я иль ты,
Борис, иль кто-нибудь из нас – какой-то
Печальный раб иль ласкою своїх
Господ живущій крестьянин. Не так,
Не так, немощный князь, тебї бы знать,
Что боярин не то, что крестьянин;
Тебї бы знать, что нас мать боярыня
На світ сей родила; тебї бы знать,
Что в наших благородных жилах здїсь
Кружит дворянска кров. Не стыд тебї
Хотїть, чтоб бїдный крестьянин был то,
Что мы? Нїт, князь, права свої мы хоть
Бы мечем, будем защищать. Так ли,
Хоробрыє друзья?

Всі

(Стуча саблями)

Мы умереть

Готовы за свої права!

Явленіє 9

(Ярослав, прежніє)

Ярослав

Вы здїсь

Друзья? Не знаю, что случилось с тїм
Князем, вїдь ета баба, слабодух той
Тїраном хочет быть! Я умолял
Єго, чтоб отозвал свої законы,
А он, подумайте, друзья, назвал
Бунтовщиками вас, и стал опалой
Да казнью угрожать.

Борис

Он нас – казнить?

Ха ха, ха ха!

Ярослав

Да, он так говорил!

Борис

Но сила відь у нас, и он от нас
Зависит, не мы от него; мы можем
Сей час прогнать его и поставить
Хотя кого князем. Не правда ли,
Бояре и друзья?

Всі

Да, словно¹⁴ так!

Ярослав

Но князь надіється на дружину
Свою.

Ярополк

На дружину? відь мы сами
Сей час сладимся с ней.

Борис

Против бояр

Не устоять ему!

Ярослав

В боротьбі с князем
Побіда все была б на стороні
Бояр.

Ярополк

Довольно было нам терпѣть
Уже одной старухѣ, ибо князь
Наш, словно женщина слаба; не стыд
Ли нам покорствовать князю, который
Прослыл безділієм да слабостью своей.
Уже ль орлы Карпатов покорятся
Одной кукушкѣ иль карпатский волк
Пред зайцем станет трепетать? Ніт-ніт,
Друзья, то стыд, позорный стыд бы был
Для нас.

14 **Словно так** – туй у значеню «истинно так». Сякий вираз – сесе явна стилістична грішка. Видав, причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (зазначка вишорителя – В. П.).

Ярослав

Но заяц гордым, дерзким стал,
Он волков хочет настращать. Вот вам,
Друзья, распоряженіє: Здісь князь
Наш положил опалу на Бориса
И Ярополка, двух знатніших из
Бояр, и мні веліл схватити їх!

Борис и Ярополк

Что? Князь на нас опалу наложил?

Ярослав

Подлинно так, и вас – безмірна дерзость –
Веліл схватить наш князь.

Всі

(Стуча мечами)

Бесстыдна дерзость!

Ярополк

(Бішено ходит)

Слышали ль вы, друзья? Опалу на
Меня – один слабый, немощный князь!

(Обнажаєт меч)

Но к ділу, мы довольно покорялись
Уж – проч с тіраном!

Всі

(Стуча мечами)

Проч с тіраном, проч!

Явленіє 10

Мірослав

(Входит)

Я в имени Паннонії любезной
Взываю вас, почтенные бояре,
Выслушайте меня.

Ярополк

Отечество –

Дражайший клад наш, мы готовы слушать

Всіх тіх, кої во имени єго
Желають говорить.

Мірослав

Признайте всі:

Вражда и несогласіє волнуют
Днесь бідную Паннонію да весь
Карпатский край, и єто зло, увь,
Не чтоб спішило прекратиться, нїт,
Оно все лучше укріпляється и
Конечной грозит гибелью Славянству.
Какой-то злобный дух и между нас
Раздора бросил меч самоубійный,
И вот волнується окрестность Унга.
Ужанский князь уж подданным не мил,
Против него бунтуєт слой бояр.

Многіє
(Прерывая річ)

Он єто заслужил!

Мірослав

Нїт, господа,
Не заслужил – вы обольщаетесь.
Вы, вірте мні, игрушки лиш в руках
Мужчины одного, корыстолюбца,
Который помощію вашей хочет
Вас покорить себї. Но к ділу: – я
Сказал, что нїт согласія у нас.
Да – нїт; и то тогда, когда оно
Нам найнужніє. Славные бояре,
Соединитесь всі, не истощаем
Же сил своїх, чтоб противустать
Нам внішнему врагу. Мадыаре уж
Вторглись в ужанску землю, уж граблят,
Да жгут верховину... Бояре, днесь
Отчизна звет вас, ополчайтесь всі,
Да собирайтесь под знамена
Князя.

Ярополк

Чей, что опалу наложил
На нас?

Мірослав

Он обманут, и как узнал
Обман, уничтожил свой суд.

Борис

Так скоро?

Ярополк

Да, отозвал он суд, відь видит, что
В опасности престол, но мы, бояре,
Всі оскорблены їм. Нам не довольно,
Что он из страха отзывает суд.

Мірослав

Не князь, ніт, но отечество зовет
Вас, славные бояре; не князя
Спішите защищать, но землю вашу,
И всю Паннонію, какая участь!
Вы нікогда прослывете пред миром,
Как храбрые спасители Славянства,
И вашим именем гордятся будут
Потомки; вам быть суждено, бояре,
Спасителями иль предателями
Паннонії и всіх Славян.

О, вспомните высокий свой уділ,
Пойдем душой одной против врага!

(Бояре колеблются)

Ярослав

Не вірте, славные бояре, відь
Мой сын – временщик гнуснаго князя;
Он дійствует на княжий лад. Не в пользу
Князя – против него готовятся.
В біді уступки творит князь, но сли
Біда прошла, останется, кто был:
Тіран! Теперь Бориса с Ярополком
Веліл схватить, тогда ж повяжет всіх.

Всі

(Стуча мечами)

Проч, проч с князем!

Мірослав

Успокойтесь, о
Бояре, ету подпись мой отец
Сам выманил от добраго князя,
Чтобы поссорить с ним чім скорше вас.

(К Ярополку и Борису)

Не князь веліл схватить вас, ніт, но мой
Отец.

Ярослав

(Мірославу)

Бесстыдный лгун, измінник,
(Обнажает меч)

Проч с ним!

Всі

(Устремясь на Мірослава)

Проч с ним, проч с ним!

(Мірослав уходит, бояре за ним).

Явленіє 11

Ярослав

(Один)

Итак, мой сын – против
Меня, мой враг; я воспитал єхидну
При собственной груди своєї; а он
Вліятелен при дворі; доч князя
Совсім плінена їм, а князь ни в чом,
За білый світ, не может отказать
Красивой дочери своєї; мой сын
На доч вліяет, доч же на отца,
Итак, мой сын, мой враг здісь всемогущ!

(Задумывается)

Проч с ним, он враг, он должен умереть...
Но сердце, чувство єго, ах, любовь
Природная отца?.. Теперь всему
Молчать! Мой сын противен замыслам
Моїм – проч с ним, єму не должно жить.

Лиш все путём правильным. Все идет
В лад, указ хорошо подійствовав.
Бояре всі ожесточились на
Князя. Я вірно приближаюсь к цілі
Своей. Мадьяре хлынули на нас, –
Все равно, мні они и пользоваться
Могут¹⁵. Днесь-завтра я – ужанский князь!
И еті гордецы днесь-завтра всі,
Как снопы, падут здісь к ногам моім.

Явлення 12

(Ярополк, Борис, Мстіслав и прочіе бояре входят)

Ярополк

Ушел бесстыдный лгун, но не навѣки!

Ярослав

Бояре, господа! Я воспитал
Єхидну при груди своей, но он
Не сын мні больше, я не хочу знать
Єго, он льстец князя; да, господа,
Нынѣшніе законы да налоги,
Вы видѣли – все діло Мірослава;
Временщик он князя, однако же
Не вірен и єму: он съединитъ
Славянство хочет все и покоритъ
Себі Паннонію, и чтоб сію
Достигнуть цѣль, вот он зовет на помощь
Мадьяр свирѣпу рать; он враг отечества!
Всѣ лѣсть, что говорит; он обмануть
Желает нас и отстранитъ малѣйшу
Тѣнь подозрѣнія. Да, Мірослав
Измѣнник – он заслужит смерть, вот я,
Отец, изрек во первых суд над ним...

Всі

Вот благородный дух!

15 Пользовать могут – туй у значеню «про мене будуть хосенні». Сякий вираз – сесе явна стилістична грішка (азначка вишорителя – В. П.).

Ярополк

Он не щадит

И сына своего!

Ярослав

Бояре, я

Хотіл бы нічто вам сказать.

Всі

Слышим!

Ярослав

Князь наш боярство оскорбил жестоко,
Подверг опалі двух знатнійших из
Бояр; но нам разумно действовать
Против него, чтобы побіда вірна
Была. Вы знаете, что у князя
Єсть люди вірные. Итак, чтобы
Нам легко было побідить, мы должны
Людей, князю преданных, отстранить,
И то путем правильным. Для того
Дочасно должны мы показывать
Покорность со преданностью князю;
Когда же князь остался сам, тогда
Уж легко будет нам сладиться с ним.
Не правда ли?

Борис

Ты стал, друг, хитричать!¹⁶

Ярослав

Не хитричать, но кажется, что так
Достигнуть цілі легче нам.

Всі

Так єсть,

Бесспорно легче!

16 **Хитричать** – сесе стилістична грішка. Мало бы были так: «хитрити». Видав, причин хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (зазначка вишорителя – В. П.).

Ярослав

Ну, итак – к князю;

Мы должны принудить его, чтобы
Бросил в темницу Мірослава, как
Врага отечества; мы же, друзья,
Покорность будем лицемірить, чтоб
Чім легче вірил нам. Итак, к князю!

(Занавіса опускається).

ДІЙСТВІЄ II

[Терем у князя]

Явлення 1

(Лаборц и Мірослав)

Лаборц

Ну ж, как кончил ты діло, Мірослав?

Мірослав

Не удалось, пресвітлый князь...

Лаборц

Итак,

Я прав, відь я сказал, что Славянин
Не вразумится и в біді всеобщей.
Но ето уж такая кров, натура –
Єй нравится раздор!

Мірослав

Ты прав, Сударь,

Я етого не знал, но искусил
Сегодня все... Во имени отечества
Начал я говорить. Святое слово
«Отечество» подійствовало на
Боярску грудь – и стали всі внимать;
Как скоро же зачал я воззывать
Бояр, чтобы соединились всі
Под прапором твоім, то вдруг разнесся
Упрёк против тебя, что ты веліл
Схватить знатнійших двух бояр.
Я стал тебя, князь, защищать, сказав,
Что ето вымануто все, и что
Твой указ уж уничтожен, но вот
Бунтовщики вдруг закричали: проч с ним!
И обнажив меч – бросились на
Меня.
Я должен был спастись, князь,
Бояре – явные крамольники!
От них не получить нам помощи,

Они готовы всі против тебя
Свиріпой силою дієвувать!..

Лаборц

Чего

Же ділать нам теперь?

Мірослав

Не надо впасть

Во отчаяніє. Сли от своїх
Не получили помощи, нам нужно
К сосідным прибегать князям, чтобы
Прислали спомогательные полки.
Опасность відь всеобща, не лиш нам
Она – и всім сосідным угрожает
Князям. Итак, еще все не погибло.
Вот грамота, ко Святополку да
Залану; подпишись, пресвітлый князь.

Лаборц

(Подписуясь)

Моя ты радость, добрый Мірослав!

Мірослав

(Взяв пергамен)

Надійся, добрый князь – Бог не оставит
Нас.

Явленіє 2

Лаборц

(Один)

Добрый Мірослав – он непрестанно
Трудится, думает о благобыті
Моем да моего отечества.
А знаю я, откуда вієт вітр:
Его пленила доч моя, да відь
Прекрасная чета была бы с них.
И я не отказал бы їм в своем
Благословеніи. Но и отец его,
Почтенный Ярослав, любимый мной,
Вірнійшого нїт в подданных моїх,
Как он. О, сколько заботился уж

Почтенный муж сей в том, чтобы
Сладился я с боярами. Авось
Теперь уже сладил нас ніким мудрым,
Коварным способом. О, сли б сих двух
Людей не было у меня, чего
Бы ділал я? Они – защитники
Да ангелы-хранителі мої...

Явлення 3

(Ярослав входит, кланяясь)

Лаборц

Почтенный витязь, здравствуй у меня!
Ну ж, как стоит там діло наше, ну?
Склонил ли ты ко мні сердца бояр,
Иль подданы еще противны мні?

Ярослав

Совіт мой, Государь, совсім хорош
Был, и успіхом полным увінчался.
Бояре строгих мір твоїх сей час
Испугались, всі стали трепетать,
Просить меня, чтобы твою я милость
Исходотайствовал для них – я їм
Все обіщал, и вірую, что ты
Помилуєш рабов своїх, они
В твоєм притворі всі, пришли, чтоб бить
Челом тебі.

Лаборц

Что сын твой говорил,
Что всі бояре непокорны, что
Они – бунтовщики, что не хотят
Под прапором моїм соединиться,
Да стать против врага?

Ярослав

Не чудо, князь,
Что Мірослав обманывает и
Тебя, и нас. Я воспитал змію
При сей груди...

Лабориц

Что говориш, чего
Слышать мні?

Ярослав

Жаль, но суца правда, князь,
Мой сын – измінник, враг отечества,
Но я и в сыні никогда не буду
Пороки защищать. Он – ты авось
Не замiтил того – твой вічний враг.
Врывать он хочет скіптр¹⁷ из рук твоїх
И нас поработить; и вот чего
Не ялся мой безбожный сын, чтобы
Достигнуть ціли: собственной рукой
Продад отечество да пригласил
Мадьяр свиріпу рать, чтобы чужой,
Варварской помощью изгнать тебя,
Соединить Славян и похитить
Сей княжеский престол!

Лабориц

Довольно, друг,
Ужасно мні слышать...

Ярослав

Но етого
Все ж не довольно, князь, он написал
Письма к князям сосiдным, чтоб они
Прислали дружину спомагательну.
Что думаєш, авось та дружина
Опреділена напротив Мадьяр?
Она определена, князь, против
Тебя, против всіх нас, против отчизны!
Он хочет быть застрахован со всіх
Сторон, и горе нам, сли замедлим...

Лабориц

Ужасно, друг, о сем и думать я
Не мог!

17 **Скіптр** – хыбна форма слова русин. «скіпетер», російськ. «скипетр» (зазначка вишорителя – В. П.).

Ярослав
(*Вынимая письма*)

Но чтоб ты убѣдился в сем,
Вот здѣсь его предательскія письма.
Онѣ его бесспорно осуждают.
Я, князь, отецъ его, однако же
С боярами я осудилъ его.
Но чтобъ ты могъ, великій князь, еще
Сильнѣе убѣдиться в томъ, что онъ
Измѣнникъ, призови бояр, пускай
Они свидѣтельствуютъ здѣсь о томъ,
Какъ хитро велъ онъ с ними рѣчь.

(Уходит и сей час входит с боярами)

Явленіе 4

(Ярослав с боярами входит)

Ярослав

Вот здѣсь

Твоѣ бояре, князь, они пришли,
Чтобъ бить челомъ тебѣ.

(Бояре кланяются)

Не правда ли
Мой сынъ мадьярской ратью пугалъ насъ,
Изъ хитрыхъ словъ его узнали мы
Сей часъ, что рать мадьярскую онъ призвалъ,
Онъ всѣхъ насъ оскорбилъ и показалъ,
Что врагъ бояр, князя, отечества!

Бояре

Онъ всѣмъ намъ врагъ!

Ярослав

И для того

Онъ заслужилъ вериги, тюрьму, цѣпь.

Борис

Я думаю, что этотъ судъ не правъ.
Онъ – дворянинъ, а дворянинъ правильно
Безъ выслушанія не долженъ быть
Судимъ.

Ярослав

Но здісь нельзя медлить, одно
Минутное мішканье нам теперь
Огромный может вред нанести.

Лаборці

Боярин
Борис правильно говорил, відь нам
Без выслушанія никого вдруг
Не слідуєт судить.

Ярослав

Так, хорошо,
Но знать, пока приготуємся мы,
Чтоб с церемоніей судить его,
Он приведет на нас мадыарску рать
И мы тогда не будем уж судить.
Тогда чрез наши трупы, да через твой
Труп, князь, шагнет на княжеский престол.
Сей час в темницу с ним!

Бояре

Того требует
Отчизны безопасность.

Лаборці

Хорошо,
Я должен подчиниться большинству!
Иди же, Ярослав, вели бросить
В темницу замка сына; вот печать
Моя, воины чтоб слушали тебя.

Ярослав

(Кланяясь, про себя)

Вот ближе цель опять – лиш навперед!

Лаборці

Итак, любезные бояре, вы
Согласны ополчиться на врага
Под прапором моім?

Нікоторые

Да, государь!

(Борис и другие качают головой)

Ярослав
(*К боярам*)

Вам надо ополчаться, дружину
Сбирать, чтоб со славою противустать
Врагу! К работі, братья! Князь, прощай!
(*Кланяясь, всі уходят*)

Явлення 5

Лаборц
(*Один*)

Ну, слава Богу, уж настал покой;
Теперь, авось, могу противустать
Врагу. Не так, свиріпыє Мадьяре –
Нелегко будет с нами драться вам!
Но Мірослав! Меня уничтожила
Измінническа ціль его, о как
Преданным мні казался он, я чуть
И вірю¹⁸, чтоб он был ізмінник, но
Мні должно покориться большинству.
Его всадят в темницу – не біда
Два-три часа просидіть в темной тюрмі...

Явлення 6

Євфросинія
(*Входит*)

Что сділал ты, любезный мой отец?
Ты Мірослава в тюрьму заключил!..
Ніт-ніт, скажи, что ето ложь; но ты
Молчиш? Ах, говори, что сталось с ним?!

Лаборц

Увы, любезна доч, твой Мірослав
В темниці...

Євфросинія

Отвічай, почто? Відь он
Не может быть преступник!

18 **Чуть и вірю** – туй у значеню «мало тому вірю». Сесе явна стилістична грішка (зачначка вишорителя – В. П.).

Лабори

Мила доч,

Он враг отечества!

Євфросинія

Бесстыдна лож!

Відь ніт такого мужа здісь, который

Бы так любил отечество, как он!

Лабори

Он твоего отца соперник тайный,

Он звет мадярську рать против меня.

Євфросинія

Ніт-ніт, в душі его смиренной ніт

Пустаго властолюбія.

Лабори

(Указывая на письмо)

Но вот

Его предательскія письма.

Євфросинія

(Подбїгши к письмам, оглядывает їх)

Ах,

Ужасный стыд, позор, —

(Скрывает лице в ладоні, послі)

Ніт-ніт, отец,

О, етот почерк не его, вірь мні,

Он етого не должен был писать,

Не мог писать!

(С радостным выраженієм на лиці)

А ето, знать, подлог,

Подлог гнуснійший, вот каким способом

Хотят вредить ему враги! Отец,

Он, вірно, в тюрмі уж, я должна знать

Всю истину, и то из уст его.

Я должна вдруг идти к нему, а еті

Всі письма, если позволиш, отец,

Несу с собой.

Лаборц

Нельзя, любезна доч,
Он может похитить їх у тебя.

Євфросинія

Он не таков, и вот клянусь, что без
Сих писем я не ворочусь.

(Берет письма)

Но гді

Моя епанча?

(Уходит с Лаборцом боковою дверью).

Явлення 7

Ярослав

(Позже Євфросинія)

Слава богу, Мірослав

В ціпях, тепер подумаю о том
Как можно бы его скорій из сердца
Княжны прелестной вытереть, бо мні
Нельзя вредить єму, пока он жив
В душі єя.

(Євфросинія входит в епанчі)

Но вот она

(Подходит к ней)

О, как

(Втайне)

Прелестное созданье! Словно ангел!

(Вслух)

Прекрасная княжна! Я нічто должен
Сказать тобі.

Євфросинія

Я слышу, говори.

Ярослав

Мой Мірослав... он мил тобі, забудь
Его... не заслужил он ласк твоїх,
Он змінив отечеству, – тобі...

Євфросинія

(С презирієм)

Молчи, клеветник да бесстыдний лгун!

(Уходит великою дверью)

Ярослав

Ну, вот тобі! С дівцею етой
Нельзя сладиться – наконец она
Уничтожит всі замысли мої...

(Занавіса опускається).

Тюрма

Явлення 8

Мірослав

(Один в веригах)

Итак, меня запліснівівой тюрмы
Ночныя стіны обняли, а на
Ногах и на руках моїх звенят
Вериги, и то все за кріпку вірность
Мою к князю... Отец, отец, то ты
Ужасно согрішил... Ніт-ніт, я не
Могу уж почитать, любить тебя.
Сыновнє чувство должно так застыть
В груди моей... Я должен чтить отца,
Да, так приказует природа да
Сам Божий глас; но как, возможно ли
Любить того, кто ненавидит нас?
Я здісь в ціпях, терплю невинно за
Отца и не могу спастись; відь мні
Нельзя так обвинять его, как он
Меня, хотя я знаю вірно, что
Он виноват, но все ж он мой отец;

Не может сын родного обвинять
Отца...

(Задумывается, очнувшись)

Но мні не лиш отца, но и
Отечество любить, а мой отец
Измінник, враг отечества, он всю
Ужанску землю хочет взволновать,
Да в бідствіє низринуть, так сказать,
Славянство все, бо Угры всім Славянам
Конечной грозят гибелью. Во мні
Дві должности стоят насупротив:
Любов к отчизні да к отцу: вопрос
Которой побідить? Любить отца
Приказует природа, но отец
Одно лице, да он к тому не прав;
Святійший долг – любить, что общій клад:
Любить отечество, да противиться
Измінническим замыслам отца;
Да что то за отец, который хочет
Родного сына погубить? А мой
Отец против меня, князя, против
Отечества – здісь должен уж остыть
Сыновній долг любви... Я кинул жребій,
Мой долг всей силой дїйствовать против
Отца!

(Вні слышны шаги)

Но чу! Кто-то идет, совсім
В хороший час. Сей час могу начать
Свой иск против коварного отца!

Явленіє 9

(Євфросинія и Людмила входят)

Л ю д м и л а
(При вході)

Вот бідный Мірослав, в каких веригах!

Є в ф р о с и н і я

Уже ли это он?

Мірослав
(Підходячись до Євфросинії)

Как? Это ты
Прелестная княжна, да это ты
Любезна Євфросинія, да-да,
Ты зди́сь, ты не гнушалась мрачной тюрмы,
Ты мученика правды и любви
К отечеству спішила посітить!
Конечно, знаєш ты, что чисто сердце
Моє, что неповинна эта грудь.

(Недолге молчаніє)

Но ты молчиш, ты не оправдываєш
Меня, ужель и ты подозреваєш
Мою невинность? Ніт, ты должна знать,
Любезна Євфросинія, что я
Невинно осужден!

Євфросинія
(Підходячись до нього)

Довольно, друг,
Я вірую тобі, перед сей душой,
Пред етим сердцем ты всегда был чист!
Итак, отец дал осудить невинно
Родного сына... Жалостный отец
Да несчастливый сын! Ты прав: ты чист
Любезный Мірослав, и в сердце етом
Уж подозренья ніт; но изясни
Своей любимой: это что за письма?
(Передаст єму письма, которые он пересматривает)
Отец твой їми обвинял тебя...

Мірослав
(Пересматривая)

Подлог, подлог, бессовістный подлог!
Отец меня в том обвиняет, в чом
Виновен сам...

Євфросинія
Узнала я сей час
Подлог... Ужасно и подумать: вот
Какой отец.

Мірослав

Да поскоріє, вдруг
Не мог он ничего найти, чтобы
Основно обвинять меня, то вот
К чему прибіг – все плутовство
Свое вмінил злосердно мні.

Євфросинія

Оставь

Теперь, любезный друг мой, ето всё,
Ты должен быть свободным, відь невинность
Всегда в пресвітлом блеску воссіяет,
И посрамит противников своїх.
Пора, чтобы страждуща грудь моя
Успокоилась раз; не знаєш ты
Какая грусть терзала ето сердце,
Какая болізь волновала грудь
Мою, когда услышала я, что
Тебя в темницу бросил князь, о лиш
Тогда, когда узнала я на ділі,
Насколько мил ты мні, любезный друг.
Ужасно терзающія сомнінья
Томили дух влюбленный мой; авось
Убьют его, и я останусь без
Него – вот еті и подобны мысли
Смущали душу скорбную мою, –
Но ты не винен!

(Кидається єму на грудь)

И настанет час –
Высвободишся, я порукой в том!

Мірослав

Твоя, друг, благородная душа
Хотіла бы меня спасти, но ніт,
Не так умствуєт мой отец: сли не
Законно, то путём злодійским, тайным
Готов он погубить меня... Мой дух
Уныл, грудь что-то мні сжимаєт, сердце
Робієт да трепещет. Друг, во мні
Какое-то зловіщее живет
Предчувствіє; авось, на плахі явно

Иль от кінжала тайнаго убійцы
Придет мні пострадать; відь мой отец
Рішил раз погубить меня, а он,
Как видиш, милая княжна, на все
Готов.

Євфросинія

Ніт-ніт, друг, ты высвободишся,
Моя любов порукой в том.

Мірослав

Дай бог,

Но я не вірю; все-таки я должен
Быть оправдан и чист быть пред князем.
Итак, любезна Євфросинья! Ты
Открыєш пред князем – твоїм отцем
Всі ціли Ярослава, моего
Отца, чтобы князь знал, что он и вся
Земля в опасности, чтобы князь знал,
Что Ярослав виновник сам гріхов,
В которых сына обвинял, чтобы
Старался лучше он узнать людей
Своїх. Не для того я обвиняю
Отца, чтобы высвободить себя.
О ніт, да и не месть кипит в груди
Моєй, но для того, чтобы спасти
Отечество и доброго князя.
Но навперед я прошу, друг, тебя,
Сли б князь рішил достойно наказать
Отца, ты будеш помагати мні
Достойный укротити гнів его.

Євфросинія

Ах, будь спокоєн, друг, не долго быть
Тебі во влажной тюрмі сей. Теперь
Пращай, бігу к князю, чтоб оправдать
Тебя пред ним.

Мірослав

Пращай, любезный друг,
Ну, Бог с тобой, прашай, авось, на віки!
Сли б нікий злой убійца в етой мрачной

Темниці жинь отнял мою, то знай,
Что я и в жини вічної не забуду
Тебя.

Євфросинія
(Кинувшись ему в объятья)

Ну, Бог с тобой, любезный Мірослав!
(Занавіса опускається).

Терем у князя
(с окном)

Явленіє 10

Лаборц
(Один)

Боярский суд изрек на Мірослава
Смерть; он на плахѣ скончит жинь свою,
А мнѣ его помиловать нельзя...

(Смотрит сквозь окно)

Но вот, уж приуготовляют місто,
Гдѣ должен умереть юноша, кой
Столь близок был к душѣ моеѣ. Кто мог
И думать, что он измѣнник, но
Я и теперь еще, как будто бы
Не вірил всё, в чом обвинял его
Отец. Но нѣт, нельзя осомнѣваться —

(Указывая на столѣ лежащія бумаги)

Вот здѣсь его предательскія письма;
Итак, я обманутый тѣм, который
Казался найвірнѣйшим мнѣ. Но у
Меня есть вірный человек, есть дух,
Который сына не щадит, чтобы
Спасти отечество... Пусть погибает
Измѣнник; собственный отец предал
Его достойной смерти...

Явлення 11

(Євфросинія вбігає, в отчаянні)

Євфросинія

Вічний Бог!

Итак, на сей землі уж правды ніт?!
Отец, ты – князь, ты – государь, и ты
Не препятствуєш проливать в своем
Владінії невинну кров?.. Ты здісь
Стоиш, глядиш на площадь, и вот пред
Тобой ведут на казнь твої враги
Того, кто найвірній тобі! Ты здісь
Стоиш, отец, глядиш бездільно, а
Вокруг пылаєт все – вот пламень, дым

(Указывает чрез окно)

Как бьєтся до небес! Нас обьяли
Враги, из кріпости ужанской уж
Не вылетіть ни на крыльях!.. Смотри,
Отец и князь, как отразить врага:
Мадьяр свиріпу рать не побідиш
Ты сьак... О вспомни, человек один
Был вполні вірен здісь тобі, но вот
И єтого хотят лишить тебя,
И єтого ведут на казнь; и ты
Не мог узнать коварства, ты не мог
Сорвать личину с Ярослава, ты
Совсім не знал, но и теперь не знаєш
Людей своїх!.. Отец, будь увірен,
Что у тебя, изьємши Мірослава,
Ніт никого тут вірнаго! Того
Не знаєш ты, но очень хорошо
Узнали то твої враги – вот для
Чего хотіли б погубить єго.
Сли Мірослав погиб, они, играя,
Сладятся уж с тобой. Итак, спіши
Спасти того, кто вполні вірен нам!
Не дай убить того, кто вполні вірен нам;
Не дай убить того, кто єдинственно
Способен отразить врага... Не дай
Казнить того, кто в состояньї
Спасти тебя и все отечество!..

Лаборц

Ніт-ніт, любезна доч, тебе прельщаєт
Любов, которую питаєш ты
К нему. Но он – преступник, в том нельзя
Осомніваться мні...

Євфросинія

Тебі нельзя
Осомніваться в том? Но гді доводи,
Которым несомнінно віриш ты?
Авось, подложны еті письма, князь,
Которыя, Бог знаєт, кто писал,
А Ярослав, тот бессердечный плут,
Не убоился Бога – обвинять
Родного сына в том, в чом єдва ли
Не сам виновен он – в изміні, князь.

Лаборц

Чего сказала ты? Подложны письма?
Что? Еті письма не его рука?..

Євфросинія

Конечно ніт, всё это Ярослав
Приготовил. Весь мир уж знаєт, что
Сам Ярослав виновен в преступленьї,
В котором сына обвинял! Лиш так
Мог он достигнуть ціли, сли того,
Кто найвірніє нам, сгубил. И вот
Авось, теперь уж видиш, мой отец,
Чего хотят с тобой, теперь уж видиш,
Что захотіли погубить людей,
Тебі преданных, что лиш Мірослав
Остался вірным нам! Спіши ж, спіши ж
Спасти того, кто может спасть тебя,
Да все отечество!..

Явлення 12

(Борис, Ярополк, Мстіслав и другіє бояре входят)

Б о р и с

(Втайні)

Єще пора¹⁹

Спасти невиннаго...

(Вслух)

Пресвітлый князь,

Ужасная ошибка сталась здісь:
Нас обманул коварный Ярослав!
Не Мірослав измінник, ніт, Сударь:
Измінник тот, кто очернил єго!
Да, Ярослав был тот, кто взволновал
Против тебя бояр, да он внушил
Тебі недовірчивость к нам, он дал
Тебі совіт, чтоб подвергнуть опалі
Знатнійших воевод, и то лиш для
Того, чтобы ссорить с тобой бояр.
Он очернил и сына своего,
Арестовал єго и днесь ведет
Єго на казнь, и то лиш для того,
Бо он противен замыслам єго,
Бо Мірослав не может быть измінник,
Бо вірен как отечеству, так и
Князю, бо он не сочувствует ни
Отцу, когда сей хочет погубить князя
И завладіть владычеством ужанским.
Итак, пресвітлый князь, мы обмануты,
Знать, Мірослав невинен, чист, как світ,
Как солнца лучезарный блеск утром.
Страдал невинно он, и днесь опять
Невинно за любов к отечеству
Ведет єго на казнь отец! Не дай
Пролить невинну кров, спаси єго,
Відь за любов к тебі ведется он
На казнь!..

19 (Єще) **пора** – сесе стилістична грішка. Автор хыбно хоснує того слово (туй и дале по тексту) у значеню «(ищи) є час» (зазначка вишорителя – В. П.).

Євфросинія
(*Смотря сквозь окно*)

Вот, уж ведут его, о Боже,
Чего же яться здісь?! Скорій, отец,
Вели освободить его, – о ніт,
Єму невольню умереть! О князь,
Не дай пролить невинну кров!..

Борис

Єще

Пора, пресвітлый князь! Спаси
Надежду подданных своїх!

Лаборц

Итак,

Мой Мірослав не обольстил меня?!
Мні говорило сердце, что злодій
Не может быть он – но отец его,
Кого я почитал, любил, кто мні
Сердечным другом был – мой злійший враг.

Євфросинія
(*Перерывая его с нетерпінієм*)

Скорій, скорій, отец!.. Не дай пролить
Невинну кров!..

Лаборц

Я вірю вам, бояре,
Вы правы: Мірослав – свободен, он
Не должен, он не может умереть!

(*Берет в руки білоє знамя*)

Вот его знамя здісь знак милости
Моєй.

(*Прикріпляет знамя на окно*)

Так, Мірослав свободен уж!
Відь князь ужанский жив єще! Мні кажется,
Что я владыка здісь!

Євфросинія
(*Пав на коліна*)

Благодарю

Тебя, Славян великий Бог!..

(*Занавіса опускається*).

ДІЙСТВІЄ ІІІ

Сад, вокруг стіны, в стінах – дверь

Явленіє 1

Ярослав

(Один, прикрадываясь, в лохмотьях переодіт)

Ускольз²⁰

Из рук; не удалось мні погубить
Змію, которую я воспитал
Для своего же зла. А тот осел
И впредь противен будет мні, итак
Мні цілі не добиться уж.. Да сын
Мой Мірослав в живых, не удалось
Мні погубить его, не удалось,
Відь у него могучій защититель,
Его хранитель Євфросинія,
Кичлива²¹ доч князя... Но подожди,
Княжна, ты должна чувствовать мою
Ужасну мечь; ты любиш Мірослава –
Не будеш наслаждаться, в том клянусь,
Любовію его! Чтобы я цілі не
Достиг? А ето было б вздор, позор!
Я все-таки ужанский буду князь!
Княжна бесценный дар; сли я єё
Доставлю Арпаду, то он меня
Поставит здісь князем, будь хоть
Вазальным²². Но таким способом я
Продам отечество и сділаюсь
Измінником... А – ето пустяки!..
Відь так добыюся цілі и сей час
Владыкой буду здішнія земли.

20 **Ускольз** – у значеню *російськ.* «ускользнул»; *русин.* «вымкнув ся» (зазначка *вишорителя* – В. П.).

21 В оріґіналі напечатаной так: «кичливо». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили (зазначка *вишорителя* – В. П.).

22 **Вазальный** (од слова: *русин.* «вазал»; *російськ.* «вассал») – землепан (феудал), што ся підчиняє свому сузерену, то значит – майвеликому пану (зазначка *вишорителя* – В. П.).

А под моім правленьем етот край
Окріпнет, будет цвість, как никогда.
Княжна дня каждого сюда приходит,
Чтобы прогуливаться в етом саду.
Я подожду её и, похитив,
Отдам в дар Арпаду, чтобы она
Почувствовала месть мою и чтоб
Мадьярской помощью я завладіл
Ужанскою землею! Рішено всё...
Но нікто приближается... Меня
Не должно замітить здісь нікому.

(Скрывается по-за дверь, которую затворяет за собой).

Явленіє 2

*(Євфросинія и Людмила идут, порой разговаривая,
останавливаются)*

Людмила

Счастлива ты, любезная княжна!
Гроза минула уж, которая так
Смущала грудь твою. Твое желанье
Уж исполнилось: твой друг свободен.

Євфросинія

Да-да, любезная Людмила, грудь
Моя дышет от радости, покой
Вселился в сердце ніжное мое,
И дух ничто уж не тревожит мой.

Людмила

Ну, слава Богу, наконец и князь
Узнал, кто Ярослав; мы уж давно
Говаривали, что наш Ярослав
Не может быть хороший человек.
Мы выгадали, что в душе его
Коварной должна жить какая-то
Измінническа ціль, и вот, княжна,
Не хорошо ль мы думали?

Євфросинія

Да, мы

Давно узнали уж, кто Ярослав,
А мой отец не мог того узнать.
И Мірослав єдва ль не пострадал
И сли б умер он, то теперь пришло б
Нам впасти в отчаяніє.

Людмила

Конечно,

Любезная княжна, відь Мірослав
Душа, распорядитель, управитель
Защиты всей. Здісь без него нельзя
Шаг сдѣлать; он ставляет здісь и там
Искусных ратников – везді таких,
Каких гдѣ нужно. Он привел бояр
Мятежных на дорогу добру и
Они стоят теперь уже в рядах
Пресвітлаго князя, он написал
Письмо к сосідным нам князям, чтобы
Прислали дружину против врага.

Євфросинія

Да, Мірослав – надежда наша, лиш
Он может отразить врага от нас!

Людмила

Он может, да и дѣлает: ни в день,
Ни в ноч не почивает он, а труд
Єго успіхом славным и до сих
Пор увінчался уж: порядок здісь
Хорош, сосіды шлют спомагательну
Рать, и пока она прибудет, мы
Без труда можем выдержать осаду.

Євфросинія

(Приходя к дверям)

О, сколь счастлива я, Людмила, что
Спасителя всѣх нас могу назвать своїм.
Подлинно, я пред миром всѣм могу

Гордиться їм: он захититель наш,
Надежда княжества, да мой жених –
О, как щастлива я!

Явлення 3

(Вдруг)

(Ярослав выскакивает из-за дверей и похищает Євфросинію)

Євфросинія

(В руках єго)

Спасите, люди!..

Спасите, люди добрыє!..

(Ярослав уносит єё и дверь затворяєт)

Людмила

(Кричит)

Злодій,

Злодій! Ей вы, сторожи, воины!..

Спішите же скорій, бігите же!..

Явлення 4

Мірослав

(Вбігаєт)

Что за біда?

Людмила

(В иступленії)

Злодійство, Мірослав!

Мірослав

Что сталося, говори?!

Людмила

Ушел, ушел!

Мірослав

Но кто такой?

Людмила

Теперь ушел, унес

Єё, безбожный вор!

Міроslав
(*Нетерпiливо*)

Кого унес?..

Людмила

Єё, єё унес безбожный Мадьяр!

Міроslав
(*Про себя*)

Ужасна мысль! – уж не княжну ли – ах –
Кого унес?

Людмила

Кого унес – єё –

Любезну Євфросинію!

Міроslав

Куда,

Куда унес єё?!...

Людмила

Вот етой дверью!

Міроslав

(*Торопливо бросается к двери, но она затворена,
вскакивает на башню и раззирает вокруг*)

Вот там несет єё безбожный Мадьяр!

Да, ето Євфросинія, вот как

Біжит он на коні!

(*Сходит с башны*)

Ей, вы, друзья

Хоробрыє, спішите всі сюда!

Явленіє 5

(*Воины вбiгают*)

Міроslав

Мадьяре похитили доч князя –

Пойдем спасти єё!

В о и н ы
(Обнажив мечи)

Пойдем и в ад,
И умрем всі за Євфросинію!

(Занавіса опускається).

Табор мадьярський с шатром княжеским

Явлення 6

(Арпад перед шатром на престолі сидить.
Ярослав покорно стоить перед ним)

Я р о с л а в

Князь могутственныйший в мирі всем,
Призри ласково на меня, раба
Ничтожного, скажи, наш договор
Стоит?

А р п а д

Стоит, мой вірный раб.

Я р о с л а в

Сли так,
То я везді, гді только нужно будет,
Готов служить тебі!

А р п а д

Не лиш готов,
Ты должен мні служить, сли хочеш быть
Князем.

Я р о с л а в

Я раб, невольник твой, о князь!
Повелівай, я твой слуга; одно
Лиш прошу я: престол ужанскія
Земли.

А р п а д

И ты, конечно, хочеш быть князем?

Ярослав

Да, хочу, славный князь, бо я
Хотіл бы раз помоч злосчастной сей
Землі, а Лаборц, ета баба, вірь,
Лиш опустошит край! Я дал тебі
Прекрасный дар, відь Євфросинія
Вещ непрезрительна, к тому же, князь,
Я буду твой помощник, чтоб занять
Паннонію, я буду вірный раб
Тебі, твой подданный, сударь. Земля
Ужанская наилучшая свої
Произведенья будет посылать
Во знак покорности – к ногам твоім.
Ты будеш государь и здісь, я лиш
Намістник буду твой!

Арнад

Да будет так!
Здісь княжеска рука: ты будеш князь
Ужанский и мой вірный раб!

Ярослав

О, как
Благодарить тебя, славнійший всіх
Князей?! А Євфросинія по вкусі ль
Твоєм, красива ль, нравится ль тебі?

Арнад

Ах, я обезуміл от крас ея.
Но что ж, когда она не хочет быть
Моей.

Ярослав

Чего слышати мні? Не хочет –
Ты можеш принудить её – она
Твоя, грози мученьем, смертію!

Арнад

Да, я выдал распоряженье уж;
Сли чрез один не покорится час,
Пускай ведут её на казнь; что жизнь
Одной дівицы перед мной? Я, друг,

Таков: сли нікто покорится мні,
Готов отдать ему свой меч, а сли
Упорный нікто, я готов своєю
Рукой убить его!

Ярослав
(Тихо)

Убьет её, пускай
Чувствует месть мою.

(Вслух)

Но вот, что там
За хоровод? Дівицы пляшут, парні
Летят, как вітр, меж ними же идет
Какая-то дівица – вот, сударь,
Не Євфросинія ли это?

Арпад

Да,

Єё ведут ко мні, бо уж минул
Час размышленія. Увидим, вдруг
Чего рішила красная Славянка.

Ярослав

Я думаю, сударь, что от угроз
Серьёзных устрашится вдруг она:
Противу кріпкой воли, князь, одной
Немощной дівушкі відь устоять
Нельзя. Но вот, они уж здісь.

Явленіє 7

*(Євфросинію приводят мадьярскіє парні и дівушки,
облеченные в лохмотья, между ними и Татош в длинной тогѣ,
с широким ножом при бедрі. Все это шествіє поёт,
пляшет и всякаго рода дикости творит)*

Євфросинія

Ты дал

Меня привесьть сюда, я здісь. Чего
Угодно, князь, тебі?

Арнад

Ну, говори,

Чего рішила ты?

Євфросинія

Чего рішила?

Мні ніт чего рішать; відь я дала

Тебі рішительный отвіт!

Арнад

Так ты

Не хочеш быть моеї супругой, ты

Пренебрегаєш милостью моеї?

Євфросинія

Какою милостью?

Арнад

Неужелі

Тебі не милость быть женой князя

Мадьярскаго?

Євфросинія

Ужасающа милость,

Великий князь!

Арнад

Не знать тебі, что ты

В моїх руках, что сила у меня,

Могу же принудить тебя сей час

Повиноваться мні! Про пытки, казнь,

Про смерть ты слышала ль, княжна?

Євфросинія

За честь

Свою, за добродітель, князь, страдать

Лиш слава будет мні, а смерть, узнай,

Дороже, как бесчестна жизнь!

Арнад

Итак,

Не хочеш быть супругою моеї?

Євфросинія

Я отвічала уж, отвіт мой свят.

Арпад

Сли так, ребята, вот вам дерево:

Повісьте доч ужанскаго князя!

(Євфросинія содрогається)

Татош

Не лучше ли бы заколоть её?

Гадур, великий Бог, требует жертвы:

Добыча эта перва здісь твоя,

Прилично же отдать её Гадуру!

Арпад

(Величественно)

Служитель вічнаго Гадура, вот

Она, возьми её и испроси

У бога брани нам побіду на

Врагов, когда струиться будет кров,

Пролитая тобой с груди єя!

Татош

Гадура кріпость да внидет в тебя,

Благочестивый князь, и в каждого

Из ратников твоїх!

Арпад

Как вижу, к жертві

Готово всё! Ну, Татош, заколи

Єё.

(Євфросинія падаєт в обморок)

Один парень

(Придерживая её)

Не умлівай, сейчас начнется пир!

Другой парень

Дівица хороша, кров румяненька,

Ах, веселись, святой Гадур!

Первый парень

Проснись, пойдём запіровать, какая бліда
Бідняжечка.

(Сміється: ха – ха – ха)

Другой парень

Воды, воды, она
Відь пала в обморок, полей её.

Євфросинія

(Встаєт, обзирається, помаленьки приходить к себѣ)

Гді я? В какой круг привела меня
Ужасная судьба? Да-да, я средь
Толпы ужасных сыроїдцев; да,
Они хотят убить да заколоть
Меня, великий Бог. Что ето за
Народ?

(Обрацається к Арпаду)

Ужелі ты шутиш, иль ніт?
И в самом ділі хочеш обмарать
Мадьярску честь варварским ділом, князь?
Или у вас не стыд убить слабых
Да беззащитных дів? Или у вас
Не так бьет сердце, как у нас? Ніт-ніт,
Ты лиш шутиш, великий князь!

Арпад

Шутить

Не свык мадьярский князь! Ты первая
Добыча здісь моя, тобой жертвую
Гадуру я.

(Мадьяре обступають её, поют)

Дым, жаркоє, кров Гадуру
Золото, наряды нам;
Ах, Гадур, дай нам побіду,
Смерть и наготу врагам.
Пусть пылают церкви, дома,
Кров да не престанет течь;
Мир разрушат наши громы,
Жизнь всю истребит наш меч!

Євфросинія
(*С достоинством*)

Проч окаянная чернь!

Я хочу говорить с князем!

(*Чернь отступается, она подходит к Арпаду*).

Итак,

Ты, князь, определил меня на жертву
Гадуру своему, я знаю уж
Судьбу свою, но кажется, что я
Могу однако прибегать к твоей
Чувствительной груди – ты человек,
И у тебя есть сердце, князь, да ты
И молод, вижу я, ты должен знать,
Как мила жизнь нам в юных днях, да как
Ужасна смерть в цветущий час весны...
О, взглянь на свод небесный, глянь на мир
Прекрасный, на природу всю, о как
Чудесен Божий свет! Всё-всё манит,
Всё говорит: о как прекрасно жить...
О, вспомни, князь, всё, что святое пред
Тобой, и сжался надо мной, не будь
Жесток, пусть тронет грудь твою струя
Горячих слез моих... Князь, отпусти
Меня домой, пусть видит мир, что Арпад
Великодушный князь...

Арпад

Спасти тебя

Я не могу; один Гадур великий

Владеет уж тобой! Ты вся его...

Євфросинія
(*К Ярославу*)

Я вижу, здесь пощады не найти;
Я должна обратиться, Ярослав,
К тебе, ты сын со мною одного
Отечества... О, сжался надо мной,
О, будь заступником моим здесь пред
Князем; о, вспомни милости, любовь,
Да дружбу моего отца, не будь
Жесток, будь ходатай мой, о, спаси,

Спаси доч свого князя, відь ты
Привел меня сюда, о вспомни суд
Да справедливость Бога, и спаси
Меня, чтоб Бог мог оправдать тебя...
Одно лиш слово от тебя, и я
Спасусь...

Ярослав

О ніт, ты должна почувствовать
Мой гнів, ты сына моего могла
Спасти. Пусть он теперь спасет тебя!

Євфросинія

Негді просить здісь помощи, со всіх
Сторон обьял меня жестокий враг...
Над мной ругаются, когда глаза
Свої я поднимаю, чтоб просить
Помилованія; струя моїх
Горячих слез не тронет никого...
Оледеніло все, здісь каменны
Сердца – о, здісь конечно²³ пострадать!
Но ніт, надежда єсть єще: живет
Великий Бог, да, Он спасал Святых
Чудесным образом из рук жестоких
Мучителей...

*(Вынимает крест, лобизает его
и падает на коліна)*

Животворящій крест!
Тобою, силой на тебі Христа
Распятого, спаслися многи уж:
Спаси меня от сих звірей свиріпых!
Ніт-ніт, мой Бог – велик и силен, Он
Спасет меня, Гадур и гунский полк
Не будет радоваться, вірю я,
Моей погибелі... Святая Мать
Спасителя Христа, ты здісь со мною,
Я не боюсь!

23 **Конечно** – явна стилістична грішка. Хотяй у російській бесіді тото слово ся хоснує у значеню «без сомнения», «разумеется», автор хоснує го у значеню «пришло время» (зазначка вишорителя – В. П.).

Арпад

Чего кричит она?
Ей вы, ребята, отведіте проч
Єё! А ты востри, служитель бога,
Свой нож!..

Євфросинія

Великий Бог, спаси меня!

*(Єё связывают, кладут вінець на главу єя, глаза єй закрывают
платком, Татош вострит нож; и когда это ділается – поют:)*

О, прими, Гадур великий,
Жертву чистую от нас:
Пісні, радостные лики,
О, прими хвалебный глас.
Жертва уж приготовлена,
На главі єя вінець,
Скоро будет умерщвлена
Для тебя, Гадур-отец!

(Татош подходит к Євфросинії, как вдруг)

Явлення 8

*(Мірослав вбігаєт со славянської дружиною, б'єт чернь, которая
падаєт то налево, то направо, Арпад и Ярослав вбігають в шатёр)*

Мірослав

(б'єт)

Проч, проч, варварска чернь!..

Славяне

(Тоже б'єт)

Проч, сыроядцы!..

(Мірослав обнімаєт Євфросинію;

Занавіса опускається).

ДІЙСТВІЄ IV

Терем в кріпости

Явлення 1

(Мірослав и Євфросинія сидят возлі)

Мірослав

Итак, уж наконец, освободившись
Из толькох бід, внов въєдно мы, да-да,
Любезна Євфросинія, теперь
Уж можно любоваться мні твоей
Осанкою небесной, целовать²⁴
Твої лазурные глаза, твой лоб;
Да обнимать воздушно гибкий стан;
Да, я любезную могу прижать
К груди; ничто відь не разлучит нас!

Євфросинія

Счастлив ли ты со мною, Мірослав?

Мірослав

Да, я счастлив, насколько человек
Лиш может быть счастлив, да надіюсь
И ты блаженна днесь со мной.

Євфросинія

О, как
Не быть счастливой мні, когда ты здісь
Со мною, друг, когда отечества
Славнійший сын зовет меня своей
Невістою!

Мірослав

Ах, світ ты мой, ты много
Страдала; уж и смерти страх ужасный
Терзал твой дух...

24 В оригіналі псы было напечатаной так: «цаловать». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

Євфросинія

Не то, мой Мірослав;

Кріпчайше рвалась грудь моя, когда
Тебя вели на казнь! Тогда, тогда
Узнала вірно я, как мил ты мні...
Увы, тот миг, когда при сем окні
Стоя, увиділа я плаху на
Рынкi, увы, тот миг никак нельзя
Мні описать... Всi адскіа страданья,
Всi муки Тантала²⁵ вселились в грудь
Мою; весь мир терялся, погибал
Пред мной – сама я умирала, друг,
Бо мир мой – ты, а я с тобой одно...
Сли ты погиб, погиб мой мир, сли ты
Погиб, погибла я...

Мірослав

Я вірю, друг,

Терзалась грудь твоя, когда меня
Вели на казнь, бо любиш ты меня.
Но смерти страх авось кріпчайше грыз
Твой дух, когда варварский князь веліл
Уж заколоть тебя...

Євфросинія

Да-да, в тот час

Страх смерти овладіл моєй душой,
Однако, друг, надежды сладкий сон
Питал унылый дух сред отчаянья.
Но, думаю, и ты, мой Мірослав,
Страдал ужасно, зная, что меня
Бесчеловічний Мадьяр своровал²⁶
И я в враждебных нахожусь руках.

25 **Тантал** (давногрецьк. Τάνταλος) – у давногрецькій міфології є то царь Сіпіл из Фрігії, сын Зевса и німфы Плуту. Любимець богів, овін веце раз ся знав из нима добрі погостити на Олімпі. Поступно ся запышив, зачав кривдити богів. Зато зошмарили вни го у підземной царство бога Аїда, де мусів вічно страдати од голода и жажды. Вираз *«Танталовы муки»* значит страданя чоловіка, одсуженого на вічні муки – того, котрый усвідомляє собі близькость желанной цілі и невозможность ї досягнути (зазначка вишорителя – В. П.).

26 В орігіналі песы было напечатаной так: «сваровал». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

Мірослав

Правильно судиш ты, прекрасное дитя,
Ту боль, которая рвала сердце мні,
Когда узнал я, что тебя злодій
Унес с собой в варварский табор, я
Не чувствовал до тіх пор никогда...
Авось убьют, авось обесчестят
Єё, иль будут мучить ніжну плоть –
Такія мысли дух терзали мой...
Нельзя представить беспокойность ту
И жгучее страданіе, кої
Пришлось мні снести... Но проч печальны мысли!
Проч грудь, сжимающа минувшость, день
Иной настал для нас! Ты здісь,
Любезна Євфросинія, теперь
Могу свободно я прижать тебя
К своей страдальческой груди... Ты здісь
Ничто уж не разлучит нас!

Євфросинія

Так, друг,
Час чорный уж прошёл да пролетіл;
Настал ведренный день – над нами так
Прелестно улыбается небес
Лазурный свод и чистая любов
Раскрыла ублажающій покров
Над нами, милый друг! Юноши ніт
Славнійшаго в Паннонії цілой,
Как ты; и ты зовеш меня своей
Невістою – о, как счастлива я!

Мірослав

Не будет ли отец твой противиться
Блаженству нашему? Не будет ли
Препятствовать, чтоб обвінчаться нам?..

Євфросинія

Отец ни в чом не отказал еще
До сих пор дочери своей, и так
Он не откажет ей ни во отцовском
Благословеніи.

Мірослав

Ах, мы – не стыдно ль
Нам – предались здісь наслаждєнію,
А под стінами кріпости Мадьяр
Опасна рать...

Євфросинія

Ты прав, мой Мірослав,
Я не задерживаю здісь тебя,
Иди, да отрази врага, и лиш
Тогда мы отпразднуєм брачный пір.

Мірослав

Так, после отраженія врагов
Ты будеш вполні уж моя – вот мзда;
И ето лучше будет поощрять
Меня, чтоб чім скоріє отогнать
Мадьяр варварску рать... Я буду драться,
Как лев и тігр; наградой відь моєй
Ты будеш, Євфросинія!

(Встаєт)

Пора

Идти, чтоб осмотреть, какой порядок
На башнях да во кріпости. Прощай,
Кріпись надеждою, мой друг!

Євфросинія

Моя

Надежда ты, любезный мой!

*(Євфросинія уходит и Мірослав хочет идти,
но останавливается, встрічаясь с Лаборцом)*

Явленіє 2

(Лаборц и Мірослав)

Лаборц

Простиш ли ты меня, великий сын
Отечества?

Мірослав

Ах, Государь, против
Меня не провинился ты...

Лабори

Ах, друг,
Я согрішил – єдва ли не погиб ты
Из-за моєй вины...

Мірослав

Родитель мой –
Виновник зла, не ты, пресвітлый князь!
Відь он хотіл лишить тебя людей
Твоїх, чтоб легче покончить с тобой.
Но Бог и Євфросинія спасли
Меня! Да, я спасен, и вот отец мой
Из-за того унес в мадыарский стан
Любезну доч твою, чтоб с части дать
Єй чувствовать позорну месть свою,
А с частью²⁷ же, чтоб за неё купить
У сладострастного мадыарскаго
Князя сей княжеский престол...
Но Бог хотіл не так – уж дома доч
Твоя и єсть надежда, добрый князь,
Что Бог поможет отразить нам и
Врагов.

Лабори

Я очень многим одолжен
Тебі, мой вірный Мірослав!

Мірослав

Ничім,
Ничім, великий князь; что я творил,
То долг был мой к отечеству! Сын каждый
Отечества так должен бы творить.

Лабори

Я знал твой храбрый, благородный дух,
Но мнініє моє ты превышил.

27 В оригіналі пєсы было напечатаной так: «Язь частью». Видав, туй проскочила печат-
на хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

Мірослав

Оставь, пресвітлый князь, не заслужил
Такой похвалы я! Об ином ділі
Нам заботиться днесь — знать, мой отец
Теперь порушит все, чтобы продать
Нас в руки неприятеля... Єму
Знакома ета кріпость, князь, и всі
Єя некріпки стороны; и так он
Введет сюда врагов... Нам нужно бдіть,
Да бодрствовать! С своей я стороны
Распорядил, что мог: на башнях вкруг
Стоят герої, запасов у нас
Довольно, нісколько суток не будет
Нам трудно выдержать осаду, а
Под тім часом прибудет дружина
Освободительна сосідных нам
Князей.

Явлення 3

Герольд
(*Входить*)

Вість радостну принес с собой
Я. Князь, освободительны полки
Князя Залана недалеко уж!
Залан летит, чтоб отразить Славян
Всеобщаго врага. Он с дружиной
Навірно будет до утра под етім
Пасмурным замком, чтоб нас спасти.

(*Уходить*)

Лаборці

Да будет

Благодареніє Всевышньому!
Теперь уже надежда вірна єсть,
Что нас не одоліет дикий враг!

Явлення 4

(Борис, Ярополк и другіе бояре входят)

Борис

Пресвітлый князь, простиш ли нас?

Ярополк

Против

Тебя жестоко согрішили мы.

Борис

Ах, князь,

Тяжким гріхом изміны можно нас
Клеймить; однако, добрый князь, не так
Виновны мы, как кажется, мы лиш
Были сліпым орудіем того
Измінника, который не лиш нас,
Но и тебя прельстил, відь он уміл
Притворничать да обольщать людей,
Которые не замітили злых,
Изміннических замыслов его.
Да ты простиш, конечно, обольщенных
Добросердечный князь!

Лаборц

Простить готов

Я вас, бо відь меня так, как и вас
Измінник обманул, хотя, друзья,
Вы должны знать, что нужно слушаться
Князя... Гді ж ваша дружина?

Борис

Что лиш

Могли собрать мы, ето здісь на башнях,
Пресвітлый князь; к тому ж, со всіх сторон
Толпятся ратники, чтоб спасть
Отечество от злых врагов...

Лаборц

Сли так,

То все идет на лад, авось наш меч
Выручит нашу жизнь!

Мірослав

О, сколько бід
Да затрудненій перешло над етой
Злосчастною землею в короткий час!
Внутренній несогласія терзали
Недужну грудь граждан, которы чуть
Не воздвигнули злой мятеж; невинных
Вели на казнь иль затворяли здісь.
Граждане повставали на князя,
Отец же сына смерти предавал...
И чтоб до дна испить нам чашу зол,
Напал на нас свиріпый, дикий враг,
Которому предать отечество
Не ужасается один из здішних
Бояр. Но, слава Богу, мы – одно,
Итак, надежда есть, что одолим
Опаснаго врага. Измінник нас
Разъединил, но Бог созвал нас внов,
Держайте же, любезные друзья,
Отечество зовет на брань своїх
Сынов – теперь иль никогда; теперь
Вооружайтесь, защищайтесь, чтоб
Не побідил кичливый враг Славян.
Спаستись иль умереть – вот наш девіз;
«Побіда или смерть» – вот храбрых зов!
Ну, присягніте же, хоробрые
Друзья: здісь умереть иль побідить!

Бояре

(Обнажив мечи)

«Смерть иль побіда!» – так нам, Боже...

(Извні доходит крик и стук оружия)

Явленіє 5

(Воин вбігаєт)

Воин

Враги вторглись в кріпость, світлый князь,
Дорогой тайной с сівера!..

В с і
(Кричат)
Изміна!..

Б о р и с
Безбожный Ярослав!..

М і р о с л а в
(Подняв меч)
«Смерть иль побіда!»

Явлення 6

(Мадьяре, предводимые Ярославом, вторгаются в терем)

Б о р и с
(К Ярославу)

А, ето ты привел сюда врагов,
Безбожный лицемір?!

(Пронзаєт єго)

Я р о с л а в
(Умирая)

Ну, будь проклят!..

(Лаборц біжит, бояре дерутся²⁸ с Мадьярами).

(Занавіса опускається).

28 В оригіналі пєсы было напечатаной так: «друтся». Видав, туй проскочила явна хыба, котру сьме виправили (зазначка вишорителя – В. П.).

ДІЙСТВІЄ V

Ліс, ріка видніється, на березу ріки – вісилиця.
Под вісилицей могила с простым крестом

Явлення 1

*(Євфросинія в траурі, с розпущеними волосами,
стоит у могили, припершись на крест)*

Євфросинія

Несчастливая судьба постигла нас,
Ужгород и князя, постигла весь
Славянский мир... Свирипые враги
Повелівають днесь на сей святой
Землі... Будь Славянин невольником
Чужих завоевателей, сли ты,
Не мог покорным быть своїм – князю
Єдинокровному!.. Да, Славянин
Не мог жить без біды – он не хотіл
Узнать владыки над собой, єму
Несносен был одноплеменный князь!
Он иго легкое скинуть хотіл.
И вот теперь рабом-слугою стал
Необузданных дикарей!.. Авось,
Сладчайше гнет Мадьяр, авось, не так
Тяжки оковы степных сыродцев?..
Суд Божий справедлив! Не может жить
Народ, который не внимает зову
Своїх начальников... Славяне не
Могли жить во согласіи, в любви;
Ненависть разділила їх, и брат
Знать брата не хотіл, преслідовал,
Гонил... Авось, теперь уж примирит
Славян иноплеменный властелин..
Не может жить народ, который не
Узнал себя, котораго члены
Не узнали, что сродны меж собой,
Котораго грудь колют распри да
Терзают несогласія... Нельзя
Народу жить, пока не съединится он!

Внимайте, діти Славы, не забудьте!
Вот вам Касандры зов: віка пройдут,
Тисячелітіє минет, и вы
Всі будете носить мадьярску ціп;
Тисячелітіє минет, и здісь
В Паннонії не будет управлять
Славянський глас... А сли хотите жить
Народной жизнию, то непременно
Соединиться вам, то непременно
Узнать друг друга братом, быть – одно!
Потомки! Если вы соединитесь,
И будете одно, то ніт врага,
Ніт силы в мирі сем, котора бы
Вас побідить могла! Здісь над могилою
Врагом позорно повішеннаго
Отца віщаєт вам то Євфросинія!
Любый²⁹ отец, какою кончиной
Позорною погиб ты на своєй
Землі?!

(Падаєт на могилу)

Вот доч твоя гроб орошаєт
Твой слезами любви; погиб ты, как
Вірнійший брат и мученик Славян,
Отечества и всій Паннонії...
Погибло все, надежды ніт, чтобы
Скинуть ціп варварску... Прощай, прощай,
Свята свобода; ноч настала нам,
Відь солнце наше закатилось уж...

(Совсім склоняєт голову на могилу).

Явлення 2

Міроslав
(Входить, про себя)

Всегда на отчем гробі плачет и
Сітуєт мой дражайший друг...

(Вслух)

29 В оригіналі пєсы было напечатаной так: «любой». Видав, туй проскочила явна хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

Опять

На сей могилі ты, опять в слезах
Находит друга друг?... О как мні жаль,
Что я всегда нахожу здісь тебя
Плачущей, Євфросинія!

Євфросинія
(Подымаясь)

Ах, как
Не плакать мні, когда отец, родня,
Когда отечество погибло... Мні
И описать нельзя, какая боль
Терзает грудь мою – я безутішна...

Мірослав

Ты очень много потеряла, друг,
Но я однако же остался твой.
Или не любиш друга ты, или
Несчастлива ты со мной, или тебѣ
Уж жаль, что ты супругою моею?..

Євфросинія

Ніт-ніт, не то, любезный Мірослав,
Відь только то кріпит еще мой дух,
Что Бог тебѣ вручил меня, лиш при
Груди твоей возможно мні снести
Удар, который разгромил меня...

Мірослав

Ах, утішайся, друг! Всі смертны мы...
Нешадный рок смерть каждому пришлет...
Днесь твой отец погиб, а завтра, друг,
Могу погибнуть я, иль ты, а ето
Всё равно – умереть в бою, в огні,
В постелі иль от рук убийц, врагов,
Безбожных злодіев; отечество ж
Еще все не погибло, друг; сли пал
Один Ужгород, ето відь еще
Не вся Паннонія, и для того

Уж полно тосковать! Надежда есть –
Славяне выженут врагов!

Євфросинія

Не быть
Тому – надежда тщетна, відь враги
Уж вкоренились здісь! Сли впустили
Врагов во кріпость, в сердце наше, о,
Тогда уж очень тяжело будет нам
Їх выгнать, даже невозможно, друг..

Мірослав

Ужгород был изміною занят,
Пока еще не прибыла Славян
Спомагательна дружина; теперь
Же съединимся всі с сосідными
Князями и, єдинодушно став
Против врага, уничтожим его!

Євфросинія

Дай Боже, но не так чувствую я:
Здісь в его сердце вкоренилось, друг,
Зловіщеє предчувствіє, и вірь
Мні, чувство сердца моего меня
Не обмануло никогда...

Мірослав

Не бось,
Не плач, любезный друг, поможет Бог,
Вот уж идут хоробрыє друзья!
Всі бодры, как орлы, всі благородны,
Как львы, да дерзки, словно тігр; нельзя
Нам унывать, відь с дружиной такой
Вселенну можно побідить! Но что
Рекут они, какую принесут
Мні вість? Собралася ли дружина,
И близко ли спомагательна рать?

Явлення 3

(Герольд и воины входят)

Мірослав
(К герольду)

Ну ж, как, мой друг, спомагательна рать
Далеко ли? Идет ли к нам Залан
И Святополк?

Герольд

Нельзя извѣстно знать,
Гдѣ есть помощный стан, бо пред врагом
Нельзя сойтися с ним; но нѣтъ сомнѣнья,
Что он к нам приближается. Вездѣ
Носится слух, что Святополк идет!

Мірослав
(К товарищам)

Вы здѣсь, хоробрыѣ друзья, пришли,
Чтоб защищать отечество свое!
Ты здѣсь, любезна дружина, пришла,
Чтоб отомстить позорну смерть князя!
Наш князь убит – Ужгород же в руках
Врагов, велика часть отечества
Уж покорилась побѣдителям!
Погибель уж крылья раскрыла над
Ужанскою землей, нас преслѣдует
Судьба, нас преслѣдует чорный рок...
Но не погибло все еще – еще
Живет Паннонія, еще живет
Славянска річ, еще живет Славян
Великий дух! Не унывайте же,
Хоробрыѣ друзья, но ополчайтесь
Против врага, против злых дикарей.
Залан и Святополк придут к нам,
А сли не будет їх, то с нами Бог!
У нас есть храбрость, вірность, бодрый дух,
Надежда и оживленная грудь! Итак,
Клянемся здѣсь, при сей могилѣ всѣ,
При гробѣ за отечество врагом
Убитого князя, что можем умереть,

Рабами ж быть нам варваров нельзя —
Рабами їх не будем никогда!

Всі
(*Обнажив мечи*)

Смерть иль побіда!

Мірослав

Так нам Боже!

Всі

Так

Нам Боже!

Євфросинія
(*Про себя*)

Всі вы умрете, друзья,
И память наша улетит, как дым,
Паннонії ж не будет никогда...

(*Занавіса опускається*).

А М С Т О К Ъ.

Нръ 4. Годъ VII.

Унгваръ.

15. февраля 1891.

Выходятъ 1-го и 15-го числа каждыя мѣсяца
въ объемѣ одного печатнаго листа.

Подписная цѣна:		Для сотрудниковъ и дѣшко-учителей на весь
На годъ —	— 4 гульд.	годъ съ «Додаткомъ» — 3 гульд.
Съ «Додаткомъ» —	— 5 »	Подписку и разныя статьи адресовати слѣдуетъ
За границею съ «Додаткомъ» —	— 6 »	редактору въ Пошукско (Pogóskó, Ungmegye.)

Отвѣтственный Редакторъ: ЕВГЕНІЙ ФЕНЦИКЪ.

Новости, смѣсь.

— Архикнязь Франц Фердинандъ Эсте, предпологаемый престолонаследникъ, посетилъ русскій императорскій дворъ. Въ С.-Петербургѣ пробылъ онъ цѣлый тыждень и былъ русской императорской семьей очень симпатично принятъ. Во всю бытность его въ С.-Петербургѣ не прекращались въ честь его данныя балы и празднества. Дня 3. (15.) февраля находился уже архикнязь въ бѣлокаменной Москвѣ, посѣтилъ р. кат. костелъ, принялъ депутацію австро-

венгерской колоніи, осматривалъ достопримѣчательности города, присутствовалъ на коньскихъ скачкахъ, и послѣ обѣда у гр. Орлова Давидова отправился въ оперу. Другаго дня былъ на обѣдѣ у кн. Владиміра А. Долгорукова. Князь отличенъ русскимъ императоромъ орденомъ св. Андрея первозваннаго. Мадиры очень негодуютъ, что во свѣтъ а. князи нѣтъ ни одного мадира.

— На дняхъ посетилъ школу въ Кай-дановъ катой-то «смотритель» и когда

Книгопечатня «БЕЛЕТЪ» въ Унгварѣ. 1891

Нищіе духомъ.

(Разсказъ.)

› Не надѣйтесь на князи
ваши, въ нихже нѣсть спа-
сенія!«

Въ селѣ Заломахъ готовились для освященія новой церкви. Старенькая деревянная церковь на только обветшала, что въ ней уже трудно было совершати Богослуженіе. Заломляне видѣли это и уже сами приходили на мысль, что нужно сооружати новую церковь. Что соорудити деревянную церковь не дозволитьъ духовное начальство, о томъ Заломляне знали; но и сами прекрасно поняли, что лучше создать Богу

НИЩІЄ ДУХОМ¹

Повість

Не надѣйтесь на князи ваши,
въ нихже нѣсть спасенія!

В селі Заломах готовилися для освященія новой церкви. Старенькая деревянная церков натолько обветшала, что в ней уже трудно было совершати богослуженіе. Заломляне виділи ето и уже сами приходили на мысль, что нужно сооружати новую церков. Что соорудити деревянную церков не дозволит духовное начальство – о том заломляне знали, но и сами прекрасно поняли, что лучше создати Богу храм из твердаго матерьяла – из камня, чтобы он был прочным, чім строити деревянное зданіе, которое скоріе ветшает и портится и так, если и не теперешнім жителям, но внукам или правнукам їх придет внов занятися строеніем церкви. Заломы было село великое, числящее около 3000 душ; и так жителі уже и стыдалися, что у них обветшалаая деревянная церков, когда по всей окрестности красуются білокаменные храмы с жестью покрытыми колокольнями, верхи которых так и блещут в лучах світозарнаго солнца.

Пред двадцати годами о. Коломан Gyertyánfi внушил своїм прихожанам мысль, чтобы они построили, в славу Божию, великолѣпное зданіе. План сготовил вармедьскій² инженер³; он оказался великолѣпным. Спархіальное начальство не могло не дати согласія на строеніе по

1 Язык первопечатного текста повісті «Нищіе духом» (вна ся печатала у журналі «Листокъ» на продовженя у роках 1891 – 1895) мож означити як «язычіе», авадь «традиційный карпаторуський языкъ» XIX столітя. Зачим доднесь сесь твір нигда ся не перевыдавав, у новому выданю (про сочасного русиньского читателя!) сесь архаічний язык передали сьме у транслітерації русиньсков кирилков. Веце за основы «язычія», правила и проблемы транслітерації тестів, писаных в «язычію», *позирай*: додаток «Язычіе. Принципы и проблемы транслітерації творів (не лем) С. Фенцика», с. 385 (зазначка *вишорителя* – В. П.).

2 **Вармедьскій** (одведеня од *мадяр.* «vármegye» = *русин.* «вармедь», *лат.* «comitatus») – комітатський. **Комітат**, авадь вармедь – адміністративно-територіальний округ в Угорьскому корольстві (зазначка *вишорителя* – В. П.).

3 В оригіналі было напечатаной так: «инжинеръ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (зазначка *вишорителя* – В. П.).

сему плану; оно виділо, что зданіе по сему плану выйдет прекрасное, которое послужит украшеніем для всей епархіи; однако оно не пропустило примітити, что осуществленіе сего плана очень обременительно для прихожан, ибо 50 000 гульденов – не бездѣлица; для чего он одобряется лиш в том случаі, если прихожане проукажут, из чего наміряют покрывати еті огромныя издержки.

О. Коломан созвал громаду и предложил ей рішеніе епархіального начальства. Многіе испугались.

– Тадь кедь продаме и жены и діти, та ищи не збереме таку суму⁴, – сказали они.

– Вы малодушны, – отвічал о. Коломан. – Правда, для созданія такой церкви требуется много грошей и труда, но не забывайте, что все получаем от Бога, и так всім, что иміем, должны жертвовати для славы Божией. Бог силен сторицею нагородити ваши труды и ваши издержки. А даліе, не стыд ли для заломлян, что у них ніт церкви? Смотрите, возлюбленные, на ваших сосѣдов: в каждом селі прекрасныя каменныя церкви, лиш заломляне остались от других людей! Жителям наибольшаго, найбогатішого села некуда сойтися и помолитися Богу! Не стыд ли ето для заломлян?

– Правда-правда, Пан Превелебнійший, тай мы хочеме будовати церьков, єднако могла бы быти и меньша.

– Та ты пядью хочеш міряти дар твой Богу? Не стыдно ли тебі, Олексю?

– Айбо, коли сьме не годны.

– Тебі так видится, Олексю. Село – не сирота; если єсть кріпкая воля, она все переможет. Заломы в цілой вармеді – найславнійшее село, и так и найславнійшую церков должно иміти. Посмотри, Олексю, – о. Коломан развернул план, – что то за будинок! Спереді дві башні, як в Марія-Повчи и в Унгварі, по бокам єще пять меньших башен! Что за село будут Заломы, если в середині села будет красоватися такая церков! Всі селяне будут больше чести и больше уваги иміти. А какую заслугу приобрящут у Бога!

– Сесе вшитко правда, айбо где взяти нам 50 000 золотых?

– Та что ты думаєш, Олексю? Нам не сей час нужна вся сія сума, а через 10-15 літ лиш можно что-то сділати.

4 Хотяй повість написана язычіем, літературні особы из русинської етнічної сполочности (жителі села) туй усе бесідуют по русинськы. Є. Фенчик у первопечатному тексті сакі фрагменти русинської бесіды передав у транслітерації – російськов кирилков. Зачим нове перевыдана є націленою на сочасного русинського читателя, правописаня сих конструкцій привели сьме (транслітеровали сьме) – у міру возможности – русинськов кирилков (*зазначка вишорителя* – В. П.).

– Прийдеме всі на біду.

– Не бойтеся, я вам расскажу, из чего можете сготовити гроші. У вас обширна толока; не почувствуете, если от толоки оторвется 20 югров земли. Сію землю не трудно будет общею силою нагноити, поорати, засіяти, обкопати – єдним словом, обробити. Если Бог даст благодать, из земли можете иміти ежегодно около 1000 золотых доходку. Крім того, фурманка, денники придут вам без платы; попрошу пана Домбокi – камень и дерево даст вам в честь или за дешевую цену – за работу. Кое-что подарует Єго Величество царь, а кое-что – славная міністерія; и так дом Божий с помощью Божиєю и добрых людей сготовится. И вы будете иміти славу у людей и заслугу у Бога.

Громада согласилась. Єй стало ясно, что 50 000 золотых для цілаго села не так великая сума, как они воображали. О. Коломан Gyertyánfi переслал єпархіальному начальству объяснение о том, из чего возьмут заломляне деньги для так великоліпного зданія. Постройка началась. Старосты (*кураторы*)⁵ прежде всего отправились к поміщику Домбокi с челобитней⁶, чтобы благоизволил дати їм для постройки церкви камня. Г. Домбокi не мог отказать – он находился в приязни с о. Gyertyánfi; кроме того, Заломы было великое село, числящее около 200 избирателей; не мог же он прервати хорошия сношения с таким значительным числом вотизирующих⁷ людей.

– Хорошо, можете возити камень; однако, если мні нужна будет ваша помощь, буду рассчитывать на вас. Вы – село великое, у вас много подвозчиков; думаю, не откажете перевезти находящиеся в лісі моем дубовыя дуги на станцію желізной дороги. В хорошем алдомаші и пакликах⁸, разуміется, не будет недостатка.

Старосты не возражали ничего, но г. Домбокi замітил по выражению лица їх, что предложение єго произвело на них не особенно приятное дїйствіе. В лісі находилось около 3000 метров дуг; доставка

5 У **круглых скобках** (-): Доста часто у текстах своїх творів автор Є. Фенчик при словах, значенія котрых читатель міг не порозуміти авадь порозуміти зле, давав у круглых скобках поясненія тых слів. Суть то подля языка троякі глосы (поясненія): 1) **по російськы**, приміром: лейбик (*камзол*); кметь (*крѣпостный*); кальга (*камин*); 2) **по русинськы**, приміром: пономарь (*церковник*), гонт (*шингла*); 3) **по мадярськы**, приміром: каторга (*gályarabság*), ссуда (*kölcsön*), кутила (*dőszőlő*). Зачим иде за авторськый текст, рассудили сьме лишити сесі глосы-поясненія; подаєме їх у круглых скобках курсівом (*зазначка вишорителя* – В. П.).

6 **Челобитня** – из *російськ.* «челобитная» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

7 **Вотизирующий** – од слова «вота» – голос избирателя; «вотизовати», авадь «вотувати» – голосовати на когось (*зазначка вишорителя* – В. П.).

8 **Паклик** (*русин.*) – *російськ.* «пакетик», «пачка». Годно быти, же у сьму контексті иде за паклик догану (*зазначка вишорителя* – В. П.).

їх на залізничну станцію могла вынести, по крайній мірі, 1500 гульденов. «Немножко дорого за камень», – подумали старости.

– Доставка моїх дуг на залізничну станцію, – продолжал г. Домбокі, – придет селу по ничему⁹. Моя каменоломня находится недалеко от залізничной станції, вам необходимо идти по камень чрез мой ліс, и так все равно: идете ли с порожніми повозками или наберете в лісі на повозки дуг и перевезете на місто назначенія. Крім камня, для церкви нужно вам будет и деревяннаго матерьяла; если сділаєте мні услугу, и в дереві не откажу вам.

– Мы знаеме, что пан великоможный ласкавы; мы не можеме жити без їх милости.

Г. Домбокі налял старостам по рюмочкі водки, которую они и выпили на здоровье пана великоможнаго.

Дуги зачали доставлятися на станцію, а из каменоломні привозили камень для церкви. Известняк получали заломляне тоже от г. Домбокі и выжигали его дома. В лісі для верха храма тоже не отказал їм поміщик. Но за то кончили єму заломляне почти всю полевою работу безвозмездно. И так заломляне оказались настоящими кметями (*крѣпостными людьми*) г. Домбокі. Правда, что и он с своей стороны не оказывался скупым: весь матеріал, который нужен был для постройки церкви, давал он безвозмездно; великодушіе его простиралось до того, что он не возбранял заломлянам выгоняти даже скот в его ліс, а в ріці ловити рыбу и раки; разуміється так, чтобы из сей ловлі снабжали и его барский стол.

Г. Домбокі был мелкий поміщик, как говорится «*hét szilvafás földes úr*»¹⁰, но вследствие сділки с заломлянами состояние его росло не по дням, а по часам. Через нисколько літ он так обогатіл, что в состояннїи был купити помістьє разорившагося сосідняго поміщика Бодзашї, состоящее из дворца, господарских зданій и 1000 югеров земли, за 100 000 гульденов.

Таким способом сділался г. Домбокі крупным землевладільцем; получил вірільный голос на вармедьских собраниях и приобріл большое уважение среди вармедьской знатї.

Основаніе матерьяльнаго благосостояннїя г. Домбокі было положено, а вмїстї с тїм и перспектива на будущую карьеру представлялась для

9 Придет селу по ничему – стїлістична грїшка; то значит, же «выйде селу скоро задарь» (*зазначка вишорителѣ – В. П.*).

10 *Hét szilvafás földes úr* (*мадѣр.*); правильной написаня: «*Hétszilvafás földesúr*» – дословно: «землепан, што має лем сім сливовых дерев». Є то насмішлива прозывка худобного землепана (хоснує ся помежи трансілванські мадѣры) (*зазначка вишорителѣ – В. П.*).

него очень радужною. Г. Домбокі не без основания рассуждал: «Для чего бы я не мог статися сеймовым депутатом? В вармеді меня уважают, я нахожуся в приятельских отношеніях с февішпаном¹¹ – відь не должен же он забыти, что сколько раз он нуждался в деньгах, мой бумажник всегда был к его услугам. Ніськими тысячами он и в настоящее время должен мні. Между такими обстоятельствами невозможно предполагати, чтобы он противился моеї кандідації. Разуміється, я выступлю с правительственною програмою. На успіх могу рассчитывать уже по той причині, ибо наибольшее село Заломы и душею, и тілом принадлежат мні. Впрочем, мужики по всей окрестности считают меня «добрым паном». Конечно, к тому нужна была неповседневная хитрость, чтобы приобрести расположение мужиков. Заломы – мої, а другія села вірно пойдут по приміру заломлян. Затрудненіє нахожу єдинственно в том, каким способом выступити кандідатом сеймоваго депутата. Не стану же я сам сунути себя в кандідаты; а другому кому-нибудь єдва придет в голову, чтобы меня кандідовал. Впрочем, для полного успіха и того єще недостаточно, щоб какой-то пріватный человек стал меня кандідовати; найприличніе будет, если моя кандідація выйдет от вармедьскаго избирательнаго комітета.

Отец Коломан бессомнінно войдет в состав єтого комітета; он очень много мог бы сділати в мою пользу. Необходимо как-то ловко внушити єму, что я непременно желаю быти сеймовым депутатом. Что он, узнав о моем задушевном желаніи, напружит всі силы, чтобы осуществити єго – о том не может быти ни малішого сомнінія. Рука руку моєт.

О. Коломан Gyertyánfi происходил почти из-межи крестьян. Правда, отец єго был дьяком в Козодоях, но все житє-бытє єго не отличалось от крестьянскаго. Жил он в соломою крытой крестьянской хижині (в сороковых годах єще таковы были дьяковні!), ходил в холошнях и гуні, обувал лапті и заходился с на мужицкий лад приготовленными блюдами. От мужиков отличался он только тім, что співал на кліросі, носил с собою часословец – с єтой книжкой он никогда не расставался; он обыкновенно брал єё с собой и тогда, когда шел в поле на работу и надівал вверх сорочки лейбик (*камзол*) из темно-синяго сукна. Он был благочестивый старик и, несмотря на свое убожество, чувствовался довольным, ибо высокопарных мечт и желаній у него не существовало. Калманка (такое имя, которое, впрочем, было беспримірно у русских, дал он своему сыну по приміру своего кума, ліснаго сторожа, у кого

11 **Февішпан** (мадяр. *főispán*) – голова вармеді, комітата; російськ. «губернатор» (значка вишорителя – В. П.).

тоже был сын – очень красивый мальчик Коломан), сына, обучал он сам грамоті.

Мальчику шло на ум, для чего отец и отвез его в сусідний городок, гді он с хорошим успіхом окончил нормальныя школы. Отцу недоставало средств, чтобы продолжати образование своего сына; но Коломан изо всіх сил рвался за наукой. Он не желал заниматься черной работой, не хотіл ходити в лаптях и холошнях, а хотіл статися паном. Отец принужден был отвезти его в город, гді он у одного стряпчего получил приспособленіе: замітал комнаты, чистил сапоги, носил бумаги на почту; словом, отправлял роль камердінера, за что получал квартиру и кое-какое содержаніе. Коломан исполнял совістно свої обязанности, его не конфузило то обстоятельство, что он выполняет очень унижительную работу; напротив, его одушевляла мысль, что он все-таки добьется ціли – сділається паном. Когда Коломан поступил в четвертый гімназический клас, он получил уже «віктуальную¹² кондіцію» – уділял первоначальныя уроки дітям одного богатого купца и получал за это полное содержаніе. Это было уже не унижительное занятіе, а такое, которое вполні соотвітствовало его студенческому характеру. Когда Коломан сділался слушателем сідьмаго-восьмаго гімназического класа, тогда было уже у него и порядочное содержаніе, и всегда водились и кое-какія деньжонки, получаємыя за уроки, уділяємые тупоумым баричам.

Еті уроки доставили Коломану возможность познакомиться с знатніишими кругами общества; одна семья рекомендовала Коломана другой, о нем говорили только с похвалою; да должно признатися: он уміл презентоватися, так что с перваго взгляда ділал на встрітившагося с ним приятное впечатлініе. Он был высокаго атлетического роста, с приятными мужественными чертами, черными волосами, которые придавали лицу его тім больше білизны, и с большими темно-синіми мечтательными глазами. В обращенії присвоил он легкость и непринужденность, готовность к услугам и так рідкое в наше время смиреніе. Он обладал неподражаємою способностью развлекати компанію; гді он появился, там не сміла показатися и тінь скуки; вслідствие сего свойства он везді был вожденным гостем. Ловкость свою вращатися в компаніи приобріл он, между прочим, тім, что давал уроки сыну діректора театра, который снабдил его карточкой на свободный вход в театр, и так Коломан бывал ежедневно в театрі. Крім сего, очень любил занима-

12 Віктуальный – русин. «стравовый», «їстиво» (зазначка вишорителя – В. П.).

тися мадярскою¹³ літературой, перечитал лучшие сочинения всіх современных мадярских белетристов. Разуміється, что прочитанными, особливо понравившимися ему фразами воспользовался в данное время в компанії. Дошло до того, что он даже сам составлял мадярськіє стихи и декламовал їх в компаніях. В театрі присвоил способность хорошаго представления; в звучном голосі его дышало чувство и страсть, и так бывали случаи, когда он всю компанію приводил в восторг – объявлением признательности, аплодісентам не было конца. Одним словом, Коломан был празднуемый молодой человек.

Нельзя того сказать о Коломані, чтобы он презирал своїх родителей; он искренно любил их и был їм благодарный; однако, находясь ежедневно в сообществе с баричами и превозносимый богатыми и знатными барышнями, он вжился в этот круг и мало-помалу стал почитать себя чим-то высшим, чим он в самом ділі был. Он зачал почитать себя, по крайней мірі, таким паном, как ті, которым он давал уроки и над которыми его настолько превозносили. Не станем удивляться, что между такими обстоятельствами Коломан как-то скрывал свое происхождение и ему очень не нравилось, что фамилія его – Грабовчак. (Тогда он был еще Грабовчак, а не Gertyánfi). Он пристал бы уже тогда переименити свою фамилію, однако не хотіл обидіти своего старика-отца, да и не знал тому способ.

Окончив гімназический курс, Коломан Грабовчак был воспринят в клір и сдіался слушателем богословія. Отец его кріпко настаивал на том, чтобы сын его сдіался священником. Коломан не противился отцу; відь он от дітства того именно и желал, чтобы сділатися священником. Он еще как мальчик часто бывал в домі своего приходскаго священника; ему нравился и его образ жизни, и почесть, [с] которою относились к нему прихожане, а особенно не могло стерться с памяти мальчика, когда приходский священник одівался в блестящія ризы и совершал богослужение. Невинная душа мальчика полюбила священническое служение, и его что-то інстинктивно влекло, чтобы он тоже сдіался совершителем такого высокаго служения. Никогда не чувствовал Коломан большую радость, как того дня, когда он первый раз облекся в талар; ему так казалось, что теперь осуществились всі его задушевные мечты. Он мог

13 Туй и дале у первопечатному тексті повісті находиме двоякой написаня етноніма «мадяр», а тыж одведень од того слова, приміром: «мадяр» – «мадьяр»; «по мадярски» – «по мадьярски»; «мадярский» – «мадьярский» и др. У первім варіанті иде за приближену гу живій бесіді русинів орфографічно-орфоєпічну норму, у другім – норму, характерну про російський язык. Зачим не иде за авторський стил, рассудили сьме лишити лем приближенный гу живій бесіді русинів варіант, як от: «мадяр», по мадярски» и т.д. (зазначка вишорителя – В. П.).

бы сділатися служителем алтаря по сердцу Ісуса Христа, если бы тог-дашня семінарская жизнь тому поспішествовала. Но, увы, в то время віял такой вітр, который, хотя и не заморозил, но значительно охладил всі благородные порывы его души. Много говорилось о том, что наш русский календарь отжил свой вік, что нужно-де принять календарь Григоріанский, что наш восточный обряд тоже не годится для настоящего віка прогреса, необходимо его скоротити, что св. посты – выдумка монахов, что соблюдение їх – между кальвиністами и другими инославными народами, соприкасанія с которыми избігнути нельзя, – чисто невозможно и проч. Подобные толки, происходящие свыше и разносимые людьми высокопоставленными, не могли не производить на Коломана превратнаго впечатлінія.

Он любил все, что родное; отец его уміл вкоренити в его ніжном сердці привязанность к Богу и церкви, ему были дорогі всі родные обычаї, всі обряды и установленія церкви; он інстинктивно привязывался к ним. Но объяснить ему всі еті обряды, указать на їх возвышенность, на їх превосходство над всім, что когда-нибудь подпало под суд и чувства человечества, было нікому! Інстинктивная привязанность его ко всему родному осталась інстинктивною, не сділалась сознательною, не основывалась на незыблемых доказательствах, не была облечена в научную форму. И так не чудо, что она не могла противустати противоположным толкам, раздававшимся так из уст міродательных лиц, как в повседневных разговорах. Коломан был привязан к своей родині; но он желал и попаніти; он во что бы то ни стало хотіл быти паном. Жити, как его отец – работати от рана до вечера и при всім етом ходити в лаптях, їсти по мужицки и не дружити с панами – ему казалось каторгой (*gályarabság*), а не жизнью. Но он зачал мало-помалу понимать и то, что если он слишком станет дорожити своей родиной, если будет привязыватися к воспоминаніям своего дїтства, если станет не то защищати русский календарь, обряды, посты и иные милые ему вещи, а только проронит гді-то чувствам своїм соотвітствующее слово, то ето может повредить ему и отдалит его от вожденной ціли. Для того Коломан Грабовчак сдавил в собі всі воспоминанія невиннаго дїтства, всякое удовольствіе, происходящее из того, если погрузился в свої благородныя задушевные мечты; отогнал от себя всякую чувствительность и ступил рішительно на дорогу, которая долженствовала привести его к ціли, шествуя по которой, он должен был сділатися паном.

Прежде всего, рішил он, что в разговорі – изъѣмши необходимости – никогда не проронит русское слово, даліе предпринял, что в вопросах, касающихся календаря, постов и обрядов церкви ни пред кім не объявит

своего мнінія; но чтобы представить себя кандидатом на панство, зачал он лихорадочную діяльність на літературном полі, разуміється на мадярском літературном полі; о том, что нужно бы развивати свою родную русскую письменность и образоватися в том языкі, на котором когда-то должен будет проповідати слово Божие и совершати богослуженіе, Коломан Грабовчак и не думал. Вмісто того, виписал дюжину мадярских газет и романов и вполні передался чтенію їх. Неодолга зачал он писати стишки, відь еще как гімназіст декламовал на сходках свої вірши, которые – он ето хорошо помнил – производили восторг во слушателях. Труд свой представлял он семінарскому самообразовательному кружку, и послі ніскольких похвальных отзывов осмілился пересылати произведения своей ліры в редакції для напечатанія; нікоторые вірши его дійствительно и появились в печаті – под псевдонімом «Gyertyánfi». Под мадярскіе вірши как-то трудно было ему подписыватися своїм настоящим русским именем. Впрочем, он имя свое еще как гімназіст стал ненавидіти; теперь же просто гнушался їм, ибо воображал, что оно будет для него преградой в его карьері.

Богословскими науками Коломан занимался очень мало. Приліжное чтение газет, вроді «Pesti Napló» и модных романов, в конці концов убідили его, что богословіе и не наука в строгом значеніи етого слова. Богословскіе учителя по причині ограниченности своїх знаній или, вірнійше, по причині небрежнаго выполнения своей высокой должности, не могли разуверити его в его ошибочном убіжденіи. Впрочем, задачи он всегда знал; відь ему достаточно было раз прочитати шкабелум¹⁴, чтобы он остался в его памяти, но ко всему изученному матерьялу относился очень скептически. Когда был на третьем богословском курсі, он настолько поддался уже всосанному из жидовских газет світскому духу, что, если бы не боялся опечалити своего престарілаго отца и если бы не жаліл о потерянном, по его убіжденіи, в семінарії времени, то непременно переініл бы духовное званіе на какую-то світскую должность. Сділати ето, однако, не рішил и стал заниматься мыслью – вознаградити себя, по крайней мірі, выбором супруги из світскаго сословія.

В сосідстві Козодоев находился небольшой городок Козицы; в етом городкѣ жил окружный новтарош Гейза¹⁵ Ньюзов, который слыл богачем (в самом ділі у него находились какіе-то девять-десять тысяч гульденов). Люди говорили, что еті деньги приобріл он так, что когда собирал податъ, а у бідняков нечѣм было платити, он покупал от них

14 **Шкабелум** (лат. skabellum, мадяр. skabellum, російськ. скабеллум) – туй у значенію «урок», «конспект» (зазначка вишорителя – В. П.).

15 **Гейза** (мадяр. Geiza) – мадярської чоловічої імня (зазначка вишорителя – В. П.).

мелкий скот за бесцінок, но оставлял у них для вскормленія. Подать однако не выплачивал сей час; рестанція осталась рестанцією до тих пор, пока скот вырос и был продан на торгі. Таким образом понаскуповал он значительное число рогатаго скота. Когда цена на рогатый скот подскочила, он веліл вести на торг, гді и продавал его. Барышем поділился с бідняками. Рестанцію виплатил. А чистый барыш поміщал в сберегательную касу.

У господина Ньюзова была лиш одна доч, Луйза – прекрасное создание с біленьким овальным личиком, голубыми глазками, лебединой шеї, богатыми русыми волосами, стройным гибким станом и пискливым голосом. Луйза считалась хорошей партією. С части для того, ибо была єдинственная доч; слідовательно все богатство Ньюзова принадлежало ей; из части же для того, ибо вармедьский віцішпан¹⁶ был єя уйком; да и при міністерстві релігії и народнаго просвіщенія находился какой-то отдаленный родак. И так были виды и на протекцію. Коломан Грабовчак не мог не быти знакомым с красавицей, жившею в его сосідстві. Он зачал взвішувати всі обстоятельства: прежде всего богатство, затім родню и протекцію, наконец – красоту и другія свойства Луйзы и нашёл, что, в конці концов, она – превосходная невіста. Препятствіе для брака находил только в том, что священники, імюющіе полдюжину дочерей, будут косо смотріти, что он выбрал не поповну, а цивільную дівушку. Правда, нужно будет заплатити тысячагульденовую кавцію в пользу священническаго вдовиче-сиротскаго фонда, но на ето хватит из вкладных книжечек г. Ньюзова. А может быти, и отпустят, как ето случилось уже не раз; наше єпархіальное начальство – милостиво.

Окончив богословскія студії Коломан Грабовчак стал ухаживати за Луйзою Ньюзов. Красивая внешность, ловкое обращеніе, краснорічивыя бесіды, превыспреннный образ мыслей, воздушные замки, построенные в воображенії молодаго человека на счѣт будущности, не могли не произвести на Луйзу очарывающаго впечатлінія. Когда Коломан замітил, что Луйза к нему не равнодушна, одного прекраснаго сентябрскаго вечера, при сїянні полнаго місяца, в тіни фруктовых деревьєв сділал он ей предложеніе. Луйза чуть замітным голосом произнесла свое «да», рішающее судьбу обоіх. Неодолга попросил Коломан руку Луйзы от єя родителей.

Г. Ньюзов не отказал, замітил только, что фамілія его – Грабовчак – звучит очень по московски, что с такою фамілією в настоящее время

16 **Віцішпан** (маляр. *vicispán*) – русин. «віцішпан»; російськ. «вице-губернатор» – заступця управителя комітата, вармеді (зазначка вишорителя – В. П.).

восторженного патріотизма трудно будет добитися до чего-нибудь; что, следовательно, необходимо переименить её на Gyertyánfi; відь это и так его псевдоним, извѣстный по всему широкому отечеству. Коломан отдал полную справедливость вышесказанным словам, приобіщав, что он непременно переименит свою фамилию на Gyertyánfi, однако не хотѣл бы показаться к своему отцу неблагодарным и огорчить его послѣдніе дни. Г. Ньюзов настаивал на своем. «Как это возможно, – думал он про себя, – чтоб я, приглашая гостей на свадьбу, напечатал на зазывных карточках, что я, Ньюзов – Древняя мадарская фамилія! – выдаю єдинственную доч свою за Грабовчака! Пфуй! Не быти сему!

– Вы сдѣлали бы, милый Коломан, и для меня, и для Луйзы большое удовольствіе, если бы переимѣна вашей фамиліи послѣдовала еще прежде свадьбы. Я так думаю, что ваш старик-отец на такіе пустяки не обратит вниманія. И, в концѣ концов, поступите благоразумно, если имя, которое служит вам помѣхой в вашей карьерѣ, переимените на благозвучное.

– Поговорю об этом с моим отцом, – сказал Коломан, – и если только это окажется возможным, будьте увѣрены, что я с удовольствіем исполню ваше желаніе, которое уже от нѣскольких лѣтъ вмѣстѣ и мое желаніе.

– И так, ты женишься сыноньку, – сказал одного вечера отец Коломану, – най бы было, кобы только не брал себѣ в супруги доч нехриста. Та нѣтъ ли достаточно красивых русских дѣвушек?

– Но со другою я не мог бы быть счастливым.

– Один Бог знает, сын мой, будешь ли и с етой счастливым! – сказал старик и тяжѣлый вздох вырвался из его груди.

– Батюшка! Для моего будущаго счастья необходимо, чтобы я имя Грабовчак, которое многим очи колет, переименил на мадарское Gyertyánfi; это відь одно и то же.

– Так! Тебѣ стыдно носить имя твоего отца?

– Нѣтъ, батюшка, но я желал бы, чтобы и Вы писались Gyertyánfi.

– Я!? С ума ты сошел?! Будь ты, сын мой, – Gyertyánfi, но я дни свои доживу тѣм, чѣм был; ты сдѣлался паном, ну и, естественно, что хочешь прервать всякую связь с своими простыми предками! Для того я тебя воспитал, чтобы ты отвергся своего отца? И старик залился горькими слезами.

Через двѣ недѣли старик упокоился.

Коломан остался независимым господином своих поступков. По указанію своего будущаго тестя подал он челобитную в министерство с 50 крайцаровою гербовою бумагой, в которой просил разрѣшеніе переименить свою фамилию на мадарскую.

Разрѣшеніе скоро послѣдовало и Грабовчак сдѣлался Gyertyánfi.

Желаніє г. Ньюзова исполнилось, а Коломан по своєї духовной нищеті не нашёл для себя во всей етой работі ничего унизительнаго.

Теперь уже ничего не препятствовало свадьбі. Она и сбылася с великолпным торжеством. Но и обошлаь она очень дорого. Господин Ньюзов слыл богачем (ибо на бідной угорской Руси, если кто насбирал себѣ два-три тысяча, тот уже и богач), и так хотіл праздновати свадьбу, как говорится, на весь мир. Приглашена была вся вармедьская знать, были и нѣкоторые духовные достойники. Конечно, г. Ньюзов устроил такую славную свадьбу не только для того, чтобы ѣсти, пити и танцовать, но и из других расчѣтов. У нас протекціи, по большей части, отыскиваются между стаканами, на пиршествах. Если какое-то высокопоставленное лицо в чьем-то домѣ с увольствием забавлялось, провело время хорошо, то и протекція готова – всѣ члены етого дома могут рассчитывать на его благоволеніе и заступничество. Разуміється, что сдѣлати хороший день таким лицам, от которых можеш что-то ожидать, стоит очень дорого; но всегда есть надежда, что издержки вернутся с процентами.

Не станем описывать подробно, какую свадьбу устроил г. Ньюзов; достаточно замѣтити, что вина были превосходны, даже в шампаньері не было недостатка, блюда были взысканныя, стол был завален всякаго рода лакомствами, наряд невісты стоил нѣсколько сот гульденов, музыка была безупречная; само собою разуміється, что свадебный народ, не изъемиши и высокопоставленных мирских и духовных достойников, находился в самом лучшем юморі. Не чудо, что между такими обстоятельствами пир продолжался через цѣлых три дня; да и послѣ трѣх дней находились такіе, которые бы радушно остались и дальше пировати, если бы благоразумнѣйшіе не сознали, что из сего довольно было только, и не зачали раскланиваться с домашніими.

Послѣ свадьбы Коломан Gyertyánfi по принятому в высших кругах обыкновенію предпринял с своею молоденькою супругой отправитися путешествовати. Для путешествія нужны были опять деньги; г. Ньюзов не смѣл отказати, пошѣл в сберегательную кассу, вынял 1000 гульденов и отдал ѣх своему зятю с тѣм однако объявленіем, что етѣ деньги составляют приданое Луйзы и так не слѣдует истратити ѣх понапрасному, но нужно в Будапештѣ, куда молодые намѣряют отправитися, покупати мебель, столовый прибор и прочія нужныя для домостроенія вещи. Коломан очень обрадовался; в глазах его тысячка составляла великую сумму. «Гдѣ бы я мог даже видѣти, – подумал он, – в одной купкѣ только денег, если бы я женился на какой-то поповнѣ?

Путешествіє было предпринято. Молоденькая чета чувствовала себя счастливой; не даром же первыя неділі послі брака называются медовыми неділями. В Будапешті Коломан с своєю Луйзой остановился не в готелі, но у одного родственника г. Ньюзова, который состоял секретарем при міністерстві релігії и народнаго просвіщенія. Это сдѣлано не из расчетов сбереженія, но, главным образом, для того, чтобы познакомиться с вліятельными людьми, могущими оказать Коломану в свое время покровительство. Ожиданіе не обмануло господина Gyertyánfi – у родственника своєї супруги, міністерскаго секретаря, в самом ділі сошѣлся он с нѣкоторыми вліятельными особами. Он, между прочим, много разговаривал с ними о житїи-бытїи наших «русначков», предложил цѣлые планы, по каким намірен он поступати как священник, чтобы вывести їх из теперішняго коснінія, возбудити в них горячїй патріотизм и сдѣлати їх настоящими мадярами. «Русский народ до тѣх пор, – выразил он свою душевную мысль, – не вымотается из своего полудикаго состоянія, пока не сдѣлается настоящим мадярским. Образованіе возможно-де лиш на отечественном языкѣ.

– Вы хотіли сказати, – отозвался міністерскій совѣтник Юріи Бабеску, родом румун, – образованіе с успѣхом возможно лиш на родном, материнском языкѣ.

– Да как же на родном языкѣ, когда в Угорщинѣ во всѣх школах учат лиш на отечественном – мадярском языкѣ?

– Ну, и для того в образованїи преуспѣвает лиш один мадярскій народ; а русскіе, словаки, румыны, сербы не могут стати с мадярами на одном и том же уровнѣ просвіщенія. Ну, что скажете вы о ваших русских? Образованы они?

– Нѣтъ, они отстают, ибо не знают по мадярски!

– Нѣтъ, не для того отстают, что не знают по мадярски; но для того, ибо не обучивают їх на родном їм языкѣ, а силятся учить їх на таком языкѣ, котораго они не понимают. Представте себѣ, возможен ли успѣх, если учитель говорит своѣм ученикам на чужом языкѣ; сколько ему усилія, сколько времени нужно для того, чтобы дати ученикам поразумѣти то, о чѣм говорит; о том уже и говорить не стану, что и при всѣх усилїях, при всѣй прилежности своєї не удастся ему обьяснити ученикам своѣм все то, что желает и что їм знати необходимо!

– Но прежде нужно їх обучити мадярскому языку.

– Да, нужно бы, если бы это так легко сдѣлати, как сказати. Но вообразите, что вы чрез восем годов обучались в гїмназіях латинскому языку, а однако не знаете говорить по латински; как же можно требовати от сельскаго мальчика, чтобы он сей час, как вступит во школу, научился

по мадярски! Відь ето невозможно! Если же до тіх пор не приобретіт никаких знаній, пока не будет знати по мадярски, ибо знанія предлагаются ему токмо на мадярском языкѣ, то, значит, он вовсе не приобретіт никаких знаній и выйдет из школы таким же невеждой, каким и вшѣл во школу. Вот для чего в наших школах нѣт успѣха. Бѣдных дѣтей не просвѣщают, а обучают їх одному мадярскому языку. Из всего етого рѣшительно не научатся ничему и, в концѣ концов, ни по мадярски не знают.

– Ето все вина наших учителей.

– Не защищаю я учителей, но главная бѣда в том, что в наших школах хотят учить языку, а не знаніям!

– Ваше благородіе, я в самом ділі удивляюся, что точно в Будапештѣ встрѣтился с человѣком подобных воззреній!

– Пусть ето вас, молодой друг, не удивляет; и в Будапештѣ естѣ еще люди, которые не расстались с истиной!

Когда г. Gyertyánfi остался один с своїм родственником, то послѣдній сказал ему:

– Чтобы тебя г. Бабеску не свел с хорошаго пути! Ето – дакороман¹⁷, на котораго в Будапештѣ всѣ смотрят с ненавистью. Он, хотя и міністерскій совѣтник, но не имѣет никакого вліянія.

– Не бойтесь, дорогой шурина, я закален в своїх убѣжденіях! Меня не так легко поколебати!

Коломан Gyertyánfi остался еще нѣсколько дней в Будапештѣ, осмотрѣл знаменитости города и стал покупать мебель, столовой прибор, разныя безділицы, и через два-три дня растратил полученныя от Г. Ньюзова деньги, так что едва хватило ему на обратную дорогу.

Послѣ своего возвращенія из столицы (*főváros*), Коломан Gyertyánfi стал готовиться к рукоположенію. Не долго было ждати: Преосвященный опредѣлил время для рукоположенія іереев в рождественном постѣ. Но г. Gyertyánfi, кромѣ извещенія о сем опредѣленіи, получил вмѣстѣ еще и другую записку, в которой воззывался, чтобы кавцію, состоящую из 1000 гульденов, еще прежде сплатил епархіальным фондам. (В угрорусских¹⁸ епархіях, как извѣстно, если кто берет в супруги несвященническую доч, обязуется заплатити в пользу фонда священнических вдов и сирот извѣстную кавцію).

17 **Дакороман** – етнонім на означенія румынського населенія на територіях на сівер од Дуная (зазначка вишорителя – В. П.).

18 Туй и дале по тексту етнонім «угро-русс» а тьж одведенія «угро-русский», котрі автор хоснует у сѣму и других творах на означенія етнічної ідентичности містного русинського населенія и пише сякі слова акурат через дефіс, усягде будеме подавати подля норм сочасного русинського языка, то значит писати ведно: «угрорусс», «угрорусский» (зазначка вишорителя – В. П.).

Ето немножко встревожило г. Gyertyánfi; он так думал, что если не вся кавція, то, по крайней мірі, одна часть ея ему отпустится. Он зачал обращаться то к одному, то ко другому вліятельному лицу и просити покровительства по етому ділу. По етому поводу даже явились было голоса, что кавція отжила свой вік, что ея вовсе не нужно, что нужно-де снести сіе, свободі брака противящееся «преждепотопное» узаконеніе. Сторонники г. Ньюзова произвели такую агітацію, что кавція едва ли не была снесена и только усиленному дійствованію добросовістных людей удалось задержать её.

Но г. Gyertyánfi все-таки удалось выхлопотати, что ему подана отсрочка. Ету отсрочку просил он не для того, будто не мог сей час заплатити кавцію, а для того, ибо все еще надіялся, что она и, в конці концов, не будет заплачена.

И так главное препятствіе рукоположенія было отстранено и г. Gyertyánfi пред праздником рожества Христова был рукоположен в іереї. Послі рукоположенія Преосвященный опредѣлил его в адміністра-торы Зарваницы – прихода, находящагося в захолустях гор. Конечно, отцу Gyertyánfi было не по вкусу идти в Зарваницу, но ділати было нечего: другаго прихода на тот час не было в упраздненій; но и иначе: молодым священникам не очень-то допускается выбирать в приходах. Получив рішеніе Преосвященнаго, о. Gyertyánfi прежде всего отправился осмотріти свой новый приход. Была весна, сніг таял, когда о. Gyertyánfi вступил в ущелья гор; на каждых 50–60 шагах встрічал он бішеные ручейки, катившіеся с вершин гор. Ето довольно не то удивляло, но забавляло отца Gyertyánfi. Наконец, долина сдѣлалась очень узенькою, дорога с одной стороны оказалась врѣзанною в покатость горы, а с другой стороны зіяла ужасающаю пропасть, на дні которой бішено прыгал от таянія снігов разлутившийся поток. На обѣих сторонах вперались в небо огромныя зеленіющія елі. Но вот ущелье сдѣлалось шире, заиграло солнце и по покатосям гор среди ліса показались небольшія поляны; еще нѣсколько метров ходу – и предстали оку по верхам гор разбросанныя, соломой крытыя, небіленныя, бідныя хижины. Но вот засіял и золотой трираменный крест и в живописной долині возлі ручейка, на небольшом холмику явилась в візантійско-русском стилі сооруженная деревянная церков с тремя куполами, между которыми середній купол был высший двух боковых. Церков была огорожена плетнем, пред входными дверями ея красовались дві віковыя липы, под сінію которых скромно скрывалась звонница (*колокольня*) и недавно сготовленный каменный крест с изображеніем Распятаго. Недалеко от церкви, но уже не на холмі, а близь поточка стоял скромный деревянный приходский

домик с обветшалой гонтовой крышею и с господарскими зданиями, крытыми соломой. Приходский домик был разделен сѣнями на двѣ части. В одной части находилась «свѣтлица» с побочною комнаткою. Это было помѣщеніе для пана-отца¹⁹ с его семьею. В другой части находилась «челядная хижа» для прислуги. В ту пору, когда о. Gyertyánfi вошел в свою будущую квартиру, все находилось в довольно опущенном, так сказать, разваленном состояніи.

– Та як могли вы допустити фару²⁰ до такого розвалитися грозящого состоянія? – запитав о. Gyertyánfi збѣгшихся поспостерѣти свого нового панотця своїхъ будущихъ прихожанъ.

– Ба, панцю, – отозвался пономарь (церковник), – сесе уже старый будинокъ, а мы убогі, грошей не є на реперачку.

– Тадъ я лиш не буду жити в такомъ хлѣвѣ.

– Ба, панцю, у насъ недалеко біла глина, та мы замастиме та выбілиме.

– Что? Біла глина?! Та я буду в глиной вымазаной хыжѣ жити?

– Та дотеперѣшній паны отці якось могли и в такой хыжѣ жити.

– Что было, то минулося. Я не для того кончилъ школы, чтобы в ряндавой, пооблупованной хыжѣ жилъ. А гдѣ вашъ кураторъ?

– Якъ бачу, анде иде. – Кураторъ в самомъ ділі пришелъ.

– Ну, кураторе, – обратился к нему о. Gyertyánfi, – негораздъ. Якъ вижу, вы все фарсьское запустили. Чрезъ одинъ мѣсяць должно быти все поправлено и выхарено, иначе не прийду в Зарваницу.

– Мы замастиме и выбѣлиме біловъ глиновъ. Боже сохрани, чтобы сесе остало сѣкъ.

– Чей, вы удурѣли, кураторе? Та де вы чули, чтобы фары біловъ глиновъ білили?

– Коли мы, прошу ласки, такъ убогі, тай извести (*вапна*) не можно найти туй близко!

19 **Пан-отецъ** (из *русин.* панотець) – у первопечатному тексті повісті находиме три варіанти написання адсѣго слова в «язычїю»: «пань отецъ», «пань-отець» и «пань Отець». У російськѣмъ языкѣ слова «панотець» не є; намісто нѣго у російськѣй православній традиції ся хоснує слово «батюшка». Видав, С. Фенцикъ ся намірявъ не хосновати незрозумительной про русинів слово «батюшка», зато до текста завівъ традиційной про русинів-вірниківъ слово «панотець», штоправда не уніфіковавъ написання того слова. У сѣму виданю правописання того двокорінного слова привели сѣме до нормъ сочасной орфографічной нормы російського языка – пишемъ черезъ дефіс («пан-отецъ»). Выдтакъ, у тѣхъ части текста, котру можъ означити якъ русинська народна бесѣда, сесе слово пише ся односно до нормы русинської орфографії, то значитъ ведно («панотець», «панотця» *вок.* «панотче», айбо *множ.* «паны отці») (*зазначка вишорителя* – В. П.).

20 **Фара** (*церк.*) – хыжа про сѣщеника (*зазначка вишорителя* – В. П.).

– Та видите, кураторе, я лиш не пущу з себе сміх, что моя хыжа білою глиною білена; теперь того уже нигде ніт на білом світі.

– Та что же будеме робити?

– Что? Прежде всего вы должны покрыти фару новыми гонтами; бо, видите, течет. Во-вторых, вы должны купить кальгу (*камин*), должны пригласити столяря, чтобы зготовил новыі двері и окна и чтобы поставил новый падімент. Когда все сіе готово будет, должны дати знова поваковати и красненько выбілити. Відь я не введу свою супругу, привыкшую ко всяким удобствам, в такой простацький дом. Крім сего, кураторе, у вас и хлівы не в порядку. Все течет, стіны згнили, помост діравый. Что вы думаете? Чей, я поміщу в такое цуря свой скот? Солому з хлівов вы должны здерти и покрыти хлівы гонтами (*шинглами*), все красно обмастити и дати в хлівы новый помост. Когда все сіе будет готово, непременно должны вы обгородити двор, огород (*кертик*), а то не городиною (*плетнем*), а непременно паланком (*досками*). Когда все сіе будет готово, а оно должно быти готово в один місяць, тогда отправите за мною сорок возов, чтобы перевезти моі вещи. Ну, розумієте, кураторе?

– Розумлю, панотець, айбо я и сам не знаю, як сесе вшитко докончити.

– То не моя жура. Того лиш не будете пожадати, чтобы ваш духовник жил в простацькой кучі. Ну, най вас Бог благословит, будьте здоровы!

О. Gyertyánfi сіл на свою повозку и поїхал. Дорогою был он весьма печален; ему очень не понравилась Зарваница. «Господи, – думал он про себя, – та человек для того учится шістнадцатъ літ, для того посвящает свою молодость трудам и лишеніям, для того жертвуют родители его посліднім грошом, чтобы наконец очутился в Зарваниці! Чего я буду тут ділати? А особенно, какое впечатлініе сділает на мою Луйзу ето неприступное, нелюдимое місто? Ни приступа – дебрі непроходимая, ни квартиры, ни общества. Словно, живым похоронен. Ніт с кім даже заговорити! Еті отсталые, обдертые русначки не стоят того, чтобы взглянути на них; а мні придется провести между етіми дикарями моі молодая літа! Ну пусть же нікто говорит про завидную священническую долю! Здісь разві то утішаєт, что моі медовые годы пройдут в самом ділі романтично – далеко от світской молвы...».

Вот какое впечатлініе сділала Зарваница на о. Gyertyánfi. Но и жители Зарваницы, в свою очередь, не очень обрадовалися своему новому душпастирю.

– Ой, сесе якійсь дуже гонорный панотець... Прежніі паны отці не добаговали, чим їм білити фару, и на гадку їм не приходило ставити новый

падiмент, новiї дверi и облакi... Та что мы теперъ почнеме? Тадъ хыба и дiти продаме, та и тогда не будеме годны вшитко выполнити, что панотець росказал... Уже чтось лиш учиниме, знаю, не завiсят цiлу громаду.

Назначенный срок минул; одного прекрасного утра явились в Ко-зицах, гдi при своем тестi находился о. Gyertyánfi, бiдныя повозки жи-телей Зарваницы. Люди в широкополых шляпах, с длинными волоса-ми, блiдыми щеками, в толстых рубашках и узеньких портках сдiлали не очень-то приятное впечатлiнiе на молоденькую супругу Коломана Gyertyánfi.

– Боже мой! – воскликнула она, – неужелi мнi нужно будет жити между етiми дикарями? Коломан, что ты задумал? Неправда ли, мы не пойдем в Зарваницу?

– Бог с тобой, дорогая моя, тебi нiт дiла с етiми людьми; пусть они будут себi, какими iх Бог создал. Не обращай на них вниманiя! А идти-то в Зарваницу мы должны; так как в настоящее время нiт надежды на другое помiщенiе.

– Да как же я буду жити в обществi таких полулюдей? Я привыкла обращаться в обществi iнтелiгентном, а в Зарваницi не с кiм будет и заговорити!

– А со мной?!

– С тобой, разумеется, приятно мнi поговорити, но жити все-таки скучно будет без всякаго общества.

– Но у нас будут сосiды; мы часто будем у них, а они у нас...

– Да, к тому будем ходити и в город на празднества, маялисы²¹, концерты, балы, да и в театр, не правда ли?

– Да-да, будем ходити, если хватит средств и времени.

– Для чего бы не хватило средств; вiдь ты – священник, у тебя будут доходы; а времени для чего бы не хватило, вiдь у тебя будут поденщики, которые dokonчат всю работу?

– Не заботься ты, дорогая, о таких пустяках! Мы проживем себi счастливо, будем блаженствовать.

– Но я никак не могу сдружитися с етiми полулюдьми; смотри-ка, Коломан, какiе они грязныe, неуклюжие!

– Мы будем цiвiлiзовати iх. Увидиш, они не будут такiе грязныe, они скинут етi шляпы, обмiняють iх на малярскiя, надинут сапоги и реклики²²,

21 **Маялис**, авадъ маялес, маялиш (русин.) – *росiйськ.* «прогулка на природе», «маёвка» (зазначка вишорителя – В. П.).

22 **Реклик** (русин.) – *иначе: рехлик; росiйськ.* «пиджак», «жакет» (зазначка вишорителя – В. П.).

и ты привыкнеш к ним. Посмотри-ка, между ними есть настоящіє красавцы, только одіж обезобразывает їх!

К бесідующим приблизился один из зарваницких жителей. Почтительно поклонился и поціловал у Коломана и его супруги руку. Отец Gyertyánfi узнал в нем куратора.

– Ну, что за новость, кураторе? Вы прийшли, но готова ли фара, выполнили ли Вы мої приказанія?

– Тадь, панотець, як мож было, та измагали сьме ся.

– Выбілена фара?

– Выбілена.

– А новый падімент готов?

– Готов, поправилисьме, панотець.

– А двор, загорода обгорожены?

– Обгорожены, панотець.

– Горазд, кураторе; як вижу, вы порядочный человек.

– Кедь дашто еше недолажено так, як бы треба, та доладиме. Бо, видите, панотець, без Вас мы не знали, як было бы на вашу дяку.

– Ну, миркуйте, кураторе, дабы есте не заганьбили ся! А теперь накладуйте на возы! Каждый должен будет оддати в мої руки то, что взял. Кедь дашто згубит или стратит, то заплатит. Я назначу себі всі вещи, кто что взял. «Слушайте, честніи люде, – обратился о. Gyertyánfi к селянам, – сокогіте все, что вам передастся, ибо все должны будете на місті передати опять в мої руки так, як тут я передаю вам! Шкоду заплатите».

И о. Gyertyánfi зачал передавати своім будущим прихожанам всі свої вещи, точно записывая все, что кому передал.

Зарваничане с удивленієм осматривали мебель, посуду, господарскіє снаряды, чудную породу рогатаго скота, свиней, даже кур.

Г. Ньюзов, в самом ділі, снабдил свою доч всім, что необходимо для домостроєнія, а снабдил не скупю, но по господски.

Когда повозки были нагружены, Луйза со слезами распрощалась со своіми родителями, садилась вмісті с своім супругом в бричку, в которую впряжены были превосходныя гнідыя лошади, и весь караван тронулся в путь.

На пути не приключилося ничего замічательнаго, разві что Луйза при виді каждого ручейка восторгалась живописностью окрестности. Но вступив в узенькія долины и овраги, окрестность показалась ей уже слишком романтическою; сердце ея сжалось и зачала чувствовать, что ей, будто бы тісно. Когда же показались бідненькія избушки Зарваницы и увиділа опущенный приходский дом, огороженный бідным плетнем,

когда увиділа соломою крытыя, невымащенныя, небіленныя господарскія зданія, залялась горькими слезами.

– Та куда ты меня привез, Коломан? Разві я в таком нелюдимом місті, в такой квартирі могу жити? Я здісь умру!

В Зарваниці, в самом ділі, все наводило на душу уныніє. Мужичкія избушки находились всі без изъятія в жалком состояніи и свидѣтельство-вали о крайнем убожествѣ жителей. Даже самая церков, хотя и носила на себѣ великолепіе русско-византійскаго стилия, представляла что-то опу-стілое: трираменныє кресты на куполах храма стояли криво, из крыші так и висіли полусогнутые гонты, окна храма, по большей части, были выбиты и вітер так и дул насквозь; деревянныя стіны кое-гдѣ погнили, а протесы так спорохнавіли, что сподом даже кошки и собаки могли влізти в церков. Приходскій дом в опустініи не отличался от церкви. Поправка, о которой говорил куратор, была так незначительна, что єё и замітити было невозможно.

– Та что вы ділали, кураторе, – обратился о. Gyertyánfi грозно к церковному старості. – Та я буду у вас, перебачте (*извините*), в свинсь-ком хліві жити? Відь тут никакой поправки нѣт, кромѣ того, что большіи діры замазаны білою глиной!

– Та что я знав чинити, панотець? Тут в селі ніякого майстра нѣт; а я сам, сказати правду, до поправки панських домов не много умію. Пореперовав бы я свою хижину.

– Та відь я вас вопрошал: готово ли все, а вы отвічали, что готово.

– По нашему, панотець, готово. Хыжа не течет, помащена, выбіле-на, падімент заплатаи, двор и сад огорожены и хлівы не текут. А по пан-ському вырепаровати мы не знаєме. Слава Богу, панотець теперь межи нами, та най велят, что еще робити!

– Что робити!? Та у других людей такі фары!? Та вы не виділи, ку-раторе, в яких будинках живут священники? Около Мукачова и Унгвара посюду прекрасныя фары, а вы свою кучу выбілили білою глиной, а діравый падімент заплатали буковыми помостинами! Та где у вас ро-зум, кураторе? Теперь что ділати? Я в такой кучі не буду жити. Село должно своему священнику дати порядочную квартиру.

– Та что будем чинити?

– Что? Та нужно наладити шинглы (*гонты*), доски, известь, послі-стокмити мастров и обновити весь будинок, чтобы в нем можно было жити.

– Ба, панцю, коли у нас из сего нич не є!

– Мусит быти; за гроші все будет.

– Ба, та того и біда, бо грошей не є!

– Розвержем на газдов. Каждый заплатит, что на него припадет – и гроші будут.

– Не знаю, что скаже на сесе громада.

– Что мні до громады? А порядочный фарский будинок должен в селі быти!

О. Gyertyánfi оставил куратора и, обратясь ко своей супругі, сказал:

– Не смутись, Луйза, приходский дом неодога будет обновлен, так, что и не узнаєш его!

– А до тіх пор как нам жити в етой канурі²³?

– Немножко притерпим, жизнь будет тім интересніе, однообразіе скучно.

– Благодарю я тебя за такую интересность, когда негді жити!

– Та відь жити єсть гді, только не так роскошно, как ты ето себї представляла!

– Ну, я никогда не думала, что священники и в таких канурах живут; мні казалось, что священническая жизнь – самая завидна. Ну, скажи ты мні, прошу я тебя, куда я поміщу здісь свої вещи? Відь необходимо, чтобы у нас были, по крайней мірі, три-четыре комнаты: спальня, уборная, столовая, гостинная; да відь и тебї нужна кака-то комнатка, в которой бы кончил с прихожанами свої офіціальныя діла.

– Оно так бы слідовало, но если сразу невозможно нам иміти четырех комнат, то будем довольны и двумя. Спальня послужит вмісті и уборной, а столовая будет и гостинной; а я свої офіціальныя діла с прихожанами буду кончити тоже в столовой.

– Что?! Чтобы мні в столовую – да, по твоєму, вмісті и в гостинную – входили еті грязные люди!?

– Что же сділаєм, дорогая моя, если ніт, то ніт!?

– Что ділати? И тебя нужно учить? Не стыдно ли тебї? Та вот я скажу, чего ділати: до тіх пор, пока не будет готово новое приходское зданіе, необходимо прирубити к етой канурі еще дві комнаты.

– Хорошо, прирубим; только люди будут недоумівати, для чего нам четыре комнаты, когда нас всего лиш двое.

– Пусть себї недоумівают; разві еті дикарі иміют представленія о том, как живут порядочные люди?!

– А теперь чего ділати, куда помістим свої вещи?

– Я думаю, никуда не поміщати. Та відь, ради Бога, видиш, что

23 **Канура** – туй и дале правильной написаня: «конура». Причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (*зазначка вишорителя* – В. П.).

ето настоящая мужицкая изба. Как я могу помістити в ней свої дорогія меблі? Відь здісь все испортится!

– На повозках однако лиш не будут стояти; помістим їх хотя бы на чердакі (*podí*).

– Боже мой, Боже мой, куда ты привез меня, Коломан?

– Я так думаю, необходимо поснимати наши вещи с повозок, иначе может пойти дождь и мы понесем немалый убыток.

– Хорошо, ділай, как знаєш; если ввел меня в ето безвыходное положение, надіюсь, сумієш и вывести меня из него!

Дорогія меблі и другія вещи были сняты с повозок и, по большей части, поміщены на чердакі. В комнаты были внесены только три постелі, два стола, два шіфона, один діван и нісколько стульев. Кухня была тоже снабжена необходимою посудой.

Когда все кое-как было розміщено, выдала Луйза кухаркі приказ, чтобы сготовила ужин, а мужа попросила, чтобы неоткладно занялся перестройкой приходского дома. О. Gyertyánfi ни в чем не хотіл отказати своей супругушкі и вполні принял єя проект, что необходимо к приходскому дому прирубити еще дві комнаты. Но не говорил уже ничего своїм прихожанам, оставив все на другое, боліе благоприятное время.

Минуло нісколько неділь, в который час Луйза не переставала приводити своему супругу на память, что пора уже заняться перестройкой приходского дома. О. Gyertyánfi и не дремал; мало-помалу размышлял о способі, которым бы привести в исполненіе требованія своей супруги. Біда была немалая. Ни в Зарваниці, ни в цілой окрестности не было никакого мастра²⁴, не было ни матерьяла под руками да, главное діло, не было денєг. Правда, и в Зарваниці строили хижины, но ті мастры, которые с тім занимались, были ненадежны. О. Gyertyánfi, а особенно его супруга никак не могли предполагати, чтобы ті верховинскіє мастры могли совершити требуемую на приходском домі поправку, желаніям модернаго мира соотвітственно. О. Gyertyánfi, вслідствіє настаиванія своей супругушки, поїхал в сосідный уїздный городок, но зачім в нем не было баумаистра²⁵, принужден был їхати в столичный город вармеді. Здісь нашел он баумаистра, но когда етот услышал, что діло идет о прирубкі к старому приходскому дому, не схотіл дати никакого совіта, пока не увидит ветхий приходский дом. Не было чего ділати, о. Gyertyánfi взял баумаистра с собой и потащал его на своей повозкі в Зарваницу.

24 **Мастр** (-ы) – правильной написаня: «майстер» / «маISTRY» (зазначка вишорителя – В. П.).

25 **Баумаистер** (из німецьк. Baumaister) – русин. «будователь»; російськ. «строитель» (зазначка вишорителя – В. П.).

Луйза необыкновенно обрадовалась, когда увидела баумайстра. «Уже теперь что-то будет, – думала она себе, – не буду жити в сей канури». Она и не замедлила предложить баумайстру свої требованія.

– Я желаю, – сказала она, – чтобы дом был перестроен современным требованиям соответственно. Необходимо прирубить, по крайней мере, три комнаты: столовую, гостинную и канцелярию; но необходим и погреб (*пивница*), и запасная комната (*шпейс*). А пред домом не должны стоять еті свинськіє хлівы, етот курятник; мні очень хотілося бы иміти на сем місті англійский огород для цвітов. Ах, я не могу жити без цвітов! В середині огорода непременно устройте фонтан (*szökőkút*); здісь устроить ето так легко; а мні причинит ето большее удовольствие!

– Ето все может быть устроено по вашему требованію, сударыня, токмо, разумеется, ко всему етому требуется много денег.

– Ето пусть вас не затрудняет; я готова дать ссуду общині; а община должна устроить приходский дом и двор требованиям времени соответственно.

Баумайстер начертил великолпный план. Разумеется, что веліл заплатить себѣ порядочно. О. Gyertyánfi, или лучше Луйза заплатила; но только в качестве ссуды (*kölcsön*), которую она дала общині. План зачал приводиться в исполнение. К етому, разумеется, требовались мастры и матерьял; поденщиков давала община. Пока у Луйзы хватило денег, все шло, как нельзя лучше; но деньги стали убывать, а собираніе с общины шло очень медленно; наконец, по причині убожества жителей – оказалось даже невозможным. И так план не мог привестися в исполнение в всіх своїх великолпных размерах. Но о. Gyertyánfi и не настаивал дальше. Ему шло не о том, чтобы выполнить всі подробности плана, но чтобы каким-то способом получить свої деньги, которыя расточил на постройку и которыя ссудил своїм прихожанам. Приход был біден и не доставлял почти никаких доходов; деньги супруги были растрчены, получить їх обратно оказалось затруднительным. Необходимость заставила о. Gyertyánfi прибѣгати к крутым мірам. Екзекуції были в повседневном обороті. Жители стали проявляти неуводольствіе, стали роптати на своего душпастыря. Огорченіе дошло до того, что прихожане наотріз отказали исполнять свої обязанности относительно своего приходника. О. Gyertyánfi и к наименьшей мелочи принужден был прибѣгати о помощ к адміністративной власти.

Состояніе отца Gyertyánfi сдѣлалось невыносимым. Прихожане его не токмо не хотіли исполнять свої обязанности, но написали жалобу к архіерею против своего душпастыря. В жалобѣ своей навели они, что душпастырь отягощает їх вполні ненужным бременем, что в испол-

ненії своїх душпастирських обов'язанностей не очень-то приліжен. Кончит утрению «чопату»²⁶ – значит, скорачивает; из службы Божией оставляет цілыя части и проч.

Все это не смутило бы о. Gyertyánfi, если бы было из чего жити; но деньги супруги растратились то на будовлю, то на артікулы роскоши, да и не могли они вічно держати – прихожане сділались капризными, ничего не хотіли платити, даже адміністративным властям наскучило всегда возитися с жалобами о. Gyertyánfi, и так остатися в Зарваниці оказалось вполні невозможным.

– Какой ты беззаботливый, Коломан, – сказала одного дня мужу своєму Луйза, – у меня уже два місяца ніт кухарки, я должна сама готовить обід, как какая-то служанка! Не жаль тобі, Коломан, выдати свою супругу на такія муки?

– Я рад бы держати тобі кухарку, если бы это оказалось возможным; но, видиш, деньги растрчены на будовлю, прихожане из части вернули заём, из части же не выдереш от них ни ексекуцію; из прихода никаких доходов ніт: на какія же деньги могу я наняти тобі кухарку? Відь и та, что была, оставила нас для того, ибо не получала порядочно свою плату.

– Та что ты думаєш, Коломан? Разві я буду варити и печи!? О, я не для того вышла за тебя. Если ты мні муж, ты должен заботитися о том, чтобы у меня [была]²⁷ порядочная прислуга.

– Хорошо, но кто будет платити?

– Какой вопрос! Кто бы платил? Разуміється – ты.

– Но чім буду платити?

– Это уже твоя забота.

– В Зарваницах, дорогая моя, нечим платити кухаркі. Другія попадї как-то сами варят и пекут, даже моют бїльє; для чего бы и ты не могла творити то же?

– Что-о-о? Ты сравняєш меня с прочими попадьями! Я от тебя сего не ожидала. – Луйза залялася слезами.

– И так, я вижу, что нам необходимо заботитися о другой приход. В Зарваниці твоім прихотям дозветворити²⁸ невозможно.

– Разуміється, нужно заботитися о другой приход. Вот уже два года,

26 **Чопатый** (русин.) – російськ. «кряжистый», «крепкий»; у переносному значеню: (ніж) чопатый – тупый; (служба) чопата – покуртана (зазначка вишорителя – В. П.).

27 **У квадратных скобках** [-]: Туй и дале по тексту додали сьме у квадратных скобках пролишеной автором слово (авадь часть слова), котрі хыблят подля смысла (зазначка вишорителя – В. П.).

28 **Довзетворити** – иде за лексему, характерну про традиційный карпаторуський язык (так называне «язычіє»); російськ. «удовлетворить»; русин. «задоволити» (зазначка вишорителя – В. П.).

как мы в Зарваниці. В ето время я и не жила; ніт, не жила, я находилась в изгнанії, в аресті.

– Но как нам добитися другаго поміщенія? Мы недавно здісь; у меня ніт покровителей, а, знати должно, без покровителей днесь у нас ничего не добьешся.

– Как, ніт покровителей? А моя будапештская родня?

– Конечно, Его Превосходительство міністерский совітник очень много мог бы сділати в нашу пользу. Но схочет ли?

– Как! Не схочет? Відь мой отец собственно и воспитал его. От него была бы цілая неблагодарность, если бы он отказал помочи нам в нашей нужді.

– Какой я глуп²⁹, мні между моїми хлопотами совсім вышло из головы, что у нас такой сильный покровитель. Да, сильной, ибо, между нами будь сказано, Его Преосвященство всегда иміет кое-какія ділішка в міністерстві народнаго просвіщенія, відь оттуда получает и субвенції; нельзя же ему противитися ходатайству так вліятельнаго в міністерстві лица. Ты – премудрая женщина, Луйза!

– А ты ето так себѣ представлял, что я такая же глупенькая, как прочїї попадїї?

– И так, покровитель естѣ. Но что за польза, если упраздненнаго прихода ніт! Я не знаю, что себѣ хотят ті старые попы, что не умирают?

– Упраздненнаго прихода ніт, говориш ты! А Заломы?

– Заломы, ето первокласный приход. Такой приход не дается молоденьким священникам.

– Не дается! А покровитель для чего? Відь точно для того и естѣ покровителі, чтобы исходатайствовали что-то хорошее. Видиш, для получения Зарваницы не нужны покровителі.

– Но я как-то не смію упоминати про Заломы.

– Какой ты скромненький! Но, видиш, у скромнаго жебрака порожня тайстра.

– Правда, відь в наше время стаются такіа чудеса, что молоденькіе священники получают хорошие приходы.

– А у тебя, хотя ты и молод, заслуги естѣ; відь ты слывеш горячим патріотом!

– Конечно, ты права, с скромностью в нынішнее время не дойдеш далеко. Будь, что будет – буду просити Заломы.

– И получиш, – сказала рішительным тоном Луйза.

29 **Какой я глуп** – стилістична хыба; має быти так: «как я глуп» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Но еще одно затруднение: Заломы находятся под патронатом. Заполнение этого прихода зависит от министра финансов.

– Тим лучше для тебя, – сказала Луиза. – Нашему покровителю тим легче будет ходатайствовать о нас.

Недолга послі сего разговора о. Gyertyánfi явился у Преосвященного и подал челобитню, в которой просил назначить себя приходским священником в Заломы.

– Заломы – первокласный приход, – сказал Преосвященный. – Нит сомнінія, что его будут просить и старійшие, и заслуженнійшие священники; сказать правду, Вы еще очень молод, ваши годы не находятся в пропорції с Заломами; но відь и Вы – священник, просить и Вам свободно.

«Ето не великое утешение, – подумал себѣ о. Gyertyánfi, – но ничего, если б токмо Преосвященный отослал и мою просьбу в министерство финансов, а он, вірно, отошлет, о том уже позаботится наш покровитель».

От Преосвященного о. Gyertyánfi отправился прямо ко своему тестю-новтарошу Ньюзову и оба вмѣстѣ поїхали в Будапешт.

Его Превосходительство министерский совѣтник принял своїх сродников и своего благодѣтеля очень любезно. Благому человеку явились слезы в очах, когда увидѣл пред собою того, в домѣ котораго провел свое беззаботное дѣтство.

– Какому счастливому случаю должен я приписать, – зачал министерский совѣтник, – что вижу Вас, дорогой благодѣтель, в своем домѣ? Знаю, что Вы всегда были привязаны ко мнѣ, но однако Вы, должно быть, по важным дѣлам приїхали в Будапешт и, разумеется, как добрый сродник минуточку посвятили и мнѣ.

– Мы прямо к тебѣ, и то с просьбой.

– Неужелі с просьбой? Приказывайте, и я считаю себѣ обязанностью, если ето от меня зависит, исполнить Ваше приказаніе!

– Мы пришли просить ходатайства. Вот дѣтей моих епископ всадил в Зарваницу. Бѣдныя дѣти влекут злостные дни свої в таком мѣстѣ, в какое никогда и не ступит порядочный человек. Не достаточно того, что вовсе никаких доходов нѣтъ; но, в буквальном смыслѣ, нікому сказать одно слово. Пока приданаго моеї дочери хватило, до тѣх пор кое-как вегетовали; а днесь, когда доч свої деньги растратила на обновленіе приходскаго дома в Зарваниці, нѣтъ чего їсти.

– Как же помочь горю?

– Как? Та иначе невозможно, только перейти на другой, лучший приход.

– А есть такой приход?

– Да есть. Это Заломы, находящиеся под патронатом министерства финансов. Именно для того мы и приехали, чтобы попросить тебя быть ходатаем моих детей, где следует в этом деле.

– С большим удовольствием. Видь Господин Gyertyánfi слывет хорошим патриотом. Ходатайствовать о таких людях приятно.

– Но здесь нужно бы ходатайствовать на двух местах: пред епископом и пред министром финансов.

– Это для меня вовсе не затруднительно. Епископ часто приходит ко мне. Знаете, у него свои хлопоты: он не перестает просить субвенции. Конечно, я очень много могу сделать в его деле, да я уже и не раз сделал ему большую услугу. Была бы черная неблагодарность с его стороны, если бы он не исполнил мое первое прошение. Что же касается министра финансов, то это мне личный друг.

– И так мы можем надеяться, что получим Заломы?

– Без всякого сомнения.

– Ах, если бы этого помог мне достигнуть Господь Бог, – произнес торжественно о. Gyertyánfi, – то не было бы человека счастливее меня!

– Но чтобы успех был несомненный, то хорошо будет представиться Его Высокопревосходительству министру финансов. Думаю, он завтра принимает.

– Но сойдет ли он принять меня?

– Это уже моя забота.

Родные разговаривали еще о других, повседневных делах, не имеющих никакого отношения с Заломами.

Другого дня о. Gyertyánfi, хорошо выбратый³⁰, одетый в талар, отправился в сопровождении своего покровителя в министерство финансов. Хотя челобитчиков было много, о. Gyertyánfi, по ходатайству своего покровителя, недолга был принят.

– Имю честь представить Вашему Высокопревосходительству преподобного господина Коломана Gyertyánfi, – начал свою речь министр[ский] советник, – одного из самых славнейших греко-католических священников.

– Я о Вас очень много хорошего слышал, – сказал Его В[ысоко]превосходительство, обратясь к о. Gyertyánfi, – не правда ли, Вы кое-когда помещаете в беллетристических журналах свои стихотворения?

– Усилиюсь и своими слабыми произведениями обогащать нашу письменность.

– Конечно, это каждому истинному патриоту должно быть очень

30 **Выбратый** (російськ. «одетый») – сесе слово одведеной од глагола «брати» («брати на ся парадной шатя») (зазначка вшорителя – В. П.).

приятно, если люди инородного языка настолько присваивают мадярскую річ, что могут даже обогащать нашу літературу. Вот Петевфі был родом тоже словак, что однако не мішаєт єму быти первым мадярским поетом.

– Не только Петевфі, но почти всі выдаючієся мадярськіє писателі принадлежат, по большей части, инородным народностям, – сказал наивно о. Gyertyánfi.

– Єсть и между мадярами хорошие писателі, наприм[ір] Арань, – сказал сухо міністер. – Но Вы замічателен человек и по той причині, ибо перемінили свою фамілію на мадярскую. Как называлась прежде ваша фамілія?

– Грабовчак, – сказал красніа о. Gyertyánfi, который как-то інстинктивно чувствовал, что переміна фамілії не очень-то похвальное діло.

– Грабовчак, Грабовчак, – сказал задумаясь Єго В[ысоко]превосходительство, – відь и Грабовчак может быти хорошим патріотом. Вот и моя німецкая фамілія не мішаєт мні быти хорошим сыном отечества. Знаєте, между нами будь сказано, переміна фамілії означает что-то вроді зміны своїм предкам; а кто змінил своєму отцу, тот является ненадежным человеком во всіх підприємтях.

– Но, Ваше В[ысоко]превосходительство, у нас подозрівають патріотізм всякаго, фамілія котораго звучит не по мадярски, – сказал смущенно о. Gyertyánfi, щеки котораго залялись багровым цвітом.

– Стало быти и мой, – сказал с удивленієм міністер. – Ваши патріотическія чувства послі прочтенія ваших прекрасных стихов ни пред кім не могут подлежати ни малійшему сомнію. Но какую новость принесли Вы из ваших прекрасных живописных окресностей?

– Я пришёл с покорнійшим прошенієм к Вашему Высокопревосходительству.

– С каким прошенієм?– спросил весело міністер, котораго стало забавляти замішательство своего посітителя.

– Я пришёл смиренно просити Ваше Высокопревосходительство, извольте милостивійше назначити меня в приходскіє священники в приход Заломы, находящійся под патронатом высокой государственной казны.

– А будет ли Вас кандідовати Преосвященный?

– Я того навірно сказати не могу; но, так думаю, Єго Преосвященство не станет противитися волі Вашего Высокопревосходительства?

– Знаєте что, друг мой. Вы – бесспорно заслуженный человек; в нынішних обстоятельствах нам необходимы такіє люди, как Вы. Вы очень удовлетворительно засвідітельствовали о своей непоколебимой преданности к мадярской ідеї; даже во своем рвеніи зашли немножко

далеко. Я вполні оціняю ваші заслуги. Постарайтеся тільки придбати розположеніє Преосвященнаго; ибо без его согласія, при всій преданности своєї к Вам, я не буду в состоянії исполнити ваше прошеніє!

– Итак, мало надежды на Заломы, – произнес о. Gyertyánfi, оставив кабинет міністра.

– Напротив, – возразил міністерский совітник, – відь вы вполні придбали розположеніє міністра.

– Мні кажется, что ніт: ему не нравится, что я перемінил фамілію на мадарскую.

– Какой вы наивный, дорогой сродник! Міністр подшучивал с вами. Иль вы не замітили из его глаз, как все его ему нравится?

– Для чего же и он не перемінит свою фамілію на мадарскую?

– Это другое діло. Он происходит из древняго знатнаго рода. Если бы он перемінил свою фамілію, то пресік бы связь со всіми своїми історическими предками; ваши предки, напротив, не отличались ничім замічательным, и так не стоит труда приліпляться к ним.

О. Gyertyánfi не отвічал, ему сжала сердце мысль, что отец его, хотя и не был каким-то выдающимся ділателем, все-таки был честным человеком, чувствовал и думал возвышенно, ибо сам перетерпівал недостатки, отнял кусник от своего рта и обращал его для воспитанія своего сына... Того сына, который отказался от него, бросил имя его. Пред воображенієм его мелькнули послідніа минуты жизни его родителя, и он вполні сознал всю низость своего поступка, почувствовал, как он неблагодарен, и очи его наполнились слезами. Но он скоро очнулся из своего раздумья и сказал:

– Но хотя бы Его Высокопревосходительство и благоволил ко мні, не думаю, чтобы Преосвященный вложил меня в кандідацію.

– Это уже моя забота.

– Ах, если бы Вы, Ваше Высокородіє, могли придбати мні розположеніє Преосвященнаго, я никогда не забыл бы вашего благодіянія и был бы в вік благодарным!

– Я думаю, что не нужно увіряти Вас в моем розположеніі к Вам; а я все сділаю, слышите ли? Все сділаю, чтобы Вы достигли цілі; и ніт сомнінія, что мої хлопоты увінчаются полным успіхом. Между нами будь сказано, у Преосвященнаго очень много ділішек в міністерстві релігій и культа, и он очень часто прибігаєт к моім услугам. Если он не схочет вложить Вас в кандідацію на Заломы, тогда и я сумею, что ділати... ну, sapienti pausa³¹!

31 **Sapienti pausa** (лат.) – «Розумный ся здогадає» (азначка вишорителя – В. П.).

Так розговоривая сродники прибыли домой и обо всем подробно рассказали г. Ньюзову. Очи послідняго заблестіли радістю. Он был вполні убіжден, что Заломы непременно достанутся его зятю.

Послідовал пир, как прилично, послі благополучнаго оконченія діла.

Челобитчики не задерживались долго в Будапешті, а отправилися домой.

На обратном пути повернул г. Ньюзов к Преосвященному.

– Ну, что за новость в Козицах? – спросил владыка г. Ньюзова, как только увиділ его пред собой. – Зима свиріпа, должно быти, она нанесла великий вред виноградникам.

– Ніт, Ваше Преосвященство, – начал г. Ньюзов, – по крайней мірі, я еще не находил обмерзнутой лозы. Наши виноградники прикрыты от сівера высокими горами, їх не коснется сіверная стужа.

– Это очень утішительно для меня; я считал свой виноградник уже погибшим. Но прошу, садітеся!

– Еще бы! Відь виноградник Вашего Преосвященства находится на самом лучшем місті. Туда никаким образом не может проникнути сіверный вітер.

– Но почва уже истощала. Не правда ли?

– Конечно, не вредило бы прибавити немножко навозу.

– А это мні так не под рукой.

– Преосвященный! Вам нужно только приказати и все будет точно исполнено.

– В самом ділі, Вы, господин Ньюзов, могли бы оказати мні большую услугу; там у жителей найдется достаточно излишняго навозу: позаботьтєся, чтобы [навоз на] виноградник мой был завезен, а счєты свої предложите мні!

– С большим удовольствієм. Для меня будет очень утішительно, что мог оказати Вашему Преосвященству хотя так ничтожную услугу.

– Ну, а как живетєся вашим дітям, там в Зарваниці?

– Ах, Ваше Преосвященство, у моїх дітей, в самом ділі, незавидная доля. Это настоящая Сібірь.

– Ну-ну, молодые люди не могут сей час ожидать чего-то очень хорошаго.

– Но, помилуйте, Ваше Преосвященство; если священнику прийдєтся жити в таких містах, как Зарваница, то уже лучше совсім и не искати священническаго сана. Вірьте, Ваше Преосвященство, я предпочитаю быти желізнодорожным сторожем, чім приходским священником в Зарваниці. У желізнодорожнаго сторожа и плата лучша, да он и не

отрізан от общества порядочных людей. В Зарваниці растратила моя доч все своє приданое на поправки приходскаго дома и хозяйственных зданій; а днесь для того, ибо мой зять пожадает свое и желает получить свої деньги, восстали против него всі прихожане и отказались исполнять свої обязанности. Бідныя мої діти и состояние свое растратили, и признательности никакой ніт!

– Извиніте, господин Ньюзов; зять ваш не во всем прав: он взялся за такія поправки, которыя совсім излишны. В Зарваниці должно было жити скромно, а не строити воздушные замки. Разуміється, если человек гонится за непостижимыми мечтами, тогда Зарваницких доходов окажется мало. Кто рішился быть священником, тот должен предварительно сдружиться с мыслью, что он может очутиться в Зарваниці – да еще и на чужом місті. Нельзя же оставить и бідных жителей Зарваницы без священника.

– Вполні справедливо, Ваше Преосвященство. Но если один всесторонне образованный молодой священник перебудет два года в таком заточеніи, то это для него уж слишком достаточно.

– Это зависит от обстоятельств. Нельзя же зарваничан обременяти тім, чтобы они каждого года возились с попами. Но если молодой священник в самом ділі заслужился, и если ему невозможно дальше остаться в том же приході, а главное діло, если есть другое соотвѣтствующее помѣщеніе, то я, разуміється, не стану принуждаты его провести вік свой в заточеніи.

– Я так думаю, Ваше Преосвященство, что мой зять не из послѣдних людей. Он привел в порядок приходскія зданія в Зарваниці, курс окончил с превосходным успѣхом; да имя его извѣстно по всій Угорщині. Своіми літературными трудами он озарил славой нашу епархію.

– Конечно, о. Gyertyánfi – даровитый человек; но жители Зарваницы жалуются на него: что он обременяет їх излишніми издержками, что не очень-то прилежно исполняет свої душпастырскія обязанности. Богослуженіе отправляет с сокращеніями. В етіх жалобах есть доля справедливости; а на всяк случай замѣчательно то, что он сдѣлался ненавистным своей пастві, не уміет хорошо обращаться с народом.

– В Зарваниці каждый порядочный человек волей-неволей должен прийти в столкновение с жителями. Відь это полулюди, которым кажется излишнім то, что необходимо для всякаго порядочнаго человека. Иль не нужно было привести в порядок обветшалыя и развалитися грозяція приходскія зданія? А кто должен нести издержки поправки? Разві приходскій священник? Моя доч дала ссуду (*пожичку*) общині. А теперь, разві не требовати обратно своїх денег, а оставить їх

верховинцам, а? Я кріпко убіжден, що в сем ділі зять мой заслужил похвали – не порицання.

– Приходскія здання нужно было привести в порядок; ето вполні справедливо. Но сділання в Зарваниці роскошныя прирубки, кажется, вполні излишні, разъярити из-за них народ, по моему, неблагоразумно. Как можно с успіхом душпастврствовать, если душпаствра всі ненавидят?

– Я и сам так думаю, что мой зять не может дальше остатися в Зарваниці.

– Гді же пойдет?

– Я осміляюсь просити Ваше Преосвященство, извольте определити его в Заломы!

– В Заломы?! Но відь Заломы єдва ли не наилучшее поміщеніє в моей єпархії. Ваш зять еще слишком молод для того, чтобы быти приходским священником в Заломах.

– Осміляюсь замітити, Ваше Преосвященство, что вік – ето не заслуга. Єсть люди, которые долго живут, но зато не ділают ничего, что могло бы иміти какую-нибудь цену и что заслужило бы на признательность.

– Но Вы, кажется, забыли, что Заломами распоряжаюсь не я: Заломы состоят под патронатом міністерства фінансов.

– Я ето очень хорошо знаю; однако єпископ – ето господин в своей єпархії; и в ней ничего не может постановитися против его воли.

– Ошибаетесь, государь мой, в міністеріях не церемонятся, а распоряжают вполні самостоятельно.

– Уж я позабочусь о том, чтобы в міністерії діло шло хорошо; только о том осміляюсь спросити, не будет ли ето против волі Вашего Преосвященства?

Преосвященный нахмурил брови и сділал нісколько шагов взад и вперед.

– Скажите Вы мні, государь мой, – сказал он наконец, обратясь к господину Ньюзову, – какое впечатлініє сділаєт ето на подвідомственное мні духовенство, если я вашего зятя буду кандідовати на первостепенный приход Заломы?

– О кандідації Вашего Преосвященства никто не будет знати; а о том всі очень хорошо знают, что міністерство сділаєт то, что схочет. Не станет же Преосвященный заводити споры с міністерством из-за пустяков.

– И Вы так думаете, что міністерство непременно вашего зятя хочет назначити в Заломы?

– Я в том убіжден.

– Увидим, будущее известно одному Богу.

– Но я пришел покорно просить Ваше Преосвященство, – г. Ньюзов приложился к руке Преосвященного, – не противитесь счастию моих детей.

– Счастию ваших детей противиться я не буду; но у меня ведь есть и больше сынов, которых тоже нельзя бросить на произвол судьбы. Будьте спокойны, ожидайте с упованием, что решит Провидение! С своей стороны, я уверяю Вас, что я – ваш друг.

Господин Ньюзов оставил Преосвященного с большими надеждами на успех. Зять его тоже хотел было явиться пред владыкою с челобитней, но г. Ньюзов удержал его, чтобы теперь безмерным докучанием не испортить дело. У него в голове созрел план на счет будущего действия в сем отношении. Вернувшись домой, он сей час занялся делом. Прежде всего позаботился о том, чтобы снабдить достаточным количеством навоза владычий виноградник. Когда навоз был вывезен, отрепортовал он в смиреннейшем тоне, что поручение Его Преосвященства точно исполнено и что виноградник снабжен навозом и первые весенние работы исправно окончены. Вмисте доложил он, что считал бы себя очень счастливым, если бы Его Преосвященство принял от него эту мелочь как свидетельство его безграничной сыновней преданности и если бы не затруднялся никакими хлопотами по этому делу. Недолга получил владыка уведомление от министерского советника из Будапешта, что хлопоты его по известному делу – есть надежда – увенчаются полным успехом. К сему уведомлению присовокуплена записочка, в которой министерский советник священника Коломана Gyertyánsi рекомендует высокому вниманию Его Преосвященства.

Преосвященный очутился в очень затруднительном положении. Он очень хорошо понял, куда клонится и небывалая готовность к услугам г. Ньюзова, и уведомление, особенно записочка министерского советника. Долго разгадывал он о том, как это возможно предложить так молодого человека на первостепенный приход; это ведь справедливо вызовет огорчение среди подведомственного духовенства, но и наконец – заключил Преосвященный свои умствования – я не могу противиться требованию так высокопоставленных лиц! Конечно, я не желаю того, чтобы Gyertyánsi достался в Заломы, но предложить его где-то на последнее место все-таки можно. Если его назначат, это будет не моя вина; ведь не я назначил. После нескольких недель последовало назначение о. Gyertyánsi в приходские священники в Заломы. Между духовенством произвело оно чуть не революцию. Даже были случаи, что некоторые из священников наговорили Преосвященному грубостей, для

чого були приведені консісторією к відповідальності. Преосвященний в виду всего этого объявил, что он не виноват, он-де не именовал о. Gyertyánfi в Заломы, а с міністерством из-за таких пустяков он не станет заводити спори.

О. Gyertyánfi не обращал внимания на неудовольствие своїх собратей. Он торжествовал и стал приготовлятися к занятію новаго поміщення. Получив презенту и епископское наименованіе, он явился у благочиннаго с требованіем, чтоб ввел его в новополученный приход. Благочинный и сам рад был сдѣлаться приходником в Заломах, даже имѣл великіе шансы на то, что желаніе его исполнится. По крайней мірі, Преосвященный в свое время объявил ему, что его предложит на первое місто, и так он считал несомнѣнною свою побѣду. Итак, можно догадаться, с какою міною принял он отца Gyertyánfi.

– Вы счастливый человек, брат мой, – сказал он своему счастливому сопернику, – что Вы в молодости получили такой приход! Но скажите, Бога ради, как Вы могли перехитрить Преосвященнаго!

– И Вы, Ваше Высокопреподобіе, так думаете, что Преосвященный был на моей сторонѣ? Если бы на Заломы назначал приходников епископ, тогда, увѣрю Вас, я никогда не приходил бы к Вам просити Вас, чтобы изволили завести меня в Заломы.

– Кто же был Вашим покровителем?

– Сам міністр.

– А чѣм заслужили Вы расположеніе Его В.[ысоко]превосходительства?

– Чѣм? Та видѣ это, кажется, извѣстно Вашему Высокопреподобію.

– А, помню, та видѣ Вы – зять новтароша Ньюзова, а у этого господина есть в Будапештѣ связи.

– Очень сожалѣю, Ваше Высокопреподобіе, что Вы в таком убѣжденіи; видѣ Вам должно быть извѣстно, что в наше время связи не так много стоят; днесъ токмо то приходит в расчѣт, кто каков патріот.

– А вы – горячій патріот, не правда ли?

– Я так думаю, что Вашему Высокопреподобію не неизвѣстны мои стихотворенія.

– Ваши мадарскіе вірши?

– Я так думаю, они дышут чистым патріотизмом.

– Да, Вы кричите, что вы – патріот! Но извините за искреннее слово: ваши вірши сдѣлали на меня такое впечатлѣніе, будто Вы желаете обнародовити свой патріотизм и ѣм похвастатися; словом, раскричати его повсюду и пред всѣми.

– Ах, извините, Ваше Высокопреподобіе! Вы судите обо мнѣ весьма песимистически. Напротив, стихи мои вызваны глубоким чувством

патріотизма. Иль Вашему В.[ысоко]преподобию неизвѣстно, что от избытка сердца уста глаголют?

– Я высказал Вам, молодой брат мой, моє глибоке убѣдження. И оно не безосновно. Видите, патріотизм происходит из любви ко своему народу, ко своей родинѣ. Вы родились от русскаго народа, ваш отец был бѣдный русскій дѣякъ. Если бы вы в своихъ стихотвореніяхъ воспѣвали горе вашего угрорусскаго народа, если бы вы воодушевлялись симпатіями и любовью ко своей родинѣ, если бы вы воодушевляли своими стихотвореніями к благородному и полезному дѣйствованію свою же родину, тогда дѣятельность вашу я назвалъ бы патріотизмомъ; но когда вы воспѣваете чужіе обычаи, когда восторгаетесь славою и блескомъ в народѣ вашемъ незнакомыхъ вельможъ, когда пишете на народу вашему непонятномъ языкѣ, тогда эта дѣятельность не можетъ быть названа патріотизмомъ, это просто крикливость, которою Вы ищете привлечь на себя вниманіе сильныхъ.

– Ну, я еще того ни от кого не слышал, что я – не патріот.

– Вникните в себя; совѣсть ваша скажетъ вамъ вполне справедливо, дѣлаете ли Вы из патріотизма или для суетной славы, или для того, чтобы заслужити расположеніе сильныхъ! Итак, господинъ министръ награди васъ патріотизмъ, когда назначилъ васъ приходникомъ в Заломы?

– Конечно, и я вполне увѣрен, что заслужилъ расположеніе Его Превосходительства.

– По моему мнѣнію, Его Превосходительству слѣдовало бы награждать не тѣхъ, которые измѣняютъ своей родинѣ, которые ступаютъ в чужій табор, которые дѣлаются ренегатами, а тѣхъ, которые всегда остались вѣрными своей народности, которые и между неблагопріятствующими обстоятельствами не перестали любить свое. Это – истинные патріоты, ибо они дѣйствуютъ в пользу тѣхъ жителей отечества, которые наибольше нуждаются в ихъ содѣйствіи и помощи. Итак, дорогой брат, Вы получили Заломы за вѣрши, за патріотизмъ?

– Получилъ – за что получилъ, это все равно; достаточно того, что Заломы мои и, Ваше Высокопреподобіе, будете такъ добры и введѣте меня в мой приходъ.

– С большимъ удовольствіемъ. Это вѣдь мой долгъ.

– Но я радъ бы сей часъ идти.

– Если того желаете, то пойдемъ.

И отецъ Дьертянфі с г. благочиннымъ отправились в Заломы.

Заломляне заранѣе узнали, что в приходники їмъ назначенъ отецъ Дьертянфі из Зарваницы. Не можно сказать, чтобы они с какимъ-то особеннымъ воодушевленіемъ приняли это назначеніе. Они часто встрѣчались в городѣ с жителями Зарваницы, и еті не с какою-то по-

хвалою отзывалися о своем душпастырі. Заломляне услышали, что о. Дьертянфі веліт построи́ти в Зарваниці вмісто скромнаго приходскаго дома не то порядочный дом, но ці́лый графский дворец, что для постройки етого дворца возвалил на прихожан непомірныє налоги, что еті налоги истязывал немилосердно посредством ексекуціі, что за требы взимал двойную плату, что, наконец, в богослуженіі не очень-то прилі́жен – отправляет «чопату» заутреню и літургію, в час отпіванія усопших оставляет половину приписанных в требникі обрядов, что дружит с панами и готов предати їм на милость и немилость свою паству и проч. Конечно, ето не все было вірно, но между тіми слухами находилась и своя доля правды. Впрочем, еті слухи, будь они справедливы или ніт, послужили поводом для того, что особа отца Дьертянфі уже *a priori*³² оказалась в Заломах не очень-то милою.

Прибыв в Заломы, благочинный веліт скликати громаду, чтобы представить їм ї́х будущаго душпастыря.

Прежде чім появиться пред лицем благочиннаго, заломляне, по своему обыкновенію, сошлись при корчмі.

– Ой, негоразд того, – зачал один старик, – в Заломах никогда не было еще «чопатой» службы, а сесь попик звык чопаті службы служити.

– Ой, мы не будеме и другі фары будовати, а сёму – так есьме чули – треба грофскі каштілі, – отозвался другий.

– Біда иде в село!

– Не пустім біду; агов, тадь мы платиме попа, та обы нам вергли на шею хоть яку біду?!

– Поговорю я з паном намістником: тадь овун сам ладився до нас, ачей, поможе нам стрясти біду.

Громада отправилася к приходскому дому.

– Просиме за ласку Пана Превелебні́йшаго намістника, – зачал прежній старик, когда увиділ, что благочинный немножко отошёл в сторону и мог заговорити с ним сам-друг, – наша громада не хоче приимати сёго пана; тадь мы так думали, что они прийдуть до нас.

Около благочиннаго сошлося больше людей.

– Ой, мы ї́х хочеме; нам сёго пана не треба.

– Мы нигда не поидеме за ним!

– Няй собі сидит там у Зарваниці!

– У нас нигда не было «чопатой» службы.

– Мы каштілі правити не будеме.

– Вы, братья, – сказал благочинный, – должны повиноватися Вашей верхности; верхность знает, кого вам опреділити в душпастырі.

32 *A priori* (лат.) – «од самого зачатку» (азначка вишорителя – В. П.).

Если бы ваш парох поступовал с вами неправильно и несправедливо, то вы можете подати жалобу єпархіальному начальству; а теперь вы должны узнати Превелебнаго господина Коломана Дьєртянфі своїм душпастырем, должны его слухати, как діти отца; и должны приходящіє ему и єпархіальным начальством узаконенные доходки точно исплачевати. Днесь я не имію больше что сказати вам, а завтра приходіте в церков на службу Божию, и я представлю вам вашего новаго пароха!

О. Дьєртянфі знал о нерасположенії заломлян, для того и не являлся между ними, чтобы не услышати от кого-то горькое слово.

Другаго дня отбылася Божественная літургія; была прочитана грамота Преосвященнаго, и отцу Дьєртянфі были переданы ключи церкви заломлянской.

Пришло перебиратися в Заломы. Переправа состоялась достаточно благополучно, хотя заломляне сначала и не очень-то спішили идти за своїм новым приходником.

Очутившись в Заломах, о. Дьєртянфі с супругушкою своєю зачали строити планы на счет будущаго їх життя-бытья.

– Ну, теперь, голубушка, – сказал о. Дьєртянфі, – думаю, конец нашим бідствиям. Можем обзавестися немножко лучше прежняго.

– Надіюсь, голубчик мой, ты не забудеш о том, что ты – приходник в Заломах. Заломы – это самый первый приход во всій окрестности; слідовательно, и нам самыми первыми слідует явитися между всею окрестною знатью.

– Прежде всего, нужно нам обзавестися дома. Я так думаю, что меблі наши, что столовый прибор, что образы, что ковры, что вся домашняя рухлядь (*butor*) безупречны. И вряд ли найдутся у кого-нибудь подобныя.

– Что ты, Коломан, сошёл ли ты с ума? И ты пристал бы етім тряпьем (*rongy*) наполнити наши комнаты!

– Я так думаю, дорогая, что подобное «тряпье» здісь ни у кого не найдеш.

– Но, Бога ради, да відь все это ветош! В Зарваниці все это долгое время стояло на поді. Крыша текла, все промочилось. Да відь днесь уже и не такая мода.

– Ах, друг мой, мы не в состоянії гнаться за модами! Для мод не хватит средств и в Заломах.

– Я ни в каком случаї не соглашусь быти посмішищем цілої окрестности.

– Ну, если так, то я велю обтянути наши меблі новою матерією.

– А еще бы чего не придумал: обтяговати ветош новою матерією; не стыдно ли тобі, Коломан?

– Чего же ділати?

– Чего ділати? К етому не нужно никакой філософії. Нужно отпра-
виться в Будапешт и купити новыя меблі, ковры и все, что необходимо
для дома одного інтелігентнаго человека.

– Но відь ето невозможно; у нас ніт денег для таких не необходи-
мых выдатков.

– Правда, настоящих денег ніт, но єсть Заломы. Из Заломов хватит.
Я так думаю, тобі теперь никто не откажет в ссуді (*kölcsön*).

– Но я так думаю, что люди прибігают к ссуді токмо в необычно-
венных нуждах, а не чтобы купити какой-то діван, а особенно, если в
нём не нуждаютсяся.

– Что-о-о? Не нуждаютсяся? Та ты согласишся на то, чтобы тебя ос-
міяли? Твоя честь не стоит тобі дві-три сотки, которые нужно бы вы-
дати на мебель? Если ты, друг мой, не можеш помочи собі, то я уже
сохраню твою честь: выпрошу от батюшки тобі на мебель.

– А с старою мебелью что сділаєм?

– Та відь и ету не бросим проч: гді-то займет місто во второстепен-
ных комнатах.

– Голубушка моя, ты меня погубиш, но чего ділати – я согласен.
Сознаюсь, что от первой репрезентації много зависит.

– Я не могла о тобі думать иначе! Я знаю, что ты – благоразумный
человік.

– Но откуда взять денег?

– Я попробую попросити у своего отца, но на ето невеликая надеж-
да; он, кажется, не располагает такою сумою, которая нам необходима на
первое обзаведеніє.

– Гді же будем куповати еті меблі?

– Гді, какой вопрос? Разуміється, в Будапешті, а не в каком-то
провінціальном городішкі.

– Но путешествіє, доставка мебели в Заломы опять-таки проглотит
порядочную сумму денег.

– Ну, что же ділати? Не спуститися же нам на честь корыстолю-
бивых торговців. Если покупка состоится без покупателя, ніт сомнінія,
что она выйдет в пользу продающаго. Но нам и без того необходимо
отправитися в Будапешт; надіюсь, ты не окажешся таким бестолковым
человіком, чтобы не поблагодарити господина міністра за Заломы.

– Конечно, ето была бы неблагодарность с моеї стороны.

– Но представитися міністру нельзя в такой изношенной одежді,
какая у нас теперь, благодаря Зарваниці.

– Разві и ты желала бы їхати со мной в Будапешт?

– Какой вопрос? Разві ты ручаєшся, что твоя покупка будет нравиться и мні, если она состоится без меня?

– Слідовательно, для тебя тоже необходим новый наряд?

– Ах, ты, Коломан, днесь такой несносный! Неужелі тобі было бы не стыдно видіти свою супругу в каком-то безвкусном средневіковом наряді?

– Ну, хорошо, если уже так, то пойдем в город и закажем собі новыя одежды!

– В городок? Я вполні не понимаю, что сділалося с тобою, Коломан! И ты согласился бы, чтобы я в провінціальном наряді появилась в Будапешті? Відь там всяк пальцем указовал бы на меня.

– Ну, а как же сготовити тобі здісь дома столичный наряд?

– Очень просто: переслати міру в Будапешт, а там уже знают, которая самая новійшая мода. Видиш, друг мой: что шіют тут дома у нас, в Будапешті то уже ветош, хотя бы шили сегодня.

– Но если мы станем готовить собі наряды в Будапешті, то и заломлянских доходов сдва ли хватит нам для покритія наших нужд.

– Ех, Коломан, ты такой матеріаліст, тобі всегда одно в голові – деньги; а ето всегда должно быти у человека второстепенное діло!

– Да, конечно, но без денег однако не будет ни новых нарядов, да не пойдетя и в Будапешт.

– Я уже заботилася о том, чтобы были деньги.

– Неужелі твой батюшка размилосердовался над тобой?

– О, ніт дорогой мой; ето неприлично бы для нас обращаться за помощью; відь мы в Заломах; мы не должны нуждатися в деньгах; мы можем выжити из своей чести.

В дверях послышался несмілый стук.

– Войдіте! – отозвался о. Дьертянфі.

Дверь отворилась и в[о]шёл довольно опрятно одітый пузатый єврей. С лунообразным лицом, по которому виднілися рыжия веснушки, с ріденькой бородой, с толстою золотою цепью на жилеті и толстыми перстениями на руках.

– Я – Герман Розенцвайг, здішній землевладілец и содержатель гостиницы, пришёл засвидетельствовать пану-отцу свое глубочайшее почтение.

– Очень радуюсь, господин Розенцвайг; надіюсь, мы как єдинственные образованные люди в селі будем почитати друг друга и будем жити в хорошем согласіи. Прошу садиться.

– Ну, а как нравится пану-отцу наше село?

– Я еще и сам не знаю, как оно мні нравится; должно быть, нравится, иначе я не пришёл бы сюда. Вы – давній обитатель в Заломах, Вы могли бы мні лучше сказать, что это за село.

– Ну, пан-отец, я так думаю, что в Заломах будет что крышити в молоко. Залома – не Зарваница.

– А что это за народ в Заломах; мні кажется, что это не очень хорошие люди?

– Люди не подлы, но нужно с ними обращаться строго. Тоты руснаки такі, что если видят, что кто-то податливый, та не станут заботиться о нем; а если поступаеш с ними строго, тогда уже усилиются исполняти свої обязанности.

– Простый народ везді таков. Но, я буду знати, как с ними обходиться.

– Я от дитства живу в Заломах и очень хорошо знаю сих людей; я в всяких обстоятельствах рад послужити пану-отцу и так думаю, что, чего лиш захочете, все будет исполнено.

– А охотно сплачивают заломляне коблину³³?

– До сих пор сплачивали не очень-то охотно; но тому, кажется, та причина, ибо прежній пан-отец были очень мягкий.

– Ну, и я ненавижу возитися с простяками.

– Вам нужно только бирову³⁴ приказати; а если бы он не слушался, помельдовати пану солгабирову³⁵ (*уѣздный голова*) – и все будет точно исполнено.

– Знаете что, господин Розенцвайг; я не люблю иміти неприемности с людьми; что думаете, не было бы ли это хорошо, если бы я коблину передал Вам, а Вы бы избрали её с народа?

Очи Розенцвайга заблестали.

– Для чего ніт? Я с большим удовольствіем готов избавити пана-отца от всяких неприемностей. Я даже сей час готов Вам выплатити всю коблину.

– Теперь будет еще преждевременно; но я не проч от того, чтобы сдѣлати с Вами гешефт.

Луиза бросила на мужа сердитый взгляд.

– А сколько всей коблины в Заломах? – спросил Розенцвайг.

– Если бы всі сплатили, то дошло бы до 150 кобликов кукурузы.

А что платят теперь за коблик кукурузы?

33 **Коблина** – натуральный попласток священнику (*зазначка вишорителя* – В. П.).

34 **Биров** (*русин. бирів*) – староста села (*зазначка вишорителя* – В. П.).

35 **Солгабиров** (*мадяр. szolgabirov*) – голова адміністративного округа (*російськ. уезда, района*) (*зазначка вишорителя* – В. П.).

– За готову кукурузу 5 гульденов за метрический центнер; но одного коблика никогда не достаточно для метрического центнера. Я сей час заплатил бы пану по четыре гульдена за коблик.

– Того мало; заплатите по пяти гульденам!

– Невозможно, вірьте, пан-отец, невозможно; коблина платится самым плохим зерном. Нужно будет пять-шесть мірок на метрический центнер. Вы не хотите, чтобы я потерял.

– Хорошо, я дам вам, господин Розенцвайг, коблик по четыре гульдена, но так, если Вы сами будете собирать коблину, и если теперь же выплатите мні за всі 150 кобликов.

– А если я не соберу 150 кобликов?

– До того мні ніт никакого діла: если не будет 150 кобликов – ваша біда; если же будет больше – ваш барыш; но мні кажется, что будет больше. Вы от каждого «газды» должны получить дві мірки кукурузы; а от каждого желяра³⁶ – одну мірку.

Єврей прекрасно знал, сколько в Заломах «газд» и сколько «желярей»: если он от каждого газды получит дві «мірки», а от каждого желяря по одной мірці кукурузы, то это гораздо превысит 150 кобликов.

– Ну, я готов!

Єврей посягнул в внутренній карман своего жилета и вытащил из него толстый бумажник, который растворив, вынял из него шесть синеньких соток и положил їх на стол.

– Возьміте, пан-отец, шестьсот гульденов; думаю, только приходит за 150 кобликов, считая по четыре гульдена на коблик!

Очи Луйзы засверкали от радости.

– Не нужно ли Вам, господин Розенцвайг, расписки?

– Для чего это? Я отдал свої деньги в священническія руки. Я думаю, это не послідній гешефт между нами.

– Послі хорошо сконченнаго діла не будет мішати выпити рюмочку коняку, не правда ли, господин Розенцвайг?

Отец Коломан посяг в креденц (*буфет*) и вынял бутылку трехзвздчатого коняку. Прежде выпил сам, а позже налил рюмочку и господину Розенцвайгу. Єврей выпил.

– Луйза, принеси что-то закусити! – Луйза принесла на стеклянном блюдечкі нісколько смокв и нісколько кусников пирожнаго (*sütemény*), что отцем Дьертянфі и євреєм было скоро истреблено.

– Надіюсь, пан-отец, – сказал єврей, закусывая, – мы всегда оста-

36 **Желяр** (*мадяр. zselar*) – безземельный (авадь малоземельный) селянин (*зазначка вишорителя* – В. П.).

немся хорошие друзья. Если мы будем одной мысли, то так нам будет хорошо, что весь мир будет нам завидіти!

– Я всегда жил в согласіи с своїми сосідами.

– Так-то и хорошо. Видите, пан-отец, ваш предшественник всегда мутил воду; он во всяких обстоятельствах защищал хлопов. А хлопы – то свиньи; ему тім отблагодарили, что не хотіли ему ни работати, ни доходы сплачевати; тоты хлопы – то такі неблагодарны, не иміют чести.

– Ах, меня уже учили хлопы. В Зарваниці хотіли заставить меня жити в собачьей канурі. Когда же я стал сооружати соотвітствующій приходский дом, стали ходити к епископу и доносить на меня всякія небывалыя вещи.

– Ну, видите, пан-отец, наши «простаки» не заслужат того, чтобы защищати їх и чтобы обходиться с ними гуманно.

– Відь не дурной то выдумал, что русин токмо печеный добрый!

– Они уже и против пана-отца бунтуют, хотя еще не могли иміти с вами никакого сношенія.

– Проучу я їх; будут они смирны, как овцы.

– А я во всім буду пану-отцу помагати. Но я, чей, уже и слишком долго засиділся. Пора ийти.

– Ну, благодарю Вас, господин Розенцвайг, за деньги; они пришли мні очень кстаті; відь мні вмісті с супругою необходимо на днях отпра- виться в Будапешт.

– А я благодарю пана-отца за оказанную мні честь и за прекрасную бесіду; прошу не забывати, что я всегда, во всіх обстоятельствах готов к вашим услугам!

Єврей Розенцвайг, глубоко кланяясь, оставил приходский дом.

– Ну, етот гой, – медітовал на пути господин Розенцвайг, – уже в моем кармані. Прекрасный гешефт: за 600 гульденов получаю около 200 кобликов кукурузы! Цена кукурузы со дня на день поднимается. Ніт сомнінья, что вмісто 600 получаю, по крайней мірі, 1200 гульденов. А над гоями буду иміти свободную руку. Кобы всі такі попики, ах, как прекрасно жилося бы всім *unserer Leut*³⁷!

В свою очередь и о. Дьертянфі был убіжден, что состряпал превосходную сделку. 600 гульденов! Прекрасныя деньги. В Зарваницах я чрез три года не иміл только доходу. Дурной єврей выплатил мні навперед коблину, а кто знаєт, сумієт ли он собрати с етіх оборванцев все зерно. А если и соберет, мы уже знаем, каким зерном платится коблина. Крімі того, етот єврей всегда будет готов к моім услугам; а ето очень заміча-

37 **Unserer Leut** (німецьк.) – русин. «наші люде» (зазначка вишорителя – В. П.).

тельное обстоятельство; відь мы знаєм, что євреї по селам всемогущи, они суміють привести к концу, что захотят.

– Ну, супругушка, – сказав о. Дьєртянфі, обертаєсь к Луйзі, – теперь уже можем їхати в Будапешт.

– Как? Відь прежде необходимо заказати новый туалет.

– Я думаю, достаточно будет заказати в Будапешті.

– Ніт, я ни за что не поїду, пока у меня не будет новый наряд. Не хочеш же меня выставити на посміх людям?

– Но, голубушка, как ето возможно заказать с Заломов новый наряд в Будапешті? Положим, я закажу, а если не понравится, если не будет приготовлен по твоєму вкусу, что тогда?

– Я вполне довіряю будапештским модіткам; у них хороший вкус, они знают самую новійшую моду да позаботятся и о том, чтобы одежда стояла на тілі, как слідует.

Нечего было ділати. Дьєртянфі заказав супругі в Будапешті новый наряд, и то с тім приказом, чтобы он в восем дней был непременно готов.

Когда наряд привезли, Луйза нетерпівливо открыла пакет; но какая была єя досада, когда она увиділа, что и матерія то очень повседневна, и работа не очень-то изящна, и не пристаєт к єя гибкой талії – да вообще сготовлено не очень-то богато!

– Еті будапештскія модітки думают, что нам, провінціалкам, можно какой-нибудь дрянью заслепить очи!

– Ну, не говорил я тебѣ, что дома сготовят лучше, – сказав Дьєртянфі, – чего-же сділаєш теперь?

– Она непременно должна поправить всі погрішности.

– Да, модітка поправит, но скажи теперь, в каком платьї появишся в Будапешті?

– Путешествовати буду в своєм провінціальном платьї, а как скоро появлюся в Будапешті, первое діло будет отправитися к модіткѣ, чтобы сей час исправила погрішности.

Луйза, хотя с досадой, должна была примиритися с своєю судьбою и отправитися в Будапешт в «провінціальном» платьї. На дороге єѣ очень занимали путешествующіє. Она очень любила заключати знакомства, а здісь на каждом шагу представлялася к тому удобная случайность. Прибыв в Будапешт, послѣ поміщення в готелі «Гунгарія», на берегу Дуная, отправилися наши путешественники к модіткѣ, чтобы поправить наряд. Желанію Луйзы, разумеєся, немедленно было удовлетворено. Вечером о. Дьєртянфі повел супругу в оперу. Великоліпное электрическое освіщеніє, роскошныя украшенія, костюмы актеров и

півниц и особенно їх плінительные голоса произвели очаровывающее впечатлініе на Луйзу. Все видінное далеко превосходило ея воображеніе. Послі вкуснаго ужина в осліпительно-роскошном ресторані «Гунгарії» они ложилися спати. Другаго дня было предпринято осмотреніе замѣчательностей столицы. Прежде всего обошли на трамваї весь город, переплыли на пропелері нісколько раз Дунай, взлетіли по зубчатой желізной дорогі в Будин, осмотріли музей, картинную галерею, даже бібліотеку, побывали в звїрином саду и в нікоторых увеселительных містностях столицы. Разуміється, что на каждом шагу покупалися нікоторыя безділицы, так что казна о. Дьертянфі мало-помалу все лучше и лучше истощалась. Наконец, приступлено к собственной цілі путешествія: была куплена мебельная гарнітура, нісколько новомодных матерій для нарядов; не забыто посітити и высокаго сродника и отдати ему благодареніе за полученные Заломы. О. Дьертянфі намірял выразити и Єго Высокопревосходительству міністру свою глубочайшую благодарность, но сродник отсовітовал ему, взяв на себя долг поблагодарити г. міністра.

Минуло пять дней с тіх пор, как наши путешественники шлялися по Будапешті. Они бы побыли в столиці и дальше, но о. Дьертянфі с ужасом замітил, что казна єго єдва не вполні истощилась, что єдва хватит денег расплатитися с владільцем готеля и вернутися домой. Нечего было ділати, сділалося необходимым отправитися в обратный путь.

Луйзі особенно трудным показалося разлучитися с столицей. Расположившися в вагоні, предалася она своїм мечтам: «Как хорошо живетъ людям в столиці! Тут совсім другий світ. Здісь при руках всі удобства жизни: если захочеш куда-нибудь поїхати, можеш пользоваться извощиком, трамваем, пропелером, пароходом, желізною дорогой. Если захочеш рассіятися, тебі представляют свої услуги несчѣтныя увеселительныя міста, театры, картинныя галереї, сады и проч. Наряды всякаго рода и качества рекомендуются на каждом шагу, и если закажеш, сготовляются в нісколько часов. Прислуга отлична, всяк знает свой долг и свое діло, вода сквозь водопроводы сама входит к тебі в комнату. Как мы отстали от всего єтого в наших захоlustях, в наших деревнях! Мы и не живем, а вегетуєм, толкаєм как-то апатично день за днем. Возможно ли: видів однажды Будапешт и наслаждался³⁸ нісколько дней столичною жизнію, в хорошем расположенії духа вернутися в одну глухую деревню, гді, кромі дебеловатых мужиков и кромі вонючих жидов,

38 **Видів... наслаждался** – образчик хыбного словотвореня. Сякі діеприсловники (минулого часу) в російськїм языку не єгзістувут. Правильно буде писати так: «увидів... насладившись» (зазначка вишорителя – В. П.).

ніт никакого другого умного существа, гді, в строгом смыслі слова, ніт ко кому произнести одного слова?».

– Коломан! – произнесла вдруг Луйза, – вымудруй каким-то способом, чтобы мы жили в Будапешті; мні очень наскучила уже ета деревенская жизнь!

– Что тебі пришло в ум, Луйза? Да как ето возможно?

– Как? Да відь ты писатель, разві ты не можеш выжити из літературы? Не можеш издавати газету? Відь у тебя талант; всі хвалят твої способности.

– И ты согласилася бы рисковати всею своею будущностью? Не о том думай, дорогая, ніт; но о том, что из 600 гульденов уже ніт ничего; едва хватит нам дойти домой! А еті 600 гульденов составляют весь наш годовый доход!

– Но Розенцвайг еще не здох. Я так думаю, что на нашу часть у него всегда будут деньги.

– Конечно будут, если будет коблина; но если коблины ніт, тогда, без сомнінія, не будет и денег.

– Ах, какой ты противный, Коломан; теперь, в час дороги, заниматься такими мелочами!

– Ніт, дорогая, ето не мелочи. Ты слишком требовательна. Настоящее путешествие могло остатися. Какая нужда была нам їхати в Будапешт? Мы могли обойтись без сей гарнітуры. У нас есть порядочная мебель. Не глупо ли весь годовый доход впахти в какой-то диван и в нісколько стульев, а послі нуждаться в самых необходимых вещах, даже в насущном хлібі?

– Ну, Коломан, я никогда не предполагала, что ты такой прозаик. Вот что ему приходит в голову – нуждаться в насущном хлібі! Ну, сознайся сам, не прозаично ли ето?

– Конечно, хліб – проза, но если без етой прозы жизнь невозможна! Гарнітуры, трамваї, хорошая прислуга, блестящие наряды – ето, не спору, поезія; но без етой поезії, без сомнінія, проживеш; даже если у тебя толк и смысл, можеш быть довольным и счастливым.

– И так, ты меня считаеш бестолковой и бессмысленной женщиной! Благодарю за комплімент; однако я не ожидала от тебя такой грубости! И так, по твоєму, всі люди бестолковы и бессмысленны, которые окружают себя удобствами жизни. Бессмысленны и бестолковы, которые изобріли желізныя дороги и трамваї; бессмысленны и бестолковы, которые сооружают дворцы и порядочныя жилья; бессмысленны и бестолковы, у коїх порядочная прислуга, которые одіваются прилично, которые обзавелися всім, что ділаєт жизнь приятною;

напротив, твої верховинцы, которые живут вмісті с скотом в избах, похожих на собачьи кануры, ходят запачканы и обдерты, которые едят пищу, годную только для собак, которые ходят пішо и босо по трескучем морозі, которые не пользуются рішительно никакими удобствами жизни – еті полулюди – по твоєму, не правда ли, очень толковый и смысловый народ? Не стыдно ли тобі, Коломан?

– А все-таки еті, по твоєму – бестолковые верховинцы, если у них толк и смысл, я всегда настаиваю на своем: могут быть счастливие, как любой барин. Счастье и благополучие не в том, чтобы блесити нарядами, чтобы иміти драгоценные мебели, ніт; счастье состоит в довольстве. Если человек доволен своей судьбой, если у него ніт неисполнимых желаний, то он счастлив и в крестьянской избе; напротив, у кого неисполнимые желания, кто очень много виділ, кто все видінное їм хотіл бы иміти, а ето ему не удастся, тот не может считаться счастливым. Счастье – ето довольство своей судьбою.

– Конечно, ты намекаеш на меня.

– Не знаю, однако я увірен, что наше путешествие в Будапешт не послужит к нашему счастью. Видиш, дорогая Луйза, если бы ты не побывала в Будапешті, ты не знала бы о трамваях, о хорошей прислугі, о блестящих нарядах и мебели, об очаровательных театрах и операх и прочіих изобретениях современной цивілізації – и не объявила бы желания жить в Будапешті, очевидно для того, ибо не надієшься в Заломах довлетворити всім твоім желаниям, которых у тебя до сих пор не было.

– Но не жить так, как живут в Будапешті, ето и не жизнь.

– «Не жизнь!» Ето только фраза. Видиш, сколько людей обрїтается в деревнях и в небольших городках; а они, однако, живут и чувствуются счастливыми.

– Разві ето жизнь? Ето настоящая вегетация.

– А все-таки большая часть людей живет такою «вегетацией» жизнью.

– Ну, друг мой, я в том убїденіи, что жизнь нужно сділати нам приятною.

– А я в том убїденіи: не будь ты в Будапешті, тобі не приходили бы в голову неисполнимые желания и ты была бы гораздо счастливие, ибо человек не станет желать, чего не виділ и о чем не знает.

Так разговаривая, пришли, наконец, наши путешественники в Заломы. Луйзі показались прескверными бідные хижины заломлянскія; даже приходский дом, занимающий самое выдающееся місто в Заломах и походивший на барский дворец, и самая церковь показались ничтожными зданіями.

– И я привязана к такому старосвітському місту, – произнесла со вздохом Луйза, – когда другіє люди живут в городах!

Отец Дьертянфі бросил на супругу горестью наполненный взгляд. В чертах его выразилась мучившая его мысль. Они выразительно говорили, что он потерял всякую надежду на счастливую будущность.

Гарнітура и прочія купленные в Будапешті безділушки неодола прибыли, и о. Дьертянфі обзавел по «княжески» свою квартиру.

Однако домашняго мира не доставало. Новая мебель, бывало, упадет пылью, тогда Луйза жалуется на свою неуклюжую, глупую горничную.

– Боже-Боже, пока буду жити между сими медвідями! – звывкла говорити она и не переставала настаивати на том, чтобы у нея непременно была городская ученая горничная.

– Відь ето стыд, чтобы в домі не было способной прислуги! Постіть порядочно не постелит, я сама должна поправляти за ней, білье не выгладит, даже не знает, что такое утюг, в комнатах пыль, паутина и всякий сор. О чистоті ніт ни малійшаго понятія. Ну, для чего же такая прислуга? Лучше быти без прислуги и ділати все самой. А разві у тебя есть кучер? Відь ето просто медвідь. Лошадей не выхолит, збруя всегда запачкана, даже поводов взяти в руки не уміет. А плати так, как порядочному кучеру, а съіет верховинец вдвое больше.

Такія бесіды велись почти ежедневно, так что отцу Дьертянфі сділалось, наконец, противно выслушивати їх. Чего было ділати? О. Дьертянфі, наконец, должен был уступить. Была выписана горничная из ближайшаго города, повариха и нянька из Спіша, а кучер взят от лошадей господина февішпана – один выслуживший гусарь.

Луйза восторжествовала, но торжество ея держало недолго. Новая прислуга никак не соотвітствовала ея требованіям. Прежде всего, ета ученая городская прислуга оказалась очень требовательной и не хотіла быти довольна такими блюдами, какими довольствовались «верховинскіє медвіді». Бывало, сварят фасолі, картофльєв, «чиру», кеселицы (*ци*) – и прислуга была очень довольна. Городская горничная, спішская нянька (*нѣмка*) никогда и не слыхали о «чирі» и кеселиці. Їм нужен был на завтрак кофе, на обід – суп, мясо и галушки; на ужин – кусник жаренаго с картофлями или какой-то мельшпейс³⁹. А кучер по своему гусарскому правилу требовал на завтрак водки с солониной, на обід – суп, мясо или там гуляш, а на ужин опять что-то жирнаго и горькаго. Когда Луйза узнала, как требовательна ея прислуга, ужаснулась. А когда

39 Мельшпейс (нім. Mehlspeise) – тісто (зазначка вишорителя – В. П.).

зачала приказувати, горничная не хотіла внести в кухню дров, ето, сказала она, не мой долг; кухаркі не хотілося йти выдоити коровы, она відь обязана готовить кушанье с готовых веществ, а не йти к коровам; точно так и кучеру не хотілось внести воды в комнату, ибо он нанят к лошадям! В конці концов, самой госпожі оказалось необходимым йти по воду и доити коровы – при всей многочисленной прислугі. Токмо тепер увиділа Луйза, что все-таки лучше сладиш с сельскими медвідями, чім с ученою городскою прислугой.

Луйза не переставала возитися с своєю прислугою, которою она все боліе и боліе сділалася недовольною и что день все лучше объявляла о своем недовольстві.

О. Дьертянфі, в свою очередь, занялся своїми недоимками. Хотя Заломы были хорошим приходом, они, однако, далеко не соответствовали требованиям Луйзы. Коблину в первый год забрал Розенцвайг, урожай был невелик, а доходы за требы оказались так ничтожными, что їх не доставало даже на табак и на шпецерай⁴⁰. О. Дьертянфі очень удивлялся тому, что от своїх прихожан почти не получает никаких добровольных подаяній. Удивлятися однако тут было нечего; ето діло могло очень легко объяснитися, відь о. Дьертянфі прежде всего сам навязался заломлянам против їх воли, во-вторых, передал їх в руки єврея Розенцвайга, в-третьих, обходился с ними свысока, дружил с їх недоброжелателями, да и в отправленіи богослуженія являлся не очень-то исправным. Кое-когда оставлял цілыя части утрени, службы Божиєй, а на вечерні бывал очень рідко. Вообще, о. Дьертянфі очень любил бывать в гостях у всіх окрестных панчуков и из-за дружбы с ними часто забывал о своїх обязанностях.

Разуміється, все ето не могло укріпляти привязанности паствы к своему душпастирю. Прежде благоговійные жителі Заломов сділалися холодными к вірі. Стали обхождати церков, при богослуженіи сділалось замітным, что церков не так полна, как бывало; повседневныя, закупныя службы сначала сділалися рідкими, а послі совсім прекратились. Похороны стали оказыватися очень простыми, панихіды служились ріже, а о парастасах не было и поминку. Разуміється, в всем етом потерпіли прежде всего релігійныя чувства прихожан, да потерпіла и казна приходскаго священника. Но заломляне стали отказывати отцу Дьертянфі не токмо в добровольных приношеніях, но мало-помалу стали переставати исполняти и свої обязанности. Розенцвайг стал жаловатися, что коблину не платят, денники стали приходити поздно или вовсе не

40 **Шпецерай** (из *німецьк.* spazieren) – иншак: «шпацірка» (зазначка вишорителя – В. П.).

приходили; приходські здання нікому було содержати в порядку, они стали вітшати; одним словом, Заломы потеряли свою прежнюю славу, сділались не тім, что были, а каким-то второ- или третьестепенным приходом.

Несмотря на все это, издержки у о. Дьертянфі не маліли. Луйза не прекращала своїх потребаній. У нея всегда должны были быти новые наряды соотвітственно потребаніям самых новейших мод; но необходимо было содержати и кухарку, ібо, по мнінію Луйзы, супруга не для того, чтобы жарилась в кухні; кромі кухарки, необходима была и горничная, и то не какая-то простая русская дівка, а выученная, которая была бы знакома с всіми тонкостями городской и барской жизни. Но Луйзі не хотілось садитися и на какой-то простой екипажі. Лошаді, коляска, упряж, даже и сам кучер должны были быти безупречны. Кромі всего этого, Бог дал діти; дітям нужны были кормилица, нянька, разнаго рода игрушки; да были уже и такія, которыя необходимо было давати во школу. Бывало, о. Дьертянфі просто боится от світлаго праздника Рождества Христова; ёлки и всякаго рода подарки то одному, то другому пану, приготавливати какіе Луйза была большая мастерица, проглотали порядочныя суммы. Но найбільше издержек стоили о. Дьертянфі устраиваемые порою вечера и угощенія. Луйза любила хвастатися своїми вечерами. К ней, бывало, сходитя вся окрестная знать; вечерами ся не брезгали даже сосідніе поміщики и вармедьскіе достойники. Їли, пили, сыграли нисколько пьес на фортепьяно, коли-когда проплясали два-три танца, а послі, при веселом расположеніи духа, нисколько даже в полухмільном состояніи, обыкновенно занимались політикой. Будто бы от них зависіли судьбы цілых государств или даже цілых частей мира! Разуміється, что при таких політических преніях досталось бідным мадярским міністрам, бідному Коломану Тисі, Сапарі и прочим. Особенно бранилось все, что русское и славянское; даже на долю невинному угрорусскому народу досталась цілая буря брані: что, мол, лінив, что равнодушен ко всім гражданским происшествіям, что не восприимчив, что не дает мадярізоватися и так даліе. А вину всего этого стали приписывати греко-католическому духовенству и греческой релігії. И пошла вторая ругань – против греко-католическаго духовенства и греческаго обряда. Духовенство, дескать, придерживается древніх, уже отживших свой вік обычаев. Какая нужда, наприклад, в постах? Для чего это длинное богослуженіе? Какая нужда в еті многочисленных праздниках? Народ-де в еті праздники призвычаивается только к ліні и пьянствованію! Но досталось обыкновенно достаточно и бідному Юліанскому календарю, кото-

рый будто соответствует умственному развитию преждепотопных людей и который служит главным препятствием того, что жителей Угорщины нельзя соляти в один народ. При сем разразились громы против попов, которые поддерживают такое антидилювиальное⁴¹ устройство. Если бы попы дышали патриотическими чувствами, то они уже давно сбросили бы эту ветуш и усиливались бы приводить все народы отечества к одним религиозным обычаям, и то тем, которые наилучше соответствуют направлению нынешнего века, которые не препятствовали бы, но поддерживали бы развитие свободы мысли. Но часто раздавались голоса в теремах о. Дьертянфи вообще и против всякой веры и религии, которая необходима была лишь до тех пор, пока народы переживали свой младенческий век; теперь же, когда они достигли полного развития своих умственных способностей, они более не нуждаются в такой руководительнице; они справятся уже с затруднениями жизни посредством своего разума.

И весь этот вздор, все эти беседы раздавались в комнатах священника, у которого не хватило достаточно смелости прекратить такие назидательные речи, который принужден был с покорностью прислушиваться им или порою даже поддакивать таким оскорбительным для своего служения выходкам, при слышании которых приходили в раздражение и ярость все его благородные чувства.

Конечно, такие сходки и вечера, кроме того, что поддерживали пайташество между цивильными панями и отцем Дьертянфи, не могли имити никакой пользы; напротив, приносили отцу Дьертянфи положительный вред, ибо, во-первых, истощали его казну, во-вторых, уроняли его в глазах его собственной паствы, а главное, во-третьих, делали из него в делах его служения, даже его веры и убеждений равнодушного человека.

Но о том, с каким почтением и какою любовью относится к нему его паства, о. Дьертянфи заботился очень мало. «Почтение этих полулюдей – теперь уже и о. Дьертянфи считал свою паству полулюдьми – для меня вполне равнодушно; я должен отправлять им богослужение, а они должны мне платить; этим и кончатся все наши соотношения». На перемену, которая происходила во внутренности его, он тоже не мог обратить надлежащего внимания. Эта перемена являлась не в один раз; он испугался бы даже мысли, что он когда-то сдвигается невером. Между тем, сомнения с дня на день все более входили в его душу и незаметно готовили путь к неверию. Быть может, эта перемена не обошла бы его внимания, если бы он вел замкнутую, созерцательную жизнь, но

41 **Антидилювиальный** – допотопный. В оригинале было напечатано так: «антедилювиальное». Выдав, тут проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

середі житейського шуму, между лихими друзями в такій середі, гді все дышало індиферентізмом, о. Дьєртянфі не мог обрацати достаточнаго вниманія на то, что происходило в его внутрєнности. Он заботился боліе о своїх матеріальних нуждах, о расстройстві своих фінансов. Что составляло, ежедневную потребность, то не могло ускользнути от его вниманія; внутрєннія діла не кажутся так близкими, приведеніе їх в порядок может потерпіти рассрочку; но без матерьяльных средств человек не может прожити ни один день.

О. Дьєртянфі с ужасом увиділ, что расходы его далеко превышают его доходы; замітил даже, что довірїе кредіторов к нему пошатнулось. Бывали случаи, что дівка без мяса вернулась из бойні, даже Розенцвайг сдїлался очень скупым и не хотіл его ссужати деньгами (*kölcsönadni*).

Между тїм и семья отца Дьєртянфі размножалась, діти стали расти, сдїлалось необходимым везти їх во школу. А перемінити прежній образ жизни, скоротити выдатки оказалось просто невозможным. Окрестные паны слишком привыкли к дому отца Дьєртянфі, чтобы возможно было отділаться от них.

И так необходимым сдїлалось размышляти о каких-то посторонніх доходных источниках. Отцу Дьєртянфі прежде всего пришло на мысль, что відь он імїет талант; что его стихи когда-то принимались с восторгом. Не хорошо ли было бы попробовати счастья на літературном поприщи? Он стал перелистывать свої поетическія произведенія, исправил кое-что, даже занялся писати новые вірши. «Нїт сомнїнія, благородная мадярская публика откликнется сочувствїем на мої произведенія». В етой надежді напечатал он воззванїе к подпискї на свої вірши: «Ifjutori Ábrándok» («*Мечты юности*»). Воззванїе было разослано; но минуло уже нїсколько місяцев и подписка собиралась как-то очень вяло. О. Дьєртянфі думал себї: не подписуют, ибо не читали; если прочтут, то подписныя деньги так будут и сыпаться. И передал в тіпографію свої вірши. «Мечты юности» неолдга узрїли світ, но подписныя деньги все-таки не очень-то сыпались. В концї концов о. Дьєртянфі очутился там, гді был; едва мог расплатиться с тіпографчиком. «Я позабыл, что днесь переживаем мы эпоху матерьялізма; днесь люди не восхищаются ідеалїзмом, днесь всї боготворят метал: как же мог я быти таким наивным, как мог предполагать, что люди будут восхищаться моїми «мечтами»? Лучше будет попробовати написати что-то реальное – о «церковно-полїтическом вопросї». И о. Дьєртянфі написал длинное рассужденіе и послал в один журнал, в котором кое-когда помїщались его вірши. Но, увы, ему и здїсь не посчастливилось: в перепискї редакціи он вычитал, что рассужденіе

его не годится для ліберального журналу, ибо очень-то пахнет «ультрамонтанізмом». «А, еті господа ожидают от меня, чтобы я написал дисертацію по началам модерняго лібералізма, чтобы я вооружился против церкви, против своей віры, против себя – ну, так далеко я еще не дошёл»!

Отца Дьертянфі очень огорчила ета неудача на літературном поприщи; но он, однако, не терял духа. Необходимым же сділалось как-то помочи собі.

Одного дня гостили у о. Дьертянфі катастеріяльные⁴² чиновники. Зашла річ о затруднительных матеріальных обстоятельствах хозяина. Один из чиновников объявил мысль, что отцу Дьертянфі хорошо бы принять должность катастеріяльнаго комісаря, которая совмістима с священническим служеніем и доставляет около двух тысячей гульденов ежегоднаго дохода. Зачім одна из таких должностей находилась незаміщенной, о. Дьертянфі рішився хлопотати о полученіи такой должности. Челобитня была тотчас написана, и всі перспектivy были за тім, что она увінчається полным успіхом. О. Дьертянфі был в хороших отношеніях со всею вармедьскою знатью и посредством покровительства ея считал несомнінным, что добьется ціли. Однако вышло не так. В сосіднем городкi проживал какой-то разоренный новтарош, находившийся в родственных связях с нікоторыми панами. Етот господин тоже добивался жалованья катастеріяльнаго комісаря. О. Дьертянфі побывал у всіх высокопоставленных лиц, от которых можно было надіятися какой-нибудь поддержки и с которыми он, как ему казалось, находился в найближайших отношеніях. Всі обіщали ему свою поддержку, всі объявили ему рішительно, что ему слідует только подати свою челобитню – и діло готово. «Вы, святой отец, наш человек, – говорил отцу Дьертянфі февішпан. – Вы очень много заслужились около распространения малярской ідеї, да мы очень много хороших часов провели у Вас: как же не поддержати Вас, когда Вы нуждаетесь нашей помощи?». Таким прелестным словам нельзя было не повіровати, и отец Дьертянфі считал несомнінным, что діла его неодолга поправляться; но каково было его удивленіе, когда в скором времени узнал, что так нетерпiливо ожидаемую їм должность катастеріяльнаго комісаря получил не он, а помянутый нами разоренный новтарош! «Нельзя не подати руку помощи етому человеку, – сказали в рішающем місті, – відь ето плоть от плоти нашей, а он бідствует; поп иміет свой приход, пусть живет из прихода. Его никто не заставляет играти роль барона». Как ни благоразумно было такое

42 **Катастерияльный** (из русин. катастер, кадастральный) – *російськ.* «кадастр», «кадастриальный» (*азначка вишорителя* – В. П.).

рішення, но отцу Дьертянфі показалося оно вопіющею несправедливістю. Єму предпочли одного разорившагося новтароша! «Какое может быть сравнение между мною и етим кутилом? Ну, подождіте немножко, господа, если был я знал, каково ваше дружество, я и не обращал бы на вас внимания! Відь ето вы сділали из меня нищаго!»

Послі етой неудачи отцу Дьертянфі оказалось необходимым иска-ти какого-то другаго доходнаго источника. Долго ломал он себѣ голову, но не мог добитися никакого толку. Одно занятіє, обіщавшее кое-ка-кий доходок, казалось очень затруднительным, другое – унизительным, третье – опять столь ничтожным, что заняться їм не стоило труда.

Когда о. Дьертянфі так боролся с своїми мыслями, приходит к нему г. Домбокі. Как ни серчал он теперь на всіх окрестных панов, но посіщеніє господина Домбокі обрадовало его.

– Я очень рад, что не забыли обо мні; другіє, кажется, забыли.

– Как забыли? Відь твой дом – настоящий постоялый двор, гдѣ мож-но поїсти, попити и услышати дружеское слово.

– Конечно, я люблю друзей своїх, отдал бы свою рубашку, чтобы развеселити їх; а когда я нахожусь в затруднительных обстоятельствах, всі забывают обо мні. Иль ты не слышал?

– Я ничего не знаю.

– Ну, видиш, я затіял было сділатися катастеріальным комісарем. Хорошо бы легким путем заслужити нісколько гульденов и помочи своему горю. Вся окрестная знать приобіщала мні свою поддержку. Я считал діло готовым. И, наконец, выходит, что мої задушевные друзья предпочли мні одного разорившагося кутила! (*dőszölő*).

– Відь то-то и біда, что он разорился; если был он не разорился, то они не предпочли бы его тебѣ. Он какой-то далекий шурин февішпану, находится в сродственных связях с віцішпаном и другими славными людьми: как же было смотріти їм, что «кров» їх ходит оборвано и не имієт ни своего уголка, ни своего кусника хліба?

– Но відь етот человек не годен для того, чтобы дозволити комі-сарской должности.

– Ето ничего; у нас, между нами будь сказано, не смотрят на то, годится ли кто-то к своему посту или ніт. У нас руководит політика и посторонніє расчѣты. Вот и теперь приближается время выборов в сейм, а знаєш ли кого рекомендует февішпан? И не думал бы – опять-таки разорившагося туза, Бодзаші. Не забавно ли? Но я так думаю, что Єго Превосходительство ошибся в своїх расчѣтах. Відь выбор Бодзаші был бы свидѣтельством убожества для цілаго округа.

– То уже правда, что еті февішпаны не обращают никакого внимания на гласность. Распоряжают во всім по своему произволу, будто бы Угорщина и не конституціальная держава. Того їм недостаточно, чтобы депутат принадлежал к правительственной партіі; они силятся накинуть избирателям даже какого-то своего родака – просто именуют сеймовых представителей.

– Для чего бы не именовали, если видят, что ето їм удастся? Оно, бессомнінно, так будет и при ближайшем выборі, если мы не окажем знаков жизни.

– Как же нам можно? Мы всі люди, зависящіе от милости сильных, как же нам противитися їх волі?

– Ну, для чего же тогда вся ета избирательная комедія?

– Для чего? Та вот для того, чтобы засвидѣтельствовать пред миром, что мы конституціонная держава.

– Я тоже так думаю, что вся наша конституція сводится к тому, чтобы бросати пыль в глаза наивным людям. Если бы мы на ділі пользовались свободою выборов, наше правительство уже давно пошло бы в отставку; відь вся Угорщина озлоблена против правительства, а при выборах оно все-таки всегда получает большинство! Весь мир удивляется етому необыкновенію, а діло объясняется очень просто. Діло в том, что жителі Угорщины еще не созріли для конституції. Их можно прельстити обіщаніями и ласками, подкупити угощеніями, а если ето не привело ко ціли, устрасити угрозами, а в конці концов – напустить на них жандармов или там солдат – и поставити на своем грубою силою.

– Конечно, наше правительство как раз взяло в руки власть, беззаботно господствует; в нашей парламентарной історіі еще не было случая, чтобы выборы не пали в пользу правительства, а в Англіі, Франціі почти при каждом выборі оппозиція побіждает – и правительство должно уступить.

– Конечно, если избиратели не созріли, не знают своїх прав, а к услугам правительства должны стояти всі чиновники, вся арістокрація, все духовенство, если, кроме того, правительство не колебается пустити в ход даже грубую силу, тогда побіда непременно должна выпасти в его пользу. Думаю, уже и у нас уконстатірован выборový комітет.

– Было слово о нем, но, кажется, діло еще не окончено. Между прочим, я так слышал, что в состав етого комітета войдеш и ты. Наш февішпан очень політичен и желает, чтобы в комітеті непременно было репрезентовано и греко-кат.[олическое] духовенство.

– Етому так и быти, відь здісь мы составляем большинство.

– Как член избирательного комитета, конечно, и ты будешь настаивать на кандидатуру Бодзаші?

– Для чего именно на кандидатуру Бодзаші?

– Ну, для того, ибо такая воля февішпана, – заметил с лукавою улыбкой Домбокі.

– Так думаєш? Ето разві для того, что исходатайствовал мні катастрофіальное комісарство?

– Конечно, ето была от него плохая політика; да відь у него сто способов, чтоб сділати тебі услугу.

– Ніт, он уже не может помочь моему горю. Кажется, будет лучше, если стану ходити на своїх ногах. Если бы я, наприклад, вошёл в состав избирательного комитета, я всіми силами настаивал бы на кандидатуре Домбокі.

– Ето мечта.

– Ніт, ето не мечта, я говорю серієзно. Мні не знаком у нас такой человек, кто иміл бы больше шансов на то, чтобы быть выбранным в сеймовые депутаты, как ты. Вопрос лиш в том, примеш ли ты кандидатуру или ніт.

– Если человека один округ почтит своїм довірєм, тогда отклонить от себя такую честь было бы малодушием.

– В таком случаі мы всё сділаєм, чтобы наш благодітель Домбокі был нашим представителем. А достигнути ціли, кажется, нам не будет очень трудно. Наш народ не позабыл о тіх благодіяніях, которыми ты не перестаєш осыпавати его. Я увірен, что если между народом пронесется имя «Домбокі», всі будут сыпаться под твой прапор. Если бы возможно повліяти на февішпана, чтобы избирательный комитет кандідовал тебя, діло, разуміється, пошло бы легче; но я увірен, что и без февішпана мы сділаєм свое діло, разуміється, что немножко трудніє. Нам никаких разорившихся Бодзаші не надо.

– И так, ты положительно настаиваєш на том, чтоб я принял кандидатуру?

– Я даже считал бы тебя малодушным человеком, если бы ты отклонил её.

– Ну, хорошо; но если так, тогда ты как член избирательного комитета непременно будеш дієствовати, чтоб я был кандідован комитетом; ибо иначе я очень легко мог бы провалитися, а ето стоило бы, кромі стыда, и больших затрат.

– Я, друг мой, весь твой; мні знакома твоя благородная душа и никто не может заставить меня, чтобы я от тебя отказался.

– Ну, хорошо, а я – тоже весь твой. Я удивляюсь твоім личным

качествам. И если Бог поможет мне достигнуть цели, я теперь торжественно обещаю тебе, что твои заслуги для отечества будут высоко оценены. Надеюсь, что, если ты желаешь меня видеть сеймовым депутатом, возьмешь на себя и труд, чтобы привести в исполнение свое желание.

– Конечно, я с большим удовольствием буду твоим «кортешом»⁴³.

– Благодарю, друг! Теперь первое дело – позаботиться мне о том, чтобы ты непременно был выбран в члены избирательного комитета. Это зависит прямо от февішпана. У меня есть средства повлиять на него.

Домбокі пробыл еще с час у о. Дьертяніфі и при стакані вина поговорили еще кое-что о повседневных делах.

Когда Домбокі отбыл, отец Дьертяніфі сказал своей супруги:

– Кажется, Луйза, наконец и нам стало рассвѣтати. Не получил катастерьяльное комисарство – не беда; но, надеюсь, неолонга поймано большую рыбу.

– Какую рыбу?

– Та вот, я знаю, что Домбокі отдавна готовится в сеймовые депутаты. Это его задушевная мечта.

– Какая же тебе из того польза?

– Какая польза, спрашиваешь? Очень великая польза! Из сеймоваго депутата сдѣлается он, без сомнѣнія, февішпаном, или даже министром.

– Та это будет польза для него.

– Ах, как ты не понимаешь, Луйза? Своим возвышеніем будет он одолжен мне.

– Что ж? Это тебя не освободит от твоих долгов.

– Ах, какая ты противная днесь! Видь, если он будет февішпаном или даже министром, у него будет сто способов помочи мне.

– Это все хорошо; но не придет ли помощь его слишком поздно? Мы видь теперь нуждаемся в помощи!

– Между нами будь сказано, я надеюсь даже на очень скорую помощь. Я буду кортешом господина Домбокі, а кортешество, как оно водится в наши дни, непременно доставляет значительныя выгоды.

– Внимай, чтоб тебя г. Домбокі не надул! Это видь достаточно смышленная лисица.

– Ну, я совсѣм доволен своим днешним собесѣдованіем с г. Домбокі; я увѣрен, что от него будет нам великая польза.

Г. Домбокі, в свою очередь, очень довольным отбыл от отца Дьертяніфі.

43 **Кортеш** (мадярськ. «kortes») – довірена особа кандидата у сейм (парламент); кортеш агітовав за свого кандидата; у шаторі свого кандидата гостив свій електорат (зазначка вишорителя – В. П.).

– Наконец, давняя мечта моя, – думал он себе, – начинают приближаться к исполнению. Если мне удастся сделаться сеймовым депутатом, тогда должен бы я быть очень тупоумным, если б не вернулся из Будапешта с достоинством февішпана.

Между тем, избирательный комитет под председательством февішпана сформировался. Господин Домбоки и сам в[о]шёл в состав этого комитета; да ему, по своим сношениям, оказалось нетрудным всунути в него и отца Дьертянфи.

Комитет этот на первом своем заседании стал рассуждать о том, кого поставить в кандидаты сеймового депутата со стороны правительственной партии. Некоторые члены комитета стояли за кандидатуру Бодзаші; но г. Бодзаші в последнее время много раз говорил против правительства и так в глазах многих членов комитета оказался не вполне заслуживающим доверия. Правда, г. Бодзаші официально объявлял, что он принадлежит к правительственной партии; но если он немножко выпил и находился в радужном расположении духа, тогда бранил и ругал правительство, как мог. Г. Домбоки воспользовался этою слабостью своего противника и ему удалось уверить большинство членов комитета, что Бодзаші принадлежит к партии независимых. Главным помощником господина Домбоки в распространении сих слухов был о. Дьертянфи. Бедный поп увлекся так далеко, что Бодзаші едва было не вызвал его на дуэль. Кроме сего, некоторые члены комитета, между ними и сам февішпан, находились в долгах у господина Домбоки; для чего не очень-то оказалось им возможным противиться его кандидатуре, когда о. Дьертянфи решительно объявил, что он, на всяк случай, и наперекор избирательному комитету будет стоять на стороне Домбоки, а отец Дьертянфи был не один, с ним соглашалось большинство комитета. Нечего было делать, на комитетовом заседании Бодзаші провалился, а Домбоки провозглашен сеймовым кандидатом правительственной партии.

Узнав о случившемся, Бодзаші ожесточился и объявил, теперь публично, что все-таки не отступит, а попробует сделаться депутатом с независимой программой. И чтобы чем лучше обеспечить себе успех и расположить в свою пользу русское население, провозгласил, что будет всей душою поддерживать справедливые требования русских.

Последовал общий переполох. Февішпан телеграфическим путем извистил будапештский центральный избирательный комитет, что не обойдется без борьбы, а борьба будет отчаянная – нужно будет, по крайней мере, сто тысяч гульденов. Министерство возвало все официальные ведомства, чтобы должностною своею считали всеми силами поддерживать правительственного кандидата; даже епископ, не без инструкции

свыше, кріпко наложил духовенству, чтобы стіной стояло при господині Домбокі. И духовенство, и адміністративные чиновники, и фінансы, и корчмарі-жиды пришли в движеніе; каждый своїм способом усиловался убідити мужиков, чтобы отдавали свої голоса на Домбокі. Духовенство воспользовалось амвоном, уїздные начальники – угрозами, даже веліли арестовати нікоторых опасных «кортешов», жиды – попойками. Каждый усиловался расположити мужиков в свою пользу, каждый ругал своего противника и приписывал ему небывалыя наміренія и для достіженія їх небывалыя средства. Кортеші приходили в села обыкновенно с прапором своего кандидата, который и водружали гді-то на частном домі. Водруженіе прапора происходило торжественно – с увеселеніями и попойками.

Так и в Заломы поспішили прежде кортеші господина Бодзаші. На улиці собралось множество зевак. Среди сей праздної толпы кортеш вскочил на привезенную їм бочку с водкой и, держа в одной рукі прапор своего кандидата, а в другой фляшку с водкой, зачал приблизительно такую річ: «Панове, громадо! Приближаются выборы на ківета⁴⁴. Не є честнішого пана, як пан Бодзаші. Пан Бодзаші любит простый народ: овун не раз веселился вьедно з вами, з вами пив и веселился. Ему усе на сердці ваша доля. Овун любив бы, абы сьте меньше порціи платили, абы сьте довган садили, абы сьте попам денники не робили и коблины не платили. Голосуйте на вашего доброго пана Бодзаші! Кедь овун буде вам за ківета, увидите, буде вам легше. А кедь єсьте удуріли, та голосуйте на того скупого Домбокі, котрый хотів бы загорнути цілый світ, котрый дружит не з вами, а з панами, котрый хоче, абы сьте и їму келчиги (*издержки*) заплатили, абы была порція бульша, абы сьте попам ищи бульшу коблину платили и по чотыри денники робили. Кто удурів, най голосує на Домбокі, а наш ківет – пан Бодзаші. Ельєн⁴⁵ Бодзаші!».

Выпившіє мужики из всего горла закричали: «Ельєн Бодзаші!» Послі чего прапор Бодзаші был выставлен на одном частном домі.

Недолга послі сего явились и кортеші господина Домбокі. Еті зашли уже прямо к о. Дьертянфі. Приходский двор превратился в місто собранія гуляк. Кортеші господина Домбокі зачали ругати Бодзаші, рекомендовали голосовати на Домбокі, что ето, мол, добрый пан, который особенно заломлянам сділал много добра, отпустил їм бесплатно весь матерьял для созиданія церкви, не выгоняет скот їх из пастбища, отдает їм землі и луга для половиннаго барыша и проч. «Ето добрый пан, – кончил кортеш, – примите его прапор и голосуйте на него! Ельєн Домбокі!

44 **Ківет** (из *мадяр.* követ) – депутат, посланник сейма (*зазначка вишорителя* – В. П.).

45 **Ельєн!** (*мадяр.* Éljen!) – *русин.* Най жие!, Віват! (*зазначка вишорителя* – В. П.).

– Ельєн Бодзаші! – грянуло с толпы.

– Что вы? Сошли ли вы с ума, добрые люди? – спросил о. Дьєртянфі.

– За дерево и камень, что нам дав на церков, мы одплатили пану Домбокі чотыри раз фурманков, скот наш пасетсѧ на его пастбищи не бесплатно; землі, что мы робиме з ним на сполок, стояли бы необроблені, коли бы мы їх не обробляли. Нам пан Домбокі не зділав нияку услугу, а теперь хоче убольшити порцію и коблину; нам не треба такого ківета. Ельєн Бодзаші!

– Ельєн Бодзаші! – грянула толпа.

– Честні люде! Вас свели с пути. Пан Бодзаші не знаєт и себі помочи; видите, его имініє продали с аукціона. Все умінє пана Бодзаші состоит в том, что прекрасно выхыляет стклянки. Не стыдно ли было бы для заломлян, єсли бы у них был такой ківет! Пан Домбокі не хочет убольшити ни порцію, ни коблину, а хочет потрудитися для вашего блага. Пан Домбокі находится в чести и у високаго правительства, и у славной вармеді; пан Домбокі много добра может вам сділати. Я як ваш отец духовный совітую вам – кличте на пана Домбокі! Ельєн Домбокі!

Кромі кортешов господина Домбокі, никто не повторил еті слова.

– Ельєн! Кому «ельєн», а нам ніт! Вы, панотець, передали нас жидам, держите против своєй віры з жидами и поганами, служите нам чопаті службы; перебачте, кедь теперь не будеме стояти з вами, а будеме стояти коло того, кто хочет помочи нашой біді – хочет уробити у пресвітлійшаго нашего царя, обы сьме меньше порції платили, обы нам свободно довган садити, обы жиды не забирали наши землі, обы пархи не сміялися над нашов руськов віров, обы нам свободно было на вармедь по русски писати и своі діти по русски учити! Пан Бодзаші сесе ушитко нам пообіцяли; нам не треба другого ківета. Ельєн Бодзаші!

– Ельєн Бодзаші! – грянула толпа.

– Люде честні! – возразил отец Дьєртянфі. – Кто вам набил такія глупости в голову? Пан Бодзаші не может выхлопотати, чтобы вы довган садили, ибо из трафики наш край имієт около 10-[ти] міліонов чистаго доходку. Скажіте, откуда бы можно взяти сії гроші, если бы вам позволили довган садити? И того не может пан Бодзаші выхлопотати, чтобы подать была меньша, ибо тогда не можно бы покрывати державные выдатки. То все – лож, брехня! Кто вам такое наговорил, тот свел вас с прямого пути. И того не выхлопочет вам пан Бодзаші, чтобы вы на вармедь по русски писали, ибо мы живем в угорском краю, в которм чиновственно должен употреблятися язык угорский. Віру вашу тут

никому не вольно висміювати; пархи най держать свою віру, а ви – опять свою. А того, чесні люде, должны вы признати, что дітей ваших нужно учить по мадярски, дабы и с мадярами говорити могли, и чиновственный язык края разуміли. Пан Бодзаші в сих ділах вам ничего не поможет, а много может вам помочи пан Домбокі, ибо вы с ним живете, ибо каждого дня с ним сходитесь, ибо куда лиш попозираете, все кругом принадлежит пану Домбокі, и вы без него обойтись не можете. Я як ваш отец духовный наминаю вас: примите заставу пана Домбокі и закрітите всі со мною: «Ельєн Домбокі»!

– Ой, пане, того не дочекаете, обы мы приняли заставу пана Домбокі. Пан Домбокі нас никус не шановав. Мы за каждую жердинку, за каждую травцю робиме пану Домбокі, як волы. Мы не достали од пана Домбокі ищи нигда нич задарь, а за вшитко платиме ёму учетверо. Най перебачать нам, мы мало выпили, айбо наш ківет – пан Бодзаші! Сесе славный пан, з нами їсть и пьє, з нами по нашому говорит, не потуляе нашу річ и нашу віру, даколи побывать и у нашой церкві и так заспівать «Господи помилуй», як хоть котрый русин.

– Я так гадаву собі, – отозвался кто-то из толпы, – что и службу бы ліпше одслужив, як вы, панотець.

– Та вы так слухаете мене?

– За чопаті службы иншак не мож, – отозвался прежній голос.

– Тай за того, что пархам платиме коблину, – возразил другий.

– Ну, научу я вас!

– Пане, нам вольно выберати за ківета, кого самі хочеме. Ельєн Бодзаші!

– Ельєн Домбокі! – заревал отец Дьєртянфі с своїми кураторами и пономарями и, взяв из рук кортешов прапор Домбокі, веліл выставити его на домі пономаря.

Толпа приняла с негодованієм етот шаг своего душпастьря.

Теперь о. Дьєртянфі ввел кортешов господина Домбокі в приходский дом, гді между стаканами шёл такой разговор:

– Ну, видите, господа, какой сюрприз приготавили нам заломляне!

– Я и не думал, что еті ни к чему не годящієся русначки окажут такое сопротивление, – сказал один из кортешов.

– Я сам того не надіялся, – возразил о. Дьєртянфі, – відь они всегда относились с довірїєм к г. Домбокі. К тому, они не могут жити без него: скот їх пасется на его лугах, огріваються из его ліса, землі берут от него для посіва. Мні совершенно непонятно, откуда ето сопротивление.

– Повірите ли, батюшка, что ето москвофільская агітація?

– Я не предполагаю, гді бы тут взялись москвофілы?

– Гді? А благочинный! У того чоловіка много русских книг, он читает даже русскія газеты. А всегда говорит, что русских дітей нужно учить в школах по русски, и что русскіе иміють право писати на вармедь и в чиновства по русски.

– Это уже такія привычки у старика.

– Но в Угорщині это непозволительныя привычки. Что думаете, если бы на вармедь стали писати по русски, то всім чиновникам должно бы обучатися русскому письму! Такое думать да еще и говорить – відь это настоящая зміна, оскорбленіе отечества!

– Да відь Вы не слышали, чтобы о. благочинный о таком говорил.

– Иль Вы не слышали, что наговорили нам еті полулюди, еті русины: они, мол, желают, чтобы дітей обучати в школах по русски и чтобы писати на вармедь тоже по русски. Откуда взяли еті дикарі такія мысли? В приході отца благочиннаго наговорили нам такія же глупости; а вы еще сміете защищать этого москаля!

– Я не защищаю, відь о. благочинный в самом ділі любит поговорить по русски, любит прочитати русскую газету; но, хотя мы почти ежедневно сходимся, я никогда не замітил, чтобы у него были предосудительныя начала; напротив, он всегда оказывается горячим патріотом.

– И так говорить по русски, читати русскія газеты, возмущати народ, чтобы писал свої челобитні по русски и чтобы требовал русских школ – все это по вашему патріотизм?

– Вы приводите меня в замішательство! Однако я предлагаю вам не свої мысли. О. благочинный обыкновенно говорит, что наше угорское отечество токмо в том случаі может быть счастливым, сильным и непобідимым, если всі его граждане получают свої національныя права, если каждый гражданин отечества будет образоватися на своем родном языке и если всім, во всіх случаях будет предоставлено право пользоваться своїм языком...

– Довольно, святой отец, довольно; надіюсь, что вы не разділяете такія начала; это именно и есть измінническія начала. Подумайте, что было бы из мадярскаго народа, если бы всі граждане отечества стали руководитися подобными началами!

– Ей, что мы зачали подобный разговор? Нам відь идет о том, чтобы выбрать своїм представителем господина Домбокі!

– Конечно о том, но видите, святой отец, нам мішают москвофілы. Я найбільше надіялся на ваших заломлян, а вот вышло, что они – наши главніишіе противники.

– Конечно, діло не пойдет так легко, как мы того надіялись.

– Господину Домбокі придет не в шутку отворити свой бумажник, если жаєает быти ківетом.

Когда в домі отца Дьєртянфі шёл такой разговор, заломляне на улиці ділали своє діло.

– Люде честні, – сказал корчмарь, – пан Домбокі веліл повеселити-ся Вам, пейте, адде паленка; тут и цігары, можете и потанцовати собі!

– Ніт, арендашу, так не мож; мы паленку пана Домбокі не пьєме, ёго цігары не хочеме и ёго музыку не слухаєме; у нас єсть свуй ківет: «Ельєн Бодзаші!»

– Ци подуріли вы, люде? Та ци не видите, что и пан превелебный, и всі паны держат з паном Домбокі; та ци вы од всіх розумнійши?

– Мовчи, жиде, а дай паленки; дай за мої гроші, а Домбокієву не давай, най пьє сам!

Розенцвайг налил галбу паленки (тогда міряли єще галбами).

– Прийдіть хлопці, напейтеся!

Галба была сей час испразднена.

– Жиде! Дай другу... третью галбу!

Стол покрьєлся стклянками с паленкой. Заломляне не в шутку стали испраздняти їх. Алкогол стал обнаруживати своє дієвствіє: одні ругались, другіє ціловались, третїє стали заводити даже драки.

– Хлопці! – закричал один только что вшедший мужчина, – тадь Домбокієва застава там висить на церковницковой (*пономарь*) хыжі!

– Де бы!

– Подьте, увидьте!

Нісколькo охмілілых молодцов выпрыгнуло из корчмы.

– По правді (*дѣйствительно*) тото Домбокієва застава.

– Ганьба! Стыд!

– Долу з нёв! Розмечеме, запалиме хыжу, – закричало вдруг нісколькo голосов.

– Люде, майте розум! – успокоивал толпу корчмарь.

– Не просиме мы од тебе розума. Мовчи, пархо! Долу з Домбокієвов завісов!

Охмілілая толпа устремилась к дому пономаря и спуєтя одну минуту прапор господина Домбокі был сброшен с дома и потоптан в грязі.

Господин благочинный, вьїхав в село, точно в ту пору поравнялся с буйствующею толпой, когда ета так нецеремонно обходилаь с прапором господина Домбокі.

– Что Вы ділаєте, люде, – заговорил о. Кирил, – иль Вы того не знаєте, что ничію заставу збросити не свободно; а если Вы топчете єї в грязі, то просто совершаєте преступленіє?

– Ельєн Бодзаші! – завопили охміліліє мужики.

– И я говорю: «Ельєн Бодзаші!», – сказал благочинный, – но, не смотря на это, заставу другого ругати не слідует, ибо это составляет преступленіє, виновники котораго непременно будут наказаны.

– Ельєн Бодзаші! – заревіли опять пьяные мужики.

В это время кортеші господина Домбокі выходили на бричкі из двора отца Дьєртянфі; встрітившия с отцем Кирилом, поклонились, главный же из них бросил на него злобный взгляд.

* * *

– Слава Иисусу Христу, – сказал о. Кирил, отворив дверь приємной комнаты отца Дьєртянфі.

– Ах, какая новость видіти Ваше Высокопреподобіє у нас; в самом ділі, я так думал, что, чей, негодуєте. Луйза! Войди, вот у нас неповседневный гость.

Луйза вошла из сосідней комнаты, легко поклонилась и сказала:

– Здравствуйте у нас, батюшка!

– Вы и не предполагаете, какое причиняете нам удовольствіє, что, наконец, рішились посітити наш скромный дом. Милости просим, извольте садитися. Ніт сомнінія, утомились. Несносная жара.

– Ну, дорога недалека; но, конечно, чрез гору немножко утомительна. Я пришёл к Вам по ділу, – сказал. о. Кирил, садясь на діван, – знаете, теперь переживаем кортешский світ.

– А иначе, не правда ли, мы лишились бы счастья засвидѣтельствовать Вам тут у себя свое глубокое почтеніє.

– Конечно, виноват, что уже давно не был у Вас, красивая сосідка, но кто вспомнит о том, что я непрерывно завален ділами, тому вина покажется не так велика.

– Кто же у Вас «vivat», батюшка?

– Кто? Я рад бы избрати, сказать правду, какого-то нашего человека, который бы интересовался судьбою своего біднаго народа, но такого человека не иміється. Что же ділати? Выберем Бодзаші; он хотя и не наш, но, по крайней мірі, всегда показывался благосклонным к нам, да и народ имієт к нему симпатію.

– Помилуйте, господин благочинный, – сказал о. Дьєртянфі, – гді мы в состоянні боротися с правительством?

– Наибольшая наша ошибка состоит в том, что мы не довіряем собі; и для того так думаем, что кого ни накинута нам свыше, того должны и выбрати в свої представителі. Я так думаю, что если мы имієм право выберати собі представителя, то выберем того, кого хотим; если

же представителя навязуют нам чиновники, тогда мы не умієм пользо-
ватися своїм правом. Не стыд ли это для нас?

– Батюшка, кто бы ни был нашим представителем, из того для рус-
скаго народа невеликая выйдет польза, відь мы все-таки будем в мень-
шинстві. Для чего раздражати сильных мира сего?

– Ніт, друг мой; если бы мы иміли в сеймі, по крайней мірі, одного
вірнаго представителя, то он заговорил бы о нас, предложил бы сейму
наши обиды, наше беспримірное состояніе – и мир узнал бы о нас, уз-
нал бы, что в Угорщині живет полуміліонный русский народ, который,
несмотря на то, что всегда был вірным своему отечеству, что всі пат-
ріотическія должности свої примірно выполняет, живет в полудиком со-
стоянні, ибо о просвіщеніи его никто не заботится, а заботятся лиш о том,
чтобы он čím скоріе забыл свой язык и сділался холодным к своей вірі.

– Мы, батюшка, не преміним теченіе діл.

– Но мы живем с нашего біднаго русскаго народа: он обрабатывает
наши землі, платит нам, содержит нас. Мы его духовные путеводители
и так мы должны прежде всіх позаботитися о его просвіщеніи и о его
нуждах. Что наш народ косніет в невіжестві, что ничего не знает о своїх
правах, что его каждый цундравый жид гнетет и преслідует – то все
вопіющая улика против нас; відь все это было бы невозможно, если бы
мы совістно выполняли свою просвітительную діяльність; итак, мы
должны всі свої силы напряжати, чтобы были своему народу полезны-
ми, чтобы вывести его из настоящаго отсталаго положенія и постави-
ти его на уровні прочих образованных народов; если не выполним сей
долг наш, имя наше останется поклеимлено пред цілым миром и на
страницах історіи!

– Как вяжеться все сіе с выбором сеймоваго представителя?

– Как? Это не очень трудно понять! Та вот, если мы станем выби-
рати представителя по своей волі, то тім засвідітельствуем, что и мы
имієм волю, слідовательно мы – не инертная маса; тім увидит и народ,
что он все-таки пользуется какими там правами, да и выбранный пред-
ставитель заговорит на сеймі о наших желаніях и, ніт сомнінія, что до-
бьется чего-нибудь, ибо правда всегда останется правдою. Ігноріровати
ея, и в конці концов, окажется невозможным.

– Повірьте, батюшка, что всі наши усилія ни к чему не приведут;
нам наилучше ни во что не мішатися, невозможно відь против рожна
прати.

– Вы меня не понимаете, друг мой; я того не говорю, чтобы датися
на якіе там авантюры. Но мы должны тихо, хладнокровно, с достоин-
ством защищати свої права, ибо кто не уміет защищати свої права, тот
и не заслужит того, чтобы иміл какое-нибудь право. Для чего нам право

избиранія представителів, якщо ми не умієм користуватися їм, якщо завжди вибираємо тих, яких нам нікоторые кортеші нав'язуть?

– Но якщо станем протиставитися сим кортешам, то положення наше зміниться ще хужим.

– А якщо предадимся волі сих кортешов, тоді в нісколько годов совсім не станеть нас.

– Как не станеть?

– Иль Вам неизвідно стремлення ваших кортешов? Иль вы не видите, что зди́сь ходит о том, чтобы уничтожити и віру христіанскую, и віруючий народ? Иль вы не видите, что кто только ходит в штанах и в сюртукі – хвастается своїм невірієм? Иль вы виділи, чтобы какой-то пан ходил в церков, исповідався и причащався? Если еті кортеші ваш народ лишат народности, если зділають его равнодушным к вірі, что уже на многих містах замічається, если вырвут из сердца его віру, скажіте, для чего тоді священники? Мы токмо до тіх пор нужны народу, пока он сохранил народность и віру свою, а послі никто не станеть нуждаться в нас. Но я не говорю с егоістической ціли; я кріпко убіжден, что народность и віра составляют єдинственное счастье нашего народа. Посмотрим, чім был бы наш народ без віры? Он ни в чем не различался бы от дикарей. Віра – ето его цивілізація, его просвіщеніє, его счастье и блаженство. Из віры черпает он всі возвышенныя ідеї, віра внушает ему быти терпівим, скромным, смиренным, благородным; віра – церков – служит ему как-бы театром, в котором он облагородняется. Церков наполняет его сердце радостію. Если бы не праздник Рождества Христова, если бы не Світлосе воскресеніє, у нашего мужика не было бы ни одной веселой минуточки. Віра – ето источник всіх благ для угрорусса; а не должно забывать, что віра у нас неразлучима от народности, ибо, если мы перестали быти русскими, тоді перестали быти віруючими, тоді зділались самым отвратительным пролетаріатом на земном шарі. Нам нужны такіє представителі, которые любят нашу віру, которые и сами запоют на кліросі и о которых можно предполагати, што будут защищать нашу церков и не будут выступать против наших інтересов. Такой именно госп. Бодзаші.

– Но видите, Ваше Высокопреподобіє, всі миродательныє круги – и правительство, и єпархіальная власть противны господину Бодзаші; да мы и сами видим, что он, крімі стклянок, ни к чему не годится.

– Конечно, госп. Бодзаші огорченный человек. Он ко всім на порядкі стоящим вопросам относится объективно и справедливо; он никогда не мог терпіти несправедливости; никогда не мог терпіти, чтобы кому-нибудь ділалася кривда, он всегда стоял при истині и, поелику в

етом мирі, в котором царствует князь мира сего, он не мог добитися осуществленія своїх ідеалов; станем ли удивлятися тому, что душа его наполнилась горечью; ну и, чтобы затопить свое горе, станем ли удивлятися, что он кое-когда выпил больше, чім его оказалось нужным? Таких людей в мирі очень много, которые в вині усилиются отыскати улегченіє от гнітущих їх горестей. Что же касается правительства, оно в настоящем вопросі не может считатися миродательным для нас, ибо у него свої ціли, а ті ціли, как видно, направлены против наших інтересов – против нашей церкви и нашего родного языка. Єпархіальныя же власти принуждены покоритися волі правителей, ибо-иначе не посыплются для них никакія милости свыше – ни субвенції, ни отличія.

– Как возможно Вам, благочинному, так говорити?

– Я прежде всего вірный слуга своей церкви и никогда не сдѣлаю такой шаг, который направлен против церкви; во-вторых, я вірный сын своего любезного отечества и своего народа и никогда не отважусь дѣйствовать в таком направленіи, которое считаю пагубоносным для отечества и для народа.

– Но интерес отечества точно того и требует, чтобы дѣйствовать в том направленіи, в котором дѣйствует правительство отечества.

– Чтобы голосовати на господина Домбокі, не правда ли? Наше угорское отечество состоит из многих народов, которые говорят различными языками и которые принадлежат к различным віроисповѣданіям. Несмотря на разность языка и віроисповѣданія, всі народы, живущіє в нашем отечестві, суть сыны отечества. Всі любят свое отечество и свою родину, всі одинаково платят податі, всі одинаково жертвуют жизнью, если требует безопасность отечества. Наши угроруссы там дрались в рядах Раковці, там боролись 1848-го года за свободу отечества! Отцы наши всегда были вірными своему прапору; измінника между ними никогда не было, ни одного. А посмотріте, любезный брат, посмотріте на наших угроруссов! Какія они сожаленія достойныя тварі! Они живут в нищеті и бідности, нікому поднять їх матерьяльное благосостояніє, нікому їх научити ремеслам и земледілію, из котораго они живут, нікому їх просвѣщать на родном языкі! Мадярскому языку они наскоро научиться не могут, а на своем русским языкі обучати їх считается едва ли не преступленієм – государственною измѣною. Возможно ли, чтобы при таких обстоятельствах они просвѣщались и шли наперед с прочими народами отечества? Не осуждены ли они, еті вірныє сыны отечества, на темноту, на отсталость, на истребленіє? Ибо днесь, кто не просвѣщается, тот и пропал. Ну, и может ли быть счастливым отечество, если угроруссы, если и другія народности, которыя, впрочем, состав-

ляют большинство в нашем отечестве, обречены на такую печальную судьбу – на исчезновение? Отечество наше токмо в том случаї может быть счастливо и велико, если оно всіх вірных сынов своїх, будь они какой-нибудь народности, с одинаковою любовью прижмет к своей родительской груди, если всім застрахует одинаковыя права. Если народы нашего отечества будут иміти возможность одинаково просвіщатися, если всім будут на ділі уділены одинаковыя права, если всі будут чувствовать себя дома, тогда угорское отечество будет счастливо и велико, тогда и врата ада⁴⁶ не одоліют нас. Так, друг мой, всі мы діти нашего угорскаго отечества, ко всім равным образом должно относиться отечество, всі мы равномерно должны чувствоватися довольными; вот в чем состоит благополучіе отечества!

– Ето відь так и єсть. Всі мы можем преуспівати. Кто причиною тому, что угроруссы косніют в невіжестві и отсталости? Они сами виноваты – не заслуживают жизни.

– Прошу Вас, брат мой, не изрекайте на самага себя такой строгий суд! Видите, сами ли Вы причиною тому, что, хотя Вы – угрорусс, хотя отец Ваш был русским дьяком, Вы однако не усилюетесь писати по русски, а пишете мадярскія вірши? У Вас талант, Вас обдарил Бог блестящими дарованіями, а вы вмісто того, чтобы просвіщати свой русский народ, из котораго Вы произошли, вмісто того, чтобы образовати свою родную річ, которою первый раз заговорили, вмісто того, чтобы обогащати свою родимую літературу, которая очень убога и нуждается в діятелях – вмісто всего етого вы пишете мадярскіе вірши, которые мадярам не нужны, обогащате мадярскую літературу, которая и без того достаточно богата и не нуждается в ваших услугах. На полі угрорусской письменности Вы могли бы были замічательным человеком, а в мадярской літературі Вы являетесь шарлатаном; несмотря на все ето, вы, однако, пишете мадярскіе вірши! Знаете ли Вы, для чего Вы ето ділаєте? Если не знаете, то я Вам скажу: Вы так думаете, что вашими віршами приносите многоцінную жертву на престол отечества. В самом же ділі вірши ваши не приносят отечеству никакой пользы, відь у маляр єсть писателі – и много извістнейшіе и, признайтесь, омного талантливіе Вас. Между тім, если бы Вы таланты Ваши посвятили на обогащєніе своей родимой угрорусской літературы, Вы могли бы пособствовать к возвышенію уровня своей родной письменности, могли бы подійствовати к изнятію своего угрорусскаго народа из настоящего

46 **Врата адава** (біблійне) – символічний образ сил діавола (зазначка вишорителя – В. П.).

закоснілія, к просвіщенію его – и тім принесли бы Вы омного большую пользу своєму угорскому отечеству. Знаете ли, как смотрят многіе люди на вашу настоящую діятельность? Общее мнііе так рассуждает, что Вы сділались малярским писателем, чтобы удостоитися признательности и подаяній свыше; чтобы приобрісти и отличія, и жирныя поміщенія, чтобы застраховати себѣ беззаботную жизнь. Люди так говорят; конечно, таким бесідам я не придаю серьёзнаго значенія, но, извиніте, на вид ваше дотеперішнее діяствованіе, кажется, будто-бы оправдывает такое предположеніе.

– Но я протестую против такого предположенія. Я діяствую из пасіи, потому, ибо мнѣ так діяствовать приносит удовольствіе.

– Очень хорошо, но не должно забывати и о том, что из-за удовольствія не слідует жертвовати общественною пользою; не слідует жертвовати своїм народом и хорошо понятыми интересами своего отечества.

– Я не понимаю, Ваше Высокопреподобіе, в какой связи находится все это с нашим избирательным движеніем?

– Связь отыскати не будет трудно. Вот, милый друг, писателю малярских віршей совсѣм природно давати свой голос на г. Домбокѣ; напротив, если бы Вы писали стихи по русски, то, я увірен, вы держали бы со мной и с вашими прихожанами, и отдали бы свой голос на г. Бодзашѣ.

– А какая будет Вашему В[ысоко]преподобію польза из того, если будете на сторонѣ Бодзашѣ? Ділайте, чего хотите, а я увірен, что нашим представителем все-таки будет г. Домбокѣ.

– Какая будет польза? Если бы мы побідили, то польза [была] бы несомнінно велика, ибо г. Бодзашѣ вполнѣ наш человек. Он любит наш отсталый, но честный народ, чрез всю жизнь свою симпатизовал с нами, помагал, чѣм мог – и нам, священникам, и нашим прихожанам, а главное, он глубоко религіозен и от всей души ненавидит настоящее анти-религіозное направленіе. А если не побідим, то и в том случаѣ выиграем, ибо засвидѣтельствуем пред миром, что мы любим свое, что мы изо всей силы отстаиваем свои права и боремся за христіанскія ідеи.

– Но, видите, Ваше В[ысоко]пр[еподо]біе, так ділати, как Вы ділаєте, не опортунно⁴⁷; Вы губите и себя, и свой народ.

– Если не опортунно, то значит – честно. А честность и характер я, с своей части, не проміняю ни на какія выгоды. Кто діяствует из опортунных видов, тот, извиніте, почтенный брат, діяствует не для того, ибо убіжден в справедливости діла, за которое борется, а діяствует,

47 **Опортунно** – туй у значенно «благоразумно», «розважно», «подля інтересів власти» (зазначка вишорителя – В. П.).

ибо из того ожидает какую-то пользу; значит, действует нечестно. Вот в том наша и беда, что мы переживаем такой период, когда все гонятся за выгодами. Чтобы достигнуть своей эгоистической цели, часто бросают и самое святейшее дело в жертву, а чтобы дать красивый колорит своим действиям, говорят, что действуют опортунно.

– Стало быти, благоразуміе – это вполне ненужная вещь; поступати по правилам благоразумія – это не честно!

– Поступати благоразумно – это не нечестно, но жертвовать священными обязанностями для того, чтобы избегнуть неприятностей или чтобы достигнуть каких-то эгоистических выгод, – это решительно нечестно. Мало сего, такой человек, который из-за опортунных видов жертвует своими обязанностями, который долг чести приносит в жертву, обыкновенно тиряет уважение и тех, в пользу которых он это сделал, и очень редко достигает того, чего ожидает. Уверю Вас, милый друг, что Домбоки окажется неблагодарным.

– И так Ваше В[ысоко]пр[еподо]біе желаете притянуть меня на сторону г. Бодзаші; к сожалению, я не могу дозволить Вашему желанию, ибо я уже отдал свое слово господину Домбоки.

– Ніт, я не так наївен, чтобы льстил себя надеждою приобрести Вас; однако я желал объяснить Вам дело.

Между тем, Луйза накрыла стол, принесла кофе, жареного цыпленка, блинов (*le rény*) и фруктов; а господин о. Дьертянфі⁴⁸ заботился о хорошем вине.

При столе шел разговор об обыденных вещах, в котором участвовала и Луйза.

Пока о. благочинный забавлялся у о. Дьертянфі, пред корчмой происходило настоящее следствие. Кортеши господина Домбоки, заметив что прапор их там лежит в болоте, сей час зачали отыскивать виновника – поругателя прапора.

Если был еврей-корчмарь заметил, кто бросил прапор в болото, то дело пошло бы иначе; но еврей не заметил виновников. Он слышал только, что люди сговариваются скинуть прапор с дома, на котором он был вывешен.

Кортеши назначили себе имена заговорщиков.

Другого дня явились в село жандармы и попроварили заговорщиков и еще некоторых первейших людей в окружный суд, а там, до разбиранія дела, поместили в следшем аресті.

Это уже такая тактика, что тех, которые кажутся опасными для

48 В оригинале было напечатаной иной прозвище – «Домбоки». Издав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили подля контекста (заметка вишорителя – В. П.).

правительственной стороны, на время выборов ділають безвредними.

Господин Домбокi, услышав о происшествiях в Заломах, сконфузился и стал считати своє діло сомнительным. До сих пор израсходовал он немного денег. «Для чего тратити деньги, – думал он собі, – відь я и без громадных растрат поставлю на своем и буду выбран в кiвета. – Но теперь стал размышляти иначе. – Без растрат не обойдется. Но что, а если распропащу все состояніє свое, а пользы из того не будет никакой? Відь у нас на Угорщині єсть множество таких приміров, что выборы и богачам дали в руки нищенский посох. Ех, конечно дали, но ті богачі не принадлежали к правительственной партіі! Правительство сумієт подержати своїх кандідагов».

Когда госп. Домбокi так разбирал своє положеніє, вдруг отворилась дверь и вступил к нему один из его кортешов.

– Ну, что за новостъ? – спросил г. Домбокi.

– Новости не очень-то хорошия: заломляне стали всі до одного на сторону господина Бодзаші.

– Неблагодарный народ!

– Даже заставу вашу кинули в болото!

– Неужелі? Ах, за ето поплатятся пред судом!

– Но теперь не совітно будет тягати їх по судам. Тім только еще больше утратите свою популярность. Заломляне – ето вожаки всей окрестности; за ними пойдут всі; я так думаю: была бы большая ошибка дразнити їх.

– Чего же станем ділати?

– Во что бы то ни стало нужно приобрісти їх.

– Как же приобрісти, если не хотят?

– Как? Деньгами. Не думаю, чтобы между мужиками нашелся человек, который бы мог устояти искушенію взяти за голос по пяткі.

– Но ето будет стоить очень дорого.

– Так что ж, здісь не должно жаліти денег, если хочеме поставити на своем. Центральный избирательный комітет и так позаботится о деньгах.

– Но кто возьмет на себя роль раздавати мужикам деньги?

– Кто? Думаю о. Дьертянфі не откажет нам в етом. Ему найловче поговорити сам-на-сам с своїми мужиками.

– Но ето немножко щекотливое діло.

– Щекотливо или нiт – о том не рассуждайте, а давайте денег, ибо иначе все пропало!

Г. Домбокi, почесав затылок, вынял из бумажника тысячу гульденов и передал своему вірному кортешу, и то с тім порученієм, чтобы с помощью отца Дьертянфі усиловался приобрісти чім больше голосов.

– Не будет ли этого мало, – отозвался кортеш, – відь нікоторые голосы будут стояти очень дорого, – додав он лукаво.

– Я так думаю, – возразил г. Домбокі, – тысяча гульденов – довольно для заломлян, а прочі пойдут за заломлянами. Впрочем, если нужно будет больше, то будет и больше. Господином Домбокі совсім овладіло желаніє сділатися ківетом, на минуту не жаліл даже и денег.

Кортеш, взяв деньги, отправился прямо к отцу Дьертянфі, который точно раздумывал о своем незавидном матеріальном положенії и искал способа, чтобы вымотатися из еврейских когтей.

– Здравствуйте, батюшка! Вот я к Вам с просьбою: сділайте милость, приміте от меня нісколько сот гульденов! – зачал он свою бесіду, вынимая банкноты из своего бумажника.

– Что же это за деньги?

– Что за деньги? Иль Вам неизвѣстно, что мы переживаем днесь бурное избирательное время! В такой час непременно должен посыпаться и золотой дождь.

– Конечно должен; и я весьма удивляюсь, что до сих пор еще не сыпался.

– Ну, вот и сыплется. Вот Вам 400 гульденов! Счѣты от них Вы давати не должны никому, а это уже Вы суміете устроить так діло, чтобы заломляне отдавали свої голоса на господина Домбокі.

– Помилуйте! Что Вы задумали? Иль Вы наміряете меня купити? В таком случаі я не принимаю от Вас еті деньги, відь Вы очень хорошо знаете, что я и без денег совсім готов к услугам господина Домбокі!

– Сохрани Бог меня от такой мысли! Подкуп! ... На такое гнусное діло я никогда не рішил бы дати свою голову. Еті деньги, батюшка, не для Вас, а для издержек, которыя необходимы при выборах. Не может же г. Домбокі пожадати от Вас, чтобы Вы в его інтересі тратили свое имущество.

– Чего же мні ділати с етіми деньгами?

– Чего? Употребляйте їх, как сами наилучше знаете! Вот для вожаків необходима рюмочка водки, два-три сігара, паклики и проч. А, можно, приключится, что один-другий из голосующих не будет брезгати и деньгами...

– Трудное діло, милостивый государь; я никогда не принял бы на себя такой ролі; відь я должен сознаться, что у заломлян я не пользуюсь какими-то чрезвычайными симпатіями, но господину Домбокі я не в силах отказати. Хорошо, я буду из всей души діствовати в его пользу; за успіх, однако, я ручатися не могу. Вы знаете наших мужиков: они

выпьют и возьмут деньги, и приобіщають кріпко стояти за діло, а в рішальну минуту оставляють нас на леду.

– Если окажется нужным, то, между нами будь сказано, покупайте голоса! Если бы Вам удалось приобрести нісколько жожаков, то діло было бы виграно: всі прочі пошли бы за ними; а гді заломляне, там и весь избирательный округ. А теперь прощайте, святой отец; у меня еще очень много хлопот; знаєте, во время выборов ніт у чоловіка досуга.

– Я не задерживаю Вас, відь діло, в котором Вы труждаетесь, – наше общее діло.

– До свиданія, святой отец!

Кортеш взял в руки шляпу и, оставив на столі четыре сотки, вышел из комнаты.

О. Дьертянфі, отложив деньги, стал размышлять о том, каким способом можно бы расположить в пользу господина Домбокі своїх непокорных прихожан: «Если бы они были ко мні привязаны, – размышлял он, – то было бы нетрудно заставить їх так танцовать, как я гуду; но что їм ни скажу, они сей час наперекор. Уже пробовал всяко, да нельзя сладиться с ними. А при выборах! Это відь совсім свободное діло: сдѣлают, как схочут. А я могу остаться сам с своїм Домбокі, – о. Дьертянфі еще никогда не чувствовал потребность того, что єму хорошо бы жити в согласіи с етіми «полулюдьми»; он презирал своих прихожан, брезгал ими, а теперь вдруг очутился в таком положеніи, что єму оказалось необходимо заискивать їх расположенія и симпатіи. – Мні хорошо было бы стати на сторону Бодзаші, – сказал он наконец, – тім оказал бы я большую услугу господину Домбокі; тогда, ніт сомнінія, всі заломляне очутились бы на его стороні». – «Безмозглые мужики!» – крикнул о. Дьертянфі сердито и вышел из комнаты. На дворі нашѣл он своего пономаря (*церковника*), которому и приказал, чтобы призвал к нему церковных старост (*кураторов*) и сельскаго голову.

– Не сходят прийти, панотець, – отвічал пономарь.

– Как не сходят прийти, да відь я требую їх по церковным ділам, – сказал сердито о. Дьертянфі. – лиш ты ступай скоро!

Пономарь побрѣл, зачесывая затылок.

Недолга появились кураторы в хмільном состояннїи.

– Ой, як вижу, – зачал к ним свою річ о. Дьертянфі, – вы уже достаточно выхылили из кортешской збряги пана Бодзаші.

– Най не почудуют панотець, теперь такой баламутный світ!

– Кураторы! Вы были мні всегда послушными; я не думаю, чтобы Вы и теперь были против мене.

– Як бы мы были против своего панотця? Мы лиш против пана Домбокі.

– Та что Вам пан Домбокі зділал, что Вы так повстали против него?

– Та знаєте, панотець, пан Домбокі не наш чоловік. Пан Домбокі затопил бы каждого русина в єдной ложкі воды. Он не любит нас, єще и бесіду нашу не любит; он хотіл бы, обы мы забыли свою бесіду, обы сьме говорили лиш по мадярськи. Пан Домбокі говорит нашему учителю, обы діти учил лиш по мадярськи; коли увидит русскую книгу в школі, дораз кричит, наводит на людей біду. Та что того за пан, который ненавидит наш язык и нашу віру, а ищи хочет быти нашим ківетом!

– Та відь то єще не біда, что пан Домбокі хочет Вас научити по угорськи: всі мы живем в Угорщині и так нам треба знати по угорськи.

– Та хоть и треба бы знати, айбо єднако не треба забути свое! Ой, панотче, каждому наймилійший свой язык, котрому научился од матери. Люди того не могут стерпіти, коли дакто силою силечной хочет їх зділати уграми.

– А знайте, честні люде, туй в Угорщині лиш так может вам быти благо, если будете мадярами!

– Ой, панотче, мы нигда не забудеме свой язык и не одкажемся од своєї віры! Кому хочется, может статися и калвином, на то каждому своя воля; а мы и были, и будеме русинами.

– Тадь дакотрі наші паны отці, – отозвался вторый куратор, – уже и так до половины сталися калвинами, бо посты не держат, а и службу Божью служат чопату – оставляют из ней коли что, что прийдет їм в голову.

– Прилично ли Вам, кураторе, так одзыватися о своїх отцях духовных?

– Ци прилично, ци не прилично – я не знаю, айбо так говорю за них, як собі заслужат.

– Знаєте ли, кураторе, что вы не должны быти судьєю над вашими отцями духовными?

– Тото знаю и не хочу осуждати, айбо тото, пане, правда, что дакотрі попики зїли бы мясо и в Великодну пятницу.

О. Дьертянфі пришел в ярость на єті слова, відь єто был намёк на него, но по причині, что хотіл кураторов приобрісти господину Домбокі, воздержался от обнаруженія гніва.

– Та то обстоятельство, что господин Домбокі хочет научити Вас говорити по мадярски, єще не причина для того, чтобы Вы были против него; відь он – ваш благодітель.

– Який благодітель? Правда, пан Домбокі дає нам пастбище, дозволяє нам в лісі збирати гриби и оріхи, а в воді имати рибу и раки; но все сіє на сполок – половину грибів, орішків, риб и раков мы должны однести єму в двор; а за пастбище поорем всі єго землі и завозим весь єго хліб. Ой, панотець, так не дер бы нас ани нехрест – пан Домбокі пуще жида!

– Итак, Вы dokonчили, что не будете держати з паном Домбокі.

– Ніт, ни за что на світі.

– Та відь єсли так, он одберет од вас пастбище, не даст вам раз ступити в свой ліс. Вы без пана Домбокі не можете жити!

– Мы думали уже о сем. Пастбище мы найдем на полонині, про гриби, оріхи, рибу, раки мы обойдемся. Айбо не знаєме, як буде пан Домбокі без нас газдовати? Відь из того, что он пушал нас в свой ліс и во свої потоки, єму більшая польза, чім нам; ибо гриби, оріхи, рибу, раки он доставал без всякого труда. А кто буде єму орати? Кто завезе єго сіятє? Пан Домбокі лучше притисся на нас, як мы на него.

– Кедь не будете стояти при пані Домбокі, то знайте: будет великая біда, бо Вы вергли єго заставу в болото!

– Кто верг, най карує – нам до того нич; а тото не хочеме, обы нашим ківетом був такий человек, котрый єсть ворогом нашего языка и нашей віры.

– А тот Бодзаші – тадь и тото не ваша віра!

– Правда, панотець, і Бодзаші – не наша віра; айбо прото пан Бодзаші – наш человек. Бывало, колько раз в веділю и в свято найдєся в селі, нигда не премине побывати и в церкві; там сидит на кліросі, як бы даякий дяк, и так співат «Господи помилуй!», як и всі мы. Пан Бодзаші и читати знає по нашєму, и так умильно заговорит по русски, як хоть котрый русин. Пан Бодзаші не раз говорил нам, для чого мы залишуєме свой язык и своє письмо? Для чого не требуєме, обы діти наші в школах, кромі мадярщини, училися и по русски; пан Бодзаші – справедливый человек. Он не зовет нас смердящими руснаками и лінохами; он видит, что мы усиловный народ; а коли не біжимо на панську работу, та лиш для того, бо не всі паны любят нам честно заплатити за нашу працю и за наш труд. Видите, панотець, великоможный пан Домбокі рад бы, обы бідный русин и поорав му, и покопав, и покосив; айбо за то никто не видит од него поламаной дудки⁴⁹. Он все лиш мудрощами – то за пасло, то за хворост, то за камень, то за глину... Айбо ци выплачуєся сими пустяками наш труд?

49 *Дудка* (русин., бесідн.) – русин. «гроші», «платня»; російськ. «деньги», «грош» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Я рад бы знати, кураторе, хто навчив вас такої філософії.

– Хто бы учив? Я навчився сам. Все, що я розповів, походить перед нашими очима; хыба бы сліпый, хто бы вшитко сесе не видів.

– Хотя бы и так; но я рад бы знати, что вам может дать пан Бодзаші?

– Что бы давал? Нам ничего не треба давати; для нас доста, кедь на діеті⁵⁰ буде нас заступати.

– Та что из того за польза? Один голос исчезнет без сліду. Ци вы не чули, что єдна ластовица не зробит літа?

– Правда, не зробит, айбо коли прилетіла лиш одна ластовица, та уже знаєме, что недалеко літо, бо среди зимы она не звыкла прилетіти. Коли лиш один ківет буде на діеті, котрый бы вірно заступився за нас, то можно надіятися, что славное панство увидит нашу правду. А кедь нигда никто не буде упоминати о наших нуждах, та розумієся, никто не оберне на нас своего ока – и мы навсегда останемся з своїм горём.

– И так вы ніяк не хочете стояти за пана Домбокi?

– Мы хочеме такого ківета, кто не потупляє нас и кто готов заступати нас.

– А кобы пан Домбокi хотіл багато нагородити вас?

– Як нагородити? Знаєме, что пан Домбокi не оддаст нам свою домінію.

– Домінії не оддаст, но ступайте лиш, кураторе, сюда за мною!

О. Дьертянфі и его куратор остановились сами в отдельной комнаті.

– Пан Домбокi приобіщал, – продолжал о. Дьертянфі, – что кріпко будет стояти за ваші права и каждому, кто будет голосовати на него, заплатит по пять золотых.

– Так, ачей, и накупует собі голосов; но мы – не продажні люде!

– Чей, вы з ума сошли, кураторе?

– Правда-правда, пять золотых добрі буде взяти, коли дають, – сказал куратор и подумал собі: «А голосовати могу на того, на кого схочу». Ну, давайте, панотець, гроші, – сказал он голосно, – коли так, то уже чтось зділаєме!

О. Дьертянфі передал куратору 50 гульденов.

– Возьміте гроші, за них можете купити 10 голосов; если сії будут иміти місто, то приходіте опять! Но отдавайте честным людям, которые здержат свое слово!

– Так буде, панотець, попровбалуву, но не знаю, ци найду честных людей; бо, знаєте, панотець, честні люде не дають подкупитися.

50 *Дієта* (істор., застаріл.) – русин. «сойм», «сейм», «парламент» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Но уже лиш діляйте, як самі знаєте; я увірен, що Вы ловкий чоловік!

«Як бы не так, – розмішлял собі куратор, виходя из комнаты отца Дьєртянфі. – Вы, панотець, так думаете, что мы обрадуемся грошам господина Домбокі. Не так то, ніт! У нас уже єсть натолько разума, что не даме перевести себе. Відь должен же быти и у нас чоловік на сеймі, который бы готов был и за нас речи слово. Домбокі дає гроші, для чего не прийняти? Коли дають, та бери! Но мы не продаме свою совість. Гроші возьмеме, а будеме голосовати на того, на кого схочеме».

Куратор роздал деньгі; прийняти деньгі никто не отказался. Каждый рассуждал так, как куратор: коли дають, та бери! Но чтобы отдати свой голос на господина Домбокі, то никому не приходило и в голову.

О. Дьєртянфі неодолга опять призвал к собі куратора.

– Берут гроші? – вопрошал.

– Та кто бы не брав гроші? Знаєте, панотець, у нас, русинов, такое правило: кобы лиш не украв, а коли дають, та бери.

– А паленку Домбокія ци пьют?

– Зачали пити. Чему бы не пили, коли даром дають?

– Ну, та надіюся, діло пойдет ладно. Хотите ли еще больше грошей?

– Та чому не хотіти? Коли даєте, панотець, та и возьму и роздам межи людьми.

– Айбо роздавати нужно тайно, сам-на-сам, чтобы никто не увиділ; бо, знаєте, кураторе, могла бы быти біда. Подкуп – то великое діло; можно бы впасти в кримінальний суд.

– Та, чей, я не удурів, чтобы гроші роздавати явно. «Того нужно и нам, – подумал куратор, – тогда відь рахунка (*отчет*) никто не буде требовати».

– А что думаете, кураторе, сколько грошей могли бы вы еще роздати?

– Дві-три сотки, думаю, возьмут.

– Довольно будет теперь одной сотки; если вы её роздали, то приходіте опять – дам больше!

О. Дьєртянфі вынял сто гульденов и отдал своему куратору; куратор, в свою очередь, прищуриив глаза, взял деньгі и с видимым удовольствием выбрел из комнаты.

Охотников для денєг не нужно было долго отыскивати.

И сділалося большеє празднество в Заломах. Грянула цыганская музыка, на середину деревні вывезена огромная бочка паленки; жителі обступили её! Всяк пил, їл крендли, колбасы и солонину, в устах

мужиков закурилися цігары; вышли и женщины с дівушками: зачалась пляска и настояція оргії. Однако имя господина Домбокі как-то не произношалось.

– А кто «віват»? – спросил появившийся на етой сцені о. Дьертянфі.

– О ки борт ад⁵¹ (*кто вино даёт*), – заревіл один охмілілий мужик.

– Ельєн Домбокі! – закричал о. Дьертянфі.

– Ельєн Бодзаші... Домбокі! – повторило нісколько охриплых голосов.

– Что вы, ошаліли, что ли? Пьете паленку господина Домбокі, а кричите «Ельєн Бодзаші!». Обезуміли ли?

– Ех, панотець, най там буде хоть Домбокі, хоть Бодзаші; добрі, что є что їсти и пити!

– Итак, из вас, честні люде, никогда не мож сділати порядочных людей. Вы никогда не сдержали, да и не здержите своего слова; и так не чудо, что ни у кого не имієте честі, что никто не довіряет вам!

– Что? Никто не довіряє нам? Та пак для чого кличєся на нас пан Домбокі?

– Тото было бы на вашу пользу, если бы вашим ківетом мог быти такий порядочный пан, як пан Домбокі.

– Вы никогда не знали, да и не будете знати, что вам на пользу, – отозвался корчмарь Розенцвайг.

– Ой, мы не знаєме, а тото єднако знаєме, что пан Домбокі був бы и тобі, и всім жидам на пользу.

– Та что вы сділали з сими людьми? – отозвался тихо о. Дьертянфі к своєму куратору.

– Дайте, панотець, єще даякі крайцарі, – шепнул куратор, – и все будет ладно!

О. Дьертянфі отозвал в сторону своего куратора и всунул єму в руку єще 100 гульденов. Куратор походил межи людьми, которые, хотя и не стали восторгатися в пользу господина Домбокі, но все-таки сділались боліє тихими и покойными.

Неодолга появился сельский голова и выдал приказ, чтобы всі ті граждане, которые иміют голос, непременно появились в сосіднем городку для избиранія сеймового представителя: «Идти треба красно, честно, ни бігаря (*кій*), ни ніякого оружия брати з собою не свободно; кромі того, будьте тверезі (*трезвы*), и хранитєся от буйки (*драки*), бо кто провинитєся против сего, буде скапчанный и посадитєся в рєшт (*арест*)!»

51 О ки борт ад (*мадьяр. Aki bort ad*) – хто дає вино (*зазначка вишоритєля* – В. П.).

Как был соблюдаем етот приказ, выданный верхностью, сей час обнаружилось, ибо послі сельскаго головы сей час появились в Заломах пред корчмою кортеші господина Домбокі и ємщики⁵² стали поміщати по большей части хмільных и пьяных избирателей на повозки. Между почтенными избирателями были и такіе, которые не могли держатися на ногах и которых, словно снопов, розміщали на возах.

Ета опакровка продолжалась недолго. В полчаса повозки тронулись. На первой из них несли запачканный прапор господина Домбокі.

Дорогой весь етот караван часто останавливался. Почтенные избиратели льяли в себя горілку, бранили друг друга, рвали друг друга за волосы и начинали даже настоящую драку.

Со стороны адміністративных властей были предприняты всі міры предосторожности, чтобы застраховати, как они выражались, свободу выбора, или лучше, чтобы способствовать избранію господина Домбокі.

Жандармы почти из всей вармеді были командірованы на місто выбора; но и ета значительная жандармская сила казалась властям недостаточною, для чего к жандармам были отправлены еще дві сотні солдат, но солдаты были помещены в одном дворі, чтобы їх никто не замічал. Ими предположено воспользоваться токмо при случаі надобности. Жандармы, напротив, показывались везді: на дорогі, на улицах избирательнаго містечка, в частных и при постоялых дворах; одним словом, везді, гді было замічено сгромажденіе народа. Не у одного почт. избирателя жандармы производили формальный обыск и отнимали дубины, ножи, камні и тому подобныя оружія. Бывали случаї, что кое-кого хмільнаго гражданина прямо отпровадили в арест; особенно если замітили, что он принадлежит к партіи Бодзаші.

Наступила ноч. Весь избирающій народ чрез всю ноч не предавался сну. Происходили чиновственныя вакханаліи. По корчмам раздавалась музыка, пили и танцовали пьяные граждане, шли то грязныя, то соблазнительныя бесіды. Бідный угрорусский мужик во всю жизнь свою не наділал столько бесчинств и столько гріху, как в ету одну ноч.

– Ба ци не знаєте, братья, для чего попы так кріпко держат з панамі? – заговорили в одной корчмі, в которой находилось много заломлян.

– Якое ты звідуєш! Та ци не видиш, что попы все вьедно з панами: вьедно пьют и їдят, вьедно нас дерут, одні другим помагают, та як бы они не держали вьедно?

– Тадь тото так-так, нашим попикам не є ни середы, ни пятницы, за панську ласку уже погубили и віру!

– Не так тото было давно, – отозвался один сивый старик, – коли,

52 **Ємщик** (російськ. ямщик) – русин. кочіш (зазначка вишорителя – В. П.).

бывало, наши попики в гунях и холошнях ходили, не стриглися и не бритвалися, тогда в среду и в пятницу за світ не взяли были дашто порзного в рот; айбо тогда, что думали люде, то думав и поп. Наші отцы были, вправді, нашими отцами и не волочилися з єретиками.

– Днесь кобы лиш много грошей и велика коблина, а о том и не думают, чтобы бідному люду спомагати!

– А з паном Домбокі зачто держат? Чей, не знаєте? Тадь Побрехайло чув, коли Домбокі клався з панотцём заломлянським. «Я буду держати з тобов, – говорит панотець, – кедь вмісто двух мірок будут платити чотыри». Домбокі значала не соглашався; так говорив, что доста буде трёх мірок; айбо поп не попускав и, наконец, Домбокі мусів пристати на попово слово. Ну, а як бы теперь попы не держали з ним?

– Ей, тото не може быти правда: відь не всі попы держат з паном Домбокі! Тото мав чути Побрехайло, а тому паробку не [є] что віровати. Чому пан намістник не держит з паном Домбокі, чей, бы намістнику не придалася больша коблина?

– Намістник – тото другое діло; наш намістник єще из тых старых попув, которыйі любят свой народ и держатся своего.

– Та пан намістник з кім держит?

– Та з кім бы держав? З паном Бодзаші.

– Ну, коли отець намістник держит з паном Бодзаші, тогда всім нам должно идти за отцом намістником. Тото наш чоловік, не должны же мы оставить его самого, коли он стараєся, чтобы нам было благо.

– Ельєн Бодзаші! – заревіло вдруг нісколько голосов.

– Пст! Тихо! Та ци вы забываете, что пьете паленку Домбокієву? Ци не знаєте, что многі брали Домбокієвы гроші?

– Чорт най їх возьме, коли они за ряндаву дудку готові продати своє діло! Ельєн Бодзаші!

– Пст! Тихо! Та ци ты не знаєш, что з колокольчиком заяца не поймаєш?

– Правда, діду, правда, з колокольчиком заяца не поймати, айбо з дубинов уже лиш могу ёго зразити!

– Пст! Цыт! Спряч дубину, бо не буде ладно!

– Ей, не буде ладно, та кто мні роскаже, я никого не боюся!

– Но-но, увидиш ты дораз – роскажут тобі жандары тай катуны! Та ци не знаєш, что з каждого боку обложили нас катуными и жандарами?

– Ой, та сесе не горазд! А я хочу голосовати на пана Бодзаші!

– Голосовати на пана Бодзаші тобі никто не заказує; айбо дубину спряч, бо за тото може быти біда!

– Ну, браття, та на кого нам голосувати? Бо коли нас тут привезли, та уже лиш мусиме вибрати собі ківета!

– На кого? Та хто нас сюда привез?

– Пан Домбокi.

– Та на пана Домбокi будеме и голосувати, – отозвался куратор заломлянський, прищурих очи.

– Як бы нiт! Чей, еше мало платите коблины та хочете платити больше?

– А тото лиш выдумав Побрехайло, – сказав куратор. – Та ци вы бы тому вiровали?

– Ци выдумав, ци нiт, айбо я лиш не дам свой голос на своего врага.

– Правду говориш, и мы не даме; а куратор, коли так хоче, най голосуе на Домбокi.

– Коли пан Бодзаші заспiває з нами на клiросі, коли попоiст з нами печеных крумплюв, напьeся горілочкi, а опять заспiває даяку красеньку русску спiванку, та сердце у человека розрываeся. Ельeн Бодзаші!

– Пст! Тихо! Та ци не чув eсь, что заяца з колокольчиком не поймаш?

– Добрі, дiду, добрі; дякую Вам за науку!

Всі присутствующіe наконец рiшили, что будут голосувати на пана Бодзаші. Ни повозкi, ни паленка, ни дeньги господина Домбокi не иміли больше никакого значeния. Вакханаліi послі сего продолжались до самого утра.

Но хотя как тайно происходило ето не то совіщаніe, не то собраніe, тайныя рiшенія eго не могли долго остатися в тайні. Паны как-то, вiроятно чрез евреев-корчмарей, узнали, что мужики рiшили отдавати свої голоса на госп. Бодзаші. Сдiлался великий переполох. «Смятeся весь Иерусалимъ» – всі заботились о том, чтобы насберати для Домбокi чім больше приверженцев.

Домбокi вдруг сдiлался великодушным, щедрым и отворил по пански свой бумажник, в близкія села были разосланы екипажи с кортешами, чтобы привозили избирателей.

Наконец пробило восьмый час и председатель отворил избирательное собраніe соотвiтствующею рiчью.

Одна часть – iнтeлiгенція – провозгласила своїм кандидатом господина Домбокi; а народ в главi с своїм благочинным объявил, что довірiем своїм жаеет обдарити господина Бодзаші. Зачім единоголасное избраніe оказалось невозможным, то председатель объявил, что діло рiшится голосованіем, которое немедленно было открыто.

Разуміeтся, прежде всего голос свой отдавали паны – так названная

інтелігенція. И должно признати, что голосование їх почти без изъятия шло в пользу господина Домбокі. Домбокі получил уже выше 100 голосов, а о Бодзаші не было и споминку. Наконец, около десятого часа зачали свої голоса подавати мужики, предводимые отцем благочинным.

Как-то смішно прозвучало, когда о. Кирил первый раз произнес имя Бодзаші. Но послі него звучало уже токмо ето имя.

Наступил 12-ый час. У господина Бодзаші было уже пятьдесятью голосами больше. Кортеші Домбокі засуетились, стали искати людей, опять разослали повозки, привозили и приводили таких людей, которых даже не было во спискі избирателей. О. Дьертянфі все еще надіялся на своїх заломлян. Наконец, пришли и заломляне. Каждый с напряженным вниманіем ожидал, кого имя произнесет сельский голова. Наконец, сей отворил рот, из котораго прозвучало: «пан Бодзаші»; за сельским головою слідовал куратор, который вторично произнес: «пан Бодзаші»! О. Дьертянфі поблідніл от стыда и ярости. Стали приходить заломляне рядом; ни одного не было между ними, который голосовал бы на Домбокі, изъемше корчмаря Розенцвайга, который таким образом и оказался единственным соумышленником отца Дьертянфі.

Теперь всі увиділи, что діло Домбокі провалилось; однако кортеші его стали искати способа, которым бы возможно пособити ділу. Послі непродолжительнаго совіщанія один из между них в полупьяном состояннїи зачал ругати, что протокол ведется невірно; завязалась ругань, кончившаяся тім, что протокол был разодран на кусники, которые и исчезли между приверженцами господина Домбокі.

Избирателі, по большей части, разошлись, отнимати от них голоса оказалось невозможным. Нечего было ділати, оказалось необходимым назначити новый срок для новаго выбора.

К етому, новому, выбору избирателі отнесли уже совсім пассивно: они убідились в том, что здісь поставити на своем совсім невозможно; відь всегда можно выдумати способ, которым можно уничтожити выбор и назначити срок для новаго. На сем новом выборі не оказалось никакого противника, и господин Домбокі был єдиногласно избран в сеймовые депутаты. Верифікація его послідовала без всяких затрудненій; відь он принадлежал к господствующей ліберальной партії.

Сколько раз участвовал г. Домбокі в сеймовых засіданіях, трудно сказати; но он не принимал никакого участія в совіщаніях и дебатах. «Ето все вздор, – думал он, – я ліберал, слідовательно, я всегда должен отдавати свой голос в пользу проектов ліберальнаго правительства; ето відь необходимо и по той причині, ибо иначе не добьюсь цілі: не покину парламент с февішпанским достоинством».

Да он и достиг ціли: послі истечения двух годов вернулся домой февішпаном. Ціль была достигнута, кортеші господина Домбокі торжествовали. Между ними был вні себя от восторга о. Дьертянфі. «Итак, наконец, мы будем руководити в вармеді, – думал он собі, – Домбокі – мой друг; кромі того он обязан мні своїм февішпанством. Если не я, то он не депутат, если же не депутат, разумеітся, и не февішпан. Если я сділал его депутатом, то было бы неблагодарно с его части, если бы в вармеді не оставил мні самого большаго вліянія».

Таким мечтам предавался о. Дьертянфі; о том и не думал, как скоро наступит разочарованіе. Новый февішпан с большею торжественностью занял свое місто. На інсталяцію сбіглась вся знать вармеді. И русское духовенство было густо репрезентовано.

Появился даже сам єпископ. О. Дьертянфі сочинил восторженную оду в честь новаго февішпана, которую и прочёл в час обіда – в присутствіи самого воспіваемаго г. Домбокі. Ода произвела небывалое воодушевленіе; и не могло быти иначе – она дышала всіми тіми ідеями, которыя носят на счёт руєнцев-кабаров⁵³ среди мадярской знаті. Рукоплесканіям, «ельенам» не было конца. Многіе поміщики и чиновники оставили свої міста, подошли к отцу Дьертянфі и кріпко пожали его руку. Произведенный фурор не токмо без конца льстил честолюбію отца Дьертянфі, но вмісті представлял ему перспективу на радужную будущность.

Семейныя отношенія отца Дьертянфі были не совсім счастливы. У него всего остался в живых один сын и дві дочери; прочь діти померли еще в младенчестві. Отец Дьертянфі усиловался дати дітям своїм, как говорится, блестящее воспитаніе. Оно, по мнінію его, состояло в том, что діти, пока находились дома, должны были в разговорі и с родителями, и между собой употреблять мадярский язык. И так діти⁵⁴

53 **Руєнцы-кабары** – туй, видав, у значеню «рутено-мадяры», авадь «одданный народ». Сесь авторський неологізм ся складає из двох етнонімів – «рутен» и «кабар». **Руєн** (од «Ruthen») – термін, котрый крітізовав Є. Фенцик як «новомодну» назву, котру русинам хотіли бы навісити намісто самоназвы «русин». (*Позирай* ёго статью: Руєны. *In* Листок, 1886, №3). **Кабар** (авадь кавар; *мадяр.* kabarok, kavarok) – казарської (хазарської) племя, котре ся прикапчало ид мадярам у IX столітю и втворюило из нима давноугорську конфедерацію племен, што рушили до Панонії. Подля «новомодных теорій», кабары были «предками нашими», т. зн. русинів. *Позирай* ёго статью: Листокъ, 1888, № 11, с. 169-170 (*зазначка вишорителя* – В. П.).

54 Туй поклали сьме слово «**діти**» намісто «**мальчики**», котре находиме в авторському тексті. Подля контекста слово «мальчики» нияк ся не согласує из сочетаням «**один сын**», котре є в авторському тексті мало выше (*зазначка вишорителя* – В. П.).

выросли так, что совсім ничего не знали по русски. Но мало сего: родители о русском народі отзывались пред дітьми всегда с презрїніем, что, конечно, не могло на них подійствовати иначе, как в том направленїи, что они не токмо стали презирати «русначков», из которых жили, но почувствовали к ним отвращеніе, стали гнушаться ими.

Сын отца Дьертянфі по имени Гейза с предрассудками против своего русскаго парода оставил отцевский дом. И когда отвезли его в школу, не знал ни читати, ни говорити по русски. Крім того, мальчик был напыщен честолубивыми мыслями, он считал себя не таким мальчиком, как прочїи, а чім-то высшим. Конечно, в убїжденїи своем он скоро разочаровался, ибо учителя стали обходиться с ним точно так безцеремонно, как с прочими мальчиками. Если своєвольничал, заперли в клас; если не мог отвѣчати, записали секунду⁵⁵. Таким способом Гейза должен был убїдиться в том, что в школї невозможно заняти никакого привилегірованнаго становища. Однако родители, особенно мати, сколько раз его посїтила, всегда твердила ему, что он не простяк, что он урфі⁵⁶ (*барич*), что, стало быти, должен вести себя степенно и на всї насмїшки и остроты должен отвѣчати презрїніем. Гейза усиловался слїдовати совѣтам своєї матушки, вел себя степенно и с нахальством относился к своїм сотоварищам. Конечно, степенное его поведенїе не соотвѣтствовало его успїху в наукї. Обыкновенно давал он очень неудовлетворительные отвѣты, и отцу стоило много хлопот, чтобы перетаскати его из класа в клас.

В высших гімназических класах пришло даже к тому, что Гейза стал проваливатися и обыкновенно подвергался исправительным экзаменам. Конечно, на етїх экзаменах плохая нота была исправлена, но сколько деньжонок стоило его, о том мог бы рассказать токмо сам о. Дьертянфі. В высших класах к тому Гейза сдїлался очень требователен: всегда нуждался в деньгах, а если їх не было, легкомысленно заставлял в залог лихварям свої вещи. Наконец, наступила тяжѣлая година: настало время экзамену зрїлости. Гейза привел в ход всї махінації, но ничто не помогло – провалился и принужден был на вторый год снова подвергнутися сей несносной операції. Он провалился бы вторично, но главный інспектор школ оказался знакомым его отца, нїкотрым же учителям было кое-что подсунено, и Гейза достиг ціли – получил атестат зрїлости.

Наступила пора выбирать себї званїе. Гейза всіми силами стре-

55 **Секунда** (школ., застаріл.) – русин. «секунда», «двойка», «недостаточно» (зазначка вшорителя – В. П.).

56 **Урфі** (мадяр. úrfi) – русин. «панчук» (зазначка вшорителя – В. П.).

мился к мирскому званію – желал быти юрістом. Отец его, напротив, замітив его легкомысленныя наклонности, желал отдати его на духовное званіе.

Гейзі ето не очень-то нравилось, но не отказывал, не желая огорчить отца. Діло однако вышло в его пользу. На конкурзі оказалось, что он не уміет ни по русски говорити, ни читати по старославянски, не знает даже кириловских букв; кромѣ того, катихизис для него – совсѣм невідомая вещь; да и атестат зрілости не очень-то блестящ, да и о легкомысліи его носились непохвальныя вісті; по причині всего этого его не приняли в духовное званіе, чему, впрочем, он очень обрадовался: «Теперь, по крайней мірі, увижу Будапешт и заживу себѣ настоящею молодецкою жизнью».

Нечего было ділати, о. Дьертянфі принужден был согласиться, чтобы его Гейза стался «пештянским» юрістом.

Пештянскіе юрісты – ето такой народ, который всѣм занимается, что собственно не входит в круг его дійствія, а пренебрегает токмо тѣм, чѣм бы особенно заниматься.

Пештянскіе юрісты приходят в столицу не для науки, а для развлеченій и для кутильства. Началом школьнаго года они записываются на лекціи, но часто бывает, что тогда и видѣли університет, когда вписались. Професоры читают празным теремам, а многонадежное юношество проводит время в кофейнях и занимается разнаго рода демонстраціями. Отстати от таких демонстрацій считается трусостью. Разуміется, что здѣсь каждый силится показатися настоящим богатырѣм. А особенно ті, которые по природы трусаки (*nyul*), усилиются укрыти трусость и показатися смѣльчаками.

Гейза являлся вездѣ в первых рядах демонстрантов, но находился и во всѣх кофейнях, куда токмо звыкла сходитися університетская молодеж. Что ділается на університетѣ, о чѣм читает професор, о том Гейза не заботился. Студенты часто саживались, занимались політикою, ругали церковь, віру, духовенство, надшутивали над «товтами» и «русначками». Гейза потворствовал им: ругал духовенство, несмотря на то, что и он – сын духовника, безпощадно высмѣивал «русначков», хотя и сам был «русначком».

Так проходила вся університетская жизнь Гейзы. Бывало, заботится лиш о том, чтобы о. Дьертянфі засылал деньги, для чего пишет домой ужающія вещи о своем безвыходном положеніи. Нечего говорити, о. Дьертянфі усиловался дозволѣть своего сына. Бывало отошлет ему послѣдній крайцар, однако Гейзі вся посылка держит токмо на два-три дня; а послѣ внов наступает прежнее безвыходное положеніе.

Наконец минули три года, а у Гейзы не оказалось ни одного коллоквиума. Из всей юриспруденції не знал ровно ничего. Было бы безумієм продолжати такіа студії, да и Гейзі наскучило уже быти студентом. Он хотіл зажити уже самостоятельною жизнью. Но какою отыскати должность? Кваліфікації у него не было никакой и так, кромі какого-то писаря, не мог быти ничім. Он стал хлопотати о писарстві при окружном судѣ и при содѣйствіи о. Дьертянфі ему и удалось заняти должность діурніста.

Когда господин Домбокі занял свое февішпанское достоинство, Гейза стал хлопотати о том, чтобы он взял его к себѣ. Он очень рад был сдѣлаться февішпанским секретарем, и то не настолько из-за карьеры, которая обыкновенно улыбается февішпанским секретарям, как из-за других видов. У госп. Домбокі была прекрасная доч Єлісавета – тихенькая, умная, скромная брюнетка, получившая блестящее образование.

Лізенька с дѣтства была знакома с Гейзою. Госп. Домбокі часто бывал у отца Дьертянфі; бывало берет с собою и різвенькую Лізеньку, которая, пока отец разговаривает с батюшкою Дьертянфі о разных дѣлах, играет в карты и шалит с Гейзою. Господин Домбокі, должно признати, не был горд, да и у Лізеньки не обрѣталась ни малѣйшая доля спісі⁵⁷. Когда дѣвочка немножко выросла, отвезли её в пансіон к сестрам Урсулям в Будапешт. Здѣсь получила она прекрасное релігіозное образование и достаточно объективное мирозерцаніе. Лізенька не гордилась своим происхожденіем и не восторгалась своим мадярізмом. Она научилась почитать всѣх людей, какой бы они народности ни были; на каждого человека смотрѣла, как на своего ближняго, каждого почитала, кто заслужил почтенія по своему характеру и своим добродѣтелям. Кромі сих нравственных превосходств, так рѣдко встречаемых в наше, іудейскими ідеями напыщенное время, Лізенька отличалась неповсѣднею красотою. Она сдѣлалась тихою, смироною дѣвочкой и достигла той поры жизни, когда женскія прелесті развиваются в полном совершенствѣ. Не станем отдѣльно рисовати ея обворожающія прелесті; довольно того, если скажем, что в ней все соединилось, что дѣлает дѣвушку очаровательною и чему противустати так трудно – даже невозможно.

Гейза, при всей своей ограниченности, не мог быти равнодушным к такой красотѣ; он замѣтил её и был ею плінен. Ему очень хотілось побыти в близости прекрасной дѣвушки, вот что и дало ему толчок, чтобы ухаживати за должностью февішпанскаго секретаря. Поелику назна-

57 **Спісь** (из російськ. спесь) – русин. «пыха», «надвышеность» (зазначка вишорителя – В. П.).

ченіє на ету должность зависіло прямо от самого февішпана, то Гейза рішил прибігнути к покровительству его дочери, для чего очень желал заговорити с Лізенькой. Это, разуміється, оказалось теперь труднійше, как в ті дітськіє годы, когда они вмісті играли в карты.

Но счастье на етот раз послужило Гейзі. Лізенька одного яснаго майскаго дня в обществі своей няньки и горничной отправилась на ловлю раков и дошла почти до села Заломов. Гейза находился на полі своего отца, гді работники занимались мотыженієм (*kapálás*) картофельсьв. Чтобы скрытися от солнечнаго жара, Гейза садился под одним кустом при ручейкі и предавался своїм мечтам. Он думал о том, как бы добитися вождієнной должности февішпанскаго секретаря, или лучше, как бы попасти гді-то под бок возлюбленной Лізеньки. Когда он так передавался своїм мечтам, вдруг видит: пред ним стоит самая Лізенька. Гейза протираєт глаза, не призрак ли пред ним? Ніт, ето не призрак, а воплощенная Ліза. Гейза вполні убідился в том, как скоро прозвучал голос миленькой дівушки.

– Неожиданный сюрприз! – зазвучал умильный голос Лізы. – Мні и не снилось, что я при ловлі раков встрічусь именно с Вами. Чего же Вы ділаєте здісь под кустом?

– Та вот видите, барышня, спочиваю. Солнце ужасно жжёт.

– Вы всегда спочиваете! Вам жарко, хотя мы находимся ещє токмо в місяці маї. А каково будет Вам в июлі и августі? А не могли бы Вы занятися чім-то полезным? Охотою, иль ловлею, по крайней мірі, бабцев?

– Я наблюдаю за работниками.

– Здісь из куста? Да відь работники далеко.

– Ничего, но они знают, что я здісь и не сміют бездільничати.

– У Вас непременно есть какоє-то чтеніє? Какія книги любите читати – мадярскія, русскія или німецкія?

– Ах, відь может быть слышали, что я не очень-то люблю заниматися чтенієм; в час гімназических студій книги ужас как опротивіли!

– У Вас, должно быть, учителі были нефаховые люди; не уміли возбудити інтерес к наукам.

– Да я уже от природы таков, что не очень-то люблю заниматися книгами. Читати ужас как скучно, всегда сиди да сиди над книгами!

– Помилуйте! Да відь Вы и теперь, не то сиділи, а просто лежали.

– Я скрылся от солнца, ужас как жжёт.

– Да відь здісь, в холодной тіни, так приятно было бы занятися чтенієм.

– Каким чтенієм? Да відь у меня ніт никаких книг!

– Для чего не попросите от меня? Я могла бы Вам дать для чтения прекрасные романы; в них нашли бы Вы прекрасные истории.

– Но я так слышал, что современные романисты очень противны; не стоит труда заняться чтением.

– От кого Вы слышали это? Вас нехорошо информовали. Конечно, наши романисты отжили свой век, погрязли в материализме. Материализм – это характеристическая черта настоящих писателей запада. Соглашаюсь, что в материалистических творениях нет ничего, что бы удовлетворяло души, жаждущей чего-то возвышенного. От них не придешь в восторг. Но должно искать таких творений, которые бы питали душу, которые возвышают дух человеческий: красивое, благородное, возвышенное всегда приводит человека в восторг; и человек всегда с удовольствием займется рассуждениями о таких предметах, красота и возвышенность которых очевидна.

– Но где найти таких писателей, когда, как только что Вы изволили сказать, все наши писатели погрязли в материализме?

– Читайте произведения русских писателей!

– Русских! Как? Разве есть и русские писатели?

– А Вам это неизвестно? Я просто удивляюсь, что Вы, сын русского священника, а Вы ничего не знаете о русских писателях! Днесь весь образованный мир занят переводами и чтением русских писателей. Французы, англичане, немцы не перестают переводить на свои языки творения Пушкина, Тургенева, Достоевского, Толстого и других. В этих творениях нашёл образованный мир настоящую пищу для души, их так и прожирает алчущая душа.

– Все это – новость для меня; по крайней мере, в нашей мадярской печати ещё никто не отзывался с похвалою о русских писателях.

– К сожалению, у нас мало говорят о русских писателях; а если кое-когда и вспомнут о них, то с насмешкою или презрением, но тому вот какая причина. Мы обыкновенно обожаем запад, подражаем ему, перенимаем все идеи его; мы рвемся за прогрессом, не хотим остаться назади, для чего мы перенимали от запада все его материалистические воззрения. Мы днесь, верьте мне, самые большие материалисты в мире! Материалистические воззрения чудесным образом питают у нас наша жидовствующая печать. Жиды – материалисты в превосходном значении этого слова. А зачем печать у нас, по большей части, находится в жидовских или жидовствующих руках, разумеется эта печать и распространяет жидовские или материалистические воззрения. Эта печать с неимоверною настойчивостью гонит и преследует всякое противное мнение, и так не удивительно, что она не может отозваться с похвалою о русских писателях,

проводящих в своїх твореніях не матеріалістическую – даже не спірітістическую – мысль, а мысль как наилучше соответствующую человеческой природе. Мні противны произведения наших жиновствующих писателей, они никогда не будут в состояніи удовлетворити требованіям моей души; душа моя не находит в них никакой пищи; напротив, когда я прочтала, разумеется в переводі, некоторые рассказы Достоевского, «Евгенія Онѣгина» Пушкина, я просто пришла в восторг – давно алчущая душа моя нашла для себя соответствующую пищу.

– Мні не віриться, чтобы в русской письменности могло отыскаться что-то подобного.

– Нужно бросити предубіждения, а смотрити на діло так, как оно есть. Фактов отрицати нельзя.

– Но мні кажется очень странным, откуда Вы, барышня, могли узнать о всем этом.

– У меня были очень порядочныя учительницы, не завзятыя никакими предубіждениями. В лекціях своих о женском образованіи учительницы мои прямо объявили, что женское образование в Росіи достигло очень высокой степени, что русскія женскія гімназіи едва ли не самыя совершеннѣйшія воспитательныя заведенія на цілом земном шарі. Мы принимали с сомнительною улыбкой это объявленіе. Учительница моя замѣтила, что я её высмѣяла, она зазвала меня к себѣ и всунула мні в руки одно отличное немецкое сочиненіе – о женском образованіи. Я прочла внимательно это сочиненіе и презрительная улыбка застыла на устах моих. Я отнеслась серьёзно к ділу, зачала изучати этот предмет и скоро неопровержимо убѣдилась в том, что русское женское образование находится на самой высшей степени усовершенствованія. Если русскія женщины так образованы, тогда Русь – не страна дикарей, тогда русскіе – не такіе медвѣди, какими їх наши жиновствующие писатели представляют.

Я занялась изученіем русской літературы, прочла нѣсколько переводов из русских писателей. Отысканное мною превзошло всі мои ожиданія. Я убѣдилась, что русскія сочиненія взяты прямо от человеческой природы, что они как нельзя лучше соответствуют желаніям нашей души. Мні пришла в голову мысль заняться изученіем русскаго языка. Угрюмое нарѣчіе было мні извѣстно, я легко разговаривала с нашими земледѣльцами и подумала: изученіе русскаго языка не причинит мні великаго труда. Так и случилось: чрез два дня я знала уже различати русскія буквы. Стала читати по русски, обучилась некоторым правилам языка, чтеніе мні пошло легче, чѣм предполагала. Если встрѣтились кое-гдѣ незнакомыя слова, отыскала їх в словарі, а днесь читаю русскія сочиненія без затрудненія. Я очутилась в том, что мні

сділался знаком один мировый язык, на котором говорит большая часть Европы и у котораго есть прекрасная література.

– Удивляюсь Вашей желізной волі, барышня; мні в самом ділі стыдно, что Вы на сем полі предупредили⁵⁸ меня! Если Вы обучились русскому языку, тогда предстоит и мні нелегкая задача ділати то же.

– Напротив, это очень легкая будет для Вас задача; відь вы и так говорите на здішнем наріччі.

– Когда был мальчиком, я чисто говорил по русски, відь с нянькою (*pesztra*) и прислугою разговаривати на другом языкі было невозможно; но в школах я стал забывати по русски; когда подрос, еще пуще забыл; а днесь разговаривати по русски приходит мні очень трудно. Читати и писати по русски я совсім не знаю; етому ремеслу меня никто не обучивал!

– Ето, конечно, достаточно стыдно; відь тот, кто не уміет на своем родном языкі безошибочно читати и писати, по моему мнінію, не может называться образованным человеком.

– Но я выобразовался в мадярском языкі!

– Ето очень похвально; но свой родный язык каждому человеку должен быть первый. Видите, господин Дьертянфі, у нас, мадяр, есть достаточно образованных людей, наша письменность стоит относительно на довольно высоком уровні; а у Вас, угроруссов, ніт почти никакой письменности. Угрорусский народ, не обижайтесь, находится на самой низжайшей степені просвіщенія. Между угроруссами находится очень немного грамотных людей; ніт ни купцев, ни ремесленников, даже земледіліе у Вас никак не преуспіваєт, а находится на той степені развитія, на которой стояло пред столітіями! А всему етому причиной то, что у Вас ніт никакой письменности; что ті из угрорусскаго народа, которые иміют право называться просвіщенными, покинули свой родный язык, принялись за чужий, а свой народ оставили в темноті и неразвитости! По моему, конечно, не очень-то много значущему мнінію, на образованных угрорусских діятелях лежит огромная отвѣтственность. Они отвѣчательны за то, что угрорусский народ еще и до сих пор не может вымотатися из младенчества и конечно⁵⁹ в етом младенчестві и исчезнет с лица земли!

– Что наши русначки глупы, лінивы, пьяницы, разві за то отвѣчательны мы?

58 **Предупредить** – туй у значеню «упредить», «обогнати», «превзойти» (зазначка вишорителя – В. П.).

59 **Конечно** – туй у значеню «раз (лем)» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Вы судите несправедливо; угроруссы ни не глупы – у них очень много здравого смысла; ни не лінивы – відь они работают на пана, на попа, на жида, на самых себя, да к тому идут на заработки и на мадыарскую равнину; а что кое-гді найдется между ними пьяница, то етому причина їх неразвитость.

– Ну, я не знаю, как могли Вам, барышня, понравится еті полулюди?

– Господин мой! – сказала серьёзно Луйза. – Вам не стыдно так выражаться?

– Для чего? Неужелі Вы готовы рассердиться на меня за мої убіжденія?

– Ніт, у Вас ніт никаких убіжденій; Вы все ето говорите из одной токмо привычки – без того, чтоб понимали значеніе своїх слов! Вы говорите, что ті люди, которые Вас так облагодітельствовали, и глупы, и лінивы, и пьяницы, и даже полулюди!

– Меня облагодітельствовали! Каким способом?

– Я не могу етого поближе объяснить Вам, ибо Вы могли бы обидітиса моїми объясненіями; но я все-таки настаиваю на своем. И если Вы так презрительно выражаетеся о своих единовірцах и о своих родных, то я рішительно объявляю Вам, что ето и нехорошо, и неблагодарно, и несправедливо. Видите, государь мой, я уже от родства така, что люблю заступитиса за обижаемых. Я вижу, что в нашем широком отечестві ни один народ не пренебрегается так и не терпит только, еше и от своих собственных предводителей, которые живут из-за него, как народ угрорусский. Все ето заставляет меня относиться снисходительно к етому народу, заставляет меня достойно оцінати, полюбити его. Ето трудолюбивый, добродушный, мирный народ, который заслужил омного лучшую долю.

– Извиніте, барышня, мні кажется, Вы не знаете хорошо етіх русначков!

– Государь мой! – отвітила с достоинством Луйза. – Я изучала характер угроруссов. Я говорю не из привычки, ибо у нас в Угорщині почти никто не говорит так. Мої убіжденія суть результатом глубоких исследований. Я вполне знакома с характером угроруссов. Ето хорошие люди, а если кое-что найдется в них несоотвѣтствующаго, могущаго казатиса неблагородным, то етому причиной его предводителі, которые не занимаются да, кажется, никогда и не занимались просвѣщеніем ввѣреннаго себі народа.

– Вы, барышня, обвиняете предводителей угрорусскаго народа, значит – его духовенство, ибо ето его природные предводителі; других

предводителей у него ніт; а об угрорусском духовенстві я всегда еще слышал отзываться с признательностью.

– Если бы духовенство исключительно путеводило судьбами угорусского народа, тогда, конечно, на него пала бы огромная ответственность; но, к счастью, оно и само поставлено в необходимость присматриваться тому, как пустіют его пасомые; однако во многих, извините за откровенность, виноваты и сами духовные!

– В чем, наприклад?

– Я не могу впускаться в ваши внутреннія діла; однако многое слишком явно, чтобы могло скрыться пред миром. Вот, наприклад, угорусское духовенство, главным образом, заботится только о том, чтобы застраховать свое матеріальное положеніе; у него все вращается около того, платят ли вірующіе коблину, отбывают ли порядочно свої рабочие дни, много ли свадеб, крестин и похоронов, много ли нанимают служб и проч.; но о том, чтобы поднести уровень просвещения, чтобы заохотить жителей к промыслу, ремеслам, чтобы оттягнуть их от корчмы и других пагубоносных привычек, насколько мне это известно, духовенство очень мало заботится!

– Извините, барышня! Відь духовенство содержит школы; а как заохотить етих полулюдей к ремеслам, если они рішительно не хотят учиться?

– Оно правда: духовенство содержит школы, но выполняет ли оно около них свої должности? Видите, государь мой, мне известно, что многие священники не обучают дітей даже закону Божию, а это однако их должность. Станем ли послі сего удивляться тому, что растет вполне невірующее поколеніе?

– Ну, я удивляюсь, что Вы, барышня, еще и на такія мелочи обращаете свое вниманіе!

– Я понимаю, что это должно Вам казаться очень странным, но, видите, у меня такая любопытная натура: я воткну свой нос и в такія діла, которыя вовсе не должны бы меня обходить. Но извините, это не мелочи; это для самого же духовенства очень серьезные вещи, ибо если священник не станет обучать молодежь закону Божию, то она взрастет без закона Божия, без христіанскаго духа; народ мало-помалу сдѣлается невірующим, стало быти, несчастливим и не будет нуждаться в священниках; итак, это не мелочи – и в интересі священников, и в интересі самого же народа, особенно в интересі народа, ибо я не могу представить себѣ несчастливѣйшаго созданія, как невірующій мужик.

– Я не в состояніи понять, откуда Вы, барышня, набрали таких ідей, відь модерная цивілізація разглашает что раз противное!

— Пусть модерняя цивілізація розглашаєт, что ей угодно; я не подражаю ей, у меня есть свої собствєнныя мысли и убѣжденія. Видите, сударь мой, у мужика нѣтъ ни театров, ни газет, ни романов; его театр — церков, его газеты и романы — библія, слово Божіе! Образованная публика развлекается театрами, проводит время в обществах, на водах; для мужика всі етѣ удовольствія доставляет віра; если мужик сдѣлался невѣрующим, для него потеряны всякія духовныя наслажденія. Он перестанет молиться, перестанет подносить мысль свою к Богу, в бѣдах и несчастіях — нигдѣ не найдет утѣшенія. Настоящее его сдѣлается пустым, будущее — ненадежным; ну, и может ли быть от сего бѣльшее несчастіе? Вот неминуемо в такое несчастіе приведут народ свої священники, если всіми силами не станут выполнять свої обязанности.

— Но в етом отношеніи, так думаю, наше духовенство стоит вні всякаго упрѣка.

— Как бы не так! Богослуженіе и требы, нечего говорить, оно отпавляет, хотя и здѣсь не трудно найти много неправильностей; но етѣм и кончилось все. Днесь переживаем мы такой вік, что невѣріе приступом отбирает позиціи; в такое опасное время христіанство не сохранится одним богослуженіем, днесь нужно поощрять, возбуждати, устроивати общества, собесѣдованія о релігійных вопросах; одним словом, дѣйствовать всіми, зависящими от духовенства средствами; токмо так может быть надежда, что народ не поддастся отовсюду окружающим его соблазнам.

— Я удивляюсь, барышня, каким образом дошли Вы до того, что интересуетесь такими дѣлами.

— Не правда ли, Вас ето удивляет; но знайте: я женщина, а для женщины не может быть равнодушна судьба релігії. Мы живем [по] своему сердцу, а сердце без віры жити не может. Мнѣ так присуща, так дорога релігія, как моя собствєнная жизнь. Я слѣжу за всіми движеніями, имѣющими отношеніе к релігії; а зачѣм я живу здѣсь, между угрорусским народом, то естественно, что меня очень близко интересуют его релігійныя обстоятельства. Вот для чего мнѣ извѣстны и такія вещи, о которых Вы предполагали, что я не имѣю никаких свѣдѣній.

— Вы удивляете меня, барышня; мнѣ в самом дѣлѣ становится неловко, что я научился от Вас таким предметам, которым омного приличнѣйше было бы Вам от меня научиться. Но оставѣм етѣ предметы...

— Я знаю, что они Вас не интересуют.

— Не для того, но я к Вам с просьбой...

— Радужно готова помочи Вам, если ето только в моѣх силах.

— Я рад бы обсягнути мѣсто секретаря при Вашем батюшкѣ...

— И просите моего ходатайства...

– Осміляюсь, відь днесь весь мир стоить на протекціях.

– Признаюсь, я чувствую себе злишком слабою для того, чтобы с успіхом подійствовати в Вашу пользу. О секретарском місті очень многіе рвутся; а между ними сыновья знатных фамилій, с успіхом окончившие юридическіе курсы и снабженные докторскими дипломами.

– Ах, барышня, если бы Вы рисковали, по крайней мірі, словечко в мою пользу; я убіжден, оно не осталось бы бессильным!

– Но батюшка не допускает, чтобы члены его фамиліи вмѣшивались в админістративныя діла. Моя протекція, вірьте, могла бы Вам больше вредити, чім пользовати.

– Итак, я не могу рассчитывать на Ваше покровительство?

– Помилуйте, Вы требуете от меня невозможнаго!

– Как невозможнаго? Напротив, я убіжден, что отец не мог бы противустати просьбі своей дочери.

– Быть может и так, но дочери как-то неловко вступитися за молодого человека. Попробуйте сдѣлать нужные шаги, авось наступит благоприятная минута и я заступлюсь за Вас! Но моя горничная, чей, уже наемала раков.

Дівка показалаь из-межи кустов и, в самом ділі, несла корзинку, наполненную крупных раков.

– Ах, как будет рада маменька, если увидит, что мы ходили не без пользы! Прекрасные экземпляры. Вы, господин Дьертянфі, могли бы ежедневно оказати своїм родителям подобный сюрприз. А вы проводите без діла дорогое время! Но если удасться Вам сдѣлаться февішпанским секретарем, не будет у вас столько досуга. Не думаю, чтобы вы тогда могли часто предаваться ліні.

– Но для того, однако, будет время, чтобы порою выбіжати на ловлю раков.

– До свиданія, поздравляю вашего паненьку и матушку!

– Буду надіятися, барышня, на вашу протекцію. Извините, если осміляюсь противурѣчити Вам: сегодня трудитися ничего не стоить! Лучше, если у человека сильная протекція.

– К сожалѣнію, это так, но дільный человек дѣлает сам и не надіется на князей своїх. Это самая лучшая рекомендація для человека, если надіется не на других, но на свои собственные силы по Бозі. Пращайте, сударь!

– Прошу покорнѣйше не забыти о мні!

Луиза борзыми шагами удалилась с своею горничной и скрылась между кустами.

– Мні кажется, – стал рассуждати Гейза Дьертянфі, – что Луйза не откажет мні и заступится за меня пред своїм папенькою, и я, в конці концов, сділаюсь февішпанским секретарем, откуда, ніт сомнінія, отворена на всі боки прекрасная карьера. А если бы Луйза оказалась ко мні не совсім равнодушною? Ах, Боже, как [был] бы я счастлив! А мні кажется, что она уже и теперь неравнодушна ко мні. Как же объяснить, что она точно сюда приходила ловити раков? А етот продолжительный и любезный разговор разві токмо случайность? А милая улыбка на ея аленьких губках... жгучій огонь ея глаз... разві все ето только случайно? Ах, я убіжден, что мні удастся, о чѣм я не сміл даже мечтати! А отец желал сділати меня попом... тьфу, попадія!

Когда Дьертянфі Гейза предавался таким мечтам, и Луйза бросила біглий взгляд на впечатлініє, которое сділал на неѣ ея случайный встрічный. «Не стыдно ли, – подумала она, – такому молодому человеку предатися такой ліні? Не ділал просто ничего, а лежал под кустом! Не мог ли взяти, по крайней мірі, какую-то газетку в руки или не мог ли заняться, как я, ловлею раков? Да и видно на нем, что не занимается ничім дільным – ничего не знает, даже того не знал, что гді-то в мирі существует русская письменность! Как ето унизительно! А он желает быти секретарем! Да відь с такими знаніями ни к чему не годишся. Да еще просит моеї протекції! Как бы не так! Я заступилася бы лиш за такого человека, который в самом ділі заслужил протекцію. Такая-то настоящая молодеж! Трудитися не хочется, а на первую встрічу сей час понадобилося бы почтенное званіє. А кто его знает, какія сумасбродныя мыслі не носятся еще в етой праздной голові?!»

Немного спустя господин Домбокі наименовал в свої секретарі какого-то оконченного юріста из знатной фаміліі. Вість об етом наименованії поразила и отца Дьертянфі, и его сына. Отцу Дьертянфі показалось неблагодарностью, что госп. Домбокі, который по его ініціативі сділался сеймовым представителем и так настоящим своїм высоким положенієм в нікотором смыслі одолжен ему, оказался таким невнимательным, что сына его не наименовал даже своїм секретарем! О том о. Дьертянфі забыл совершенно, что сын его – некваліфікованный человек, что у него ніт никакого академіческаго атестата, что, стало быти, не годится на такую службу.

На Гейзу такое невниманіє подійствовало еще боліє удручающим образом. Он виділ в нем не так преграду для преуспіванія в карьері (о своєй карьері думал он не много!), как нерасположеніє к нему Луйзы, мнінієм которой не в шутку стал он дорожити: «Если бы у ней находилась лиш капля симпатії ко мні, она могла бы подійствовать на своего

отца, чтобы наименовал меня в секретарі; очевидно, что у ней такой симпатіі нѣт. Но кто её знает, чей, не могла вмѣшиватися в дѣло, и то по той очевидной причинѣ, что желала избѣгнуть всякое подозрѣніе? Вѣдь недавно она очень любезно и долго разговаривала со мной; да вѣдь тогда и сама объявила, что ей неловко поддерживать мое дѣло. Не буду судити торопливо; кажется, надежда все еще есть, вѣдь в городѣ найдетсѣ и другая какая-там должность, не необходимо же мнѣ быть февѣшпанским секретарем».

Гейза не ошибся: немного спустя упразднилась должность вармедьскаго письмоводителя; эта должность оказалась еще почетнѣе и она заполнялась избирательными голосами членов вармедьскаго комітета. О. Дьертянфі находился в дружественных сношеніях со всею вармедьскою знатью, и так Гейза был убѣжден, что эта должность не ускользнет уже из рук его. О. Дьертянфі побывал у февѣшпана и почти у каждаго члена вармедьскаго комітета. Всѣ приняли его очень вѣжливо, даже приобѣщали свое содѣйствіе; однако г. Домбокі объявил, что Гейза должен представить ему атестат, что окончил юридический курс и счастливо выдержал статскій экзамен. Фреквентация у Гейзы была, но о статском экзаменѣ ни вѣсти, ни духу.

Неодолга был созван вармедьскій комітет для заполнения должности письмоводителя. О. Дьертянфі хлопотал, ходил к членам комітета, унижался, просил и с довольно пылкою надеждою ожидал день выбора. В кандидации там было и имя Гейзы; о. Дьертянфі считал дѣло выигранным. Между членами комітета завелся острый спор, послѣдовало голосованіе и Гейза получил всего 8 голосов – от восьми русских священников, присутствовавших в комітетовом засѣданіи. А избран какой-то молокосос-нямеш, тоже без статскаго экзамена.

Это было ужасное пораженіе для отца Дьертянфі. Он долго даже не мог опомнутися: «Да вѣдь таким способом выгасло из сердец людей всякое благородное чувство! – думал он. – Довѣрять не приходится никому. Я, старый дурак, не имѣл ни дня, ни ночи, когда дѣло шло об избраніи Домбокі в сеймовые депутаты; я пришѣл в разлад с своими товарищами, рассердил на себя всю почти вармедьскую знать, а днешь, когда я, когда мое семейство нуждается в поддержкѣ, у моего древняго друга нѣт в мою пользу ни одного слова! У меня оказались друзьями токмо тѣ, с которыми я не очень-то дружил и которых, должно признаться, считал не так патріотичными, нижайшими себя. Что у Гейзы еще нѣт статскаго экзамена – это правда, но вѣдь и у этого нямеша его нѣт; но мнѣ должно было знати: что тщетно ерошится там русначок, гдѣ рѣч

идет о потомкі древней мадарской дворянской фамілії. Увы, мні слишком поздно отворилися очи!».

— Итак, всім надеждам моім конец! — сказал Гейза. — Мні не суждено дышати городскойою жизнію. Неужелі и в Луйзі должен я обманутися? Что я не наименован в секретарі, тому не стану удивлятися, відь ето місто, по древнему обыкновению, всегда попадалось на долю какого-то изниженнаго барича; но ета послідняя неудача совсім досадна. Иль госп. Домбокі позабыл о всіх услугах, которыя сдѣлал ему мой отец? Відь, если бы он сказал в мою пользу лиш одно слово, то мое избраніе было бы несомнѣнным. Мні кажется, что еті господа токмо тогда заискивают около нас, токмо тогда обіщают нам горы и долины, если нуждаются в нас; а если нужда миновала, тогда забывают о всіх обіщаніях своїх, тогда будь-какому бы то ни было квалифікованному русначку предпочитают послідняго растерявшагося нямеша! А что сказать о Луйзі? Неужелі всі мої надежды исчезли? Разві ея милая улыбка, пылея очей, разві румянец, нечаянно появившійся на ея личикі, — все ето было обман? А какой обман! Человіка окружает сумашествіе! Но не быти сему, здісь кто-то непременно играет свою потаємную роль. Иначе я не могу объяснить себѣ, откуда происходит такое ко мні равнодушіе. Чего же ятися теперь? Обстоятельства в концѣ концов заставляют меня признати, что отец мой был прав, когда совѣтовал мні быти попом. Конечно, поповство не какая-то блестящая карьера: человіка всунут гді-то в дебрі и там забудут чрез весь вік свой; нѣт кому проронити слова, всегда находишься в обществѣ полулюдей, но живется в етіх дебрях покойно; и если у тебя нѣт высокопарных претензій, то, чей, можеш быти счастливым; а здісь неудача за неудачей, а наконец останешся без кусника хлѣба! Теперь я не знаю, чѣм сдѣлаться; на стыд людям, наконец, принужден буду поступити к какому-то стряпчею в писарі. Ах, писарь! Ето очень унижительная должность, но вот в Заломах не заполнена еще должность сельскаго нотаріуса; кажется, дочасно не мішало бы быти сельским нотаріусом. Жалованіе, правда, не очень-то блестящее, всего 600 гульденов, но ловкий нотаріус иміет достаточно способа усугубити, даже очетверити его. Крім того, нотаріус — настоящій барин в своем селі, в руках его сосредоточена вся сельская власть. Да, ето достаточно свободная должность. Человік не привязан к часам, а дѣлает все, как ему хочется. Поговорю с папенькою и буду нотаріусом в Заломах. Отец тоже здісь; кажется, ето для обоіх будет очень желательно и полезно.

Гейза неодолга объявил свое желаніе своему отцу. О. Дьертянфі сначала изумился.

– Что-о-о? Та твої високопарныя надежды кончатся тім, что ты согласен сділатися сельским нотаріусом?

– Чего же ділати? К сей должности, думаю, не трудно достатися. А может быти, зажию собі лучше, чім какой-то каноник или віцішпан.

– Да відь для того, чтобы быти сельским нотаріусом, не нужно было быти юрістом!

– Оно, правда, не нужно было быти юрістом. Но видите, папенька, если иначе не удається. А Вы сами знаєте, что это відь не так плохая должность. Правда, её считают унизительною; но на ділі в руках нотаріусов сосредоточена вся сельская исполнительная власть. Да відь и Вам не собрати свою коблину и свої иныя требованія с людей без помощи нотаріуса.

– Если тебѣ не дерогует⁶⁰, мнѣ нечего говорить. Выбирай такую должность, какую сам желаєш! Но чтобы сділатися нотаріусом, для того необходим испыт.

– Как испыт? Да відь я юріст!

– Не думаю, чтобы допустили тебя к нотаріуству без испыт.

– Відь не обезумѣл же тот Домбокі, чтобы в такой мелочи не помог мнѣ.

– Поговорим с г. Домбокі, но я настаиваю на своем, что тебѣ нужен будет испыт.

– Что сказал о. Дьертянфі, то самое потвердил и февішпан, хотя и приобіщал свою поддержку Гейзі.

Немного времени спустя был выписан конкурс на нотаріуство в Заломах.

В вармедѣ находилось много таких, древле-знатных, фамілій, которыя вполнѣ разорились и потомкам которых, чтобы кое-как просуществовати могли, необходимым оказалось искати какой-то службы.

Таков был между прочими сын знатнаго когда-то поміщика Ботонда – Аладар Ботонд. Етот господин перенял от родителей своїх иміньшко, долгами отягощенное. К тому, по приміру своих родителей, стал жити весело – и долги стали прибывати к долгам; неодолга г. Аладар Ботонд, к своему большому горю, узнал, что долги гораздо превышают стоимость имінія. Кредіторы-жиды стали требовати долг, платити было нечѣм и имініє продано с аукціона. Г. Аладар остался не токмо с ничѣм, но и жидовскія требованія, в огромном большинствѣ, остались непокрытыми.

60 **Дероговати** (од *англ., юр. Derogation*) – «часточно одміняти пережий закон»; туй у значеню: «кідь не маєш високих амбіцій» (зазначка *вишорителя* – В. П.).

Неудовлетворенные кредитеры зачали теперь размышляти о том, каким способом бы добыти для г. Аладара Ботонда какую-то должность, чтобы требованиям их дозветворити мог. Кстаті объявлен конкурс на поміщеніе нотаріуса в селі Заломах. Жиды постановили, что на ету должность непременно изберут г. Аладара Ботонда. «Ето будет очень хорошо, – рассуждали жиды, – Аладар Ботонд, если и не выплатит свой долг наличными деньгами, но он будет тілом и душою наш. В Заломах у нас будут свободныя руки. С гоями будем обращаться по своей волі, и не может быти сомнінія в том, что долг Ботонда с богатыми процентами навернется нам. Гої выплатят его; кромі того, мы будем верховодити в селі. Во что бы то ни стало Аладар Ботонд должен быти нотаріусом в Заломах.

Жиды сей час стали приводити в исполненіе свої планы. К настоятелю уїзда (*к солгабирову*) ночью стали приходити сіном и овсом нагруженные возы, в корзинках – яйца, цыплёнки и подобныя, в повседневной жизни необходимыя вещи. Передніе люди в Заломах стали получати в корчмі угощенія, а бідняки – соль, селедцы⁶¹, лапті и проч. Между жидами и жителями стала обнаруживатися небывалая пріянь. Нікоторые из жителей стали обнаруживати мысль, что жиды – ето благодітелі русскаго народа, что жид всегда готов помочи бідняку, что бідняк, если на него напала нужда, нигді не может помочи себі – токмо у жида.

С етіми толками одновременно стали носитися в народі бесіды не очень-то льстивые для отца Дьертянфі. При собраніях, обыкновенно в корчмі, часто стали раздаватися голоса, что о. Дьертянфі обдирает народ, что немилосердно истязывает коблину, что за требы берет больше, чім слідовало, что даже не хочет ввести в церков родившую, не хочет погребсти умершаго, пока єму не заплатят. Даже раздавалися и такіе слухи, что он хочет убольшити коблину, для чего необходимо, чтобы и нотаріус помагал єму, для чего он задумал сділати своего сына нотаріусом. «Відь Гейза, – говорили мужики, – кончил высокія школы в Будапешті, у него кваліфікація не для сельскаго нотаріуса, а для віцїшпана или даже для ківета, а он не брезгает сельским нотаріуством; очевидно, у него кака-то ціль: он хочет увеличити коблину для своего отца».

Такіе и подобныя слухи выходили от євреєв и распространялись євреями.

– Ой, того лиш не буде, чтобы мы єще большіи бремена брали на свої плечі, – говорили нікоторые из мужиков, хотя находились и такіе,

61 **Селедец** – груба похыба. Видав, иде за: *російськ.* «селёдка», *укр.* «оселедець», *русин.* «геринёк» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

которые проникли сквозь всі єврейскія махінації и вірно стояли при Гейзі.

Наконец, был назначен день для выбора.

Февішпан Домбокi отправил записочку к солгабирову, в которой объявил, что он желал бы, чтобы в нотариусы в Заломах был избран Дьертянфі.

Ета записочка не то чтобы пользовала⁶², но еще боліе вредила Гейзі.

– Февішпан желает, чтобы избран был Дьертянфі, – рассуждал солгабиров. – Итак, кандидация Дьертянфі – это не шутка. Но євреї его не желают, стало быти и я не могу желати. Мні необходимо стояти за одно с євреями, відь они снабжают меня всім, в чім только нуждаюсь, да, между нами будь сказано, їм извістны всі мої слабости; не совістно же дієвствовати против них. На всяк случай, должно дієвствовати очень осторожно.

Накануні выбора верховодителі єврейскіє появились у солгабирова за інструкціями.

– Ну, а много сторонников у Дьертянфі? – спросил солгабиров.

– Ой, есть-есть... попы многих руснаков притягли на свою сторону.

– Чего же будем ділати?

– Мы будеме дома ділати так, чтобы наши шли на выбор, а поповы чтобы оставались дома.

– Та как это возможно?

– Совсім легко. Та пан солгабиров не знают, что гої нам должны? Мы завдали⁶³ многих в право – на завтра мают терміны. Им буде не до выбору, бо мусят явитися на суд.

– Вы умные люди!

– Ци пан солгабиров будут на выборі президентом?

– Та кто бы был? Відь это мой долг.

– Просиме пана, най затворят очи; мы уже переведем наше діло; бо поповых єднако може насбератися больше.

– Відь Вы знаете, что я из всіх сил буду помагати пану Ботонду.

– Мы напишем на карточки имя Ботонда, а дурный гой не знає читати по малярски та дасть карточку. Паны писарі уже знают!

– Хорошо, ділайте, как знаете, токмо ловко, чтобы не уничтожили выбор!

Євреї отправились домой и прежде всего разголосили между мужиками, что и февішпан, и солгабиров, и вся вармедь того желает, чтобы

62 **Пользовала** – туй у значеню «помогла», «принесла пользу» (зазначка вишорителя – В. П.).

63 **Завдати** (в право) – туй у значеню «подати в суд» (зазначка вишорителя – В. П.).

нотаріусом был избран Аладар Ботонд. А если всі пань того желают, то они и не допустят, чтобы избрали кого-то другого. Послі жиды пусти-ли всі угрозы в ход. О ком узнали, что хочет голосовати на Дьертянфі, сей час стали просити от него долг и подали цітацію⁶⁴ на право; других усиловались приобрісти ласками, паленкою. Слідствієм всего того okazaлось, что приверженцы Гейзы значительно уменьшались.

В самый день выбора приверженцев Ботонда стали поити и гости-ти, наняли для них повозки и повезли, куда слідовало.

Около дьертянфістов нікому было ходити. О. Дьертянфі как-то не мог енергічно дійствовати в пользу своего сына; ему показалось нелов-ко собирати людей и унизительным для своего авторітета угождати їм и просити їх поддержки.

Результатом всего етого оказалось, что многіе из его приверженцев или сділались равнодушными, или перешли на сторону Ботонда. Одна-ко находились и такіе, которые не страшились ни жидовских угроз, не прельщались ни ласками, ни угощеніями їх, а остались вірными своїм началам. Тім не были нужны ни повозки, ни паленка, они собрались в купочку и отправились на місто выбора.

Заломы огласились криками избирателей. Из одной стороны слы-шалось: «Ельєн Ботонд!», из другой стороны – «Ельєн Дьертянфі»! На-конец, прибыл и солгабиров, долженствующій быти президентом выбо-ра.

Послі непродолжительнаго совіщанія рішено подавати голоса не живым словом, но посредством білетов, на которые написалось имя того кандідата, на котораго избиратель намірял подати свой голос.

При одном столикі выдавались білеты с именем Ботонда, а при другом – с именем Гейзы Дьертянфі; но оба письмоводители принад-лежали к партії Ботонда по той простой причині, ибо и сам солгабиров стоял за Ботонда; разуміється, что и писарей брал с собою таких, кото-рые ділали с ним одно діло.

При всей пресії⁶⁵ солгабирова партія Гейзы Дьертянфі оказалась столь многочисленною, что вызвала серьёзное опасеніе. Избиратели при-ступили к писарям и стали просити білеты для отданія своїх голосов.

Первая купочка избирателей приступила к тому столику, гді выда-вались білеты с именем Дьертянфі; вторая купочка приступила к тому же столику, третья – тоже. Теперь явились коє-какіе мужички, предво-

64 **Цітація** – русин. «предписаня», «повеліня»; російськ. «предписание», «повеление» (зазначка вишорителя – В. П.).

65 **Пресія** (русин. пресія) – иншак: русин. «натиск» (зазначка вишорителя – В. П.).

димые євреями; ті пошли к тому столику, гді выдавались білєты на имя Ботонда; неолонга окружили избиратели оба-два столика.

Білєты, которые получали мужики при тіх столиках, прямо отдавали в руки председателя. Солгабиров перечитывал имена; и с каким-то неудовольствием покивывал головою. Наконец, когда увиділ, что діло Ботонда стоит плохо, шепнул что-то одному єврею, который, в свою очередь, мигнул писарю, находящемуся при столикі, при котором писалось имя Дьєртянфі. Писарь, кажется, понял, в чѣм діло, ибо как скоро мужики, бравшие от него білєты, стали отдавати їх солгабирову, лице послѣднего выяснилось и он с довольством кивнул головой. Теперь уже и на етіх білєтах стало появляться имя Ботонда. Мужики благонадежно отдавали свої білєты, они не подозривали того, кака я ужасная разыгрывается с ними шутка.

Пробило двенадцать часов, выборный комитет садился к обѣду, но и мужики перестали уже выдавати свої голоса. Послі обѣда солгабиров дождал еще два часа, послі же созвал комитет и мужей доверія и зачал счисляти голоса. Оказалось, что на 80-ти білєтах находилось имя Дьєртянфі, а на 85-ти білєтах имя Ботонда, вслѣдствие чего солгабиров провозгласил господина Арпада Ботонда нотариусом округа Заломлянскаго.

При провозглашеніи Ботонда нотариусом в Заломах Дьєртянфі поблѣд, не сказал ни слова и тихо оставил выборную залу. Ботонд, или лучше вмѣсто Ботонда євреї, веліли принести панам вина и пива, а мужикам водки – и так угостили всѣх присутствующих.

– Не понятно, – сказал одного дня Гейза своему отцу, – что мнѣ не удалось при всѣх наших потворствах сильным мира сего остаться даже простым сельским нотариусом в Заломах. Я слышал даже такі я річи, что «москалям» не слѣдует занимати в Угорщинѣ никакой должности. Да відь ни я, ни Вы, батюшка, не дали никогда повод к тому, чтобы нас называли «москалями».

– Это, сын мой, сначала, конечно, кажется непонятным; но если человек приостановится над етім положением, то не замедлит угадати настоящую причину діла. Вот, народ размножился, много нас, а жити каждому хочется; но как жити, если нѣт средств к жизни? Ты видиш, сын мой, что дворянство пустіет, что добра переходят в єврейскія руки и потомки когда-то славных фамилій остаются без кусника хлѣба. Представ себѣ, что такой обѣднѣлый потомок ищет помощи, а ищет у таких людей, с которыми предки его находились в тѣсной связи – в дружбѣ!

Очень естественно, что древніе друзья считают своею должностію помочи несчастным потомкам своїх когда-то задушевных товарищей.

— Стало быти, моє поражєніє и Вы, батюшка, считаете совсєм естественным?

— Я еще не кончил. Если бы еті господа поддерживали обіднілых потомков своих товарищей благородным способом, без того, чтобы очернять других, то против того не можно бы ничего возражать; но діло в том, что для достиженія ціли они позволяют себѣ всякую низость. Вот, сын мой, мы во всем усиловались исполнять волю етіх господ, мы погрѣшили против своего народа, который нас содержит, мы, стыдно сознати, дѣйствовали не в пользу, а во вред своих прихожан; а все токмо для того, чтобы исполнять прихоті етіх господ; а в концѣ концов, вышло, что они не токмо не допустили тебя даже до сельскаго нотаріуства, но назвали нас даже «москалями»! Так поступити может токмо крайняя порча нравов. Ето уже настоящая корупція.

— Но ето уже вошло в моду — называть каждого человека, принадлежащаго к русской церкви, «москалем».

— Но ето не случайное названіє. В нем кроется двоякая злоба. Во-первых, етім названієм желают представить нас в видѣ измѣнников отечества, вредити нам, уничтожити всѣ наши предпріянія и вытѣснити нас отовсюду; во-вторых, хотят представить себя в видѣ настоящих патріотов, хотят предложить взору свої преимущества над нами, и таким образом возвыситися на нашей гибели.

— И так я и не могу надѣяться, чтобы попасть в какую-то должность?

— Пока у тебя будут конкуренты из обіднілаго дворянскаго словія, разуміється, нѣт.

— Но таких конкурентов вездѣ полно, відь дворянскія имінія, по большей части, перевандровали в еврейскія руки; а обіднілыє потомки древних, когда-то знатных семейств так и «шляются» по всѣх углах нашего отечества. Всѣ они мої конкуренты.

— Ну, так и невеликая надежда, чтобы добитися до какой-то должности. Должно бы имѣти особенное счастье.

— Стало быти, русский человек не может быти, развѣ токмо хлопом и попом.

— Не токмо русский, но и такой, который перестал быти русским и отказался своей народности. Здѣсь должно имѣти протекцію, ето — главное діло, а протекція, если появится на сцену какой-то барич, немудрено.

— Чего же теперь стану дѣлать?

– Чего станеш ділати? Должно взятися за дільный труд и не надіятися на протекції.

– За какой дільный труд?

– Должно учиться, сын мой. Видиш, ты был юрістом или, лучше сказати, ходил около університета, в котором читались юридическія лекції; но о знанії своем не засвидѣтельствовал ничім. У тебя нїт не токмо никакого экзамена, но нїт даже колоквиума. Наши мнимые протекторы, разумеется, могли сділати нам услугу, могли подійствовати, чтобы ты сділался февішпанским секретарем или там вармедьским нотаріусом, или, по крайней мірі, нотаріусом в Заломах; но если не схотіли сділати нам услугу, то у нас нїт при руках никаких средств, чтобы подійствовати на них. Вот, февішпан говорит, что у тебя нїт атестата, и я ничім не могу ему возразити. Если бы у тебя был кое-какий атестат от твоїх юридических студій, тогда, чей, и не потерпіл бы такое фіаско; но атестата нїт; и если наши мнимые протекторы скажут, что без атестата не может быть никакого преуспіянїя, то они правы, по крайней мірі, могут оправдатися, хотя мні очень хорошо извѣстно, что они руководятся далеко другими воззрїніями, и мы против них рішительно не иміем никакого слова.

– Чего же стану я теперь ділати? Відь должен же я себї избрати какое-то поприще!

– Чтобы преуспівати на юридическом поприщи, для того необходимо засвидѣтельствовать, что ты юріст; а засвидѣтельствовать это возможно токмо так, если у тебя будут в руках атестаты о всїх етїх экзаменах; тогда уже можеш надїятися на кое-какий успїх; но и тогда не должно предавати себя тщетным надеждам – карьера твоя не пройдет гладко. Я, увы, из опыта убїдился, что нас всегда подозрївают в каких там, нам вполнї невідомых замыслах, в гравітації на вні, пожалуй, даже в измїні отечеству! Я всею душею послужил мадярскому ділу, писал мадярскіе стихи и повїсті, мадярізовал в церкви и в школі, стыдно признатися, пресмыкал пред сильными мира сего, во всїм потворствовал їм; а наконец вышло, что сын мой, который ни на шаг не уступает мні в мадярізаторских стремленїях, не надежен быти даже простым нотаріусом в Заломах, ибо он греко-католик, стало быти – панслав, москаль и чорт его знает что!.. Стало быти, если бы ты был и доктором юріспруденції, по той причинї, что ты сын восточной греко-кат.[олической] церкви, мог бы какой-то разоренный панчук выбросити тебя из сїдла; и ты, несмотря на свою ученость, оставал бы всегда назаді. А сколько должен бы ты лицемїрити, как должен бы повставати против интересов своего народа и своей церкви! Как должен бы лукавити, уни-

жатися, потворствовати пред такими людьми, которые по своему нравственному достоинству не заслуживают даже того, чтобы человек посвятил їм один внимательный взгляд! У тебя, сын мой, атестатов ніт; признатися, тобі нужно бы все начинати спереди, ибо твої юридическія знанія очень недостаточны. А заслужит ли труда, чтобы ты очутился в выше описанном, сожаленія достойном, на пресмыканія, униженія осужденном, позорном положеніи? Учиться, трудиться, чтобы человек достиг таких незавидных результатов, в самом ділі не стоит труда.

– Чего же стану ділати?

– Можеш, сын мой, учиться. Сділаєшся доктором юриспруденції, но не забывай: в жизни всегда будеш играти низкую и униженную роль, а в конкуренції с разорившимися панішками всегда останешся назади. Если твоя натура выдержит непрерывныя униженія и пренебреженія, если сознание твое не возмутится при виді вопіющих несправедливостей, если у тебя хватит хладнокровія при всіх етих возмутительных процедурах, тогда не стану прекословити, докончи начатыя тобою студії – будь юристом!

– Но окончити юридическія студії – это для меня не так легкое діло. Признатися, я ходил не в університет, а только около університета. А как вы, батюшка, описали мні состав наших юристов, то, кажется, не стоит труда гнаться за етим «блестящим» положеніем. Мні, конечно, должно бы начинати все спереди; а для того уже едва ли не пролетіло время. Но я все-таки желал бы быти мирским человеком, ибо духовный сан в наши дни не очень-то блестящ. Духовных лиц днесь гонят и преслѣдуют.

– В том-то и вся прелесть духовнаго званія.

– Как? Прелесть! Что человека гонят? Не понимаю.

– Я так думаю, сын мой, тобі не неизвѣстно прекрасное изреченіе Христа Господа: «Блажені изгнанніи правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное». Это несомнѣнно так. Если я вижу истину, если убѣдился в ней, что она прекрасна, и для того всею душою отдался истинѣ, приліпился к ней и усилиуюся дійствовать, чтобы эта истина восторжествовала, тогда я должен почитати себя счастливым и блаженным, если меня за эту истину гонят и пренаслѣдуют.

– Но наши священники не очень-то гонятся за такими идеалами; между ними едва ли найдутся два-три, которые бы возвысились над своїми ежедневными матеріальными нуждами. Наш священник, как скоро окончил богословский курс, оженился и принял священный сан, сей час принужден или голодати, или жити из милости других. Как зачал в молодости, так продолжает чрез всю жизнь свою. Его непрестанно

гнетут лишения и недостатки, и он всю жизнь принужден горбиться, ползати пред сильными мира сего, чтобы кое-как дозволити своїм ежедневным житейским нуждам. Ну, как же ему служить истині, когда истина днесь не мила никому и когда, по причині служенія истині, священник принужден бы голодати вмісті с своїм семейством? Сам, быти может, и рішився бы голодати, но заставить голодати жену и діти из-за служенія истині – ето, кажется, превышает человеческія силы. Ніт, батюшка, я ни за что не рішився бы сділатися попом.

– Ты вірно представил настоящее положеніе нашего духовенства; но ето не порядочное состояніе, ето только изъятіе. Конечно, днесь наши молодые священники не получают сей час приспособленія и часто принуждены через годы скитатися без поміщенія; но такое состояніе продлится уже недолго, предприняты всі міры, чтобы сділати конец сему ненормальному положенію. Что наше духовенство, почти без изъятія, борется с лишениями и недостатками, ето вірно; но кто тому причиною, не самое ли духовенство? Наши священники желают быти не скромными духовными отцами, а настоящими панами, они гонятся, пожалуй, за аристокраціей и жаліют, если жизнь свою не могут уладити на магнатский или, по крайней мірі, на поміщичій лад. Доходы їх не находятся в пропорціи с такою жизнью. Выдатков назбериается пропасть, начнется жизнь *a conto*⁶⁶, явятся долги, выравнати которые ніт никакой возможности, ибо новыя требованія не прекращаются, – и готово несчастіе. Так жили, сын мой, и мы, для чего днесь приходится нам терпіти лишения. Если бы я мог снова зачати жизнь, увірю тебя, что я не очутился бы в подобном безвыходном положеніи. Ніт, сын мой, слава священника должна состояти не в том, чтобы поблестіти и жити роскошно, но в том, чтобы чім лучше приблизитися к ідеалу каждого человека – Христу.

– Но днесь, увы, не много заботятся об ідеалах; днесь живетъ практическою жизнью, в которой на первый план выдвигаются потребности матеріи – тіла! О духі днесь никто не заботится.

– Если так, то священников ожидает рішеніе тім большей задачі: они должны навести мир к духовной жизни.

– Но возможно ли ето? Ето відь превосходит человеческія силы.

– Не должно забывать и о вышней помощи. Что мир днесь натолько отдалился от своей ціли, в том немалая вина падает и на священников. Священники в новіішее время очень небрежно выполняют свої обязанности. Не стану осуждати никого; но наша жизнь стоит в противорічіи с проповідуемою нами евангельскою истиной. Мы часто проповідуем о милосердіи; между тім представляется цілым чудом, если священник

66 *A conto* (итал.) – туй у значенію «в долг» (зазначка вишорутеля – В. П.).

совершит діло истиннаго милосердія. Не тщетно же говорил Господь в притчі о павшем при Ієрихоні в разбойники, что «видѣ его священникъ и мимо иде». Священники в то время, когда проповідуѣют милость, безжалостно истягивают свої долги: роковину, плату за требы и проч. Между такими обстоятельствами не удивительно, что народ стал смотріти на священников, как на своїх притіснителѣй. Народ начинает отчуждаться от своїх пастырей, начинает ненавидіти їх; а эта ненависть мало-помалу начинает переходить и к проповідуѣмой ими истині – к вірі. Но и не может быть иначе. Священник проповідуѣт любовь, милосердіе, а сам не упражняет еті добродітелі; проповідуѣт посты, воздержаніе, а сам не постится и даже не думает о воздержаніи. Днесь враги христіанства изо всіх сторон вооружилися против віры Христовой, и мы только так можем сохранить христіанство, если окажемся на высоті своего положенія, если на ділі докажем, что добродітелі наши недостижимы. Любовію к ближнім и превосходством своїх добродітелей можем еще побідити мир; но если вести жизнь такую, как в настоящее время, то хитрость, усиловность, насилія и послідовательность врагов христіанства, особенно между нашим необразованным народом, легко могут вінчатися полным успіхом. Наших необразованных и к своїм пастырям не расположенных мужиков не трудно сбить с пути и ввести в заблужденіе. Для чего в настоящее время неоцінима діятельность одного хорошаго священника, который предпринял служити Богу и спасенію душ, а не своїм егоістическим цілям!

– И так, батюшка, Вы совітуєте мні бути священником?

– Если ты, сын мой, понял, в чѣм состоит днесь должность одного священника и если ты кріпко рішил совістно выполнять её, тогда, конечно, – да.

– Но днесь жизнь у священников незавидная, непрестанно борются с недостатками, а при том всі преслідуют їх.

– В том то и высота священническаго званія, что он проповідуѣт истину, а за истину терпит и недостатки, и гоненія. Кто днесь желает быть священником, тот не должен рассчитывать на славу и на мясные котлы, а должен быть готов терпѣливо сносить и нищету, и презрініе – ради имени Христова.

– Но ето відь нелегкое діло!

– Должно рішиться, сын мой, відь жизнь свою кое-как непременно должно провести.

– Еще одно препятствіе. Духовное званіе в настоящее время чрезвычайно переполнено. Бідные молодые священники по пяти, по шести годов шляются без поміщенія. Уже и Америка переполнена їми.

– Но пока ты окончиш свої науки, ета ненормальность перемінит-ся. Впрочем, сегодня переполнено всякое званіє. Сегодня достаточно юристов, медіцінеров⁶⁷, професоров и всяких подобных должностей. Самое надежное поприще было бы отправиться в торговлю или на какое-там ремесло.

– Что вы задумали, батюшка? Неужелі Вы меня воспитали для ремесленника?

– Ну, если тебѣ ето не по вкусу, попробуем: будеш священником.

И Гейза Дьертянфі, как и его отец, послѣ скитальческой жизни рішил вступить в духовное званіє.

Члены консисторіи не в шутку изумились, когда увидѣли Гейзу между конкурентами. Одни так умствовали, что Гейза набрался между юристами мирскаго духа и так в настоящее «ліберальное» время не годится в священники; другіє, напротив, стали смотріти на Гейзу, как на какое-то высшее существо, который, быв на цивільном поприщи, благоизволил понизиться до поповскаго званія – и готовы были принять шаг его за снисхождение.

– Как не принять его? Відь ето сдѣлает честь духовному званію, что в своем лоні оно будет имѣти юристов! Ето не отсталый человек, он находится на уровні современной цивілізації, ето не какая-то «попандія».

Такіє отзывы побѣдили, и Гейза вступил в семінарію. Конечно, Гейзі было уже не до ученья. С тіх пор, как оставил гімназію, он никогда не брал книги в руки с какою-то серъёзною цілью. Лекціи перебывал в каком-то полусні; а если вышел из класа – прямо в курильню, гдѣ запалит трубку и при клубах дыма мечтает о своей будущей женитбі. Когда зазвонят для студій, сіленціум⁶⁸ опять проходит в полусні, а когда вступит в клас, то, разуміється, о заданном «скабелумі»⁶⁹ ни вісти, ни духу. Професора не знали, чего ятися. В разговорах они не раз объявляли свое недоумініє, что в семінарію понабирают совсім несвідущій и тупоумный люд, с которым ніт возможности сдѣлати какого-то успіха. При концѣ почти каждаго года Гейза провалился; однако он настолько привык к подобному состоянію діл, что на «секунды» не обращал почти никакого вниманія. Он знал, что на исправительном экзаменѣ, будь из милосердія, получит какой-то мізерный sufficiens⁷⁰.

67 **Медіцінер** – русин. «медик» (зазначка вишорителя – В. П.).

68 **Сіленціум** (лат. silentium) – русин. «мовчаня» (зазначка вишорителя – В. П.).

69 **Скабелум**, авадь шкабелум (лат. skabellum, мадяр. skabellum, російськ. скабеллум) – туй у значеню «урок», «задача» (зазначка вишорителя – В. П.).

70 **Sufficiens** (лат., школ.) – русин. «достаточно» (зазначка вишорителя – В. П.).

Но самая большая беда состояла в том, что Гейза по русски, или, лучше, по церковнославянски не знал даже порядочно читати. Русскому языку в гимназии не обучался, ибо это был необлигательный⁷¹ предмет; а закону Божьему во всей гимназии обучался по мадярски.

В семинарии пришло заниматься чтением свящ.[енного] писания. Товарищи еле могли сдержати смех, когда его Гейза читал. Часто повыкручивает слова, часто скажет противное, а часто произнесет какой-то чудный звук, который разобрать положительно нит никакой возможности. Но дома смеялись над ним, по крайней мере, свои; но кое-когда нужно прочесть кое-что и в церкви или выполнять диаконскую должность; при этом уже смеются не лиш домашние, но все, которые что-то смыслят к обряду и богослужению. Сначала Гейза был очень чувствителен к насмешкам и остротам, которые сыпались на счет его церковных чтений, но после как-то отупил и все остроты сносил с благодушным терпением; однако все это не послужило ему поводом для того, чтобы взяться серьезно за дело, исправить ошибки и не дать повод к подобным насмешкам. Он презирал церковные письмена и так судил, что они не заслужат того, чтобы ими заниматься. Видь у нас есть и мадярские приходы; для чего бы мне не попасться в такой приход? Мне теперь уже трудно заняться русским языком, которым разговаривают одни только мужики! Впрочем, кое-где и между русначками проповедывают уже по мадярски; пусть учатся русначки государственному языку; не стану же я в угождение им учиться по русски. И Гейза не учился по русски. Пробыв четыре года в семинарии, он вышел из ней почти с теми же знаниями, с которыми в[о]шел в нее, ибо те тексты, которые зазубрил по латыни и которых не понимал, нельзя назвать знаниями.

Окончивши богословские науки, Гейза стал размышлять о том, чтобы скорее жениться. Беда была только в том, что предварительно должно было сдать душпастирский экзамен. Конечно, Гейзе учиться или, по крайней мере, прочесть кое-что из богословских наук не очень-то хотелось. Он был в том убеждении, что учиться в его век (а числил он 30 лет) никак не следует. В конце концов, когда был означен термин для так названных куральных экзаменов, Гейза, совсем неприготовленный, отправился сдавать экзамен. Он надеялся, что теперь уже, когда окончил свои студии, профессора не намерены вредить ему. Они и не вредили; по большей части, позволили на спекуляцию; но один доктор оказался немилосердным, он не допускал никаких спекуляций – и Гейза хорошенько провалился. Но когда Гейза пришел повторять экзамен,

71 **Облигательный** (лат. obligatus) – русин. «обовязный», «повинный» (заметка вшопителя – В. П.).

размягчилось докторское сердце – и Гейза получил какой-то жалкий sufficiens.

– Чорт побори еті экзамены; хорошо, что я раз уже послі них; но теперь предстоит мні боліе серьёзный экзамен, ето – женитба!

Дівушки Гейзі были знакомы из всей епархії, відь семінарісты тім и проводят досужное время, что составляют класіфікації священнических дівушек. Ожениться, однако, оказалось не так легко, как ето себі Гейза представлял.

Гейзу везді считали «старым» семінарістом; кромі того, на счет его носились смішныя анекдоты. Дівушки не могли вспомнути о нём без того, чтобы не пробігла по губочкам їх насмішливая улыбка. Для чего Гейза получал отказ за отказом. Ето обстоятельство взбісило его и он рішил остатися холостяком, или целібсом.

Всі знакомые Гейзы остолбеніли, когда услышали, что он наміряет прияти рукоположеніе безженно.

– Да відь ето тот Дьертянфі, который был и пештянским юрістом, и которым были полны всі развеселительные дома; ето тот самый, который по уши был влюблен в доч Домбокі; ето тот веселый человек, который в разговорах не иміл другаго предмета, кромі походов с красным полом. А тот Дьертянфі наміряет теперь остатися безженным!

И Гейза в самом ділі явился для рукоположенія. Смішно было смотріти на етого человека, каким он показывался святошей, как наклонил свою головушку на правый бок и как увірял каждого встрічнаго, что он жизнь всеціло желает посвятити Богу, для чего и избрал совершенный образ жизни.

Товарищи сміялись над етіми увіщаніями Гейзы и нікоторые говорили, что, мол, увидят, какою будет он проводить совершенную жизнь.

Но находились и такіе, которые рішительно отрицали, что избранный Гейзою образ жизни совершеннйший, чім Богом установленная брачная жизнь.

– Ты будеш заботитися только о самом себі; а отец семейства заботится о каждом члені своей семьи. Бессонныя ночи, заботы воспитания дітей, ревность об їх благополучії, обход в болізнях и проч. – ето все такія добродітели, каких холостяк проуказати не может. А если он сділається честолубивым, егоїстом и проч., что тогда? Вспомни, друг, говорили ему, что от холостой жизни токмо шаг один к гибели!

Гейзі причинили беспокойствіе такія бесіды, но он все-таки остася при своем наміренії.

– Будь что будет, – подумал он, – но одно вірно, что в настоящем

вікі семейная жизнь очень затруднительна; не лучше ли отрішиться раз [и] навсегда от таких трудов и жити без забот и без недостатков?

И Гейза был рукоположен целебсом в священники. Послі своего рукоположенія он был назначен в учителя, а главное – в преподавателі церковнославянскаго языка духовной семинаріи в город Зубачев.

Гейза очень обрадовался. Подумал, відь ето такое счастье, о каком я и мечтати не сміл. Ето первая, и то очень важная ступень для того, чтобы карьера моя быстро поднималась вперед. Мні должно бы были очень глупому, если б послі истечения шести-десяти літ не сділатися каноником или каким-то титулярным протоіереем. Главное діло – хорошо поняти дух времени. Теперь господствует ліберальный дух – ну и, стало быти, должно быти ліберальному; теперь везді мадярізація – ну и, стало быти, должно быти мадяру.

Гейза скоро отыскал средства, которыя должны были быстро двинути вперед его карьеру: сділался горячим лібералом, ну да, разумеется, мадяром. А поелику очень хорошо понял, что его преуспіаніе в многом зависит и от латинскаго духовенства, то стал показыватися бóльшим латинником, чім настоящіе латины, для чего завел связи даже с іезуитами, от которых стал испрашивати инструкції для своего дійствованія.

Но «лібералом» быти оказалось недостаточным, необходимо было и засвидітельствовати свої «ліберальныя» чувства. Чтобы достигнути сего, Гейза при каждой торжественной случайности побывал у февішпана, віцішпана с гратуляціями. Крім сего, часто посіщал публичныя міста, как то: гульбища, кофе, рестораны, в которых собиралась городская знать, и там наяві восторгался своїми ліберальными чувствами. Конечно, приготавлиая таким образом свою карьеру, Гейзі приходилось не раз очутитися в таком положеніи, которое не совсім соотвітствовало его духовному, а при том учительскому званію. Но вести себя духовному званію соотвітственно в настоящее время не стоит труда – человека назовут біготом⁷² и станут считати неспособным заняти выдающееся місто. Главное діло, чтобы у человека был шик, чтобы сділался популярным у інтелігенції, чтобы прослыл лібералом и хорошим «газафіком»⁷³. К етому посліднему, главным образом, принадлежало то, чтобы никогда не проронил ни одного русскаго слова, чтобы церковнославянскому языку обучал так, чтобы ученики его ровно ничего не зна-

72 **Бігот** (из *франц.* bigot) – *русин.* «фалошник», «ліцемір»; *російськ.* «святоша», «ханжа» (зазначка вишорителя – В. П.).

73 **Газафік; Газафікшаг** (из *мадяр.* hazafi; hazafikság) – *русин.* «патріот», «патріотізм» (зазначка вишорителя – В. П.).

ли! Гейза виконав ці умови блискучим образом. Учніки його ще і читати не уміли по церковнослов'янськи (для чого нікотеріє і стали підтримувати плани на счѣт введенія абѣцадла), і не чудо, відь і сам учитель рівно нічого не знав. Чотобі тїм яснїйше засвідѣтельствовати, крімї свого «газафікшага», і свої латинські чувства, Гейза непереривно восхваляв своїм ученикам безбрачіє духовенства, ружанцы, культ сердца Іисуса Христа і Божієї матери, часто говорив о принятїї новаго календаря і непереривно жаловался на долготу нашего обряда і ругав древніє обычаї нашої церкви.

Поведенієм своїм достиг Гейза блискучих результатів. Его неодола наіменовали капеляном Его Святїйшества папы extra urbem, возвели в титулярніє благочинніє і льстили надєждою, что неодола будет возведен в порядочніє каноніки.

Гейза на ділі очидает свого возведенія на высшія достоинства; однако мы бы считали его слишком скромным, если бы так думали, что он был бы доволен каноничеством. Гейза надїється достигнути самых высоких достоинств. Ему когда-то⁷⁴ не в шутку приходит в голову, что он будет еще митрополитом. И нечего говорити, у него не недостает таких качеств, которія в нынїшнее время управляют его достигнути самыя высокія степені достоинства.

Но оставим его; пусть себѣ Гейза мечтает о митрополїї.

Арпад Ботонд, сдїлавшись нотарїусом в Заломах, стал вести сдїлавшуюся ему второй натурой беззаботную, разгульную, легкомысленную жизнь. К такой жизни требовалось больше средств, чїм того доставляло скромное положеніє нотарїуса в Заломах. Оказалось необходимым приобрѣтати средства каким-то побочным путем. Таких путей представляется множество в распоряженіє одного сельскаго нотарїуса.

Наступит осень – начнутся истягиванія податей. Народ про убожество платити не может – начнутся екзекуції. Жиды, сговорившись с нотарїусом, покупают за бесцїнок сіно, кукурузу, рож и другїє плоды бїдствующаго жительствова. Нотарїусу при сем, разумїється, достается своя доля барыша.

Крімї барыша от податковых екзекуцій, Арпад Ботонд брал высокія таксы за сготовленіє контрактов, інтабуляцій, реклямацій и проч. Причем кое-когда бывало и так, что руководился не справедливостію, но, за хорошія деньги, притис перо в пользу одного или другаго єврея.

Так случилось, что в одном случаї не убоился написати даже подложный документ в пользу одного єврея, подписав в свідѣтелї тоже

74 **Когда-то** – туй у значенію «подаколи» (зазначка вишорителѣ – В. П.).

двох євреїв. Слідством сего документа оказалось, что все имініє одного мужика перешло в єврейскія руки.

Ето было начало. Євреї стали теперь требовати и других подобных подлогов и стали требовати дерзко, ссылаясь на первый преступный промах нотаріуса. Ботонд не сміл противитися и раболіпно стал дозлетворяти то одному, то другому преступному требованію євреїв. Наконец дошло до того, что за Ботондом оказалась цілая вереница преступлений; и Ботонд сдіался рабским орудієм всіх жидовских требованій, ибо, в противном случаї, грозили объявити о его преступленіях.

Жида восторжествовали. Теперь стало идти в Заломах все по їх желанію. Ботонд, конечно, усиловался высвободитися из жидовских когтей, но все напрасно. Они не выпускали из рук словленную раз добычу.

В селі стали являтися до неба вопіюція діла. Землі переходили поочередно в жидовскія руки, відь нотаріус оказался сліпым орудієм в жидовских руках, а о. Дьертянфі не мог ничего сділати, відь и сам был должником жидам, а, кромі того, нотаріус ділал єму все наперекор, так что он вполні стал обходити общественныя діла. Обращатися к верхности тоже оказалось бесполезным, відь Ботонд находился в связях с вармедьскою знатью, и так промахи его тцательно прикрывались.

Из всего етого произошло, что народ, лишанный всякой защиты, наскоро обідніл и уже не мог дозлетворяти своїм, отовсюду наложенным на него должностям.

О. Дьертянфі первый замітил ето, відь и до сих пор невеликіє доходы его совсім оскуділи. Но народ сдіался не токмо нищим в матерьяльном смыслі, но нищим и в нравственном отношеніи. Нравы его испортились, віра охладіла и сдіался склонным на всякую мерзость и беззаконіє.

О. Дьертянфі замітил одичаніє нравов и всі силы свої напружил, чтобы препятствовати злу; но ето как-то не шло; напротив, стали представлятися явленія, от которых о. Дьертянфі не в шутку испугался: стали раздаватися между народом такія выраженія: «Най собі поп говорит; что бы чинив, кобы не говорив?», «Нашто буду ходити в церков, там нич не дадут!», «Як умру, най мя там вержут и в шанц, я о том нич знати не буду!». О. Дьертянфі испугался, відь ето – признаки невірія.

– До чего довели народ нікоторые новтароші и жида! – подумал он собі. – Да, должно признатися, здісь грішны и нікоторые отцы духовные, которые так смотрят на народ, как на источник своїх доходов, а о том, чтобы выполняти свої обязанности относительно народа, не много заботятся. Жизнь в Заломах сділалась для о. Дьертянфі несносною.

Доходів своїх он не получав. Народ отчасти обіднів, отчасти же, наущений врагами священиків, став відмовляти в виконанні своїх обов'язностей. Но і пань стали лукавити. Сталося, що когдa о. Дьєр-тянфі став жалуватися, що не отримує своїх доходів, пань відповіли, що нікому платити, так як народ знаходиться в крайній нищоті і ніт з чого стягивати долги.

Конечно, народ обнищав; и в самом ділі находились такіє «газды» (*хозяева*), которые не могли платити и от которых и судебным способом ничего не возьмешь, но большая часть, однако, могла выполнить свої должности, если б только к тому была охота. Когдa мужики замітили, что пань не очень-то наклонны стягивати священническіє долги, ободрились и, как бы на заказ, перестали платити. О. Дьєр-тянфі сначала ходил от солгабирова к віцішпану, от віцішпана к февішпану, раз даже угрожал, что отнесется к самому министерству, но когдa увиділ, что всі труды его остаются тщетными, наконец пал в какую-то апатію и перестал интересоватися своїми должниками.

Но, в свою очередь, у о. Дьєр-тянфі тоже были кредитеры. А еті, к несчастью, не падали в летаргію, но сначала то словом, то письмом просили свое; а когдa его не помагало, стали подавать жалобы в суд.

Послі сего зачались секвестрації: все, что только иміл о. Дьєр-тянфі, было поставлено под секвестр. Но долги оного превышали всі движимости его. Положение было несносное. О. Дьєр-тянфі стал чувствовать чужим в собственном домі. Все было под секвестром: и мебель, и столовый убор, и книги, и одежды, и женскія украшения, и скот, коні, кареты и проч. Но всего этого не доставало. Жиды просили наложить секвестр и на его приходскіє доходки; его, однако, судом было отклонено, так как о. Дьєр-тянфі доказал, что всі его доходки не превышают 600 гульденов, какая сума необходима для его содержания.

Послі секвестров слідовала продажа с аукціона (*ліцітація*). Всі вещи отца Дьєр-тянфі были распроданы. Меблі, которые были куплены в Будапешті, перевандровали в жидовскія комнаты; на кареті, которая была гордостью отца Дьєр-тянфі, нахально проїзжал пред воротами приходского дома жид Розенцвайг. Между такими обстоятельствами вся слава, весь престиж о. Дьєр-тянфі пал так низко, что теперь всі давніє друзья, которых он, бывало, так роскошно принимал и которыми так гордился, не обращали на него никакого внимания. Февішпан Домбокі теперь совсім перестал бывать у отца Дьєр-тянфі, даже выражался о нем, что и он такий же попандус, как всі прочіє. О. Дьєр-тянфі дознался о его выражениях и стал сердати. «Вот-тот, кого я поставил ківетом и

который из-за меня сділался февішпаном, как выражается о мні!» Однак Домбокi не придавал никакого значенія его серчанію. Разуміється, сильныя не імiют причин дорожити отзывами слабых, так как еті їм ни вредити, ни польововати не могут.

О. Дьертянфі при таких обстоятельствах передался какому-то унынію. Его бісила та мысль, что он не токмо довірял таким людям, но и дружил с ними. А когда вспомнул, что для того, чтобы угождати таким людям, он принес в жертву свої лучшія чувства, пожертвовал даже інтересами своего народа, румянец стыда покрыл его лицо. «Как ето скверно и неблагодарно! Бог уділил мні неповседневныя способности, – рассуждал о. Дьертянфі, – и я по долгу чести должен был посвятити їх в пользу того народа, из котораго я вышел и который своїм потом и трудом содержит и питает меня. Ето народ малолітный, проживающій свої младенческіе годы. Не чудо же, что и гражданственность, письменность и просвіщеніе его стоит на дітском уровні и нуждается в развитіи и усовершенствованіи. Наш неоспоримый долг – просвіщати наш народ, развивати его письменность; если мы не станем доовлетворяти сей неоспоримой нашей должности, то кто же будет доовлетворяти ей? Что наш угрорусский народ находится в таком, сожалініа достойном культурном положеніи, то наша вина. Вмісто того, чтобы развивати свою письменность, чтобы поднимати просвіщеніе того народа, который нас содержит, мы вступили в ряды писателей чужой нам письменности, которая ничуть не нуждается в наших услугах; а ступили в еті ряды из не очень-то похвальных егоістических цілей. Признатися, и я для того был мадарским поетом, чтобы снискати себі симпатіи миродательных мадарских кругов. Я писал мадарскіе вірши, ибо мні так казалось, что мої мадарскіе друзья вступятся за меня и я могу сділати счастливою свою семью; однако, когда пришло к рішенію діла, я замітил, что мої друзья, которым я потворствовал, предпочли інтересы перваго встрічнаго бродяги моїм інтересам. Конечно, многіе из нас получают кое-когда нікоторую жалкую поддержку таким способом, но я увірен, что все то, чего мы получаем от своїх пресловутых друзей – сожалініа достойная милостыня, которая, к тому, дается токмо за измїну своєму ділу. Наш народ біден, он не живет, а только прозябает; его гражданственность равняется почти нулю; а все ето токмо для того, ибо его естественныя предводителі предпочитают свої собствєнныя інтересы інтересам общественным. А для того не достигають ни своїх собствєнных цілей, а ввіренный себі народ заставляють валятися в болоті презрїніа! Ах, не глупо ли ето? Не духовная ли ето нищета? Да, при-

знаюся: я был нищий духом; а сколько таких нищих у нас? Для чего и не удивительно, что у нас ніт ни благобыта, ни просвіщенія, ни гражданственности; ніт ідеалов, ніт ничего такого, что составляет благобыт образованных народов; мы чувствуем только такіе недостатки, которые относятся к нашему матеріальному существованію – к нашей животной жизни. Если мы не в силах дозволити нашим обыденным нуждам, то это чувствуем; а о высших ідеальных требованіях у нас и слова быти не может. Ну, не вегетація ли это? Не жизнью ли животных влечем мы свое жалкое существованіе?

О. Дьертянфі в своем огорченіи увлекся, видимо, немножко далеко, но такой песимистический взгляд на наши діла, кромѣ отца Дьертянфі, высказывали уже и другія лица; и так чему-то однако должно быти в ділі.

Отцу Дьертянфі, поелику он довольно объективно различил тот водоворот, в котором вращается угрорусское так званное интелігентное общество, слѣдовало теперь переименити образ своего дійствованія, но к етому у него не доставало сил. Дійствовать в прямо противном направленіи тому, как дійствовал он до сих пор, раздражати тѣх, с которыми находился в наилучших связях, ділати наперекор даже своїм товарищам по священнической службѣ, навлекати на себя негодованіе своего начальства, одним словом, поставити себя в оппозицію всему современному обществу – для всего этого чувствовался совсѣм слабым. Если был он раньше встрѣтился с вопіющею неблагодарностью господина Домбоки ет сопр., когда у него было еще больше енергіи, тогда, чей, переименил бы направленіе своего дійствованія и принес бы немаловажную пользу своему угрорусскому народу; но, к сожаленію, разочарованіе явилось у него в такую пору жизни, когда человек ищет уже отдыха и покоя от трудов жизни, и так о. Дьертянфі не мог дати волю своїм мыслям и, как это водится у стариков, погрузился в какую-то апатию. Без діл, без живости влеклись печальные дни его. Ни сам не находил радости из жизни, ни другим не приносил пользы. Бывало, запалит трубку и то сидит, то прохаживается в комнатѣ, не интересуясь ничѣм.

О. Гейза не долго продолжал свою веселую жизнь в городѣ. Приключилась какая-то щекотливая історія, вслѣдствіе которой он принужден был оставить город. Спархіальное начальство назначило его гдѣ-то в безлюдное мѣсто межи горы, гдѣ можно было видѣти одно небо и налюбоватися вдоволь романтизмом дѣвственной природы.

Мыслящій человек не пал бы в отчаяніе и в такой мѣстности; он находил бы удовольствіе в созерцаніи діл Божіих и занялся бы

просвіщенієм тамошніх жителів, которые, как ізолированные от Божьяго мира, не могли развити своїх духовных способностей.

Гейза, однако, не мог величатися тім, что находит удовольствіе в созерцаніи величественных діл Божіих. Он не любил размышляти, на него не производила впечатлініе великоліпная природа. Он лучше бы поговорил, повеселился с веселыми товарищами, лучше бы выпил стакан вина или пива и поиграл в карты. А, несчастье, здісь не с кім было ни поговорити, ни поиграти в карты, ни выпити стакан шипущаго пива или зеленого вина. Своіх же бідных и неразвитых прихожан не удостоивал он того, чтобы с ними побесідовал, хотя такіа собесідованія принесли бы їм немаловажную пользу и немало бы пособствовали тому, чтобы выкарабкались из своего младенческаго состоянія.

О. Гейза не любил заниматься ни чтеніем. Книги єму ужасно опротивели єще в час єго студенчества; кое-когда прочтет какую-там жидовствующую газету, а послі бросит. Разуміється, что при таком положеніи діл овладіет їм ужасная скука, которую разогнати ніт никакой возможности. Бывало, возьмет ружьє и отправится на охоту; но дич не лізет сама под дуло ружья, за дичью бы ходити а ходити ужасными дебрями; такой утомительной работы, опять, не мог снести о. Гейза. Чего же ділати? Каким способом убить дорогое время? Вот вопрос, который слідовало рішити о. Гейзі. Если б был Гейза вникнул вглубь своего священническаго званія, то рішити сей вопрос не было чрезвычайно затруднительным; відь самоусовершенствованіє ближніх представляет только работы, только серьёзнаго труда, что Гейзі не доставало бы єще времени а никак не являлась бы у него скука; но когда человек все хорошее и полезное выкинет из расчёта, когда желает только весело, только в удовольствіях проводить время, то для єтого в захолустїи, в дебрях, среди малоразвитых людей, конечно, не представляется никакого способа. Гейза стал по своему убивати скуку: зачал в стаканах затопляти свое горе. Сначала пил очень порядочно, но что дальше, напитку стал требовати больше, пока, наконец, замітил с ужасом, что без напитка не может жити. Сначала єще выбирал между напитками; выпил токмо хорошенькое вино или пиво, но, наконец, пригодилась и отвратительная «паленчище», и то в таких мірах, что Гейза почти єжедневно находился без памяти. Такой образ жизни конечно не мог привести ни к чему хорошему и кончился тім, что Гейза пал в *delirium*⁷⁵. На совіт врача он на короткое время перестал употреблять напитки, однако воздержаніє єго продолжалось недолго, и он опять вернулся к своему прежнему образу

75 **Delirium** (лат.) – русин. «делірій», «мара», «привиды в горячці» (зазначка вишорителя – В. П.).

жизни. При таких обстоятельствах о том, разумеется, и речи быть не могло, чтобы он что-то полезное мог предпринять для своего прихода. Прихожане просто смеялись ему в глаза, по своей русской природе терпели и не предпринимали никаких мир против своего духовника; они пили вместе с Гейзой и продолжали коснѣти в темнотѣ и в одичаннѣ нравов. Виды на митрополию у Гейзы, разумеется, охолодли, они замѣнились каким-то нерасчѣтливѣм состояніем – без идеалов и без цѣли.

Г. Домбокѣ как февѣшпан не позабыл о своих заломлянах. Он принял их осчастливить, разумеется, по своему соображенію. По его ходатайству упрѣждены в Заломах двѣ штатских школы; поставлены такіе учителя, которые ни слова не понимают по русски и в час лекціи учат мимикою, жѣстами и указаніем предмета, словно как в каком-то заведеннѣ глухонѣмых. Мальчики превосходно преуспѣвают, видѣ умѣют пропѣти какую-там мадярскую пісенку и поздороватися на улицѣ по мадярски. В етом состоит все их знаніе! Домбокѣ питається сознаніем, что он облагодѣтельствовал Заломы, которые немало причинились было к тому, что так быстро возвысился. К священникам однако не чувствует г. Домбокѣ никакой признательности. О. Дьертянфѣ в свое время изо всѣх сил подѣйствовал, чтобы его избрати в депутаты; г. Домбокѣ однако ничѣм не чувствуется ему обязанным. Кромѣ сего, в Будапѣштѣ набрался он какого-то антѣсвященническаго духа: «Попы, – говарѣвает он, – содержат во тѣмѣ народ, заставляють его жертвовать на такіа цѣли, из которых нѣтъ никакой пользы. Если бы не попы, то благосостояніе народа быстро двинулось бы вперед; всѣх попов не мѣшало бы выгнати вон за границу».

А однако многіе «нищіе духом» таким Домбокѣям стоят к услугам, заискивають их ласки, отдають себя в их полное распоряженіе и надѣются чрез них отыскати свое счастье. Наивныя надежды!.. Кто питаєт их, в самом дѣлѣ заслужит, чтобы его назвали «нищим духом», но не в евангельском смыслѣ.

ИСТОКЪ.

Нрѣ. 19. Годъ XI.

Унгварь.

1. октября 1895.

Выходить 1-го и 15-го числа каждого мѣсяца
въ объемѣ одного печатнаго листа.

Подписная цѣна:	
На годъ — — — — —	8 коронъ.
Съ »Додаткомъ« — — — — —	10 »
За границею съ »Додаткомъ« — — — — —	12 »
Для сотрудниковъ и дяко-учителей на весь годъ съ »Додаткомъ« — — — — —	5 коронъ.

Подписку и разныя статьи адресовати слѣдуетъ редактору въ Великій-Раковецъ. (Nagy-Rákóczi Ugcso megye.) По причинѣ экспедиційныхъ ошибокъ обращаться слѣдуетъ въ типографію В. Іегера (Jäger B. könyvnyomdája) въ Унгварь.

Отвѣтственный Редакторъ: ЕВГЕНІЙ ФЕНЦИКЪ.

Новости, смѣсь.

Настоящимъ Нромъ начинаемъ четвертый кварталъ нашего изданія въ настоящемъ году; для чего и просимъ своихъ читателей о присылку рестанцій.

— Новые законы 1-го дня м. Октября вступили въ жизнь. Предварительно 29-го Сентября было прочтено по всѣмъ церквамъ пастырское посланіе епископата. Наши вѣрующіе приняли это посланіе съ недоумѣніемъ.

Имъ все еще кажется невѣроятнымъ, чтобы такіе порядки послѣдовати могли. Но когда слышали съ амвона, что законы, противящіеся нашей вѣрѣ и нашимъ древнимъ обычаямъ, всетаки должны войти въ жизнь, то многіе изъ вѣрующихъ говорятъ, что такимъ образомъ должна быти уже не далеко кончина міра. Что вступленіе въ жизнь новыхъ законовъ произвело между нашими русскими жителями удручающее впечатлѣніе, о томъ не можетъ

Книгопечатня Варв. Іегера въ Унгварѣ. 1895.

Учитель-Неборакъ.

(Разсказъ.)

»Знаніе свѣтъ, незнапіе
тьма.«

Въ Латорицкой долинь, при подшвѣ высокой, вѣковыми буками обросшей горы лежало селеніе Яблонька. Оно задержало свое имя, хотя въ новѣйшее время силой-силечной хотѣли перекрестити его на Almásfalva. Выѣхала было въ село депутація, члены которой истожили все свое ораторство, чгобы убѣдити жителей пріяти названіе Almásfalva, однако Яблоньчань не хотѣли. Они извинялися тѣмъ, что Яблонька древнее названіе, оно происходитъ отъ того, что въ предѣлахъ этого селенія родятся прехорошіе яблоки, чѣмъ всегда и гордились жители Яблоньки; а еслибы они перемѣнили названіе своего селенія,

УЧИТЕЛЬ-НЕБОРАК¹

Повість

«Знаніє – світ, незнаніє – тьма»

В Латорицкой долині при подошві високої, віковими буками обросшей гори лежало селеніє Яблоновка. Оно задержало своє имя, хотя в новітшеє время силой-силечной хотіли перекрестити єго на Almásfalva. Выїхала было в село депутація, члены которой истожили все своє ораторство, чтобы убідити жителей прияти названіє Almásfalva, однако яблоновчане² не хотіли. Они извинялися тім, что Яблоновка – древнее названіє, оно происходит от того, что в преділах єтого селенія родятся прехорошіє яблоки, чім всегда и гордились жителі Яблоновки; а если бы они перемінили названіє своего селенія, тогда перестали бы у них родитися такія яблока – такое было у них суевіріє. Но їм, русским жителям, и не ловко было выговорити «Almásfalva», омного легчайше выговаривали они «Яблоновка», для чего краснорічіє депутації осталось без результата. Яблоновка осталась Яблоновкою и никак не хотіла быти Almásfalva. Никоторые, больше смыслящіє жителі, и не давали никакого значенія тому суевірію, будто бы в Яблоновкі перестали родитися яблоки в случаі, если бы перемінилось єя названіє, а желали задержати давнее названіє селенія по той причині, ибо єто названіє – русское,

1 Язык первопечатного текста повісті «Учитель-Неборак» (у журналі «Листокъ» вна ся печатала на продовженя у роках 1895–1899) мож означити як «язычіє», авадь «традиційный карпаторуський языкъ» XIX столітя. Зачим доднесь сесь твір нигда ся не перевыдавав, у новому выданю (про сочасного русинського читателя!) сесь архаічний язык передали сьме у транслітерації русинськов кирилков. Веце за основы «язычія», правила и проблемы транслітерації тестів, писаных в «язычію», *позирай*: додаток «Язычіє. Принціпы и проблемы транслітерації творів (не лем) Є. Фенцика», с. 385 (*зазначка вишорителя* – В. П.).

2 **Яблоновчане** – у первопечатному тексті повісті (1895–1899) находиме неєднакой написаня назывника (у номінативі множины) на означеня жителів Яблоновки: пораз як «яблоновчане», пораз – «яблоновчаны», подагде – «яблончане» ци «яблоновченяне». Не знати, чом автор не уніфіковав написаня того слова (и не лем того!). Видав, лишив тоту задачу на коректорів тіпографії в Ужгороді. Зачим повість выходила на продовженя током скоро пять років, коректоры ся справовали из тим, хто як знав. У тексті перевыдання россудили сьме лишити лем єден – май хоснований – варіант того назывника – «яблоновчане» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

стало бути, свідітьєльствует о том, что в Яблоновкі отдавна жили рускіє люди, которые и до сих пор не перестали бути русскими.

Яблоновка, как сказано, лежала при подошві високой горы, покрытой віковими буками, а самое селеніє утопало в сїни яблоней и других фруктовых деревьев. Видно, діди и прадіди теперішніх жителей Яблоновки были порядочные люди, которые отлично знали, какую пользу приносят жителям фруктовые деревья. Но младшее поколіньє, кажется, не ходило по стопам своїх предков. По крайней мірі, о том свідітьєльствовало то, что яблоні и другія фруктовые деревья стали доживати свой вік. Нікоторые из них даже дожили, а молодыя деревца очень рідко падали чоловіку³ в очи.

Но не токмо садоводство оказалось в Яблоновкі в новійшее время в застої, но ни в каком отношеніи не было замітно преуспіянїя: дома строилися на який-то новый лад, который носит на собі отпечаток убожества и нищеты. Стіны низкія, окна маленькія, в дверь нельзя внити⁴ без того, чтобы чоловік не схилялся; все пространство хижины занимает каких там девять квадратных саженой, а и из сего пространства четвертую часть занимает огромная печ с полупанннм кошом, из котораго так и валит дым и наполняет всю хижину. Давно строилися дома обширные, потолок находился высоко, окна были пространны, дверь порядочная; но днесь в строеніи домов замічается положительный регрес, происходящий особенно от того, ибо жителі Яблоновки обнищали, а ліс по причині комасації земель сділался цілою рідкістю. Днесь-завтра придется людям замерзнути от холода.

Но застої, или, лучше сказати, регрес замічается в Яблоновкі и в иных отношеніях. Повозки строятся очень дебелиоватыя и непригожия; значит, ніт колесаря. Бочки, шафлі, коновцы и другая посуда неуклюжа, неомыта; значит, ніт ни бочечников, ни других порядочных ремесленников. Рогатый скот, лошади, если кое-какія и иміются, то это все такія сухія, истощалыя, что едва держатся на ногах. Чоловіку, в самом ділі, станет жаль, если взглянет на них.

– Отцы и діди наши жили в довольстві, – говорят, бывало, жителі Яблоновки, – у них, были и лучшія хижи, и лучший скот, и лучшие

3 **Чоловік** – туй и дале у первопечатному тексті повісті находиме неєднакой написания того назывника: пораз ся хоснує варіант, приближенный гу живій бесіді русинів («чоловѣк» > «чоловік»), пораз – варіант, характерный про російський язык («чоловѣк» > «человік»). Зачим не иде за авторський стил, россудили сьме лишити лем приближенный гу живій бесіді русинів варіант – «чоловік» (зазначка вишорителя – В. П.).

4 **Внити** (церковнослав.) – русин. вступити; російськ. войти (зазначка вишорителя – В. П.).

возы, и лучшая посуда; а мы пришли на пса. У нас ніт ничего порядочнаго. Днесь-завтра принуждены будем разбредиться по білому світу!

– А знаете ли, что сему за причина? – спросил дяк и учитель села Константін Білогорка.

– А что, пан учитель?

– Та то, что не хотите учиться. Посмотріте: жидам идет вперед, у них порядочные дома, у них торговля, из-межи них отличные ремесленники, у них красивый скот и лошади; но, видите, честные люди, жидаы учатся, ходят порядочно в свою церковь и молятся Богу. А вы не хотите посылать своих дітей в школу!

– Тады хотіли бы сьме, айбо знаете, пан учитель, нам не все мож думати о школі: чоловік убогий, там дві-три козы, поросятко, коровица – того бы попасть. А кто попасет, коли дитя вышлю в школу?

– И у жида есть коровица, коза, гусь и что-то иное; но жид однако высылает своих рапушат во школу, а и сам держит бовхера и платит ему, чтобы токмо діти его училися; бо жид прекрасно знает, что в днешнем віці без науки не можно жити.

– А, пан учитель! Можеме мы посылать дітей своих в школу, коли там нич не учат – лиш мондоковати!

Учитель Константін Білогорка не ожидал такого отвита. Ему и самому давно уже казалось странным, что в школах ни на что не обращают вниманія, токмо на то, чтобы діти научились нісколько слов по мадярски⁵, чтобы пропіли какую-там мадярскую пісенку, чтобы на улиці поздоровались по мадярски. Всеу етому хотя бы мальчики и научились, то это еще не наука, от всего этого не сділаются они умніе, не будут знати, как течет світ и чего бы ділати, чтобы с честью прожити в нем, от этого не будут у них ни лучшия хижины, ни опрятнійшая посуда, ни лучший скот. Из всего этого в жизни не будет у них никакой пользы, особенно, если все позабудут, чему научились. А что все это позабудут, в том не может быть никакого сомніія.

И старый Кость стал раздумывать, что может быть причиной тому, что, несмотря на школы, наш народ все-таки остается темным и ни в чем не преуспівает. У нас ніт хороших учителей, – подумал себї старый Константін Білогорка. – Та відь и я какой-то учитель, а признатися,

5 Туй и дале у первопечатному тексті повісті находиме непослідователной (двоякой) написаня етноніма «**мадьяр**», а тыж одведень од того слова, приміром: «мадьяр» – «мадьяр»; «по мадьярски» – «по мадьярски»; «мадьярскій» – «мадьярскій» и др. У первїм варіанті иде за приближену гу живїй бесїді русинів орфографічно-орфоепічну норму, у другім – норму, характерну про російський язык. Зачим не иде за авторський стил, россудили сьме лишити лем приближенный гу живїй бесїді русинів варіант, як от: «мадьяр», по мадьярски» и т.д. (*зазначка вишорителя* – В. П.).

я и сам не знаю, каково теченіє світа. Нас заставляють учить какой-то граматикі, а я лиш только слышал о граматикі, что «у него ніт ни граматики, ни політики»; но что такое граматика, хоть бы завісили, не знаю. Учат еще какой-то фізиці, но уже что такое фізика, о том рішительно ничего не знаю. Я слышал, что есть еще какая-то наука, которую называют географіей; другая, которую перекрестили на зоологію, ботаніку, мінералогію. Ну что это за науки, Бог їх знает; а я никогда не слышал о них. Богу слава, уже мні шестьдесят годов, но я о таких науках ничего не знаю. Мні о них никогда и не снилося. А приказуют учить. Как же учить, если и сам не знаєш, а книжечки никакой ніт?! Кобы дали, по крайней мірі, книжку в руки, та чоловік научился бы сам, а уже и дітям кое-что рассказал бы. А тут книги ніт и сам ничего не знаєш, как же учить?

Константін Білогорка принадлежал к тім давнім угрорусским⁶ «півце-учителям», которые научились дома от своего отца грамоті, послі отправились в Ужгород и там через два года окончили «предуготовню», получили атестат, что могут быть дячками и учителями, и с етім атестатом заняли гді-то дяко-учительское місто.

Константін Білогорка, окончивши препарандію, сей час был назначен в Яблоновку. В ту пору помер там старый дяк, вдова его осталась на місті своего мужа еще один год, как это обыкновенно водится в наших угрорусских епархіях. Но вдова одна не могла остатися в дяковні – нікому было отправляти богослуженіє и учить дітей в школі. Чтобы выполнить еті дяко-учительскія должности, взяла она к себѣ точно окончившаго курс препарандіи Константіна Білогорку, который вполні соответствовал положенным в нем надеждам. Бідная вдова осталась с маленькими дітьми, между которыми была найбільша красивая доч єя Анастасія⁷. Константін не мог остатися равнодушным к красивой блондинкѣ. Єя грустные голобые глаза, єя печальный вид, в который облелась по причині кончины отца, тронули грудь молодого Константіна – и он загоріл горячою любовію к красивой Настенькѣ. Неопытная и молоденькая дівушка сначала показалась равнодушною ко всім любезностям и ласкам молодого чоловіка, но убѣдившись, что еѣ на ділі

6 Туй и дале по тексту етнонім «угро-русский», котрый автор хоснує на означеня етнічної ідентичности містного русинського населеня и пише сесе слово акурат через дефіс, усягде будеме подавати подля норм сочасного русинського языка, то значит писати ведно: «угрорусский» (*зазначка вишорителя* – В. П.).

7 **Анастасія** подля сужета є жонов Константіна Білогорки. Межи тым, дале у тексті повісті автор называє тоту жону иншакым імням – «**Єлісавета Соколова**». Не знати, чом ся так стало. Видав, иде за явну грішку автора (*зазначка вишорителя* – В. П.).

любят, а еще боліе побуждаемая безвыходным положеніем своєї матери и своїх сестер, она рішила вийти заміж за Константіна, который, в свою очередь, об'язался, что примет к собі и тещу, и сестер своєї супругушки. Неодолга состоялась свадьба, и єпархіальное начальство, смотря на печальное положеніе осиротілаго семейства, назначило Константіна Білогорку порядочным дяком и учителем в Яблоновку, которая почиталась одною из лучших парохій во всей єпархії.

Оженившись и сділавшись порядочным дяком и учителем в Яблоновкі, Константін Білогорка занялся своєю сугубою задачею: он усиловался дозлетворити своєму званію как дяк и учитель, но вмісті не упускал из виду и свої фамілійныя об'язанности, и усиловался устроити діла и осиротілаго, а теперь его попеченію ввіреннаго семейства.

Прежде всего заботился Константін Білогорка о том, чтобы со всею окружающею его средою находился в чім лучших отношеніях; к настоятелю своему, приходскому священнику, всегда показывался віжливым. Бывало, сділаєт єму и кое-какія услуги: если нужно было что-нибудь покупати в сосіднем городкі, Константін сділаєт єто с самою большею готовностію; если отцу приходскому священнику не удавалось выдти⁸ на поле к работникам, то пан учитель выходит, наблюдает, чтобы все шло своїм порядком и повыписывает поденщиков. Видя такую готовность к услугам, приходский священник, во свою очередь, все сділал, чтобы быти благодарным: наблюдал, чтобы прихожане точно выполняли свої должности в виду пана учителя, пред высшими властями отзывался о своем дяко-учителі с похвалами и гдї только и насколько возможно было, защищал его інтересы. Но Константін Білогорка жил в любви и в дружестві и с простым людом Яблоновки. Голос у него был сильный и умильный, что найвысше цінится нашим народом. Бывало, когда пропоет: «С нами Бог, разумійте языцы и покарайтесь, яко с нами Бог», женщины от душевнаго восторга обольются слезами. При похоронах уміл он, послі оконченія обряда, пропіти еще кое-какія трогательныя пісенки. При чтенії псалтырі, бывало, рассказывает інтересныя історії из біблії, из житія святых или из загробной жизни. Присутствующіє слушают єто с большим вниманіем и с похвалами отзываються о своем дякі. Крім сего, Константін Білогорка уміл заслужити преданность жителей Яблоновки и тім, что когда принесут к нему для прочтенія какое-то распоряженіє властей или какою-там цїтацію⁹, он не довольствується тім, чтобы прочести и об'яснити содержание, но додаєт свої

8 **Выдти** (застаріле) – русин. вийти; російськ. выйти (зазначка вишорителя – В. П.).

9 **Цїтація** (из лат. citatio) – русин. «предписаня», «повеліня»; російськ. «предписание», «повеление» (зазначка вишорителя – В. П.).

совіти, которые, по большей части, оказались здоровыми и много содействовали к тому, чтобы людей вывести из запутанного состояния и в тяжбах застраховать їм побіду. Константин Білогорка прочтет письмо, напишет другое, подаст здоровый совет в болізнях и недугах да кое-когда подаст и домашнее лікарство. Как же не приліплятися к нему и не считать его своїм благодітелем? Как учитель усиловался он, по возможности, тоже дозлетворити своей должности. Когда начнется школьный год, что давно происходило около праздника Покрова Божіей Матери, Константин посписует хорошенько своїх школьников, усилуется в селі приобрести їм кое-какія книжечки: какую там древнюю подертую азбуку, псалтырь, катихізис или біблійскую історію; и когда діти снабжены книгами, начнет свої лекції. Бывало, поразділяет он своих учеников на класы и с каждым класом отдільно проводит час. Но очень внимает на то, чтобы в то время, когда занимается одним класом, другие не безділничали, для чего задает їм какую-там письменную задачу.

Учил он чтенію, по большей части, церковному, счисленію и писанію; но особенное стараніе прилагал к тому, чтобы школьники его воспитывались в благочестіи и обучались, главным образом, тому, что необходимо знати одному православному христіанину. Для чего, когда окончил свої отдільные уроки со всіми класами, зачал говорить всім, в виді сказок, кое-что из біблійской історії.

Діти с вниманіем прислушивались его рассказам, и успіх представлялся поразительный. При конці школьнаго года и маленькія семивосьмилітняя діти уміли рассказати, в виді сказок, о всіх важнйших событіях біблійской історії, так что сердце чоловіку радовалось, что растет в селі так прекрасно развивающаяся молодеж. Не забывал г. Константин Білогорка и о катихізисі, и если пан-отец вшел в клас, ему утіха была слышати, как прекрасно отвічали школьники на всі вопросы, предлагаемые їм из Куткова катихізиса¹⁰.

Но особенно любил обучати Константин церковному пінію. Мальчики в час богослуженія всегда там находились с ним на кліросах и больше из них піли не токмо при Божественной літургії, но и при утрені и вечерні. Чужие люди изумлялись, какое в Яблоновкѣ прекрасное церковное пініе. Но это дйствительно было изумительно. Тоненькіе дітскіе голоса, произносящіе текст чисто и ясно, производили на душу присутствующих обаятельное впечатлініе, которое возбудило в них умиленіе и душевный восторг. Бывало забудешся, и думаеш, что ты не на землі, а гді-то в небесах, гді Ангелы воспівают Божию славу. Тім, что

10 «Теперь уже онъ не годится ни къ чему! – *Корректоръ.*» (зазначка коректора тіпографії «Книгопечатня Варооломея Іегера в Унгварѣ»).

Константін приучил своїх школьників так прекрасно піти, сділал он, впрочем, и самому собі большую услугу, ибо еті мальчики оказались его постоянными помощниками. Крім пінія, приготував он своїх школьників и к тому, чтобы порядочно читали псалмы, апостола, парамеї. Бывало, когда приближается какой там праздник, назначит он одного из учеников, даст ему в руки Трифологiон и задаст ему для урока парамею и наблюдает, чтобы он научился прочесть её чисто и ясно. При чом толкует и нiкоторя слова, чтобы пред читающим все было понятно и вразумительно. «Ибо если читающий понимает, – рассуждал Білогорка, – тогда будет так читати, чтобы и слушающим было все ясно». При таком поступованіі дьяка и учителя релігійное воспитаніе в Яблоновкi быстрыми шагами двигалось вперед и послi каких там десяти-двадцати годов явилось релігійно-просвiщенное поколiніе, которе своїм приміром направило к благочестію всiх жителей Яблоновки, которая и явилась в релігійно-духовном отношеніи просвiщенным и образованным селеніем, так что вся окрестность стала смотріти на Яблоновку, как на примір благочестивой жизни.

Но обстоятельства перемінились. Настали новые порядки. Пришло повелініе учить по мадярски и даже отстранити из должности таких учителей, которые не уміют хорошо по мадярски и не в состояніи преподавати науку на мадярском языкi!

Константін Білогорка не в шутку задумался, когда узнал о такой переміні. Он говорил по мадярски, но говорил достаточно ошибочно, а об орфографіи мадярской не иміл никакого понятія. «Как мнi теперь на старые дні взятися за мадярщину? Я пережил уже тот вік, когда чоловіку идет на ум; мнi кажется, что теперь уже не мог бы я научиться ничему. Отдалят от должности? Возможно ли это? Відь я достиг старости и всегда усиловался дозветворити своіи должности, даже достиг блестящих результатов: в Яблоновкi почти каждый селянин уміет читати и писати и даже піти на кліросі; тут каждый чоловік – настоящій дьяк. Крім сего, в селі достаточно процвітает и садоводство, скотоводство и земледіліе. Я в том кріпком убiжденіи, что ко всему етому я немало причинился, что во всем етом проявляется моя діятельность, мої заслуги. Неужелі такого чоловіка, кто так много подіиствовал для поднятія народнаго просвiщенія и народнаго благобыта, без всякой вины, лиш для того, ибо не научился мондоковати по мадярски, можно на старые дні лишити кусника хлiба и выбросити на улицу? Відь такое поступованіе было бы не токмо несправедливо, но составляло бы цілый варваризм!»¹¹

11 «А не такъ ли дѣется у насъ? – Корректоръ.» (зазначка корректора тіпографіі «Книгопечатня Варѳоломея Іегера в Унгварѣ»).

Так размышлял Константин Білогорка. Однако надежды его не совсім оправдались. Одного дня посітил его школу какой-то школьный посітитель, который зачал разговаривати с мальчиками по мадярски. Мальчики, разумеіся, выпулив очи, не могли отвічати. Посітитель об- ратился к учителю и дал выражение своєму негодованію, что діти не говорят по мадярски.

– *Oz igozság von, Nágyságos*, – отвітил Білогорка, – *magyarul nem tudnok; de tudnok jól olosni és írni.* («Ето правда, что по мадярски не уміют, но уміют хорошо читати и писати»)¹². Посітитель оставил клас недовольный и, спустя один місяц, прибыл в школу королевский инспектор вмісті с благочинным. Начался настоящий испыт.

Благочинный вопрошал мальчиков из катихізиса и из бібліческой історії. Отвіты получались превосходные. Читали мальчики и по рус- ски и по мадярски исправно; письменныя теки¹³ їх оказались уовлет- ворительными. Біда была лиш в том, что не уміли говорити по мадяр- ски!

– Господин учитель, – спросил королевский инспектор, – для чего діти не говорят по мадярски?

– Как їм говорити, если родилися русскими?

– Но Вам извістен закон, который требует обучения мадярскому языку.

– Конечно извістен, но как учить мадярскому языку, когда для того у нас нїт никаких книг?

– Справедливо ли ето, – спросил инспектор благочиннаго, – что для обучения мадярскому языку не иміється никаких руководств?

– Справедливо, Ваше Высокородіє, – наше правительство еше не позаботилось о том, чтобы составить на русском языке руководство для обучения мадярскому языку.

– Правительство не позаботилось! Какія же ето школы? Не правда ли, – конфесіональныя?

– Да, Ваше Высокородіє.

– Ну, а если конфесіональныя, то конфесія, значит епархіальное

12 У круглых скобках (-): Доста часто у текстах своїх творів автор Є. Фенцик при сло- вах, значеня котрых читатель міг не порозуміти авадь порозуміти зле, давав у кру- глых скобках поясненя сяких слів авадь цілых речень. Суть то, подля языка, троякі глосы (поясненя): 1) по російськы, приміром: ловгош (*скамейка*), пивница (*погреб*), корч (*куст*); 2) по русинськы, приміром: сюртук (*герок*), прививати (*скинути*), лавка (*бова*); 3) по мадярськы, приміром: каторга (*gályarabság*), ссуда (*kölcsön*), кутила (*dőszölő*). Зачим иде за авторськый текст, рассудили сьме лишити сесі глосы-пояс- неня; подаме їх у круглых скобках курзивом (зазначка вишорителя – В. П.).

13 **Тека** (лат. thesa) – русин. «тейка»; російськ. «тетрадь» (зазначка вишорителя – В. П.).

правительство должно позаботиться о том, чтобы в его школах находились необходимые книги. Вам, господин учитель, советую, – обратился инспектор к Константину Білогоркі, – чтобы Вы просили пенсію¹⁴. Получите ежегодно 200 гульденов, а из того можете выжить.

Константин Білогорка испугался, но чего было ділати? На старые дні не мог заняться обучением мадярскаго языка.

Однако в отставку он не подавал, а ожидал. Думал, что діло развяжется благополучно. Наконец, одного дня приходский священник объявил ему, что учительское помещеніе в Яблоновкѣ выписано на конкурс. Почти одновременно чиновственная газета донесла, что Константин Білогорка получил 200 гульденов ежегодной пенсіи.

Нечего было ділати – реформа переведена и без відома Білогорки, который теперь стал думать о том, что хотя его, против воли, и изгнали из школы, дяком может он и дальше остаться в Яблоновкѣ. Для чего зачал хлопотати у епархіальнаго правительства, чтобы, со взором на его долговременную, безупречную службу, на его заслуги, засвидѣтельствованныя около народнаго просвіщенія, и надаліе оставило его в качествѣ дяка в Яблоновкѣ. Однако всі хлопоты Константина Білогорки не привели к желаемой їм ціли. В Яблоновку неодолга в качествѣ дяко-учителя был назначен Владимир Неборак.

Чего было ділати? Старый дяко-учитель со всім своїм семейством принужден был выйти из дяковні и из школы и приютиться в одной простой хижинѣ и там из 200 гульденовой пенсіи влечи свою бідную жизнь.

Однако прихожане не так легко успокоились в таком оборотѣ діл. Особа Константина Білогорки была очень популярна среди поселян. Відь в Яблоновкѣ почти не было чоловіка, который бы не был обязан старому дяко-учителю. Люди сошлись в громаду и рішили, что всі с женами и дітьми отправятся с челобитней к епископу и будут его просити, чтобы и надальше оставил їм їх стараго дяка и учителя. Как рішили, так и сділали; но безуспішно. Епископ, когда ему донесли, что яблоновчане пришли с просьбой, нарядился в таляр фіолетоваго цвіта, навішал на себя кресты и ордены, веліл чрез своего секретаря яблоновчанам стати на коліни, послѣ чего два лакея распахнули дверь, а архіерей, подняв руки, громким голосом закричал:

14 **Пензія** – туй и дале у первопечатному текстѣ повісті находиме неєднакой написання того назывника: пораз ся хоснує варіант, приближенный гу живій бесіді русинів («пензія»), пораз – варіант, характерный про російський язык («пенсія»). Зачим не иде за авторський стил, россудили сѣме лишити лем приближенный гу живій бесіді русинів варіант – «пензія» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Благословеніє Господнє на Вас! Ну в чѣм вы ходите?
– Мы хотіли бы, Ваша Ексцеленція, чтобы наш старый дьяк остался и надале у нас.

– Не останется, бо не знает по мадярски!

Двері затворились и изумленные яблоньчане остались на колінах, пока секретарь не явился пред ними и не позволил їм встати из сего смішного положенія.

– Ексцеленція увіряет Вас о своей милости и приказует Вам идти домой и там ожидать его милостивійшую резолюцію.

– Но мы еще хотіли бы заговорити с Ексцеленціов.

– Теперь уже не можно, бо разгнівался бы. Лиш Вы идіте домой, все будет горазд!

Чего было ділати? Бідные яблоньчане предприняли обратный путь. А шли они с печальным сердцем, не проронив ни одного слова.

– А знаете что, братья, – заговорил, наконец, один смуглый чоловік, – мні так видится, что мы даром ходили!

– И мні так.

– А я так думаю, что того не быв владыка.

– Та кто бы був?

– Тото мав быти якийсь комедіяш, нас здурили!

– Як бы то могло быти?

– Як? Брате, та так, что владыка не може быти таким!

– Яким?

– Угу, пек ти, та таким, обы подняти руки, закричати: «Благословеніє Господнє на вас», а потом опять заперти двері – и конец всей церемонії! Кобы того быв владыка, та заговорив бы дашто з нами, а сесь – нич.

– Айбо великії паны так чинят.

– Говори собі! Тадь и я десь колись говорив с великими панами. Я говорив з генералом, и з ерцгерцогом Іосифом, но сії паны говорили тихо, ласкаво, по отцевски, а сесь закричав, велів заперти двері – и всему конец. Вірьте ми, что мы не говорили з владыков; того з нами устроили якусь комедію! Та як бы не комедію, коли владыка и того не позвідався, для чого єсьме пришли? Тото лиш должен бы знати, что ціла громада не иде без всякого діла.

– А старый дьяк най где!

– Ой, шкода старого Костя, шкода! Никда не буде уже у нас такого дьяка. Бывало заспіват, та аж сердце разрываєся, а из очей так и льются слезы умиленія. Айбо не лиш голос, ай и ученость. Бывало, коли дакто захворіє, кто бы помог? – дьяк; коровицю укусит гадина, кто бы

помог? – дьяк; прийде цітація йти на право, хто бы дав доброй рады? – дьяк; заскїпити бы яблоночку, хто заскїпит? – дьяк. И кто бы мог исчислити всі ті благодїянїя, которыя оказывав нам дьяк? И в церкви, и в школі, и межи людьми Кость похвально держит своє місто; а теперь, чудуйтєся люде, такого честного и полезного чоловіка, лиш для того, бо не уміє плавно мондоковати, избебавили хліба! Та пак ци не близок страшный суд Божий?

– Я не знаю, діду, сесе должна быти якась напасть, у дьяка должен быти який-там неприятель, бо, видите, діду, дьяк Константін знає мондоковати! Тото не правда, что не знає по мадярски, відь я сам чув, як говорив з панами по мадярски.

– Може быти и так, може быти, даякий віцархїдікун¹⁵ сердится на него.

– Не сердится, ніт; кто бы мог на Костя сердитися, коли он в жизни не провинився ни против мухи?

– Та пак что за біда?

– Та така біда, что діти в школі не знають говорити по мадярски, а теперь всі должны бы мондоковати!

– Айбо знають красно молитися, співати, апостола читати, рахувати, знають всяку мудрость и науку.

– То вшитко нич не стоит; та ци вы, діду, не знаєте, что теперь настав поганский світ? Теперь не хотят, обы діти молилися и співали в церкви, кобы лиш мондоковали а знали наговорити «Ебадта, теремтетте!»¹⁶

– Айбо нам перва – молитва...

– Нам перва – молитва, тото так; айбо панам не треба молитвы; что вы думаете собі, чей тот, кто никда не ходит в церков, кто никда не молится, никда не сповїдався и не причащався, чей тот ламле собі голову, обы наши діти молилися и співали? Днешнім панам не до молитвы, теперь настав поганский світ, теперь поганам и нехрестам зацвіло, а честных людей гонят и утискают!

– Правду говориш, брате, наш дьяк честный и благочестивый чоловік, котрый и сам служит Богу, и других навертає ид Богу; для того єго и гонят, для того єго избебавили хліба!

Между такими бесїдами продолжали яблоньчане свой обратный путь, жалуєся на дух времени и на новые порядки, с которыми русский народ никак не может сдружитися.

15 **Віцархїдікун** (церк., просторечне од віцеархїдіакон) – благочинный (зазначка вишопителя – В. П.).

16 **Ебадта, теремтетте!** (мадяр. Ebadta teremtette!) – Собачий сын! (зазначка вишопителя – В. П.).

Когда наконец дошли домой в Яблоновку, всі оставшієся дома старикі, бабы, женщины и діти вышли їм навстрічу; да и сам Константин Білогорка поплелся к ним, чтобы услышати какую-то новость.

– Ну, та як вы ходили, ци здорово, ци без біды? – спросил старый дяк.

– Дякуєме за вопрос, слава Богу, здорово и без всякого несчастья, – отвітил Юска Гриць, предводитель депутації.

– А ци сіно, ци солома? – спросил дальше дяк.

– Та Бог го знає! Якийсь попик так нам казав: идьте домой супокійно, неодола доставете резолюцію.

– А владыка что говорил?

– Та, дячику, по правді сказати, мы не знаєме, ци говорили мы з владыков, ци ніт.

– Та як тото може быти?

– Та, дячику, діло было такое. Мы вошли всі в владычью палату; ай, красна тото хижа, а єще яка церков! С двумя турнями, а як красно вымалёвана! А якіі звонь! Великий, як оборожана шапка, бо мы были попозерати... та як єсьме вошли в владычью палату, та там нас повели в довгий и узенький амбіт. Один попик пришов и сказав нам поставати на коліна, мы стали всі и смиренно, сложив руки, ожидали владыку. Раз растворилися обоі двері и выскочив чоловік в довгой червеной одежді, обвішанный пантliками и блещачками, подняв руки и таким голосом, что аж муры потряслися, загойкав: «Благословеніє Господне на вас!». Теперь двері наскоро заперлися, а мы остались сами и не знали, чога ятися, ци стояти на колінах, ци вставати, ци ити собі дому, ци єще дашто ждати. Мы, правду сказати, и теперь не знаєме, ци тото быв владыка, ци з нами, бідными селянами, дакто устроив фіглю.

– Та за моє діло вы нич не говорили?

– Говорили з одним попиком, тот так нам казав: идьте домой супокійно, неодола доставете резолюцію!

– Ой, та сесе так видится, что я на старії дні, за свою вірную службу остануся без кусника хліба! – и старый Кость стер дві жемчужины, покотившіяся на его лиці.

Настала торжественная тишина, которую взволнованным голосом перервал Юска Гриць:

– Не беспокойтеся, дячику, село не сирота! Мы вас платиме, мы вас любиме, мы вас и надальше будеме держати.

– Не так тото, Грицію, ніт. Вы того должны держати и платити, кого вам определит верхность!

– Та я, дячкику, не разумію, тадь закон так говорит, что громада має право выбирати собі учителя.

– Громада має право, лиш что сим правом никогда не пользовалася. Громада должна лиш платити, а наконец могут ей заслати в учителі даякого жида!

– Ой, та сесе біда, коли уже и таких заслуженных людей отдаляют од должности и отбирают од них хліб!

– Та інстанцію (челобитню) ци передали съте владыці?

– Где там? Тадь неколи было! Інстанцію взял от нас тот попик, что нам говорив спокойно идти дому.

– Та тут инше не можем теперь ділати, токмо терпіливо ожидати. Увидим, який отвіт получим на свою просьбу!

Отвіта дійствительно не надо было долго ожидати. Через каких-то чотыренадцать дней он прибыл в Яблоновку; только он не обрадовал никого. В етом отвіті объявлялось прихожанам, что первое распоряженіе останется в силі и Аладар Неборакі (Владимір Неборак суміл в ето время переіменити своє имя) будет дяком и учителем в Яблоновкі. Константін Білогорка вступаєт в отставку и будет получати 200 гульденовую пенсію; в конці повелівається прихожанам, чтобы Аладара Неборакі признали своїм дяком и учителем, перевезли в Яблоновку и помістили в дяко-учительском домі.

Такое рішеніе подійствовало очень неприятно на яблоновчан, между которыми стали раздаватися голоса недовольствія и ропота, нашлися и такіє селяне, которые явно говорили, что они никогда не будут везти Аладара Неборакі, о котором разносились в Яблоновкі не очень-то лестные слухи.

Недолга явился и сам Аладар Неборакі в Яблоновкі, и прежде всего явился у приходского священника, предъявил єму свої бумаги и стал просити, чтобы содійствовал, чтобы он свое новійшее поміщеніє чім скоріє заняти мог.

– Я очень рад, – зачал приходский священник о. Протасій Букатка¹⁷, – что Яблоновка дождалась порядочного учителя. Вы – воспитанник новійшей школы и так ніт сомнінія, что поведете обученіє новым

17 **Отець Протасій Букатка**, подля сужета, є незмінний панотець церкви с. Яблоновка. Межи тым, дале у тексті повісті (без того, обы автор выяснив того читателю!) намісто нєго зачне фігурувати другый сященик – «отець **Василій Нюхемович**», а пак, конець повісті, – назад о. Букатка. Не знати, чом ся так стало. Видав, иде за явну грішку автора (*азначка вишорителя* – В. П.).

законам соотвітственно. Старые люди отжили свой вік, и хотя ніт причини сомніватися в їх честности, новым требованіям не могут дозволити.

– То одно знаю, пан Превелебный, что если я зачну учить яблоневских дітей, то они будут научены: через місяц будут такими мадярами, как был сам Бендегуз.

– Разуміється, Вы должны переродить етих русначков. Они всі не просвіщенны и не проникнуты модерным духом, відь из них никто не знает по мадярски; а кто был їх научил? Чей Білогорка? Відь он сам не знает по мадярски! А днесь ето должен сознати каждый из нас: кто не говорит по мадярски, того и нельзя назвати образованным чоловіком!

– Не беспокойтеся, пан Превелебный; через місяц мої школьники всі должны говорить по мадярски! Я знаю тому способ.

– Однако, чей, скоро будет через один місяц?

– Пан Превелебный, мні не довіряєте? Єще Вы не виділи, что может один порядочный учитель. Відь я Небораки!

– Но не лиш по мадярски бы учить; а нужно кое-что научить и из катихізіса, и из біблії.

– Ето уже вышло из моды! Иль пан Превелебный не знают, что катихізіс и біблія – ето не наука? Ето такія вещи, которым должны обучать священники; учителі занимаются наукою, а не релігійными міфами (баснями).

О. Букатка закусил губы.

– Друг мой, – сказал он, – я не предполагал, что вы настолько «ученый», что релігію относите к міфам! В етом отношеніи не слідует быть слишком откровенному. При всем етом я надіюсь, что Небораки с честью займет свое місто. Но біда здісь вот в чем: яблоневчане настолько влюбились в своего давняго дьяка Білогорку, что не схотят перевезти вас.

– Відь если не схотят, то для того єсть брахіум...

– Но, видите, госп. Небораки, к таким крутым мірам не должно бы прибегать; ето может навсегда расстроить отношенія ваши к яблоневчанам, а в таком состояннї діл всі усилія ваши сдїлаются здісь бесплодными; при всей прилїжности своей, вы не проукажете никакого успіха... Но, вот и куратор! (о. Букатка обратясь к куратору:) Адде, кураторе, ваш новый пан дьяк и учитель.

– Тадь мы того чули. Дай Боже доброе здоровья!

– Дай Боже и Вам! – отвітил о. Букатка.

– Чули мы того, чули, пан Превелебный, тай мы и не противились бы, айбо что сдїлаєме с своїм стареньким дьяком?

– Что Вам до старого? Теперь уже я ваш учитель.

– Тадь бо, пан учитель, старого лиш не выкинеме на улицю!

– Старый має свою пензію, та най иде, где сам схоче, а в школі больше не имієт міста, бо верхность мене опреділила сюда за учителя.

– Мы честуєме верхность, айбо честного старого чоловіка, который у нас посідів и котораго мы все любили, лиш не выкинеме на улицю.

– Коли сам не идет, и не старается о том, чтобы наладити собі хижину, та и мусите выкинути єго на улицю; тадь я лиш не буду єго терпіти в своем домі.

На дворі приходскаго дома появились уже почти всі яблоньчане. Они любопытны были видіти своего новаго учителя, который должен заняти місто Білогорки и даже выбросити єго на улицю.

Аладар Неборакі наружно не очень-то рекомендовался. Первое, что увиділ на нем чоловік, была, несмотря на так сказати юношеский єго возраст, єго плішивая голова; от чего он полысіл, конечно, не станем разбирати, но такая ранняя лысина, не ділаєт приятное впечатлініє. Рот госп. Неборакі был чрезвычайно велик, особенно если улыбнулся, а улыбка то у него была какая-то квасная – досігала даже до ушей. Кстаті сказати, уши у него были отвислыя. Борода состояла из нісколько волосов, а усы длинные, но необыкновенно тоненькіє. Очи сірыя, выпуклыя, а цвіт лица необыкновенно блідый, почти прозрачный. Ростом был он достаточно высок, с тоненькими, вогнутыми ногами, длинными, костистыми руками, на которых висіли долгіє, исхудалые персты. Поступь госп. Неборакі боліє показывала на хилаго старца, чім на бойкаго юношу. Если к всему єтому присовокупим єго тоненький, пітущий голосок, то и предстанет в воображеніи нашем вся фігура Аладара Неборакі, одітая щеголевато, по новійшей моді. Конечно, такая фігура не могла произвести на жителей Яблоньки благоприятное впечатлініє. Как скоро госп. Неборакі появился на коридорі приходскаго дома, у многих яблоньчан вырвалось невольное «Ах!». Другіє, напротив, не могли сдержатися, чтобы не засміялись.

– Честніі люди, – зачал о. Букатка, – сесе ваш новый дяк!

– Прошу пана Превелебнаго, не дяк, а півцеучитель.

– Если так жєлаєте, то півцеучитель; но люди лучше понимают названіє «дяк».

– Дьяки были ті давніє, что ходили в гунях, а я – учитель.

– Ну, хорошо-хорошо, пусть будет так. Честные люди, представляю вам вашего новаго господина учителя!

– У нас єсть старый, нам не нужен новый, зайдемся и з старым.

- Прошу пана Превелебного, извольте призвати їх к порядку!
- Честніі люди, не забувайте, что честному честь! – Пан учитель пришёл представитися вам и просити вас, чтобы вы его перевезли.
- Для чего нам перевозити, – спросил один из знатнііших селян, – когда у нас ёсть свой давній учитель, который прекрасно учит наших дітей и с которым мы всі довольны и котораго мы любиме?
- Та для того, бо верхность наша духовная так досудила, а мы верхности должны повиноватися.
- Наша верхность не платит наших дяков и учителей, а платиме мы самі, а коли мы платиме, то и приймеме себі того, кого полюбиме. Тадь якийсь там закон так приказує, чтобы учителей выбирали самі громадяне.
- Тото так, кобы школа наша была школою общинною; но наша школа віроисповідная, или конфесійна а в которой повеліває владыка.
- Ех, владыка най повеліває там, гді платит; а гді мы платиме, там мы будеме и распоряджати!
- Грицію, Грицію, вы разумный чоловік; для чего не говорите разумно? Или вы не знаете, что владыка – наш архіпастырь, котораго каждый православный христіанин слухати должен, бо Христос так учил: «Слушайяй вас, мене слушаєт; отмітаяйся вас, мене отмітаєтся»? А ёсли мы владыку слухати должны, то должны принять и того учителя, котораго он нам назначил.
- А с старым дяком, который у нас трудится уже тридцать літ и котораго каждый селянин, каждое дитя любит, что сділаєме? Не гріх ли буде на старость выметати его на улицу?
- Старый получит свою пензію. А кто тому причиною, что верхность недовольна его наукою? Старому должно было так усовершенити себе и так учити дітей, чтобы ім всі были довольны.
- Старый дяковав нам и учив наши діти, а мы от мала до велика всі ім довольны и не можеме против него нич сказати.
- Только, что вы в научных ділах не можете судити, бо вы не знаете, чего требует закон. Впрочем, честніі люди, я с вами не стану тут доказоватися. Наша духовная верхность приказуєт вам, чтобы вы сей час перевезли в Яблоновку своего новаго учителя госп. Неборакі и помістили его в школі. Ёсли перевезете, тогда исполните свою должность и я больше не стану вам докучати; ёсли же сділаєтся непокорными и не будете хотіти везти, тогда всі слідствія припишете самым себі; я не буду виноват в том, ёсли вышлют на вас жандармов или какую-там другую екзекуцію!

- А с старым Костём что сділаєме?
- Кость – ето не ваше діло. Он был вашим дяком и учителем, но теперь он уже вполні приватное лице. Пусть постарается сам о собі.
- Но то, однако, бесчеловічне было бы діло, если бы мы допустили выметати его на старость на улицу!
- У него пензія.
- Пензія – в 120 золотых. Из того не мож выжити.
- Слышали вы, что вам приказано?
- Слышали, пан-отец, за паном Небораком мы однако не наміряєме ийти.
- То ваше діло, но в таком случаї вы должны ожидати екекучію.
- Нйй екеквуют здоровы: знаю, что дітей не позабирают, а что бы другое могли взяти?
- Послі такого разговора всі мирно разошлися.
- Люди собралися в громаду.
- Ну, честній газдове, – зачал сельский голова, – вы виділи своего нового учителя. Як он вам полюбився?
- Не хочеме!.. не хочеме!..
- Кобы то от вас звідовали.
- Господи, что за голос! Якбы когут кукурікав.
- А что за шея!
- А что за прекрасное личко!
- А яка хрипла бесіда!
- Ей, что нам до шеї та до личка? О том толкуйте, коли ийти за новым учителем! – сказал сельский голова.
- Коли ийти за ним? Відь мы так сказали пану-отцу, что мы за ним не пойдеме: что сказано, того и держатися.
- Не так то, брате, ніт; мы должны розважити діло, бо можеме затягнути біду на село!
- Ну, та ци може быти больша біда, як то, кедь у нас стане Неборак дяковати?
- А ци може быти больша ганьба для нас як то, кедь мы допустиме уметати на улицу того чоловіка, который нам тридцать літ послужив и кого мы всі любиме?
- Ой, братья, не прогнівайме на себе Бога!
- Кедь Кость буде ходити с палицею в ковды, а его діточки будут голодовати, знайте, что тогда и нам буде плохо! Господь Бог не потерпит таку до неба вопіющу неправду и чудесно буде нас карати.
- Правду говориш, брате, – отозвался сельский голова, – пан учитель Константін Білогорка через тридцать роков мучился с нашими

дітьми и отправлял в нашої церкви богослуженіє. Мы его полюбили, привыкли к нему, вжилися с ним. Теперь он постарілся, сділался неспособным для школы, бо, видите, теперь настали новий мовды. Его верхность отрішила от службы. Та ци знаєте что? Для нас был бы стыд выметати его на улицу, но и в школі не може остатися, бо в школу определен другой – пан Небораки; та чтобы сохранить честь свою и не впасти в гріх неблагодарности, я совітую вам – передайме нашему старому Костю Оріховицу (одна сельская, или лучше церковная усадьба), она и так не много приносит пользы, бо и самі знаєте, оріхи діти обносят, а аренда, что платится за тоту хижину, не доходит и до десяти золотых; най наш Кость там живе собі и най з своїми діточками за нас молится Богу!

– Что вы говорите, бирове? На Оріховиці так добре вырвати яблоко и раскусити оріх! – сказал один из присутствующих.

– Та відь того было бы неплохо, но видиш, яблоко хіба ты зїш и оріх ты раскусиш, бо Оріховица тобі в сосідстві, а другим громадянам она не приносит пользы. А Кость буде там молится за всіх, и то буде в пригуду всей громаді.

– Та як судите, громадо? – спросил сельский голова.

– Най говорит куратор.

– Та кедь пан учитель Константін буде платити церкви таку аренду, яка платится днесь за Оріховицу, я не противлюся – най иде на Оріховицу.

– Для чего бы платив аренду? Заспіває на кліросі своїм умильным голосом, прочитає нам дома дашто из Синаксара, из Житія святых и из «Додатка», тай готова платня, – сказал сельский голова.

– Кедь так досудит честна громада, а пан-отец не буде противным, я пристаю, – возразил куратор.

– Ну, та сесе раз докончено. Своему бывшему дяку и учителю передаєме в пользование Оріховицу. А что сділаєме с Небораком?

– Та коли сьме Константіна Білогорку намістили, та уже нич не препятствує нам, чтобы сьме Неборака перевезли. Відь не станеме затягивати очевидну біду на село.

– Нам не нужно Неборака, – отвітил тот же смуглый вспылчивый чоловік. Та ци мы годны слухати, коли он нам зареве в церкви своїм хрипливым голосом? Всі повыходиме из дому Божьяго!

– Якось привыкнеме, – сказал сельский голова, – а може быти и расхрипне. Кто бы угадал, як буде? Може быти Неборак сділаєся еще наилучшим учителем. Я так думаю, добрі буде перевезти Неборака и не раздражняти верхность.

На слово сільського голови яблонівчане уже боліє не упорстова-ли, а рішили перевезти Аладара Неборакі в Яблонівку.

Перевозка произошла без всякого затруднення, відь Неборакі был молодим, неженатым чоловіком и всі его вещи, состоящія из одной по-стели, одного стола, одного сундука с бильєм, легко помістились на трёх повозках.

И так Неборакі прибыл в Яблонівку и помістился в школьном зданії, в котором находилась вмісті квартира дяка и учителя; а старик Константін Білогорка перешёл в Оріховицу, составляющую собствен-ность яблонівской церкви.

Аладар Неборакі прежде всего хотіл своєму учительскому сану со-ответственно устроити свою квартиру. Школа в Яблонівці была доволь-но пространное каменное зданіє, в одной стороні котораго находился школьный терем, а в другой – дяко-учительская квартира. Школьный терем представлял обширный зал, освіщенный шестью большими ок-нами. В залі находилось до двінадцати скамеек неуклюжей деревенской работы. Стіны школьного зданія увішаны были таблицами, на которых начертаны были русскія церковнославянскія буквы, а на других опять мадярское абецаadlo. Крім того, находились на стінах изображенія из царства животных, из растений и мінералов; да были и дві-три геогра-фическія карты. Но все это находилось в обветшалом, частью изорван-ном состоянїи.

Школа была вымощена каким-то дома сготовленным полом, состо-ящим из широких и толстых буковых досок; разумеется, пол был загряз-нен, дебеливатые скамейки запачканы, а стіны не выбілены.

– Та где я буду тут учить ваших дітей? – вопросил Неборакі от соб-равшихся членов школьного совіта.

– Где бы сые учили, та ту в школі!

– Перебачте, школьный кураторе, сесе не школа, а свинский ку-тець!

– Та, пан учитель, наши діточки, все ту учились, тай на ум їм шло, дай Боже, чтобы и посему так успівали!

– Та як вы могли свою школу так запустити? Треба нам через тыж-день робити, чтобы всю сію нехарь вычистити могли!

– Та будеме чистити, пан учитель.

– Я не знаю, что то за чоловік, тот ваш Білогорка, что так запустил школу!

– Не чудуйте, пан учитель, то не было все так! Наша школа была така, як рай; но когда старый учитель дознался, что его на старость положат в пензію, та, сказати правду, уже не много думал о школі; а

отколи перешёл в «Оріховицу», школа совсім опустіла. Сюда, бывало, сходяться люде, наносят болото, курят, запаскудять стіны... А днесь, правда, школа в незavidном состоянїи.

– Знаєте что, добріи люде, ту нужно поставити новый падімент, нужно выбілити стіны, сготовити новыє ловгоши¹⁸ (скамейки), покупити таблицы, естественные и фізическіє образы; одним словом, нужно устроити школу, как приходится, ибо токмо в таком случаі можно проуказати желаємый успіх!

– Для чего налагати на нас такіи выдатки? Стіны выбілиме, падімент помыеме, а таблицы позаліплюєме – та и буде така школа, як и была. В какой Кость учив, в такой, чей, и вы будете учити.

– Та что вы думаете? Чей, я вам Кость? Ой, так собі и не думайте! Я новый учитель и буду учити по новому; а мні первое, чтобы иміл порядочную школу и чтобы та школа была так обзаведена, як то законы требуют.

– Тадь бо мы – бідні люди и не можеме носити такі выдатки, які бы вы хотіли, пан учитель!

– Коли хочете держати порядочную школу, та мусите и привести школу в такий порядок, чтобы можно в ней проуказати успіх. Для сей школы нужно наименьше 200 золотых, чтобы все нужное покупити и в ней порядочно учити можно было.

– Двасто золотых! Та где нам взяти только грошей?

– Где взяти? Та відь село не сирота; если у вас ніт такой касы, из которой бы вы сїи гроші взяти могли, та сділайте розмітку, а школа должна така бити, як того закон требует!

– Просиме пана учителя, най мають ласку. Мы – бідні люде, час тісный, мы не годны такі выдатки чинити!

– Яблоновка – не бідное село; лиш хотіти треба – и все будет сділано. А что вы себі думаете? Відь если школа не будет по закону устроєна, та легка будет в ней и наука! Я не могу похопити, як мог Білогорка в такой школі учити? А еще бóльшее чудо, что пан інспектор мог терпіти такий непорядок.

– Та еге, терпіли, а прото наука в школі шла прекрасно! Наши діточки всі знають читати и писати, а научилися в сей «запущенной» школі. Наша ціла версть состоит из письменных людей, а учив їх в сей школі Константін Білогорка. Айбо, правда, коли за Білогорку повіли, что недобрый, та недобра має бити и школа, в которой учив!

18 **Ловгош** (мадар. *lugos*) – туй у значеню: *русин*. «лавка», *російськ*. «парта», «скамейка» (азначка вишорителя – В. П.).

– Та най буде собі Білогорка хоть який там славний, а я в свинскої кучі учити не буду; а и жити не могу в такой стайні, як ваша учительская квартира, – сказав Аладар Неборакі, отворив сусідню дверь своєї квартири.

– Та тут что за хйба? – спросил куратор.

– Та вы не видите? Шкода, что вас поставили за куратора!

– Я, пан учитель, не вижу туй ніякой хйбы.

– Не видите? Та де тут падімент?

– Та пан учитель Білогорка якось жив тут и без падімента.

– Айбо я не из тых старых, что Білогорка. Мині первое – мое здоровье; я не буду вам по глині ходити, обых застудився и зарвав собі якую-там гектику¹⁹.

– Ой, та мы не годны такого великого пана держати, – отозвался из-межи толпы один голос.

– Люде! Та ци вы не ганьбитесь? Та ци ваша школа – циганска кузня? А ваша дьякувня – циганска мазанка? Та ци вы не видите, який теперь світ? Тадь не дайтеся высміяти! Та кто в теперешнем світі живет без падімента? Хйба даякий простака. Я, люде честні, не для того учився и складовав экзамены, чтобы жити в кучі и ходити в ней по сырой землі. Видите, к скотам кладете в хліві помостины, а хотіли бы сьте, обы ваш учитель ходил по глині. Айбо тут не лиш сеся біда. Посмотрите – двері не пристають, окна повыбиваны, рамки погнили, кальги ніт, в избі такая печ, что занимает четвертую часть ея, стіны пооблупованы и переполнены блощицами! Ніт ни коморы, ни пивницы (*погреба*)! Ну, та скажите, честні люде, як можно в такой квартирі жити?

– Та, пане дьяче... – отозвался Юска Гриць.

– Я вам не дьяк, а пан учитель! – возразил сердито Аладар Неборакі.

– Та най буде – пан учитель! И мы лиш якось живеме, а у нас ніт ни пивницы, ни падімента, ни кальги (*печи*).

– Мовчте! Коли вы будете пан, та и у вас мусит бити и пивниця, и падімент, и кальга (*печ*), а простаку кобы печ та припічок, обы было где черево парити.

– Правда, пане, правда; нам, простакам, буде и так, мы зайдемся и с печью и припічком, айбо и вам не будеме каштелі правити, бо и вы не віцішпан.

– Ідіть вон! – заревал в ярости Неборакі.

¹⁹ Гектика (*грецьк.* hektikos) – *русин.* «гертика», *російськ.* «чахотка», «туберкулёз» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Не треба то мні и казати, я и сам вийду, не хочу собі заходити с таким великоможным паном, як вы.

Юска Гриць вышел вон.

– А знаєте что, братя, – сказал он между людьми, – мині так видится, что сесь Неборак быв тот владыка, котрый нас приймав в резиденції. Голос тот самый, и такой высокий, и такой на вид. Я так собі думаю, что нас тогда не владыка приймав, а сесь Неборак. А что думаете?

– Майже, правду говориш, брате; коли закричав «Буди благословеніє...» а теперь коли закричав на тебе, та так видится, что то один и тот же чоловік.

– Я вам тогда говорив, что владыка не так бы нас принимав, что то выстроили над нами фіглю. Увидите, что я правду говорив. А недавно один учитель рассказав нашему Константіну, что яблоньчане никда не были у владыки, а что Неборак выстроив над ними фіглю.

– Тадь коли так, та мы знаєме куда путь, та мы можеме опять отправитися ид владыці. Знаю, что кидь выявится, что так нас издурих, та не буде нашим дяком.

– А что громадите? – закричал из дверей Неборакі.

– Ну, та ци не он? – зашептал Гриць Юска.

– Цілый владыка! – отозвался другий чоловік.

– Чорт, не владыка! Та кто бы быв такое смів и подумати?

– Та не хочете школу и дяковню поправити?

– Правте самі, – закричал Юрко, – мы не годны вам резиденцію наладити!

– Ну, коли не правите, та можете идти собі с Богом! Я вам укажу, что будете правити.

– Тадь, чей, єсьте не владыка? – закричал Юрко.

– Хоть владыка, хоть не владыка; а школа должна быти така, як того закон требует.

Люди оставили Неборака, а самі разошлись, кто куда по работі.

– Та ци не медведі? – зачал выливати свой желч Неборакі. – Они хотіли бы, чтобы порядочный чоловік жил в свинском кутці. Ну, научу я вас; відь с безмозглой толпой не так трудно сладитися! Прежде всего заговорю с попом; ибо русины насамперед повинуются попам.

И Аладар Неборакі отправился к приходскому священнику отцу Василю Нюхемовичу, у котораго уже была собрана яблоньская громада.

Когда громадяне замітили, что Неборакі приближается, Юска Гриць произнес:

– Еге, иде и владыка.

– Что за владыка? – спросил отец Василій.

– Та ци пан Превелебный не знають, что у нас владыка – тот Неборак выдався за владыку.

– Як? Коли?

– Та, пан-отец, коли мы шли просити, обы у нас остався наш старый дьяк Константин Білогорка, та тогда мы и не виділи справедливаго владыку, а нас приймав сесь Неборак. Взяв на себе якусь червену реверенду, понавішовав на ся кресты, велів нам стати на коліна и благословив нас. А мы, дурні, повіровали, что то владыка.

– Та кто вам такое наговорив?

– Кто? Та начто говорити? Я, Богу слава, не сліпый, та сам ем упознав потювка, ай и други люде говорят.

– Ну, чудо! Та як вас могли так обманути?

– Та, пан-отец, простых людей не трудно обманути. Но владыка и в Яблоновкі хоче быти владыков, хоче, чтобы сьме ему поставили резиденцію. Но, выслушайте самі! Он, чей, для того пришов сюда.

– Ну, что за новостъ, господин учитель? – обратился о. Нюхемович к только что прибывшему Неборакі.

– Что за новостъ? Не новостъ, пан превелебный, ніт, а самая старая старина. И школа – старина; и моя квартира – старина, а сії люди и слышати не хотят о том, чтобы и школу, и мою квартиру обновити.

– Якось Білогорка мог учить и в такой школї, а жив в сей квартирї, – сказал Юска Гриць.

– Вы, Грицю, молчите! Вы бунтуєте людей против мене!

– Против якого, ми адде, міністра бунтую! Вы, пане дьяче, не по нам: бо Вы – пан, а мы – бідні люде; та не можеме ваши панскї требованія исполнити.

– У мене ніт нияких панских требованій; я хочу лиш то, что хотїл бы каждый порядочный чоловік.

– Ну перебачте, пане, а мы вам хижї малёвати не будеме! Мы так думаеме, что вы можете прожить и в выбїленной хижї.

– Вы, Грицю, сами не знаете, что говорите. Малеванная хижа будет вам стояти много меньше, чїм выбїленная; ибо білити нужно наименьше по два раз в одном году; а если хижу и школу вымалюете, та будет держати и за десять годов.

– Айбо мы убогї люде, нам нечїм малёвати.

– Сділаєте «розмітку».

– Ой, того лиш не дождете!

– Ех, что я буду тут с вами говорити: хоть говори, хоть на стїну горох мечи – все одно! Неумїлаго не легко образумити.

Неборакі вшел в комнату отца Нюхемовича.

– Ваше Высокопреподобіє,— сказав он, — прекрасно знаєте, що я требую лиш того, що необхідно; я учитель и должен иміти положенію своєму соотвѣтствующую квартиру.

– Прекрасно, господин учитель, только вопрошаю вас, кто даст денег для малеванія вашей квартиры? Відь школа никаких фондов не иміет, а содержится, так сказати, милостынею обитателей; если обитатели не схотят малевати вашей квартиры, то, вопрошаю, кто їх может к тому принудити? Відь кромѣ 5-ти процентов от гульдена, закон ни к чему другому не обязует їх, а они еті пяті проценты платят и втрое.

– Ваше Высокопреподобіє, я так знаю, что вездѣ есть и церковныя касы; думаю, приведеніе в порядок школы и моей квартиры можно бы покрыти и из церковной касы.

– Церковныя касы должны прежде всего покрывать нужды церкви и приходских зданій, а только послѣ сего могли бы причинитися к школѣ и учительскому помѣщенію. А на етот раз, увіряю вас, господин учитель: яблоневская церковная каса не находится в том положеніи, чтобы требованіям вашим довѣлтворити могла.

– Да відь ето давнее діло, что господа приходскіе священники заботятся токмо о своих фарах; а на бѣдных учителей не обращают ни малѣйшаго вниманія.

– Помилуйте, господин учитель, да відь я из своих частных крайцариков не стану вам малѣвати квартиру; люди не хотят, а церковная казна пуста! Я совѣтую вам: будьте довольны на сей раз тѣм, если вам хорошенько выбѣлят комнату; позднѣе, быть может, и вымалюется, но теперь невозможно.

– Если школа и моя квартира не будет приведена в порядок, значит, если не будет обновлена требованіям времени соотвѣтственно, я принужден буду подать жалобу королевскому инспектору народных школ; відь учить возможно только так...

– Если ваши комнаты будут вымалеваны...

– Прошу, Ваше Преподобіє, не перерывайте мнѣ бесѣду!

– Как не перерывати Вам бесѣду? И вы достаточно необтесаны, чтобы наговорити своему принципалу таких грубостей!

– Я – необтесанный! Я... я... я думаю, что я всегда занимаю в обществѣ такое мѣсто, как один поп...

– Прошу вас, убирайтесь вон!

– Что, Вы меня выгоняете?

– Если не выбираетесь вон, сей час велю выбросити вас! Иль вам неизвѣстно, что стоит сказати мнѣ только одно слово, и вас и не только выбросят из моей комнаты, но даже вывезут из предѣлов Яблоневки?

– Я не предполагал, что в Яблоновки даже приходник бунтует против меня. Но я все-таки покажу, что моя квартира будет вымалевана.

С етими словами Аладар Небораки вышел из комнаты Отца Нюхемовича.

– Ну та ци будеме малёвати ваши хижі? – промолвил Юска Гриць, когда Небораки вышел из комнаты.

– Я вам укажу, что будете малевати. Попа сьте подкупили, но королевского инспектора не подкупите.

– Идьте, идьте к инспектору, айбо хижі вам єднако не будеме малевати! Еге, який владыка!

– Вы, Грицю, бесчестный чоловік.

– Ну ци чули сьте, люде?

– Ой, чули, чули, – отозвалось нісолько голосов.

– Та знаєте, дьяче, – закричал Юска Гриць, – та кедь я бесчестный, та тепер хижі и за то не будеме малевати.

– Молчи ты, битанго, я тебе не прошу, обысь малевав!

– Ну, та тот мене честує, та ци чули сьте, люде?

– Ой, чули, чули... Чей бы сьме свободилися от сего пройдисвіта....

– Ну... межи які я свині зайшов...

– Та ци мы свині? ... Ой пане, та нас єще ни один дьяк свинями не называв!

Небораки сказал еті посліднія слова уже издалека, а тепер не в шутку прибавил к шагу, так что неолонга исчез с виду.

– Ну, честні люде, – отозвался куратор, – та нам загнали дьяка, что нас бесчестными, битангами, свинями честує про такое марное діло. Чекайте лиш, что он буде ділати дальше! И наконец невытерпиме, а мусиме дашто ділати, обы свободитися от напасти.

– Ну, могу сказати, – стал размышляти в себі о. Нюхемович, – я получил прекрасного дьяка и учителя. Ніт чего говорити, ето воспитанник новійшей школы. Теперь распространяется невірїє, та для чего бы честовати попа? Попы и так потеряли уже свой авторїтет. Дьячок видит, что теперь все обратилося против духовенства, для чего бы и єму не попробовать? А в новійшее время учителям весьма потворствуют: учредили для них пензїонный фонд, учительки получают большую пензїю, чім вдовы по священникам, жалованіє учителей приведено в желательный порядок, у них даже *quinquenniu*-мы²⁰, а бідный священник может просидіти весь вік в Ганьковиці без того, чтобы на него было обращено малїйшее вниманіє. У дьяков и учителей алумнеї, и Бог вість, чего

20 **Quinquenniu**-мы (лат. *quinquennium*) – русин. «пятьрочный період», російськ. «пяти-летний срок» (азначка вишорителя – В. П.).

не сділають в пользу їх. Ну, между такими обстоятельствами не чудо, что дьячок чувствует себя выше своего прінціпала! Вот и Аладар Неборакі хочет імїти расписанныя комнаты, печку майолика, паркеты и Бог відаєт, какогo чуда еще он себї не пожелает. И я не проч бы от того, чтобы выполните его желаніє; но відь он тогда будет считати себя выше своего прінціпала, ето все-таки кажется ненормальным, чтобы учитель жил в красивїйших комнатах, чїм его діректор и прінціпал! Впрочем, расписаніє учительской квартиры меня ни малїйше не обходит. Пусть Неборакі ссорится с Юска Грицем и кураторами!

Неборакі, идя домой, на пути, в свою очередь, передался размышленію по поводу только что пережитых впечатлїній. «Смотри-ка, відь и поп одно діло ділаєт с своїми прихожанами, єму не хочется, чтобы моя квартира была приведена в желаємый порядок. Но ті времена уже минули, когда высокопреподобные обитали в палатах, а учителей заставляли жити в собачїх канурах²¹. Днесь мы, учителя, немножко важніє, чїм попы, відь в наших руках находится молодеж, а молодеж – ето будущность; значит, будущность в наших руках. Ето каждый образованный чоловік знаєт, для чего днесь и угаждают учителям. Вот наши вдовицы получают прекрасную пензію, да и мы можем добитися пензії в 300 гульденов, а попы получают 120 гульденов пензії; ну, не ясно ли, что мы находимся в превосходствї? Правда, попы імїють, как они говорят, академіческое образование. Но что за академіческое образование? Відь богословіє уже не причисляется к наукам! Довольно они господствовали над народами и хвасталися своєю ученостью; днесь настал світ – и всі видят порядочно и знают, как цїнити поповскую ученость».

Между такими, не очень-то соотвїтствующими его дьяко-учительскому званію рассужденіями приблизился Неборакі к своєї квартирі. «Та вот, – продолжал он рассуждати, – та я – учитель, в руках котораго находится будущность Яблоновки; відь яблоновская молодеж в моїх руках, я должен жити в такой-то квартирі! Пооблупована, не вымощена, окна повыбиваны, нїт ни кальги (*печи*), ни шпаргерда²², а я должен учить яблоновских дітей и піти на кліросі. Нїт, если мнї уже должно выполняти еті должности, то необходимо в порядок привести мою квартиру; а если нїт, то я їм покажу, они увидят, что может Неборакі!»

И Неборакі взялся за перо и написал жалобу к королевскому

21 **Канура** – хыбна форма слова «конура». Причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором росїйского языка (*зачначка вишорителя* – В. П.).

22 **Шпаргерд** (*німецьк. Sparherd*) – *русин. «шпаргет», росїйськ. «кухонная печь»* (*зачначка вишорителя* – В. П.).

інспектору, що ему яблонівчане не хотят в порядок привести квартиру, а школа – що совсім не соотвітствует требованиям закона.

Жалоба была отправлена.

Другаго дня Неборакі зачал школу.

В школу собралось немного дітей.

Как скоро Неборакі вступил в школу, діти рассміялись. Они никогда не виділи еще такую фігуру. Неборакі пришел в ярость, нісколько мальчиков потряс за волосы, других ударил палкою, третьїх поставил на коліни. Теперь закричал «fel» и веліл дітям подняти руки, послі закричал «le», при чем діти должны были опустити руки. Это «fel» – «le» продолжалось по нісколько раз.

Один мальчик осмілился сказать: «Прошу пана профессора, нас теперь не так учили креститися!»

– Молчи, сомар, – заревал учитель, – то начто креститися!? Най вас учит поп. Теперь буду читати каталог, каждый най отвічаєт «jelen»²³.

Неборакі стал читати каталог; «jolen», «julen», «jälén», – отвічали мальчики.

В школі было всіх не боліє двадцати учащихся. Прочим Неборакі записал абсенції.

Зачалось преподаваніє.

Неборакі не проронил ни одного русскаго слова, всегда говорил по мадярски. Діти поотворяли рты, не поняли ровно ничего. Чтобы діти стали понимать, Неборакі стал указывать предметы и называл їх по имени, зачал жестікуліровать, призвал в помощь и міміку, сділал нісколько грімас, так что діти, смотря на его и без того смішную фігуру, не могли воздержатися от сміха. Теперь послідовала судебная расправа. Для чего сміются, что сказал он такое смішное? Сміющієся были беспощадно наказаны палкою, а нікоторые были заперты через обід в школі.

Так кончилось преподаваніє Неборака перваго дня.

Такое преподаваніє повторялось другаго, третьяго дня и шло чередой через дві неділі, когда Неборакі передал не посіщающих школу сельскому начальству для истязанія по 50-ти крайцарев за каждую абсенцію.

Сельское начальство по своему обыкновенію отложило абсенції ad acta.

Неборакі взбісился и подал жалобу солгабирову; но солгабиров тоже немного обращал вниманія на абсенції Неборака, что опятъ очень разъярило господина учителя.

23 **Jelen** (мадяр.) – русин. «притомный», «присутный» (зазначка вишорителя – В. П.).

Неодолга прибул отвiт и от королевського iнспектора, котрий совiтовал, чтобы для снабженiя школы необходимыми средствами обрiтисся с просьбой к мiнiстерству, а квартиру учителя считал дiлом совсiм домашнiм, в которое не имiет права вмiшатися.

Небораки поблiд от ярости, когда его увiдомили об отвiтi iнспектора.

– Стало быти, и господин iнспектор не жаает того, чтобы учитель жил званiю своєму соотвiтственно!

И в своeй ярости стал совсiм дико обрiщатися с дiтьми.

Между прочим, однажды пришiл в школу поздно Юска Петро, сын Юска Гриця.

– А ты гдi был? – заревiл на него по мадярски Небораки.

Мальчик не понял и улыбнулся. Конечно, была достаточная причина, чтобы не лиш улыбнуться, но и захохотати, когда к нему заговорили таким языком, котораго он не понимал.

– На колiни! – заревiл вни себя Небораки.

Мальчик не тронулся, не понял, что єму приказывали. Небораки тогда в бiшенствi ударил мальчика по голове. Толстый рубец показался на челi, а из уха выбрызгла кров. Теперь Небораки хватил мальчика за ухо и потащил в угол, гдi и поставил на колiни. Послi урока, когда мальчики намеряли выходить из школы, Небораки обрiтился к Юска Петру и сказал:

– Ты останешся в школi до вечера.

Сказано было по мадярски. Мальчик опять не понял, и, не обрiщая никакого вниманiя на єтi слова, направился к дверям с прочими дiтьми. Тогда Небораки хватил его за воротник и кинул iм к учительскому столу; мальчик пал и опять ударил головою о ногу стола.

Когда мальчики вышли, Небораки затворил дверь и замкнул замком, чтобы Юска Петро выйти не мог.

Однако Небораки числил нехорошо. Юска Петро был рiзвий мальчик и, когда видiл, что его затворили в школi, сей час подошiл к окну; и стоило єму одной секунды, чтобы отворити окно и выпрыгнути вон. Небораки замiтил его на дворi, но, разумiється, перебiгнути его не мог.

Дома отец сей час замiтил рубец на челi своeго Петрика.

– Та тобi что на чолi, ге?

– Пан учитель ня ударив.

– Та чтось завинив?

– Я нич не завинив, говорили ми по мадярски, обых ишов стояти на колiнки, а я не розумiв та и не пошов.

– Та за что стояти на колiнках?

– А за что, та знаєте, няньку, вчера мамка дала пuzдно їсти та запоздив єм ся.

– Та чім ударив?

– Та с палицёв, что му была в руках. Ба, та то єще и не вшитко: а коли діти выходили изо школы, хопив ня за вшийник и так мнов шмарив ид столу, что мало-м не розбив собі голову. Я, няньку, – зачал Петрик с плачем, – больше не пуйду в школу, бо учитель замкнув мя в школу, а я, сказати правду, выскочив через вызур. Кобы мя хватив в руки, та чей бы мя забив. Тото дуже сердитый учитель.

– Най там собі буде и сердитый, айбо діти збытковати не свободно. Дораз буду я с ним говорити!

И Юска Гриць, взяв на себя гуню и шапку, сей час отправился к учителю Небораку.

– Дай Боже здоровья! – поздоровался, когда ступил в комнату, гді Неборакі, облокотясь на стол, в шапкі на голові, курил трубку.

– Та коли зайдете до чужой хижи, та так бы яло, обы сьте зняли шапку, Грицю!

– Тадь и вы в шапці, – сказал Гриць.

– Тадь бо я дома.

– Кто знає, ци дома?

– Та что вам треба?

– Не горазд, пан учитель, не горазд!

– Який не горазд?

– Та сказати просто: мы не для того заганяєме діти в школу, чтобы вы їх тут покалічили.

– Та, Грицю, коли дитя справується не так, як то яло и нужно, та я маю право дитя покарати.

– Карати честно, тихо, разумно – можно, а не бити палицею по голові, обы понабігали кокоші и сивці.

– Вы мене не будете учить, что с коравыми дітьми чинити, тому я пан.

– Вы пан сам собі, а не моїм дітям! Знайте, пан учитель, что я своего Петрика больше раз не пошлю в школу; а если смієте выдати на штраф, то знайте, что я не дурень! Я знаю, гді окружный суд.

– Ах, та ци ты, Грицю, пришов нагрожоватися? Не думай, что ты мене перепудиш, я не из тіх боязливых! А теперь – марш вон!

– Ой, та лиш перебач собі, Небораку, я не выйду вон, бо, видиш, сесю школу я правив!

Неборакі пришел в бішенство. Сочил из-за стола и поднял на Гриця обі руки. Но Гриць стоит как вкопанный и не шевельнется.

– Не дай тобі Боже такий розум, oby ты мене ударив, бо так тобов шмарю, что відьмы и кусточки ти не позбирают!

Неборакі глянул на Гриця. Видит, что Гриць – цілий исполин. Опустил руки.

– Ну, коли ты не идеш, та иду я, – сказав наконец. – Но знай, что горький будет тобі сей день! Будеш ты памятати, як на пана учителя набігати, як вламлятися в панский дом!

Неборакі вышел вон, а Гриць поплелся за ним.

Другого дня Юска Петра не было в школі. Неборакі достаточно раздосадовался, ибо намірял вмісто отца мстити сыну. Однако ему ето не повелось. Досаду свою объявил он на других мальчиках, которых, по причині невниманія (а как внимати, если из всей лекції не понимаеш ни одного слова?) ставил на коліни, дергал за волосы, бил палкою и проч. В конці прочел каталог и вписав абсенції.

Прошло таким образом нісколько неділь, послі истеченія которых Неборакі передал пропускающих школу сельскому начальству для штрафа. Сельское начальство уже, по давньому обыкновению, не обращало никакого вниманія на абсенції, предложенныя учителем. Неборакі объявил о нерадиніи сельскаго начальства солгабирову (*адміністративный начальник округа*); но и солгабиров не очень-то заботился о абсенціях Неборака, который таким образом принужден был отнестися к вармедьскому управляющему комітету.

Пока діло находилось у вармедьскаго управляющаго комітета, Небораком овладіло нетерпініє; уже намірял было отнестися прямо к міністерству, відь он намірял мстити жителям, что не хотіли привести в порядок его квартиру; однако подумал, что таким способом разъярит против себя всю вармедьскую знать, для чего и рішил подождати еще немного.

Одного літняго жаркаго дня сидіт Аладар Неборакі у себя дома. Позаслонял окна свої плахтами. Запавісок у него еще не было, а о шалугатрах еще не позаботились громадяне. Сидіт и, облокотясь на столі, курил трубку.

– Но та вот, – раздумывал он, – я принужден плахтами позакрывать свої окна, чтобы освободитися от мух и от несносной жары! Та я без всякой для себя пользы учился и кончил школы. (А кончил господин Неборакі нормальныя школы и препарандію). Чоловік ученый и кончивший курсы принужден сидіти в «кучі» а позакрывать свої окна плахтами, чтобы кое-как мог охранилися от насікомых! А всего нес-

носніє то, що один неучений и темный «попандія» називається моїм настоятелем и потребує повиновенія! Подождите немножко, батюшка, пока я окажусь вашим покорным слугою! Вы говорите, что между Вами и мной великая разница; да конечно, великая разница: Вы распространяете тьму и біготство²⁴, а я – світ и культуру; это, конечно, великая разница. Надіюсь, неодола придет время, когда мы будем вашими настоятелями, а не вы нашими! Однако трудно ожидать, а я ужасно нетерпелив; должно бы искать какой-то лучшей должности. Чорт возьми это учительство! Всегда с дітьми сидіти и дразниться. К тому у чоловіка ніт никакого авторітета! Вот не хотят сготовити чоловіку один падімент. Даром прошу громаду и попа, даром пишу училищному надзирателю, даром пишу даже самому міністру, а падімента ніт и ніт! Чорт їм будет жити в невымощенной глинянці, без падімента, без шпаргерда, без шалугатров и без малёванья. Днесь не такой світ; меня высміют мої товарищи, если увидят, какая у меня квартира. Буду искать себї другой службы. Відь у меня кваліфікація; я могу быть немножко большим паном, чім один учитель.

И Аладар Неборакі стал слїдити по газетам за конкурсами по таким службам, которья ему казались соотвітственными.

Прежде всего желал быти почтмайстром, и подал прошеніє на какое-там поміщеніє. В надежді, что уже не будет дяком и учителем, стал пренебрегати своїми дяко-учительскими должностями.

Одного воскресенія благовістили к заутрені. О. Василий Нюхемович вшел в церков, взял на себя епітрахіль. Ждет, ждет, а дяка ніт и ніт. О. Нюхемович вышел из терпінія, послал пономаря за Неборакі, который лежал еше в постели.

– Скажи пану Превелебному, – отвітил он, – что я еше сплю, найкончит сам утрєню!

Пономарь сей час прибыл с отвітом.

О. Нюхемович разъярился, зложил епітрахіль; утрєні, разуміється, не было.

Около девятого часа явился Неборакі в церкви и выслал пономаря за о. Нюхемовичем. О. Нюхемович явился.

– Ну, видите, я явился на ваше велініє, – сказал он дяку, – а вы не явилися на мой призыв; но зачїм вы не желали отправляти со мной, и я не желаю отправляти с вами службу (*літургію*); ибо вы привели меня в такое расположеніє духа, в каком приступати к престолу никак не слїдует.

24 **Біготство** (из *франц.* *bigot*) – *русин.* «ліцємірство»; *російськ.* «ханжество» (зазначка вишорителя – В. П.).

– Ну, та тогда не будет службы?

– Конечно, службы не будет; но если и в будущем так наміряете вести себя, тогда убирайтесь из Яблоновки, ибо я такого дьяка тут терпіти не буду!

– Прежде всего объявляю Вам, пане попе, что я не из вашей милости нахожуся в Яблоновкі; дальше, прошу, не забывайте, что я учитель, просвітитель народа, а не «обманщик», который весьма слабый для того, чтобы мене вытравил из Яблоновки! Впрочем, я и не очень дорожу Яблоновкою, ибо знайте, попе, я не долга буду почтмейстром!

Ну, послі такого разговора, разумеется, службы быти не могло. Но подобные разговоры между отцем Нюхемовичем и Аладаром Небораки стали повторяться частіше. Бывало, Небораки, увидів, что о. Нюхемович идет в церковь к літургії, здалека закричит: «Объявляю Вам, что днесь не будет службы, ибо я иду в варош»! О. Нюхемович на такія слова, разумеется, бліднет от ярости.

Между тім, Небораки получил отвѣт от дирекції почт, что прошение его не принято во внимание, поскольку он не имеет необходимой квалификации.

Такий отвѣт ужасно разъярил Небораки. Я не имею квалификации для почтмейстерства! Видь у меня диплом. Ех, эта дирекція состоит из самых негодяев! Буду новтарошом. И стал ходить за новтарошством.

Но в етих ходах средства его настолько истощились, что у Небораки не было ни порядочной одіжи, ни хліба, для чего сдѣлалось для него необходимым каким бы то ни было способом доставить себѣ какія-то деньжонки. И вот ему пришло на ум отправиться в Б... монастырь²⁵ на отпуск. На пути Небораки обріл уса; прибыв в монастырь, взял на себя какой-то длинный сюртук (*герок*) и спітрахиль на шею, вечером сіл под монастырскую стіну и стал призывать людей к исповіди; а исповідывал только тѣх, которые давали ему на «службу». Не долга насбирал он таким образом на службы до сто пятидесяти гульденов.

В монастырі в это время явилось нѣсколько людей и из Яблоновки, Юска Гриць да и бывший учитель Константин Білогорка.

– Пан учитель, – отозвался Юска Гриць к Константину Білогорці, – гляньте лиш на тот шатѣр, мнѣ так видится, что там сповідаєт Неборак!

Константин Білогорка глянул пристально на шатѣр.

– А гдѣ бы там Неборак, видь видите, что усов не имеет?!

– А что же? Видь усы мог збрытвати.

Білогорка глянул еще пристальнѣе.

– Ба, может бити, что Неборак, видь точно такая фігура.

25 Иде за Біксадський монастырь (ззначка вишорителя – В. П.).

Юска Гриць призвал еще двух людей из Яблоновки и всі однодушно рішили, что это Неборак.

Между людьми сей час разнеслася вість, что исповідывающій там под монастырскою стіною не священник, а учитель Неборак, о чем немедленно объявлено было и настоятелю монастыря. Произошла суматоха. Неборак сей час замітил, что между людьми происходит что-то необыкновенное, и как сознающій свое преступленіє, усиловался спастися; и скоро скрылся в толпі народа. Полученныя однако деньги успіл спрятати в карман.

Через один час собравшієся вокруг монастыря богомольцы всі знали, что тот священник, который исповідывал в шатрику под монастырскою стіною, собственно не священник, а дяк и учитель из Яблоновки.

Народ вопил. Такого соблазна еще никогда не было у нас, – стали говорити одни; другіє стали рассуждати, чім бы наказати мерзавца святотатца; третїє стали толковати о том, что будет с тіми, которые исповідывались у него. Важна ли исповідь їх и не должно ли вторый раз исповідатися? Нікоторые рассуждали так: что исповідь важна, что відь они не знали, что он обманщик и были в том убїжденїи, что исповідываются у настоящего священника; теперь, однако, зачїм діло сдїлалоя явным, исповідь необходимо повторити!

– А з службами что буде? – вопросил один верховинець. – А відь я дал єму, ний Бог, и найме на служебку и на парастас; та як овун буде служити?

– Ой, брате, – отвітил один парень от Мукачева, – тотя служебка не спасе твоїх «небужчикув». Хиба бы он наял даякого попики, обы отслужил.

– Ба, может быти, и найме!

– Ой найме; для того и сїв сповідати, бо єсть у него гроші на твої службы!

– Та пак як буде?

– Та Бог прийме, ги бысь дав сліпому.

– Та бо я дав за душечками умершими!

– Та, братцю, милостыня пользує и душам умерших. Так, якбы они самі давали милостыню.

– Ба, айбо того пруйдисвіта треба бы научити, обы не кламав (обманывал) честных людей!

– Для чого учити? Не должно мстити. Най мстит Бог! Кедь будеме мстити, милостыні наши не будут приятны Богу.

– Та як? Та допускати, чтобы му и другїи давали на службы?

– Я так думаю, что он уже никогда не буде сповідати.

Между тім явився игумен монастыря между народом – один сидіти починаючий толстенький чоловік с длинною бородой.

– Та гді исповідывал тот безбожник? – вопрошал он сгромадившихся богомольцев.

– Та тут, под сим шатром, – отвічал Юска Гриць.

– Та кто приходил к нему исповідатися?

– Многії приходили, честнійший Отче, – отвітил Гриць.

– Та не могли бы вы назвати дакоторых по имени, которые у него исповідывалися?

– Люде! – закричал Гриць. – Приходіте и скажіте, котрі сьте ся исповідали у того пройдисвіта?

Пришло около тридцать людей, мужчин и жен.

– Вы всі исповідалися у сего соблазнителя? – вопросил игумен.

– Всі, – отвітила одна старенькая женщина.

– А он брал и на службы?

– Он исповідал лиш того, кто принес ему на службу.

– А сколько он насбирал грошей?

– Я дала ему золотый, – отвітила одна баба.

– А я три золоті на службу и на парастасы. А я сорок крайцаров на служебку. А я пять золотых на два парастасы. А я золотый на водосвятіе, – и так стали диктовати, кто что дал. Игумен насчитал до шестьдесят гульденов. Показаніе каждого чоловіка было назначено в протокол и каждый должен был потягнути крест во свідітельство, что показаніе признает своїм.

Послі сего соблазнительнаго факта богослуженіе празничное продолжалось своїм порядком и віруючіе послі службы Божьей, как и пришли, процесіями отправилися домой.

* * *

Увольненный от службы и находящийся в Оріховиці дяк Константін Білогорка проводил в тиxости свої дні. Хижина его находилась среди фруктовых деревьев на бережку игриво текущаго ручейка, на кристальночистенькія струї котораго так и мило было смотріти. Старый дяк, бывало, выходит в сад, пообчищает деревца, прокосит траву, пообзирает свою кукурузу и прочія растенія, собственноручно поправит, вычистит, выполет, покоплет, что считает необходимым, послі чего возьмет свой молитвослов и какую там газетку, запалит трубку и займется чтеніем во своей бесідкі.

У Константіна Білогорки була лиш одна доч, красивая Лізенька, и старенькая супруга, которая и занималась домоводством.

Семейство Константіна Білогорки, крім домоводства, занималось и хозяйничаньєм. Конечно, хозяйство вели они в очень скромных розмірах; однако оно могло покрывати їх ежедневныя потребности. Оріховица – это был небольшой холм, который утопал в тіні фруктовых деревьев. Под етим холмом журчал небольшой поточок а находилось на нем и два дня орючей земли да под фруктовыми деревьями назбиралось и на четыре-пять возов сіна, так что Білогорка мог выдержати одну коровицу. А в орючей землі посіял кукурузу, посадил фасулю, капусту и картофельєв, так что Оріховица доставляла почти все нужное для содержания его семейства; крім сего, из фруктовых деревьев получал кое-какія деньжонки да и иміл небольшую пензію; и так Константін Білогорка мог честно просуществовати и проводить порядочную жизнь.

Семейство Білогорки было трудолюбивое. Он сам непрерывно трудился, не брезгал ни косою, ни мотыкою, а особенно славился тім, что наметет формистые стоги. Супруга Костя была тоже очень порядочная хозяйка. Огородок єя можно было назвати примірным. В нем водилася морковь, петрушка, лук, чеснок, огурцы, рідька, салат, мак и прочія растения, которыя необходимы в домоводстві.

Лізенька занималась особенно шитьєм. Она была в городі и там точно обучилась сему искуству. Она шьет и на отца, и на мать да, бывало, принесут кое-что и из села; и Лізенька своєю машиною и своїми руками заработает себѣ на башмаки и на одежду. А была у ней всегда порядочная одежда, что и свидѣтельствовало о єя приліжности. Бывало, шьет и запоет своїм соловьиным голоском русскую пісеньку, которая и отражается ото всіх деревьев Оріховици.

Конечно, тому, что Кость Білогорка не разорился, с одной части были причиною и честные жители Яблоновки. Они не токмо передали єму в аренду Оріховицу за мелочныя деньги, но не переставали бити єму и к услугам. Бывало, нужно разорати – яблоновчане пустятся и разорют даром; нужно подкосити траву – яблоновчане подкосят; нужно вывезти навозу (*гною*) – они вывезут; нужно палимых дров – они привезут и все сдѣлают, чего ни попросит – а все даром, развѣ кто-то выпьет рюмку паленки. Все это была значительная поддержка, помощью которой старенький Кость изо дня на день почтительно проживал и, сміло можно сказати, проводил дні свої лучше, чім дѣйствительный дяк и учитель Аладар Небораки.

Дочери Константіна Білогорки было уже двадцати літ. По причині єя необыкновенной кротости, єя приліжности, трудолюбія и повсюду

провозглашенной красоты было много охотников, которые желали соединить жизнь свою с ней. Но Лізенька не имела никакой охоты выходить замуж. Она слишком была привязана к своим дорогим родителям, чтоб могла решиться оставить их. Особенно с тех пор, как ее старый отец вышел в отставку, и она прекрасно поняла, что своею молоденькою силою должна поддерживать немощ и слабость своих родителей; но не выходила она замуж и для того, ибо еще ни к кому не почувствовала сердечного расположения.

Лізенька еще была из тех давних девушек, которые научились дома азбуки от своих отцев, а шить, прясть, ткать, варить, ходить около кур, гусей и качек от своих матерей, и которые научились нравам из закона Божия.

Днешние дяковские девушки уже не такие. Их обыкновенно везут в город для воспитания. Помещают на квартиру у какого там городского ремесленника, ибо поместить на порядочное место не хватает средств; у такого ремесленника делаются девушки настоящими карикатурами, ибо теряют свою природную деревенскую простоту и наделяют какие-то смешные, то из ремесленической грубости, то из превратных городских мод, смешанные нравы. Из квартиры ходят они обыкновенно на лекции в пансион или городские школы, где в обществе с жиновочками и невірками теряют последнюю прелесть – религиозное чувство. А если припомнута, что, чтобы показаться настоящими мадярками, станут ломать мадярский язык с русским акцентом и произношением, лишь тогда они представляются настоящими карикатурами и смешными.

Не така то была Лізенька. Она выучилась у своего отца грамоте, дышала всегда здоровым деревенским воздухом, нравам училась из катихизиса, питалась всегда здоровою простою пищею, одевалась хотя и не по мужички, но попросту, находилась всегда в обществе простодушных, благочестивых людей; для чего по здоровой внешности ее разливалась природность и простота, которая показывалась тем очаровательнейшею, чем простейшая и невиннейшая жила в ней душа.

Впрочем, наружность у Лізеньки приблизительно была таковая. Средний рост, гибкий, не то тонкий, не то толстый, но во всяком отношении крепкий стан. Руки, ноги кругленькие, личико продолговатое с порядочным носом, розовыми полными щеками и маленькими, как ягоды, губочками. Глаза ее были, как небо голубые, покрытые богатыми русыми бровями. В этих глазах, глядящих невинностью и добротою, как в зеркале отражалась вся ее добрая детская душа. Волосы были богатые, ясно желтого, как лен, цвета. Богатые косы ее спускались по спине пониже пояса. Кроме сей наружной красоты, в Лізеньке находилась и

красота внутрення. Прежде всего была она побожна: не было богослужения, которому бы она не присутствовала; а приходила она в церковь не для того, чтобы пред людьми показывать свою красоту и свое убранство, как это так часто водится; но приходила в церковь, чтобы побыти с Богом, чтобы помолиться. А как она молилась!? От души, от всего сердца. Бывало, ничего не слышит и не видит, а сольется с Богом в горячей молитве. В такой час в очах ее сияет небесный огонь и катятся из них слезы умиления. Лизенька была прекрасна, но в такой час являлась очаровательной, и кто бы посмотрел на нее, почувствовал бы к ней непреодолимое влечение, остановился бы перед ней, как обвороженный. А Небораки как дьяк, всегда присутствующий в церкви, не мог не видеть ее. А что он почувствовал в душе своей!?

Но ее доброта душевная показывалась не только в том, что она любила ходить в церковь и предаваться пламенной молитве. Она любила и благотворить ближним своим. Бывало, услышит, что тот или другой человек болен, она сей час приходит и, хотя и не может помочь, по крайней мере, развеселит болящего и его приближенных своим любезным присутствием.

Лизенька, кроме сего, любила потрудиться; все домоводство ее родителей находилось, по большей части, в ее руках: она сварит, спечет хлеба, повымывает и постирает (*вытерет*) белье, выбелит избу, помывает стол, лавки, посуду, позамасливает стены, печ, пол, так что хижина Константина Білогорки, хотя и бедняцкая, всегда была опрятна, біленька и человеку мило было побывать в ней.

Кроме порядка в хижине, Лизеньку очень занимали и домашние птицы. Она не только накормит, напоит, поразмещивает, посмотрит, которая с яйцом, позабирает яйца, но весною понасаживает и заботится о том, чтобы насидки хорошенько были приосмотрены и порядочно повысиживали своих цыплят. У Лизеньки всегда были самые ранние цыплята, за которые и получала порядочные деньги. Гусей держала она серых, сильных, а утки водились у нее самой крупнейшей породы. Утки ее были так велики, как гуси, да и получала она за них гусинную цену. Из-за домашних птиц получала Лизенька такие порядочные деньги, что покупала на них не только одежду и обувь для себя, но и родителям своим очень много помогала в различных необходимых.

Доброта сердца, трудолюбие и смекалка Лизеньки не могли долго остаться тайною. Яблоневчане знали, какое сокровище таится под кровом Константина Білогорки; от яблоневчан узнали о Лизеньке соседи и неодолема вся окрестность знала, что такое Лизенька. И так не чудо, что у Лизеньки, так сказать, еще в детстве явились женихи. Однако такого,

которому бы она была готова отдать свою руку, между ними не обріталося. Между прочими за Лізенькою приліжно ухаживал красивый и богатый молодец Міша Баранчишин, состоящій учителем в одном богатом селі. Баранчишин был хороший молодой чоловік. Одівался по пански, усилювался подражати панским жестам и манерам, носил твердые воротники на рубашкі и такія же манжеты, обувал лаковые камашлі²⁶, даже надівал перчатки (*рукавички*) и курил папіросы и, чтобы сділатися совсім модным чоловіком, перемінил свое честное русское имя на мадярское *Báranyfi*. Бывало, приходит он в Оріховицу, ухаживает за Лізенькой и распівает своїм барітоном новішія мадяро-жидовскія пісні.

– Не могли бы Вы спіти какую там русскую народную пісенку? – сказала однажды Лізенька. – Еті новомодныя пісні мні так противны. А главное, они не говорят к сердцу. Вот, наприклад, запіли бы Вы мні такую пісенку – и Лізенька зачала своїм слабеньким, дрожащим от волненія голоском:

Коли любиш, люби дуже,
Не кажи никому,
Бо то люде поразносят,
Як вітер солому!

Вітер солому разносит,
Солома дробненька,
Мене люде в зубы возьмут,
А я молоденька!

– Тадь бо сесе русска співанка!
– Та вам русска не мила?
– Та як бы мила, коли тото простацка?
– Ой, та тогда и я вам не мила; відь и я – русская дівка, та, по вашему, и я должна вам быти простачка!

– Боже сохрани! Кобы всі руснаки были такі як Вы, Лізенька, тогда я любил бы руснаков.

– А теперь не любите? Правда, как бы Вы могли любити, когда Вы свое честное имя перемінили на *Báranyfi*?

– Я то сділал из газафішагу! (*патріотізма*)²⁷.

– Извините, господин Баранчишин, – предо мною вы всегда будете

26 **Камашлі**, авадь **камашні** – російськ. «штиблеты» (зазначка вишорителя – В. П.).

27 **Газафі; Газафікшаг** (из мадяр. *hazafi; hazafikság*) – русин. «патріот», «патріотізм» (зазначка вишорителя – В. П.).

Баранчишиным. Кто свое не любит, тот не может быть патриот или, как вы называете, «газафі»; відь порядочная любовь начинается от самого себя и от своїх!

– Вы, Лізенька, не знаете, как течет днешній світ! Если бы я не был Bágányfi, в днешнем світі я не мог бы добиться ни до чего. Баранчишина всі преслідовали бы, а как Bágányfi я и сего года получил 30 гульденов, ибо проуказал хороший успіх в обученії мадярскому языку.

– И Вам не стыдно, Вы хвалитесь етім? Відь и Христа продали за тридцать сребренников, а Вы, г. Баранчишин, продали на еті деньги свой материнский язык! Я любопытна, какой успіх проуказали Вы в обученії своєму материнскому русскому языку?

– Какой бы успіх? Того никто не требует, чтобы и русскому языку обучати!

– Но відь того должна бы требовати от Вас любовь к своєму.

– Якая любовь? Разві любить можно таких дикунов, какими состоят наши простаки?

– Тому, госп. Баранчишин, Вы, учителі, причиной, что наши рускіе люди, по вашему выраженію, такіе дикуны.

– Як мы причиною?

– Конечно, вы; відь если вы їх не выучили, то непременно должны были дикунами; каковыми їх выучили, таковы они и есть.

– Та як учить, если ніт книг?

– Это, конечно, не ваша вина, а тіх, которые должны бы старатися о том, чтобы в школах были книжечки; но я так вижу, что русина всегда так учили, да и днесъ так учат, чтобы ничего не знал и, как вы выразитися изволили, остался дикуном.

– Скажите же, Бога ради, Лізенька, что с ними ділати, если и через місяц не могу їх выучить пропіти: «Hazádnak rendületlenül!»²⁸

– Если бы ета пісня была составлена по русски, то я увірю Вас, что діти научились бы ей через два-три дня. А по мадярски не понимают, для того и не могут выучитися!

– Да відь и сойку можно выучить нискольким словам, а етіх безмозглых пуголовков ничему не выучиш!

– Ну, госп. Баранчишин, я не предполагала найти в вас такую ненависть к тім людям, из которых вы живете и которых имієте честь быть учителем!

– Прежде всего, я не считаю никакою почестью для себя, что я

28 «Hazádnak rendületlenül» (мадяр.) – «Ваша отцознина хитка...»; первый шорик из патриотичного гімна «Szózat» – «Воззванія», 1826) мадярського поета Мігая Верешмарті (1800–1855) (зазначка вишорителя – В. П.).

состою учителем полудиких русначков; во вторых, извиніте, Лізенька, я не «Баранчишин», а «Báranyfi»!

– Как? Возможно ли это? Я никогда не предполагала о Вас, что вы могли бы отречися от собственного отца!

– Я не отрекся от отца.

– Да відь ваш старенький отец, котораго мы прекрасно знаем, не «Báranyfi», а Баранчишин и так, если вы сділалися Báranyfi-см, то кинули проч имя своего отца, значит – отреклися своего родителя!

– Ах, оставте, Лізенька, еті вещи; я не отрекся своего отца, а перемінил свое имя на мадярское, ибо так надіюсь преуспівати и устроити свое счастье!

– Так? Слiдовательно, по вашему убiжденію, для того, чтобы устроити свое счастье, чоловік может сділати какую бы там ни было мерзость? Тогда в настоящій поганский вік можете статися и поганином! Не стыдно ли вам?

– Ах, я не об етом пришёл поговорити с вами, Лізенька: я должен объяснитися с вами!

– Какого вам нужно объясненія; я так думаю, что ни в чём не провинилася против вас?

– Вы жестока, Лізенька!

– Такой упрек я слышу в первый раз от вас.

– Но вы жестока именно ко мні.

– Это удивительно, відь я, прямо сказати, и не знаю вас!

– Відь в том-то и состоит ваша жестокость, Лізенька.

– Сударь мой, говоріте ясно! – сказала с достоинством Лізенька.

– И так вы позволяете, чтоб я говорил?

– Да відь я не вправі запрещати вам говорити, пока находитесь между границами приличія.

– Лізенька! Я давно люблю вас; желаете ли быти моеї женою?

– Ах, это уже вышло из-межи границ приличія! Я так думаю, что ни одним намёком не дала вам повод к тому, чтоб вы могли мні предлагати подобныя вещи.

– Лізенька! Вы хотите сділати меня вiк несчастным!

– Счастливы ли вы или ніт, мні какое діло? Но вслiдствіе вашего предложенія я должна объявити вам, что супругою Баранчишина я ещe, чей, и могла бы быти, но супругою Báranyfi-я – никогда.

– И так я сділаюсь опять Баранчишиным.

– Ах, какая мерзость! Стало быти, вы готовы и имя, и убiждения, и нравственныя начала своi мінати, словно какую там рубашку. Таким

образом, из нікоторых видов впослідствії вы могли бы перемінити и меня в другую. Я того знести бы не могла.

– Ах, знаю я, знаю! Вы, Лізенька, пренебрегаєте учительским становищем: вы не бажаєте бути учительшею.

– Я високо уважаю учительское становище; мой отец тоже был учителем; но таких учителей, которые сділались измінниками своего рода, которые за якіе там жалкіе пятнадцать, двадцать или тридцать гульденов вынародовляют наш народ и перетворяют его в посмішище (*карікатуру*), которые отказавшись своего отца, переміняють свої имена, таких жалких учителей я презираю и ни за что не могла бы судьбу свою повірити їм!

– Я не знаю, Лізенька, откуда вы набрались ныні таких сумасбродных мыслей; відь днесь каждый в том ділаєт, чтобы сділати жизнь свою приятною, а не станет гонитися за такими пустяками, которые лиш одно несчастье могут взвалити на его бідну голову!

– Да відь и в первые віка христіанства христіанство лиш несчастье приносило своїм послідователям: христіан имали, сажали в темницы, били, мучили, жгли огнем, топили в морі, убивали на смерть; а истина, однако, восторжествовала. И тогда обіщали богатства, почести, славу тім, кто откажется от Христа; однако истинные послідователи Христо-вы остались вірными своему Учителю и Господу, и только бесчестные отрекались от Него.

– И так мні ніт чего надіятися у вас, Лізенька?

– Я обявила вам уже. Мое рішеніє неизмінимо, как мої взгляды и убіжденія. К такому чоловіку, который міняєт свою народность, свое честное имя, свої убіжденія и, бути может, позднійше измінит и вірі своей, не удивительно, что не могу иміти расположенія.

– Быти может, вы подарили уже свое расположение кому-нибудь?

– Это уже мое діло. Впрочем, не рассердитесь, если на етот нескромный вопрос останусь в долгі с отвѣтом! Прощайте!

И Лізенька оставила в недоумінії Мішу Бараньфі.

«Странная дівушка. Она кинула мні в очи, что я измінил своему народу, что даже отрекся своего Отца. И я принужден признати, что она сказала сущую правду. Ужасное положеніє! Чоловік краснієт от стыда. Мы затаиваем свое происхождение, свою русскую річ, изміняем отцу и матери, даже переміняем свое имя, чтобы никто не узнал, по край-ней мірі, по нашем имени, кто мы таковы! Крім сего силой силечной силимся вынародовити наше младшее поколініє и принуждаєм оноє, чтобы измінило отцу и матери, чтобы позабыло свою материнскую річ. И за такую услугу получаем по пятьнадцать-двадцать гульденов! Не

Іудини ли ето сребренники, за которые продал Христа? Ужас, ужас! И эта сельская дівушка все ето поняла прекрасно и кинула мні в очи! Понятно, что она послі сего не желает быти моєю женою. Уйду. Мні стыдно встрітисся с ней!» – И Бараньфі вышел из комнаты.

Не долго нужно было ожидать и Лізенька вновь вошла в комнату.

«Здїсь ніт никого. Баранчишин вышел. Я, чей, и обиділа его? Одно-ко обижати его не слідовало! Он иначе симпатічний молодой чоловік. Если бы у него не гоньба за удобствами и почестями, которая часто затемняет рассудок, он мог бы быти непослїднім молодым чоловіком».

– Но вот кого я вижу, кто приходит сюда. Неборакі! Ну, еще сего не доставало; не понятно, чего он хочет.

Дверь комнаты отворилась и, в самом ділі, вступил Неборакі.

– Здравствуйте, Лізенька; я давно не бывал у вас, извиніте, что я осмілился видітисся с вами!

– Ето настоящая правда, что вы давно не были у нас; но мы не удивляемся тому, відь люди так говорят, что вы ненавидите нас.

– Ах, чего бы не говорили еті люди! Для чего бы я вас ненавиділ? Відь вы не сділали мні никакого зла.

– Я так думаю, что зла мы вам не сділали; но ето уже обыкновенно так бывает, что наслїдники не симпатізіруют с предшественниками.

– Но я из нетаковских, чтобы без причины сердчати на кого-то.

– И причина, если хотите, могла бы найтисся.

– Какая?

– Та вот такая, наприклад, что мы были довольны учительскою квартирой, а вам она – хотя вы лиш один – не удобна; вы хочете её вымалелвати, выпаркетовати пол, снабдити шалугатрами и проч... відь все ето было бы прекрасно, если бы только можно было сладитисся с людьми.

– В самом ділі, я удивляюсь, как ваш батюшка мог провести весь свой вік в такой просто мужицкой (*простацкой*) квартирі; такая відь квартира не для пана, а для простяка!

– Та вот видите, госп. Неборак, мы лучше притерпіли біді, чім бы дразнились с народом. Я совітовала бы и вам: не ссоритесь из-за пустяков с обывателями, ибо из етого, вірьте мні, пользы для вас не будет!

– Извиніте, Лізенька, я не для того учился, кончил учительскую семінарію, издавал матуру, чтобы наконец жити в «простацкой кучі»!

– Ах, госп. Неборак, если бы только в «простацкой кучі» было чистенько и опрятно и если бы было что – как говорится – «крышити в молоко»!

– Прежде всего, прошу не называти меня Небораком; я – Neboráky.

– Ніт, госп. Неборак, ніт, я не могу предполагати о вас такой неблагодарности, чтобы вы могли отказаться от своего собственного отца. Если ваш отец был Неборак, то и вы – Неборак!

– Ніт, я не Неборак; за 50 крайцаров мні дозволено, чтобы я писался Neboráky.

– Ну, это в самом ділі чудесно. Ваш отец был Неборак, а вы уже Neboráky! Но предо мной вы всегда будете Небораком, да еще каким Небораком!

– Вы смієтєся надо мною, Ліза!

– Для чего не сміятєся, если самі ділаєтє себя смішным? Ну, скажите, когда будут ваши комнаты вымалеваны!

– Чорт его знает! Окаянные дикуны (кабаны) не хотят малевати, а поп тоже с ними, єму не хочется видіти, чтобы учительская квартира была похожа на его палату. Должно хорошо звати наших попов. Это самый завистливый сорт людей.

– Извиніте, госп. Неборак, наш отец духовный всегда усиловался двинути вперед діло учителей. По крайней мірі, к нам всегда оказывался благосклонным.

– Показывался, если вы всегда были к нему покорны.

– Да відь это так и нужно, відь отец духовный єсть нашим настоящим.

– Может быти, вашим и был, но моім – ніт!

– Не понятно, кто же ваш настоятель?

– Királyi tanfelügyelő²⁹.

– Ну, я того еще и не знала, но мні это не вірится.

– Вірте иль не вірте; а я попа никогда не стану считати своїм настоящим!

– Удивляюсь такому вашему взгляду. Однако священника охотніє можно бы признати своїм настоящим, чім tanfelügyelő-ва.

– А то почему?

– Та хотя бы и потому, что священники образованніє, кончили больше школ, чім нікоторые из школьных надзирателей.

– Что-о-о-о вы говорите, Ліза?

– Настоящую истину. Видите, школьный надзиратель обыкновенно назначается из сельских учителей. А какія школы кончили еті учителя? Четыре нормы и препарандію; между тім каждый священник должен кончити гімназію, издавати экзамен зрілости, кончити через четыре года богословіє – та где школьскіє инспекторы кончат только школы?

29 **Királyi tanfelügyelő** – корольський інспектор народних шкіл (зазначка *вшоритєля* – В. П.).

– Може бути, і не кончат; но назначає їх сам міністр.
– А священников поставляють владыки.
– Та що владыка? Кого тепер боїться від владыки?
– І не должно боятися, а должно їх чествовати, ібо вони отці наші і наслідники Апостолов.

– Пусть там и будут, но мой Господин и настоятель – ето міністр и школьний надзиратель! Но я не для того пришел, чтобы мы о таких пустяках спорили; я пришел к вам с ділом.

– Любопытна, с каким?

– И вы не можете угадати?

– Что угадывать? Я не могу и представить собі, какое бы у вас могло быти со мною діло?

– Какое? Да відь я – молодой чоловік, а вы – дівушка.

– Да, вы – молодой чоловік; однако, кто на вас посмотрит, думал бы, что вам уже минуло пятьдесят літ!

– Та что на мні показывает такой вік?

– Посмотрите в зеркало и увидите!

– Ето кажется только вам, Ліза; но и ето достаточно досадно для меня.

– Вірьте, что у меня превосходный глаз: я вижу вірно!

– Пусть и так, ето однако не будет мешать мні, чтоб я открыл пред вами свою душу.

– Ваша душа мні и без того открыта; то, что я вижу в ней, то не очень лестно для вас!

– Ну, расскажите-ка, что видите!

– Не желайте того, ето могло бы обидіти вас!

– Не думайте того, Ліза, что я так обидчив! Скажите, прошу, я дорожу вашим мнінієм!

– Та вот прежде всего я вижу, что вы – невіруючий, вы не хотите знати даже Бога!..

– Прельщаетесь, Ліза!

– Иначе вы не сміли бы святотатственно исповідывать людей...

– Ах, кто вам такую баснь наговорил?!

– Я так читаю в вашей душі! Во вторых, вы чоловік очень честолюбивый: вам не хочется жити в скромной избушкі, вам нужно палаты!

– Ніт, я желаю только жити в таком домі, какой соответствует образованному чоловіку.

– Во третьих, вы чоловік непокорный, вы не хотите знати старшего себя!...

- Конечно, я храню свое учительское достоинство.
- Даліє, вы чоловік жестокий. Вы обрачаєтесь свиріпо и с такими ніжними тварями, каковы школьные діти!
- Неужелі буду терпіти їх своєволю и необузданности?
- Наконец, вы чоловік скупой, льстивый и мстительный.
- Ах, ето уже нестерпимо, вы меня обижаєте!
- Ну, не сердитесь, вы сказали, что не будете сердитися, иначе я бы не говорила с вами столь откровенно!
- Но вы все-таки шутите, Ліза; вы не можете считати меня столь злым чоловіком.
- Ніт, шутити я не звичкла. Впрочем, то, что я сказала, оснований на фактах, которых отрицати невозможно.
- И так, если я в ваших глазах такой злый чоловік, мні невозможно леліятися надеждою, что я сумію отыскати ваше расположение?
- Ах, для чего вам нужно мое расположение?
- Та вот, Ліза, я рад бы, чтобы мы жили в дружестві.
- Ето хорошее слово; відь всі люди должны жити в дружестві; врагов иміти не должен бы никто.
- Но етого мні еще недостаточно; я очень дорожил бы тім, если бы вы, Ліза, почувствовали ко мні симпатію.
- Для того должны бы вы были не Neboráky, даже не Небораком, а совсім другим чоловіком.
- И так у меня невеликая надежда на то, чтобы мы могли вмісті провести ету земную жизнь!
- Как вам могла такая мысль прийти в голову? Иль вам не извѣстно, что я совсім простая дівушка, а вы – «пан»?
- Конечно, Ліза, я пан учитель, но я хочу и вас сділати «паньєю».
- Для того у вас недостает средств, а знаєте ли, что ніт ничего пуще от «ряндаваго пана»?
- Но я не буду «ряндавым паном», у меня порядочное положение.
- Приносящее вам до триста гульденов ежегоднаго дохода! Ах, государь мой, из триста гульденоваго дохода не можно еще паніти!
- Но есть надежда, что будет і чотыреста.
- Из чотыреста гульденов тоже не можно паніти, а можно только очень скромно жити. Наши днешніе учителя, по большей части, разоряются, а разоряются они для того, ибо начали жити выше своїх средств, начали паніти.
- Чоловік должен жити состоянію своему соотвітственно, иначе утратит всякое уважение.

– А если превозносится, если ему нужны малеванныя комнаты, панская мебель, панская кухня и проч., а в кармані ніт ни гроша, тогда, очевидно, становится смішным.

– Ліза! Сділайте меня счастливым, соедините с моей свою судьбу!

– Я от души желаю вам полного счастья, но соединяти свою судьбу с вашею я рішительно не желаю. Я никогда не могла бы довлетворити вашим високомірним вимогам, и так не могла бы осчастливити ваши дні. Вы – «пан», выбирайте себi панскую дівку; а я простая, не заслужила того, чтобы вы обращали на меня внимание!

– И так, это хочет быть отказ?

– Рішительный отказ, сударь мой!

– Замітьте Ліза, что я не такой чоловік, который бы сей час готов капітуловати; я, несмотря на ваш отказ, не перестану преслідовати свою ціль! Рано или поздно, а вы будете моя.

– Еще бы!

– Я до тiх пор не успокоюсь, пока не достигну ціли. Вы, Ліза, еще не знаете, кто таков Neboráki!

– С этой стороны я вас еще не знала, но теперь вижу, что у вас есть порядочная доля безочливости. Очень обяжете меня, если не станете дальше затрудняти меня своїм присутствием.

– Я до тiх пор не пойду, пока не получу от вас поцілуя!

– Убирайтесь! – сказала с гнівом Ліза.

Небораки подскочил с наміренієм, чтобы поціловати Лізу, но он не успіл наклониться, как почувствовал на щекі порядочную пощечину и очнулся сам в комнаті. Лізенька, как птичка, выпорхнула.

– Ну, эта дівка в самом ділі выстроила надо мной! Я еще никогда в весь вік свой ни от кого не получил пощечины: а должно признаться, получил её теперь, и то от одной сумасбродной дівки. Подожди немножко, моя пташенька, я отдам тебi долг! Клянусь, что не останусь твоім должником. Чтобы одна дівка восторжествовала надо мной, ах, этого я никогда не мог бы снести! Попадеш ты, умница, еще в мої руки и вряд ли высвободишся из них в цілости. Но что медлю я здісь в этом мужицком домі? Прочь отсюда, здісь и так не мог бы я восторжествовати!

И Небораки, как сумашедший, выбіг из комнаты.

– Богу слава, что ушёл. Я никогда не виділа еще такого противнаго чоловіка! Не стану чудоватися, что у него такая отвратительная внішность; відь в гадком тілі живет такая же гадкая душа. Этот негодяй измiнил отцу, который дал ему жизнь и воспитал его; измiнил Богу и вірі своей, иначе не дошёл бы до такого святотатства, как при-

ниманіє ісповіди віруючих. Он високомірен, ему нужны расписанныя комнаты, барское обзаведеніє: шалугатры, шпаргерды, паркеты! Бідный дяк, как не в состояніи сжитися со своїм положенієм! И вот чего он не задумал, он хотіл бы, чтобы я была его женой! В самом ділі, непонятно, одкуда вдруг такое снисхожденіє? Чей, жаелает овладіти мной, чтобы послі мстити мні за ті терпкіє уроки, которых не станеш куповати от меня на деньги. Но я хорошенъко выплатила его; не думаю, чтобы он скоро забыл про мою рученьку!

** *

Над небосклоном Неборакі зачали появлятися чорныя облака. Громадяне, которым он всіми зависящими от него мірами досаждал, просто сбунтовались против него и стали подавати прошенія то к благочинному, то к королевскому інспектору против своего учителя. Между членами громады самым завзятым врагом учителя показался Юска Гриць, который никак не мог забыть, что Неборакі поколотил его Петрика.

Впрочем, не только Юска Гриць вооружился против Неборакі; цілая громада подала против него жалобу. В сей жалобі ввоздили громадяне против Неборакі много обвиненій. Между прочими писали они, что Неборак бьет дітей во школі; что не учит дітей, а оставляет їх самих на себя; что не присутствующих объявляет несправедливо, ибо о тых, которые ему приносят подарки, не объявляет; что дітей употребляет для разных работ, что не проуказал ни малійшаго успіха; что дяковскія свої обязанности исполняет очень небрежно: в церковь ходит ліниво, богослуженіє отправляет не по типіку, а половину служб Божьих оставляет; что в церкви ведет себя неприлично: кричит, ругает; что, наконец, у него нестерпимо крикливый голос, который в вірующих не может возбудити умиленія; напротив, приводит к гріху, ибо невозможно не засміятися, когда он начнет на кліросі кукурікати.

Для того, чтобы узнать, что в сих жалобах справедливо, єпархіальным начальством было определено слідство, для предпріятія котораго был назначен благочинный с одним священником в качестві письменоводителя.

Неборакі, когда услышал, что против него єпархіальным начальством назначена інквізіція, презрительно улынулся и сказал: «Ой, я от попов не боюся; мні попы не будут росказовати, а славная міністерія». Но, несмотря на еті слова, Неборак однако размышлял, что ему отвітати на взводимые против него «пункты».

Наконец, день для інквізіції был назначен. В село прибыл Єго Высокопреподобіє о. благочинный с своїм письменоводителем-священником,

которые и заняли квартиру в приходском домі. О. Нюхемович, нечего говорити, принял гостей с обыкновенным гостеприимством. Вечером был подан роскошный ужин, при котором пилося отличное вино, а после ужина о. Нюхемович принес карты и зачалась сначала очень скромная, но скоро превратившаяся в азартную игра в «ферблю». Около полуночи карманы и отца благочинного, и его письмоводителя оказались пустыми, а отец Нюхемович с самодовольною улыбкой объявил, что ему все издержки ужина заплачены, а отец благочинный и его письмоводитель как-то не могли спать, только обращались на своих постелях. Утром сказал благочинный:

– Amice, amice, зажените церковника (*пономаря*) за Юска Грицем, тай за дьяком, та и за другими громадянами!

Громадяне стали потихоньку являтися, явился и Юска Гриць.

Только Аладара Небораки не было. После завтрака, состоящего из кофе с превосходными сливками (*сметана*), о. благочинный вышел и спросил, прибыли ли все?

– Громадяне тут все, пан наместник!

– А дьяк Аладар Небораки пришел?

Пономарь отвечал:

– Неборак так сказал, что он придет лишь так, кедь ему принесу цитацию от ярашбирова, бо наместник ему не голова – ему має розказовати лишь министр!

– Ну, та кедь не придет, та мы обойдемся и без него. Та скажите, честные люди, что máte против вашего дьяка и учителя?

– Та, пан наместник, – сказал Юска Гриць, – тот не дьяк, а еретик.

– Так е, пан наместник! – заговорило несколько голосов.

– Який еретик? – спросил о. благочинный.

– Та, пан наместник, он в Биксади, на отпусті, брав на себе епитрахиль та сповідав людей.

– Як бы то могло быти?

– Ой, тот так, пан наместник!

– Отец Гумен написав о сем и протокол.

– Та кто сесе видів?

– И я видів, – ответил Юска Гриць, – и наш старый дьяк видів.

– А я му ся сповідала, – ответила одна старенькая баба, – тай дала-м му на службу золотым.

– Та як есь ся му сповідала? Та ты не знала, что то не священник?

– Вечер был, пан наместник, я го не впознала, и не мож го было впознати, бо якоесь замастив собі лице, а бавусы заліпив.

– Та пак чому го не поймали?

– Хотіли имити, айбо утік, як увидів, что упознали го.

– Та кто го видів из-межи вас?

– И я.., и я.., и я.., – отвітило до пять голосов.

– А готовы вы на то присягнуть?

– Я готов, – отвітил Юска Гриць.

– И я готова, – отвітила старуха.

– А вы, Білогорка?

– Я его виділ, – сказал старый дьяк, – но он был замалёванный, та присягати не могу, что тото воистину был Неборак.

– Миркуйте, люде, говоріте истинную правду, бо будете присягати!

– Я готов присягнуть: я го упознав, мене фіглями не мож обманути, – сказал Юска Гриць.

– И я го упознала по голосі, Бог бы го побив – та од мене, бідной, взяв золотик!

– Ну, горазд, – сказал благочинный, – то великое діло, – запишем в протокол.

В протокол было заведено, что Неборак брал на себя епітрахіль и в Биксаді исповідал людей. Свидітели приведены к присягі.

– А то ци правда, – вопрошал благочинный, – что в школі бьет дітей?

– Правда, и мого Петрика побив, – отвітил Юска Гриць.

– И мою Анцьку... И мого Мішика... И мого Иванка... И мою Юлу... И мою Марьку... и проч., – отвітили многіе.

– А готовы вы на сіе присягнуть?

– Готовы, готовы всі.

– А то ци правда, что берет подарунки и не по справедливости выписует не ходящих в школу?

– Правда, правда. Медвідин и раз не був, а того не вписав; не був и Малинин – и того не вписав.

Приведено нісколько приміров.

– А то ци правда, что дітей заставляєт полоти, копати, даже дрова рубати?

– Правда, правда! На то всі можеме присягнуть.

– А то ци правда, что в церков ліниво ходит?

– Об етом, во первых, должен я дати показаніе, – отвітил о. Нюхемович.

– Конечно, Ваше Преподобіе наилучше знаєт, сколько в сем ділі правды!

– С прискорбієм я должен отвітити, что мой дьяк Аладар Небораки, что касаетя богослуженія, в наибольшей мірі лінив. Я почти без

изъятія всегда принужден ожидать при святом престолі, пока пану Небораки схочется встати с постели и прийти в церковь. Были даже и такіє случаї, что мой дяк Небораки мні просто в очи сказал, что не придет на службу, ибо ему нужно ити в город по своїм ділам. Я службы Божїи не раз и не дважды был принужден отправляти с простыми людьми. Не будь в Яблоновкѣ ученых людей, я не знаю, с ким бы отправлял богослуженіе.

– И так и сей пункт показуется вірным?

– Совсім вірен и справедлив, – отвітил отец Нюхемович.

– И так слѣдует и его ввести в протокол.

Письмоводитель ввел показаніе отца Нюхемовича в протокол.

– Но есть еще одна вопіющая вина, пан намістник, – сказал Юска Гриць.

– Что такое?

– Тот Неборак зділав себе владыков!

– Як должен я сіе разуміти?

– Та так, что мы не хотіли прияти Неборака; мы хотіли, обы у нас остався наш давній дяк Білогорка, та мы ходили селом до владыки, а в вароши, ци знаютъ, пан намістник, кто нас приймав? Та Неборак! Взяв на ся якісь там червені лахи, та выдався за владыку; а нас ид владыці и не припустил. Сесе великое соблазнительное діло. Сесе ціла ересь, прошу за ласку, пан віцархїдікун!

– Ой, тото великая ересь, просиме, обы един дяк выдався за владыку та брав на себе архіерейскі одежды!

– Відь, если брал на себя епітрахиль, – отвітил благочинный, – и исповѣдал людей, для чего бы не брал и архіерейскія одежды? Видно, что, если все сіе правда, та нїт у него никакой совѣсти.

– Просиме, най мають ласку, пан віцархїдікун, – сказал куратор, – най од нас берут дяка Неборака, бо я боюся, что люде вымечут го вон из дяковни! Что громада написала на нѣго, то вшитко правда. Мы не хочеме, чтобы еретик нам на кліросі співав, и того не хочеме, чтобы учив наших дітей, бо щи понаучует їх какой-там ереси.

– Вижу, – сказал благочинный, – что ненависть ваша к Небораки превышаетъ всі міры; вижу и то, что вы не без основанія огорчилися противъ вашего «півцо-учителя»; однако я сам не имію власти отстранити его от вас; но все діло вірно предложу Его Преосвященству епископу и надіюся, что владыка исполнитъ ваше желаніе, ибо Небораки между вами не можетъ с успѣхомъ дѣйствовать.

– Дякуєме, пан славный віцархїдікун! Чей, Бог поможетъ нам освободитися от сѣго еретика.

– Однак, гді єсть госп. Неборакі? Я должен выслухати и его. Что он скажет на взведенныя против него обвиненія?

– Тот не хочет придти, – отозвался Савко Гриць, бо єму никто не розкажує, крім міністра.

Однак Неборакі, наконец, рішил явитися пред благочинным, но боліє по любопытству, чім по повиновенію.

Благочинный с своїм письмоводителем и с отцем Нюхемовичем вошли уже в комнату, как услышали, что кто-то кріпко застучал о дверь.

– Войди! – раздался голос благочиннаго.

Дверь распахнулась и пред изумленными священниками предстал господин Неборакі с папіроскою в руці.

– Покорный слуга, – сказал он, – накрививши немножко поперек и руку, и поставивши себя в достаточно смішную позу.

– Как вы вошли сюда с папіроскою в руці? Иль вы не знаете, что стоите пред своїми настоятелями?

– Мой настоятель tanfelügyelő, прошу, господин Благочинный; а сюда я пришёл лиш для того, чтобы узнать, что набрехали на меня еті дикуны?

– Видите, госп. Неборакі, если бы я вошел в вашу комнату, я не сміл бы держати папіроску в руці и не велся бы так по гробіански! Как могут діти учитися от вас приличію, если вы сам даже понятія не имієте о приличіі?

– Я ни от кого не стану учитися приличію!

– Против вас подали громадяне обвиненія, а еті обвиненія вірны, ибо достовірность їх доказана людьми под присягою.

– Ето все брехня; впрочем, против меня имієт провадити слідство «танфелудьелев».

– Да відь вы приспособлены в конфесіональной школі, слідовательно, ваш главный настоятель – єпархіальный єпископ!

– Я не признаю над собой, крім міністра, никакого другаго настоятеля.

– Стало быти и парох вам не прінціпал?

– Мой прінціпал – «танфелудьелев».

– Ну, если так, тогда нам нечего с вами говорити. Выберайтесь вон!

– Выйду, если схочу.

– Выберайтесь! Мы не должны здісь слухати ваши грубости.

Неборакі пустил густой дым из своєї папіроски.

Письмоводитель, который єдва здерживал уже в собі порыв гніва и который был чоловік сильный, отворил дверь, хватил Неборакі за воротник и выбросил вон.

– Ну, смотрите, что творят обманщики народа! Но недолго уже мутите воду и вашему господству приближается конец! В том ніт сомнінія, что еті чорные люди очернят меня везді, куда-только досягнет їх рука, но и я не из тых трусов. Я очень хорошо знаю, как захищати свої інтєресы. Не надо медлити – прямо вперед к «танфелудьелеву!»

И Неборакі сей час отправился к королевскому інспектору народных училищ.

Інспектор был прежде гді-то органістом и учителем. И поелику господа плебаны с органістами обращаются не особенно віжливо, а смотрят на них свысока, как на своїх подчиненных, то, разуміється, и органісты не могут питати особенную приязнь к плебанам. Для чего и королевский інспектор, бывший прежде органістом-учителем, ненавиділ плебанов, а уже ета ненависть как-то інстинктивно перешла на всякоє другое духовенство безразлично.

– Ну что за новость, господин Неборакі? – сказал інспектор, когда сей, задыхаясь, вступил в его кабинет.

– Не хорошо, Ваше Высокоблагородіє, – отвітил Неборакі, – попы наміряют зїсти меня!

– Ну, не должно испугатися; відь у попов уже достаточно притуплєны зубы!

– Однако благочинный гді-то объявил, что я не могу быти дальше в Яблоновкі учителем.

– Та что-такое случилось?

– Та вот, Ваше Высокоблагородіє, дітей держу я строго, неприсутствующих объявляю для штрафа; ето не полюбилося яблоновчанам та они и написали к єпископу против меня жалобу. Єпископ выслал благочиннаго с письмоводителем, а еті понаписывали против меня небывалыя вещи; а ето все сділали для того, ибо я помадярщил свое имя и усилиуюсь сділати своих учеников настоящими мадырами. Разуміється, такая моя діятельность не нравится москвофілам; и они рішили выгрызти меня из Яблоновки.

– Если только в сем біда, то ніт чего боятися!

– Я пришел просити Ваше Высокоблагородіє, чтобы заступили меня, обижаємаго; відь єсли бы моім врагам удалось поставити на своем и меня выгрызти из Яблоновки, то тім діло мадыризації на цілоє столітіє отодвинулося бы назад.

– Я вас прекрасно знаю, госп. Неборакі, и можете быти удостовірены, что во мні имієте хорошаго друга, который не упустит с вида ваши інтєресы, которые тут вмісті інтєресы мадыр.

– Очень благодарен, Ваше Высокородіє, за еті ободряющія слова;

примите моє тверде обіщання, що всіми силами буду дієвувати в том направлєнні, чтобы всі мої ученики сділались просвіщенными мадярами.

– Надіюсь, не забудете о сем прекрасном обіщанні! Впрочем, это от вас и ожидается.

Неборакі раболіпно поклонился и вышел из кабінета інспектора.

И так Неборакі с большими надеждами на всемогущее покровительство інспектора отправился домой. Єму и на ум не приходило, что он может потерять свою учительскую должность, відь інспектор заступится за него у міністра, а без согласія міністра он отстранен быти не может. В городі нанял он собі извозчика, выпил какой-то сивухи и, припівая, сядился на повозку.

Когда о. письменоводитель выбросил из комнаты Неборакі, в порыві гніва произнес:

– Ну, виділи ли Вы гді-то подобную безочливость и такое нахальство? Он пред своїми настоятелями в чиновственном поміщеніи позволяет собі курити папіроску! Я не понимаю, как воспитывают днесь етіх препарандистов!

– Как воспытывают? – возразил о. благочинный загадочно. – Прежде всего не знают ничего. Новійшіє дяко-учителі совсім не соотвѣтствуют своему назначенію. Они не дяки, відь ни піти на кліросах, ни из порядка или послѣдованія богослуженія ничего не знают. У меня в приході тоже один такой молоденький дячек и учитель. С етім чоловіком нельзя отправить даже одну вечерню. Піти не знает, самогласны еше кое-как идут, а о болгарах³⁰, об ірмологіі – ни вісти, ни духу. О том, что такое тропарі отпустительные, как брати на службі кондаки, богородичны – и понятія не иміет; не раз приключается, что запоет «Слава», а послі «Богородиче» или «и ныні», а послі кондак. Еті люди собственно и того не знают, что послі «и ныні» всегда должен слѣдовати Богородичен. Не чудо, что с такими порядками отправляются «чопатыя»³¹ службы и утрени и вслѣдствіе того народ значительно потерял уже свое благоговііе и свою прежнюю привязанность к вірі. Но наши настоящіє учителі не лиш не дяки, они и не учителі. Об етом наилучше свидѣтельствуєт нынішнее состояніе наших школ. Діти обыкновенно ничего не знают. Но как бы и знали, когда и сам пан учитель ничего не знает? Нужно обучати материнскому языку, відь наши учителі ни теорію, ни даже практику не знают своего материнскаго языка. Из граматики ровно

30 **Болгарь** (церк.) – вид простопінія (зазначка вишорителя – В. П.).

31 **Чопатый** (русин.) – російськ. «крязистый», «крепкий»; у переносному значеню: (ніж) чопатый – тупый; (служба) чопата – покуртана (зазначка вишорителя – В. П.).

ничего. Спрашивайте любого учителя, что такое имя прилагательное, что такое глагол, что предложенье, что подлежащее, сказуемое и проч. – и он вытрещит очи и разинет рот! Точно так стоит діло с географією, с естественными науками и проч. Ну, если сами не знают, как могут учить? Азбукі кое-как уміли бы научить, но тут требуется особенная приліжність, а приліжности опять ніт, и так дитя только третьяго, четвертаго года своей школьной жизни добирается кое-как читати. Шість-, семлітнія діти даром сидят в школі. И не научатся ничего кромі: «jó napot»³² или «jó reggelt»³³. Учителі очень прекрасно знают, что от них, главным образом, требуется, чтобы учили мадярскому языку, ну та они понаучивают дітей, как сойки, здороватися по мадярски; а в том и вся академія. Печальны наши просвітительныя отношенія!

– Все это настоящая истина, amice, – отвітил благочинный, – но відь етому помочи не можно.

– Если бы охота, то можно бы и помочи, но біда в том, что у нас никто не заботится народом; народ лиш для того, чтобы было что дойти. Но уже додоили, кажется, приблизился и доенію конец.

– Ну, та какое предложенье подати Его Просвященству о Небораки?

– Та еще спрашиваете? Відь етот негодяй не заслужит быти свинопасом в Яблоновкі, а не то, чтобы учителем!

– Я тоже настоиваю на том, – отвітил о. Нюхемович, – чтобы был отстранен. Но, подумайте, amice, его протезирует Его Высокоблагородіе королевский инспектор!

– Пусть протезирует, – сказал о. письмоводитель, – не станем же мы плекати в лоні своем змій, которыя предприняли уничтожить всю нашу релігійную жизнь, которыя дошли уже до того, что берут на себя спітрахіль и исповідывают наш народ.

– Правда, amice, это уже богомерзкое діло. Гм, чего ділати? Я непременно должен проектіровать Его Преосвященству, чтобы Небораки отдалил из Яблоновки.

– Не только из Яблоновки, но из всей епархіи! Пусть не соблазняет наш вірующій народ.

Предложенье было написано и подписано благочинным, его письмоводителем и містным приходским священником отцем Нюхемовичем.

В консисторіи всі изумились, когда прочитали протокол слідства, произведеннаго против Небораки.

32 *Jó napot* (мадяр.) – добрый день (зазначка вишорителя – В. П.).

33 *Jó reggelt* (мадяр.) – добре рано (зазначка вишорителя – В. П.).

– И так, – сказал один из каноников, – мы дошли до небывалой порчі нравов. Здісь перестало не только всякое уваженіє к духовной верхности, но стало ширитися явное невірїє. Відь отколи ваша єпархїя существует, такого соблазна в ней никогда не явилось, чтобы дьяк дерзнул взять на себя єпітрахиль и принимать исповідь кающихся. Что может быть причиною такого упадка нравов и віры?

– Все это происходит от того непокорного дірєктора препарандїї, – возразил другой каноник, – который нїсколько годов тому назад воспитывал препарандистов в сумасбродной гордыни и внушал їм непокорность, даже презрїніє к духовенству, к своїм прїнципалам.

– Нїт, амїсе, – сказал третїй, – это дунул такой дух временї. Правительство, которое создало свою вину, что предало было забвенїю діло народнаго просвїщенїя, вдруг взяло под свое покровительство учителей, как бы наміряя пополнить свою прежнюю ошибку. Наши малообразованные учителя усмотрїли в сем дїйствїи правительства небывалое до сих пор к себї благоволенїє, стали считать себя протєжируемым сословїем, для чего возгордились и зачали выстраивати небывалыя ділишка; однако, если двух-трех безумцев образумим, все вернется к прежнему порядку. Я с своей стороны предлагаю поступити со всею строгостїю против Неборакі.

– Амїсе, нїт сомнїнія, что кор. інспектор, а с ним, чей, и мїністерство прїймет Неборакі в свое покровительство, а мы не можем «тянути ключку» с правительством. Я совїтовал бы осторожность.

– Когда діло идет о вірі, об осторожности и снисхожденїи и річи быти не может. Для чего же мы тут? Развї допустим, чтобы подобныє негодяї сїяли плевелы и невірїє между вірующим народом? Неборакі оказался врагом церкви, врагом народа; чтобы он остался на своем постї, о том и слова быти не может.

– Хорошо, амїсе, но если мїністерство не согласится, скажите, как его отстранити? Иль вам не извїстно, что мы за гроші продались мїністерству, что без согласїя мїністра єпископ и одного дьяко-учителя от должности отрїштити не может, не в шутку же Неборакі утверждает, что его прїнципал не парох и что он зависит не от єпархїальной власти, а прямо от мїністра.

– Мїністр не станет противитися нашему рішенїю.

– Не станет, если не схочет; а если схочет, то мы даром будем произносить здісь приговор над Неборакі. У этого приговора не будет силы.

– Мы должны ділати свое діло. Неборакі провинился против народа, против своїх настоятелей, против церкви и віры нашей. Все доказано без сомнїнія, он далїє ни дьяковскую, ни учительскую должность

отправляти у нас не может. Если міністру так угодно, пусть назначает его учителем, куда ему угодно. Это мое последнее слово.

* * *

– Жаль, что так хорошо обучал мадярскому языку, – отвітил главный инспектор народных училищ.

– Извините, господин инспектор, следствие доказало, что Небораки не проуказал ни в чем ни малейшего успеха. Ему в голове не обучение детей, а то, чтобы у него были вымалеванные комнаты с шалугатрами.

Послі таких дискусій был произнесен приговор, в смысле которого Небораки был отрішен дяко-учительской должности.

Небораки тотчас узнал о приговоре, он злобно улыбнулся и сказал: «Поповский суд в виду меня не имеет никакой силы. Увидим, что скажет на его министр просвещения!» И Небораки сей час вторично отправился к королевскому инспектору народных школ, чтобы удостовериться о его поддержке.

– Ну, что за новость? – спросил инспектор.

– Плохо, Ваше Высокоблагородіе, консисторія отрішила меня должности!

– Как бы не так?

– Діло так, Ваше Высокоблагородіе. Я лишен кусника хліба.

– А почему же?

– Бог їх знает! Я не чувствую себя виноватым; разві что усиловался распространять просвещение и науку? И сділати своїх учеников настоящими мадярами.

– Да відь это всё похвально.

– И я так думаю, Ваше Высокоблагородіе; все это должно быть похвально пред каждым просвещенным чоловіком и патриотом, но не пред носителями тьмы и біготства, и москалями.

– Не предполагаю, чтобы консисторія могла произнести подобный суд без важной причины, відь она хорошо знает, что в дисциплинарных ділах учителей державно поддерживаемых конфесійных школ последнее слово задержало себя министерство народного просвещения; следовательно, и ваше діло для рассмотрінія будет представлено министерству.

– Вот для того то я и пришел – просити защиты у Вашего Высокоблагородія.

– Пренаслідуемых несправедливо за исполнение своих просвітительных и патриотических должностей я всегда готов взять в свое покровительство. Будьте увірены, что вас невинно преслідуют.

– Я надіюсь, що Ваше Высокоблагородіє из протокола слідства вполні убідитесь, что я невинен.

– В таком случаї можете быти вполні спокоєн.

– Рекомендуюсь благосклонному вниманію Вашего Высокоблагородія!

– Прощайте!

Неборакі с розовыми надеждами оставил кабінет школьного інспектора.

И протокол слідства против Неборакі, и рішення консисторії неодога были представлены для рассмолрінія в міністерство просвіщенія, а оттуда попали в кабінет школьного інспектора. Перечитывая протокол слідства, школьный інспектор покачивал головою. Прочитал все, послал Аладару Неборакі записку, в которой приглашает его явитися в его кабінеті.

Неборакі явился.

– Я призвал вас в вашем ділі, – сказал інспектор, когда Неборакі явился пред ним с низким поклоном. – Первос, что требую от вас, ето быти откровенным, ибо я токмо в том случаї могу помочи вам, если вірно буду знати все ваше діло. Итак, отвічайте: справедливо ли, что вы на каком-то отпусті брали на себя епітрахіль и исповідывали людей? Отвічайте справедливо, и то в своем інтересі!

Неборакі поблід, інстинктивно чувствовал, что ето великая вина.

– Отвічайте! – сказал полустрого, полуулыбаясь інспектор.

– Ето правда, – сказал дрожащим голосом Неборакі, – но я ужасно нуждался в деньгах.

– Ну, видите, ето большая вина, ето можно кваліфіковати за обман и за преступленіе против релігії. Вам необходимо отрицати ето ділишко, ибо иначе в конфесійных школах, разуміється, не можете исполняти должность учителя. А справедливо ли, что вы бьете дітей в школі?

– Да відь, прошу Ваше Высокоблагородіє, нельзя обойтись без того, чтобы не наказывати.

– А справедливо ли, что берете подарки, что заставляете дітей полоти, копати, дрова рубати?

– Ето все, прошу покорнійше, преувеличено.

– А справедливо ли, – и тут інспектор засміялся, – что вы сділали себя даже владыкою?

– Ето была шутка.

– Ну, по моему суду, ніт причины для того, чтобы отрішити Вас должности. Я с своей части буду изо всіх своїх сил защищати вас; самый большій гріх у вас, что вы исповідали людей, но вы ето отрицаете;

впрочем, у нас, мірян, ето не так вопіющая вина. Дома усилюйтесь помириться с селянами; я надіюсь, что вы останетесь на своем місті.

Аладар Неборакі в найлучшем расположеніі духа оставил кабінет школьнаго інспектора. Первое его діло было отправиться в ближайший ресторан и выпити чего-то развеселяющаго. Но ему наилучшим напитком казалась водочка, для чего он и выхылил около половины літра, закусил брынзой (*горькій сыр*) и кинулся в повозку – и отправился домой.

По дорогі запіл якія-то фривольныя пісні, а когда охміліл от водки, стал дремати, пока не пал в воз и не захрапіл богатырским сном.

Дома извощик снял его с воза и отпровадил в комнату, гді продолжал свой сон на скамейкі.

Проснувшись пришли ему на мысль только что пережитыя у кор. інспектора благополучныя минуты. «Попы хотіли меня лишити кусника хліба, – стал он размышляти. – Прекрасныє послідователі ученія Христова. Бідный Неборакі, чего бы ты ділал, если бы тебя выгнали из Яблоновки? Однако етого не будет. Я нашел себѣ могучаго защитника, который не допустит, чтобы бідный Неборакі остался без кусника хліба. Попробуйте вы, попики, со мною тягнути ключку, увидим, кто будет сильніе! Но теперь не вредило бы обратити вниманіе и на хорошенькую Лізеньку. Она дала мнѣ пощечину, а я еще не отплатил; подожди немножко, голубочка моя, придет время и ты будеш биться в когтях моѣх!

Королевский школьный інспектор дійствительно выслал в міністерство хорошую реляцію о Неборакі. «Ето один из самых просвіщенных учителей, – писал он, – который разганяет тьму біготства, а главное, с превосходным успіхом обучает «руоенцев»³⁴ мадярскому языку. Была бы вопіющая ошибка удалити его от занимаемаго їм поста. Другой едва ли найдется, кто бы его замінити мог».

В міністерстві не могли не отнестися с довірїем к школьному інспектору, для чего подтвержденіе консісторскаго приговора в ділі Неборакі как-то медлило, а Неборакі жил себѣ беспечно и еще с большим нахальством стал относиться к своѣм настоятелям. Наконец, в консісторіі вышли из терпінія и стали требовати подтвержденія приговора. На ето прискореніе послідовал отвѣт, что в міністерстві не находят никакой причины, про которую бы Аладара Неборакі необходимо было отрїштити от занимаемой їм в Яблоновкѣ учительской должности.

Неборакі чрез своѣх шпіонов немедленно был увѣдомлен об отвѣті, послідовавшем из міністеріі. Он был вні ума от утіхи. Теперь сдіался

34 **Руоен /рутен** (од «Ruthen») – термін, котрый крітізовав Є. Фенцик як «новомодну» назву, котру русинам хотіли нависити намісто самоназвы «русин» (*Позирай* ёго статю: Руоены. *Ін Листокъ*, 1886, №3) (*азначка вишорителя* – В. П.).

уже просто нестерпимим. Бувало, сойдеться з своїм приходським священиком да нужним не вважає, щоб поздороватися з ним. Церква залишає не на дні, а на неділі і місяці, так що о. Нюхемович примушений богослужіння відправляти з простими людьми. Крім того, Небораки здійснив в своєму роді проповідником і пророком невір'я. Гді зустрітись з людьми, всюди почне бесіду про те, що тоді, коли Мойсей виводив народ Ізраїльський з Єгипту через Чермне море, був прилив; що Ісус Навин не міг зупинити сонце, так як сонце не йде навколо землі, а земля повертається навколо своєї осі і проч. Розуміється, що г. Небораки не міг пояснити ці чудеса, так як він не мав ніякого поняття про природні науки, да власне і того не знав, що таке чудо; однак він видавав себе за знахаря і вченого і взяв напровадження проти релігії. Це поведіння, вірніше пророческа діяльність і його сумасбродні бесіди не могли не дійти до Отця Нюхемовича і він, по своїй пастирській обов'язку, примушений був звернути увагу своїх пасомих на бредні і глупі антирелігійні висловлювання свого дяко-учителя. На що жителі Яблонівки прийшли в таку ярость, що хотіли вигнати з села цього новомодного пророка; і тільки з більшими зусиллями вдалося отцю Нюхемовичу заспокоїти своїх віруючих.

Однак о. Нюхемович примушений був знову відноситися в сем предметі до консисторії і вірно описати всі прописки свого дяко-учителя. В консисторії виразили більше негодовання по поведінці Небораки, а ще більше негодовання по тому приводу, що внаслідок підтримки королівського шкільного інспектора Небораки ще і тепер знаходиться на своїй посаді і продовжує розводити чесних яблонівчан. Щоб здійснити кінець пропискам і розмахам Небораки, консисторія, збільшивши старі протоколи новими даними, відслала їх знову в міністерство з таким рішучим висловлюванням, що терпіти прописки Небораки вже не буде і пропонує, щоб він негайно був відсторонений з Яблонівки.

Аладар Небораки відчував себе всемогутим. Їм дуже цікавило це обставина, що «попи йому розповідати не будуть». Він став цінувати себе високо, став почитати себе якимсь-то вищим істотом і презирливим поглядом окинув своїх настоятелів. Небораки не боявся нічого, інквізиція минула, тщетно попи і консисторія напружили всі свої сили проти нього, він залишився невразим. Що робити? Від життя для того і дано, щоб проводити її в насолодах. Аладару Небораки прийшла на ум Лізенька: «Чудесна дівка ударила мене по лицю,

я ненавижу её, а однако что-то всім существом моїм влечет меня к ней. Если б токмо раз мог обняти её, если бы мог прижати её к своему сердцу, если бы мог лиш раз поціловати её, был бы самым счастливїйшим чоловіком в мирі. Ета Ліза ділаєт меня несчастливим».

Между такими мыслями отправился Неборакі в недалеко отстоящїй от Яблоновки ліс. Вночи упал небольшой дождик, утром засіяло веселое солнце, воздух был наполнен какою-то очаровательною свіжестью, птицы весело щебетали по деревьям. Неборакі, закутив папіроску, шел медленным шагом, припівая какую-там мадярскую пісню. Когда зашел достаточно глубоко в ліс, видит, помежи кусты мелькнула какая-то женская фігура и скрылася в гущі.

Как полнокровный искатель приключенїй, Неборакі сей час подумал о каком-то романтическом походе и пустился борзыми шагами помежи кусты, чтобы встрітится с заміченнм им существом.

Не долго нужно было идти, как вдруг встрітился с дрожащею от страха Лізенькой.

– А вы чего тут ділаєте, Ліза?

– Пришла собирать грибы, – сказала ободряє Ліза.

– Так вы не боїтесь идти сами в так глубокий ліс?

– Ах, я не сама, днесь много дівушек пришло собирать грибы!

– Та гдї они? – сказал обзираєсь Неборакі.

Если был смотріл пристальнїе, то замітил бы, как кто-то опять мелькнул помежи кусты. Но осліпленный страстью, Неборакі ничего не замічал.

– Разошлись по лісу, но если кликну, сей час явятся.

«Стало быти, – подумал Неборакі, – мнї необходимо заткати ей рот, чтобы она не могла кликнути».

– Я должен вам, Лізенька, – зачал свой разговор Неборакі, – одним поцілуєм.

– Вы должны мнї не поцілуєм, а пощїчиной; но я предполагаю, что вы – благородный чоловік и не позволите себї такую низость, чтобы мнї, беззащитной дівушкї, пощечину здїсь на етом місті отдати.

– Боже сохрани, мнї нїт никакого діла до пощїчин, а вмїсто того требую от вас одного поцілуя!

– Поцілуї не требуются, а просятя и даются самовольно тїм, к кому чувствуєм расположение; но, извинїте, к вам я не чувствую ни капли расположения.

– Но если я непременно хочу поціловати вас...

– А я непременно удїлю вам одну вторую пощечину...

Неборакі пустився к Лізенькі и покушав обняти єѣ, но в тот час почувствовав на лиці вторую пощечину.

– Ах, ты колючая дикая роза, та ты бьєш? Ну, наступила пора: не выйдєш ціла из рук моїх; но чтоб ты не закричала, прежде всего нужно заткати твой ротик.

Неборакі выняв свой карманный плат и с дикою свиріпостью стал затыкати рот Лізенькі, но вдруг почувствовав свист и прикасаніє орішковой палки, которая так и прилипла к єго хребту.

– Негодай! Та тебї не стыдно так поступати с одной беззащитной дівушкой!

Неборакі обернулся и увиділ пред собой Михаила Баранчишина.

Невыразимая ярость овладіла им и с поднятыми вверх кулаками бросился теперь на Баранчишина; сей однако не испугался и со всей силой толкнул своего противника, который и повалился на землю.

– Я легко мог бы теперь расплатиться с тобой; однако не желаю обмарати свої руки борьбою с таким подлецом.

– Лізенька! – обратился Баранчишин к Єлісаветі Білогорковой, – позвольте мнї сопровождати вас домой! Опасно идти одной дівушкї в таком лісі, ибо можете опятъ встрітиться с каким-то искателем приключеній.

– Очень благодарю Вас, господин Баранчишин; вот и справедлива пословица: что гдї опасность найбільша, там помощь Божья найближе. Єсли не вы, один Бог відаєт, что сділаєт со мной єтот ізверг чоловічєства.

– Адієу, господин Неборак! – сказала Лізенька, окинув все єще лежашаго на землі Неборакі презрительным взглядом.

Неборакі не вытерпїл, встал с земли и борзыми шагами пустився к Баранчишину, который выняв из кармана револьвер и громко произнес:

– Ни на шаг больше! В противном случаї застрїлю, как собаку.

– Ах, ты ходиш с револьвером?

– Конечно, через такий дремучій ліс приходится идти с револьвером, ибо, как вижу, и не замїтиш, когда встрітишся с разбойником.

Неборакі заскрежетал зубами, однако не смїл ни шаг сділати вперед, видя револьвер в руках своєго противника.

– Пойдем, Лізенька, – сказал Баранчишин, – не стоит проронити слово к єтому мошенніку!

– Мошеннік ты сам! – замїчал Неборакі, – подожди, придет очередь и на тебя!

– Я налегло покончу с такими злодіями.

– Оставьте, господин Бараньфі, – сказала Ліза, – пусть говорит себї;

такіє люди, что в темном лісі нападають на беззахитную дівушку, заслу-жат лиш одно презрініє!

– Да вісилицу... Однако осміляюсь объявити вам, Лізенька, – продолжал Баранчишин, когда удалились на нікоторое расстоініє, – что я уже не Бараньфі, а давній Баранчишин.

– Не говоріте! – сказала с самодовольною улыбкой Ліза. – Такую новостъ очень приятно слышати мні. Как же мог случитися с вами такой ретроград?

– Ніт, Лізенька, не ретроград; ето несомнінный прогрес, и то прогрес на пути чести.

– Как вы ето понимаете?

– Та вот так, что я, наконец, сознал, что перемінити свою честную отцевскую фамілію – низко.

– Неужелі?

– У нас много таких людей, которые оставили не токмо фамілію предков своїх, но и їх віру, обычаї, язык; а знаєте ли, для чего они ето сділали?

– Для чего же?

– Для того, чтобы добитися каких-там чинов или пустых отличій, чтобы легче преуспівати – из егоїзма.

– Печально, что такія низости удостоиваются отличій!

– Да, в самом ділі печально. Ето настоящая порча нравов, настоящая коррупція.

– Честный чоловік всегда останется вірным своему имени, своїм обычаєм, своему народу, из котораго вышел. Ті люди, которые оставляют своих, заслуживают не отличіє, а презрініє.

– А сколько у нас таких!

– Конечно, не один да не два, а почти вся наша знать. Если и не перемінил кое-кто своей фамілії, то перемінил или віру, или народностъ; иначе немислимо, чтобы цілый народ остался без дворян, без знаті...

– Вы вірно судите. Мні уже не раз, да и не два раза являлся на ум вопрос: как ето возможно, чтобы цілый народ состоял из одних мужиков, без всякой інтелігенції; теперь мні ето стало ясно: інтелігенція оставила свой народ и перешла в чужий табор; и так бідный русин остался исключительно хлопом.

– А все ето из егоїзма, для того, ибо в том чужом таборі представлялося лучше жити: там сыпались почести и отличія, и манила роскошная жизнь.

– Я недавно нечаянно был свидітелем одного такого явления. Один из наших выдающихся людей, чтобы застраховати себї карьеру и доби-

тися таких-там незначительных отличій, перемінив свою фамілію на малярську, видав доч свою за кальвина, по малярским газетам зачав писати статті против народных предводителей наших и стал вполні презрительно относиться к тому народу, из котораго вышел, будто бы никогда и не принадлежал к нему. Такая низкость, а особенно презрительный тон этого господина настолько обиділи меня, что я стал стыдаться, что я тоже сдѣлал подобную штучку, перемінив свое честное русское имя Баранчишин на «Бараньфі».

– Ах, та вы, наконец, поняли неумістность своего поступка?

– Я понял всю гадость его и теперь рад бы представить діло так, будто бы оно никогда не приключилось со мной.

– А я от сердца поздравляю вас с такою переменою. Видите, я простая дівушка, я не умію разбирати, что было в вашем поступкѣ предосудительнаго, но я інстинктивно почувствовала, что вы поступили неблагородно, когда перемінили свою фамілію и сдѣлались чужим для своїх.

– Ах, я сознаю, глубоко сознаю всю мерзость такого поступка; однако не осуждайте меня, Лізенька, вам відь должно быть извѣстно, что такіа перемены имен были в моді, и я с перваго взгляда не мог поразуміти все їх значеніе.

– Я вас не осуждаю, відь вы признали, что поступок ваш был не исправный; и так здісь річі не может быть об осужденіи. Я рада, вірте, очень рада, что вы опытом дошли до того, что я чувствовала інстинктивно.

– Лізенька, мні стыдно; відь между тіми людьми, которые перемінили фамілію свою на малярскую, я не нашел ни одного порядочнаго чоловіка. Чей, этого Небораки можно причисляти к порядочным людям?

– Что ты брешешь? Я – непорядочный чоловік!? Ах ты, собачья тварь! Как ты смієш так злословити чоловіка?

И Небораки вимірил Баранчишину находящеюся у него сырою дубиной прямо в голову сильный удар. Однако Баранчишин в пору замітил наміреніе Аладара Небораки и отскочил, повлек за собою и Лізеньку, так что, к большей досаді Небораки, дубина вперолась в землю.

– Таких людей, – отвітил Баранчишин, – которые нападают на людей дубиной, которые перестают в лісі беззащитных дівушек, по моему суду, никак нельзя назвати порядочными. Это не порядочные люди, а мошенники.

– Как ты смієш? – заревіл Небораки и опять бросился на Баранчишина.

– Ну, братец, если ты не в шутку нападаєш на меня, то и мні несводно безділничати!

И Баранчишин одним ловким оборотом повалил Неборакі на землю, послі чого вимірял єму на штаны нісколько палок.

– Ах, та ты бьєш! – заревіл Неборакі.

– Я принужден захищати себя. А если ты еще раз попробуєш, та вот я заговорю с тобой с револьвером: застрілю, как собаку.

Баранчишин вынял из кармана револьвер и он, кажется, произвел на Неборакі желанное дійствіє, так как он и замолчал, и не сміл уже слідовати за Баранчишиным.

Лізенька присматривалась етім явленіям с каким-то отупінієм. Она будто бы пала в каталепсію, из которой очнулась лиш тогда, когда Баранчишин произнес:

– Пойдем, Лізенька, и оставим здісь етого негодя! Думаю, он не забудет про днешній урок.

Лізенька, придерживаясь руки Баранчишина, побрела с своїм спасителем и неолонга обое оставили ліс.

Неборакі не сміл уже слідовати за ними. Он не в шутку все еще держал ладоні по тым містам, куда подосігала єго палка Баранчишина.

Уже вечеріло, когда Баранчишин с Лізенькой прибыл в Оріховицу. Лізенька вполні утомилась от пережитых тревог. Она, правда, была здоровая и бойкая дівушка, но такія явленія, якія сыгались с нею в лісі, не могли не отразитися на єя дівических нервах; и как скоро вошла в комнату, сей час повалилась на кровать.

– Извините меня, господин Баранчишин, – сказала она тихим, чуть слышным голосом; но мні необходимо немножко отдохнути! Безобразныя грубости Неборакі оказались очень утомительными для меня. Я не в состоянні постояти на ногах. А вы не утомились?

– Ніт, Лізенька, я не утомлен, а раздражен и не нахожу слов, что бы достаточно оклеймити етого негодя. Я думаю, что такое злодіяніє должно бы объявити суду.

– Ах, оставьте, госп. Баранчишин, я прежде всего не хочу мстити никому!

– Но необходимо сділати конец подобным злодійствам, відь етот негодяй может нападати и на других честных людей; а кто знает, окажется ли всегда современная³⁵ помощь?

– Но, видите, нас бы волочили по судам, выслушивали бы, присягали бы... ах, я за світ не хотіла бы ділати показанія! Ах, який стыд!

Еті посліднія слова выговорила Лізенька чуть слышно.

³⁵ Современный – туй мало бы быти «своевременный» (русин. «благочасный»); видав, причиноу хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (азначка вишорителя – В. П.).

– Ах, вы до крайности утомлены! Прошу, не говорите больше, а отдохните! Я выйду немножко в сад, на свіжий воздух. – И Баранчишин вышел, оставив Лізеньку на кровати.

Был прекрасный осінній вечер. Листья деревьев уже начали желтѣти, а между ними так и манили вкус спѣлые плоды. Здѣсь темно-синяя слива показывается с-под пожелтѣлых листьев, там – румяненко яблоко показывает свое покраснѣвшее личико, а опять дальше – золотистая груша колыхается в тихом дуновѣніи осінняго вѣтерка.

Солнце заходило за горы и лучи его прощальным поцѣлуем касались желтѣющих верхов фруктовых деревьев; часами завыл печальный осінній вѣтерок и на его унылый свист желтые листья без жизни падали на землю, будто бы в сем унылом свистѣ таился смертельный яд, от тлетворнаго дыханія котораго листья деревьев становились мертвыми.

Явился неодолга и мѣсяц, и с ним небо облеклось мѣрадами звѣзд. Задышало умирѣнным холодом, который так приятно отозвался на чоловіка, послѣ дневнаго жара.

Баранчишин стоял, как обвороженный, и не мог налюбоваться красотой природы. Вокруг было все тихо, только журчанье близкаго потока и печальный вой осінняго вѣтра нарушал мертвую тишину.

Баранчишин предался своїм мечтам: «Господи, как я люблю эту осѣнь! Желтѣющіе листы, печальный свист вѣтерка, голос отлетных птиц, печальное небо – ето душу раздирающій лик умирающей природы так и трогает мою душу! Я вижу, что осѣнь должна играть какую-то выдающуюся роль в моей жизни. Я самотен, но свое уединеніе никогда не чувствую так, как осенью, что-то так и раздирает мою душу. Ах, если бы я мог сдѣлать уже раз конец своему уединенію, если бы я мог какое-то благое и вѣрное существо ввести под мою стрѣху; ах, как бы я был счастлив! Если бы Лізенька захотѣла раздѣлить долю свою с моею! Да, Лізенька, и одна Лізенька, ибо, я так думаю, что другой нѣтъ под солнцем, с которой я мог бы чувствоваться счастливым. Какій порядок в етом саду, какіе цвѣты, какія деревья! А все ето приведено в такой порядок рукой Лізеньки! Какова она должна быть, когда и родителей своїх поддерживает и питает и когда все содержит в таком изумительном порядкѣ! Из такой пустыни она сумѣла сдѣлать настоящій рай. А как возвышены и благородны ея рѣчи! Она вѣрно оцѣнила все настоящее положеніе. Она видит карикатуры модерняго міра, инстинктивно угадывает всю фальш дѣлателей его и изумительно вѣрно судит о низкости характеров их. Она и моѣ открыла очи, и я теперь стыжуся, что был увлечен порчею государствующаго модерняго направленія. Боже! Как бы я был счастлив, если бы с такою благородною душой мог пережить современную жизнь

свою и с нею же вступить в вѣчность. Я не могу терпѣти дальше. Днесь же должен я узнать долю свою. Что сужено мнѣ – счастье ли в сожительствѣ с Лизенькой или без ней бѣдствія и горькое горе? Но вот она идет... И природа, и все окружающее, кажется, благоприятствует мнѣ. Увидим, сѣно ли или солома?».

Лизенька дѣйствительно вступила в огород, чтобы наберати какой-то зелени для ужина. Она была прекрасна: румяненькія лица ея мало поблѣдли, в благородных чертах ея отражались только что пережитые ужасы с нѣким оттѣнком торжества.

– Ах, как скоро вы встали, Лизенька! – Баранчишин начал свою бесѣду. – Иль вы уже чувствуетея сильной и свѣжей послѣ такой напасти?

– Богу слава и благодареніе Вам, со мной не сталоь ничего такого, что могло бы ослабити меня или даже повредить моему здоровью. Ах, не думайте, что я так слабенькая! Я еще из тѣх давних русских дѣвок, которыя смѣло посмотрят в очи какой-нибудь опасности.

Місяц освѣтил блѣдное лице Лизеньки и в нем дѣйствительно показалась бодрость и отвага.

– Лизенька! – произнес Баранчишин мягким голосом, – у меня к Вам пресерьѣзное слово. Прикажете ли, чтоб я не говорил?

– Для чего бы не говорить? Вѣрьте, я всегда с удовольствіем внимаю вашим рѣчам!

– Лизенька! Я сильно чувствую, что без Вас жити не могу: раздѣлите со мной долю свою, будьте моею любезной супругушкой!

– Я буду говорить Вам откровенно, для чего лукавити? Я охотно нахожусь в вашем обществѣ, я с удовольствіем внимаю вашим рѣчам, я ни к кому в мирѣ не чувствовала такой привязанности, как к вам; это значит, что я охотно подвергаюсь общим законам Божиим и соглашаюсь быти вашей супругой, но у меня обязанности. Еті обязанности я ничему в мирѣ не могу принести в жертву: у меня престарѣлыя родители, которые вскормили, воспитали меня, а днесь они нуждаются в моей помощи. Я не могу бросити их на произвол судьбы!

– Мы возьмем к себѣ ваших родителей!

– Во вторых, я только тогда соглашусь быти вашей супругой, если вы всегда останетесь Баранчишиным. На Бараньфія я не могла бы и посмотрѣти.

– Я уже и сам сознаю, что сдѣлал непростительную ошибку!

– Если же вы останетесь Баранчишиным, тогда, надѣюсь, останетесь тѣм, что были предки ваши – честным русским чоловіком. Мнѣ так опротивіли ті бесхарактерные люди, которые из-за собственных выгод,

из-за блестящей карьеры оставляют свой язык и свои обычаи и лгут, что они мадяры, хотя и говорит порядочно по мадярски не умеют.

Баранчишин, в восторге от сказанных Лизенькою речей, пропил тихим баритоном:

Я Русин был, есмь и буду,
Я родился Русином;
Честный мой род не забуду,
Останусь его сыном.

Слезы показались в очах Лизеньки, она прихилилась к Баранчишину и напечатлела пламенный поцелуй на его откровенное чело.

– Благодарю, Лизенька, – произнес в восторге Баранчишин и прижал к сердцу свою невесту.

– Лизенька, любите ли меня? – произнес снова трогательным голосом Баранчишин.

– Я вас люблю, – сказала откровенно Лизенька, вымотываясь из объятий Баранчишина, – для чего лукавити и притворяться, однако я не могла бы оставить своей Ореховицы и своей Яблоновки; приходите сюда в Яблоновку, если нас любите!

– Та что буду я здесь делать?

– Вот вопрос! Будете здесь учителем.

– А Неборак?

– Иль вам неизвестно, что Неборака консистория уже отпустила от должности; в нем только школьный инспектор загривает еще душу, но не думаю, чтобы мог загрипеть окончательно.

– Чтобы быть учителем в Яблоновке, это для меня очень второстепенный вопрос; я теперь не о том думаю; предо мною носится только одна мысль: будете ли вы моей супругой?

– Я сказала уже, что люблю вас, а если люблю, тогда готова и выйти за вас; но я снова объявляю, что не могу оставить Яблоновки, не могу оставить своих престарелых родителей; и так, если вы любите меня и того желаете, чтобы я была вашей супругой, постарайтесь приобрести себе учительское место в Яблоновке, ибо только в том случае можем состряпать свадьбу!

– Я позабочусь, чтоб дозволить вашему желанию; однако, кто его знает, увенчаются ли успехом все мои хлопоты?

– Для чего бы не увенчались, ведь, с своей части, и мы все сделаем, чтобы сего достигнуть. Яблончане любят нас и, ни сомнения, любят и вас; для чего из всех сил будут хлопотать, чтобы приобрести вас себе. Как это хорошо! Тогда еще и мой батюшка заплыл бы на своем

давнем кліросі, ибо днесь он вполні перестал піти; нельзя же ему сидіти в одном кліросі с каким-то Небораки.

– Вы говорите прекрасно, Лізенька. В Яблонівкі дяковское поміщеніє, как я слышал, неолдлга будет одділено от учительскаго и так ваш почтенный батюшка еще снова может получить свое прежнее місто на яблоновском кліросі.

– Это бы еще продолжило дни многотрадального старика.

Баранчишин и Лізенька с чувством удовольствія оставили сад и вошли в скромную комнату Білогорки.

Стол был уже накрыт и старенький Білогорка с очками на носі кончил из часослова «Повечерницу».

– Представляю вам, сладчайший батюшка, своего жениха, – сказала Лізенька, – в лиці учителя Баранчишина и надіюсь, не откажете нам в своем родительском согласіи и благословеніи.

Білогорка с недоумінієм посмотріл на доч свою и на Баранчишина и очи его наполнились слезами.

Лізенька угадала мысли своего отца и будто для ободренія его сказала:

– Никогда не оставим вас, батюшка. Госп. Баранчишин займет учительское місто в Яблонівкі и вы снова будете отправляти дяковскія должности, и будете жити с нами.

– Бог да благословит вас, діти мої, – сказал дрожащим голосом Білогорка, – что вы не позабыли о мні.

– Добрые діти никогда не должны забывати о родителях своїх, – сказал Баранчишин, – відь послі Бога їм одолжены они жизнію, воспитанієм и всім благосостоянієм своим.

– Ах, предорогий сын мой! Как ты благородно говориш; не чудо же, что Лізенька тебя избрала своим товарищем; видиш, и она так размышляет; и не токмо размышляет, но и ділаєт, відь от того часу, как мы здісь живем на Оріховиці, она ни на минуточку не оставляла нас, а всегда заботилася о своих престарілых родителях.

– Каждое благочестивое дітя так должно ділати, відь токмо тогда может надіятися получить Божіє благословеніє, которое Бог приобіщал тім дітям, которія почитают своих родителей.

– Так, сыне, так. Бог так приказует: Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и долголітен будеши на земли. Но должно бы почитати не лиш отца и мать, а каждого старійшаго; а один Бог відаєт, сколько мы притерпіли от етого Неборака.

– Ну, не будете уже больше терпіти.

– Кто его знаєт?

– Я знаю. Невозможно, чтобы такой негодяй и дальше остался учителем; відь достаточно того, что сегодня хотіл сділати в лісу с Лізенькой, чтобы не только утратил своє поміщеніє, а попал гді-то в тюрму.

– Ніт, ніт, – сказала Лізенька, – я не хочу волочитися с Небораком по судам.

– Та что выстроил опять тот безбожник? – спросил старый Білогорка.

Баранчишин рассказал все, что приключилось в лісу и на возвратном пути в Яблоновку. Окончив свой рассказ, додал:

– Ну, возможно ли послі сего, чтобы Неборака почитати честным чоловіком? Возможно ли, чтобы он продолжал піти на кліросі и учить дітей в школі?

– Я с первого взгляда, когда встрітился с Небораком, – сказал старик Білогорка, – так собі подумал, что у сего чоловіка должна быти чорная душа – из его очей я не мог вычитати ничего хорошаго и, видите, діти, гадки мої исполнились. Неборак принадлежит к самым подлійшим людям; бо кто допустит собі такія діла, як принимати исповідь кающихся и нападати в лісу на беззащитных, тот принадлежит к самым испорченным людям.

– Я так думаю, что достаточно было бы объявити на суді об его днешнем злоумышленіи, и мы навсегда избавились бы от Неборака.

– Ніт-ніт, господин Баранчишин; я лучше все отпущу ему и не хочу с ним волочитися по судам. Иль вы могли бы хладнокровно присмотриваться тому, как я получаю цїтації и должна являтися в трибуналах?

– Но у него защитники и иначе, кто его знает, как его выкурить из Яблоновки?

– Не должно нам мстити, а все спустити на Бога; я вполні убіждена, что он и без нашего вмішательства не обойдет заслуженнаго наказанія.

– Справедливо судиш, доч моя, – отозвался Білогорка, – трафит коса на камень, Неборак и без нас непременно получит то, что заслужил. А мы будем спокойны, что не сділали ему зла. Но час бы уже, доч моя, что-то закусити. Давай что-то сїсти.

Послі такого непродолжительнаго разговора между старым дяком и его дітьми мати Лізеньки внесла свой скромный ужин, который в хорошом расположеніи духа был сїден.

По окончаніи ужина Баранчишин намірял отправитися домой, однако старый Кость не согласился.

– Как же, Бога ради, наміряєш ты, сын мой, так поздно отправитися через ліса домой; или тебї не приходит на ум, что Неборак гді-то

может подсісти тебя и причинит тобі зло, даже убьет? Відь, если он напал на Лізу, то легко может то самое сділати и с тобой.

– Я знаю, что он сділал бы то самое и со мной; только біда для него в том, что я не хожу один, а при мні неразлучно находится и мой товарищ. Вот етот.

И Баранчишин вынял из кармана свой револьвер.

– Такая предосторожность на всякий случай полезна, однако она не спасет от руки злодія, ибо сей может гді-то подсісти и из корча (*куста*) застрілити; відь у Неборака тоже может находится револьвер или даже ружье. А того не надійся, что такой злодій выступит против тебя открыто и вызвет на борьбу; ніт, он застрілит неожиданно.

– До того, чей, еще не дошло, – отвічал Баранчишин.

– Не говорю положительно, что дошло, однако осторожность не вредит никогда. И так останься у нас, мы не отпустим тебя; відь отпустить не было бы от нас благоразумно.

– Мы просим вас, – произнесла Лізенька, – останьтесь у нас. Или вам не приятно в нашей скромной хижині?

– Ну, если уже и вы не позволяете, чтобы ити, – сказал Баранчишин, – то непременно останусь; не возможно же мні не исполнить вашей первой просьбы.

И Баранчишин остался, и хорошо сділал, ибо Неборакі, как скоро настал вечер, сей час отправился в ліс с ружьем на плечі, как выразился, для охоты; но кто его знает, какой мрачный план рисовался в его містью отуманенной голові.

Другого дня было воскресеніє. Очень рано, до світа вступил в скромную хижину Білогорки Юска Гриць, который уже был куратором.

– Дай Боже здоровья, пане дьяче!

– Дай Боже и Вам, пане кураторе, та что доброе привело вас на Оріховицу?

– Та пан-отец веліли прийти к вам и дали просити вас, чтобы есте пришли до церкви кончити утреню, бо ніт с кім отправляти богослуженіє.

– А Неборак где?

– Чорт его знает. Вчера взяв на плече «пушку» и пошов як бы на вадаску (*охоту*) в ліс; а от того часу никто го не видів.

– Чей, лиш не завісив ся?

– Кто его знает? Кто чорту служит, тот и, наконец, мусит быти чортов. Айбо так ми видится, что Неборак нигда уже не буде співати на нашем кліросі.

– Ба почему?

– Бо, так гадаю, из міністерії пришло, что должен гет ити из Яблоновки.

– Тото может быти, відь на міністерії не станут захищати такого повгара, як Неборак. И наконец, что много, та много.

– Та пак ци прийдете на утренью?

– Як не ити. Непремінно пойду, та еще и не сам, а с сосідом – паном Баранчишиным.

– Ой, у того пана дяка прекрасный голос.

– Так заспіваємо, обы всі яблоновчане заплакали.

Неодолга раздался по яблоновским горам и долинам благовіст к Утрени.

Старый Константін Білогорка с Михаилом Баранчишиным отправились в церков, отстоящую на половину часа ходу от Оріховици.

Яблоновчане обрадовались, увидя своего старика – дяка, который уже давно не бывал во яблоновской церкви, а ходил на богослуженіе в сосіднее село, отстоящее не дальше от Оріховици, как отстояла яблоновская церков.

Кость Білогорка иміл свою причину, по которой не ходил в яблоновскую церков: он не хотіл зустрітиса с Небораки, чтобы не послужити поводом к какому-то соблазнительному явленію, какое легко могло произойти между ним и между Небораки.

При богослуженіи старый Кость піл особенно умильно, а Баранчишин вторил ему своїм мужеским барітоном, так что и отец приходский священник, и прихожане были буквально обворожены и в час богослуженія на рісницах многих явились слезы умиленія.

По окончаніи Божественной літургії отец Протасій Букатка объявил своїм прихожанам, что высокое міністерство наконец подтвердило приговор єпархіального відомства, в смыслі котораго Аладар Небораки отрішается от учительской должности в Яблоновкі.

Яблоновчане не демонстрировали, не объявляли восторженными кликами, насколько радостно для них такое рішеніе, но на лиці почти каждого чоловіка появился отблеск радости, который никак не давался замаскировать и который явно говорил о том, что происходило в душах обитателей, которые уже так давно с нетерпініем ожидали сего рішенія.

– Та, пан-отец, – отозвался наконец куратор Юска Гриць, – та кто будет уже теперь нашим дяком?

– Та Бог знает, – отвітил отец Букатка, – тот, кого назначит вам наш милостивіиший владыка.

– Та ци не могло бы тото статися, обы наш старый Константін співал нам и надаліе так умильно, як днесь; тадь всі люде расплакались.

– Тото не май годно быти, – отвітил отец Букатка, бо, видите, старый дяк не годен так учить діти, як того днешній світ потребує. Коли его раз дали в пенсію, та уже не могут снова зділати учителем.

– Пан-отец! Най будут ласкаві услухати: нигда, никто не учил так наши діти, як Константін Білогорка. Коли он їх учил, тогда найбільше знали. А отколи настали новомодные учителі, та и ничего не знают.

– Ну, если старый не годен по новому учить, та я, чей, годен!? – отозвался Баранчишин, – та прийміте меня за учителя, а старый – мой тесть – будет вам за дяка; я с тестём не поссоримся.

– Что!? Та ци вы зять Константіна? – спросил отец Букатка.

– Если и Бог того хочет, буду зятьём.

– Та, брате, сіє обстоятельство – новая радость для нас. В самом ділі, днесь счастливый день настал для яблоньчан.

– Так думаю, Ваше Преподобіє, ничего не имієте против мене. Я, прошу покорно, от всей души желал бы быти учителем в Яблонькі. От сего, могу сказати, зависит все моє будущее счастье; а и старый иміл бы при мні теплый уголок и заспівал бы еще нісколько раз на своем давнем кліросі.

– Мы вас любим, люблю и я и, так думаю, любят и люде.

– Ой, мы любиме, – отозвался Юска Гриць.

– Я много похвальнаго слышал за вас от отца благочиннаго и, слідовательно, знаю, что и он любит вас и не будет противитися тому, чтобы вы перешли в Яблоньку. Особенно теперь, когда желаете зділатися зятьём нашего Константіна.

– Цілоє село просиме вас, пан-отец, выхлопотайте у владыки, чтобы наш старый Константін снова співал в нашей церкви; відь днесь, коли заспівал с своїм будущим зятьём, аж сам Бог радовался, а люде плакали от умиленія. Така служба не может быти не приятна Богу.

– Я с своей части все зділаю, честні люде, чтобы желание ваше было исполнено, и надіюся, что хлопоты мої увінчаются успіхом.

Константін Білогорка и Баранчишин в хорошем расположении духа вернулись на Оріховицу. Старый Кость радовался, что на свої старые дні опять будет служить Богу на своем давнем кліросі. Быстро истекшия літа, вся молодость представилась в его воображенії. Он виділ пред собою, как на скатерти, то давно прошедшее время, когда он окончил препарандію. Тогда весь мір показывался ему в розовых красках. Юности, свіжих сил полный, с палицею в руці и с часословом под плечом пришел он в Яблоньку. В душі его не находилось никаких высокопарных мечт; ему и в голову не приходило попаніти. Все счастье свое полагал он в том, чтобы čím приліжнійше послужити Богу и увеличати славу

Божію. И он, дійствительно, и увеличивал єе. Бывало, всім огнем, всім чувством своєї юношеской души запоєт на кліросі, в єго умильном, живом, от волненія дрожащем голосі так и изольєтся вся єго душа. Он понимал высоту и глубину наших Божественных піснєпіній, разуміл каждое слово; душа єго трепетала от восторга и сей душевный восторг так и изливался в єго голосі. Что чувствовал он, когда піл Божественныя пісні, то самое чувствовали и присуствующіє в церкви; відь душа к душі говорит. Для того яблоньчане охотно и слушали своего дьяка, и не могли наслушатися. Чей, весь вік свой пробыли бы в церкви, чтобы только не лишитися удовольствія насладитися єго пінієм. Вот в чем находил Константін Білогорка истинное наслажденіє. Єму не приходили в голову ни расписанныя комнаты, ни шалугатры, ни роскошная одежда, ни вкусныя блюда. Єті мелочи для него не существовали. Он в том находил удовольствіє, если с чувством запіл на кліросі, если в піснєпінії душа єго пришла в умиленіє, соєдинилася с Богом. Душа Константіна Білогорки, таким образом, не в суетных земных удовольствіях находила удовольствія, а восторгалася небесными чувствами.

Но однако душу єго волновало и одно земное чувство. Он почувствовал горячую любов к дочери сосідняго дьяка, к Єлісаветі Соколовой, которая тронула єго сердце своєю набожностію, своєю скромностію да и своєю красою. Константін не много церемонил а взял себі в супругу добродітельную и красивую Заветку, как попросту называли Єлісавету. Выбор єго был как нельзя лучше удачен. Заветка была с Константіном тіх же самых обычаєв и правил; она не гналася за блеском и за роскошами, не желала попаніти, не искала быти заміченной и превознесенной, а ділала своє діло незамітно и распространяла вкруг себя счастье, благоденствіє, благоухала как та фіалка, которую не видиш между листьями, а узнаєш только по єя благоуханію, которое распространяєт вкруг себя. Константін был счастлив с своєю Заветкой. Дні єго плыли тихо, мирно, невозмутимо. В Божьей церкви душа єго таяла от умиленія, а дома сердце плыло в удовольствії от присуствія скромной и добродітельной супругушки. Когда же Заветка подарила єго дочерью, котору, по имени матери, покрестили тоже Єлісаветой а звали Лізенькой, счастье Константіна Білогорки достигло своего зеніта.

Школу тоже любил Константін. Он радушно занимался обученієм бідных сельских дітей и рад был вкоренити в їх ніжныя сердца ті самыя чувства, которыя наполняли єго чистую душу. Всі діти, которые посіщали єго школу, знали прекрасно читати по русски; читали они и по мадярски, но, разумієтся, не понимая мадярской річи, произносили слова то с нехорошим акцентом, то просто ошибочно; а Константін їх и

исправить не мог, так как и сам произносил мадярскія слова нехорошо. Но зато его ученики прекрасно знали молиться; они не лиш произносили слова молитвы, но и понимали їх; для чего молитва приносила їм радость и приводила їх к умиленію. Его школьники знали, кромѣ чтенія, катихіс и бібліку, знали деревца прививати (*skinuti*), знали кое-что из господарства, преуспѣвали натолько и из аріфметики, чтобы при куплѣ и продажѣ жид не мог їх обманути. Но главный успѣх засвидѣтельствовали его ученики в церкви, в которой рядом читали Апостола и прекрасно пѣли с своимъ учителем на кліросѣ.

Можно себѣ представить, какимъ горемъ обольялось сердце Константина Білогорки, когда послѣ долгой примѣрной службы он принужденъ былъ расстаться с своею школою, расстаться с своимъ кліросомъ, а расстаться не по винѣ, а единственно для того, ибо инспекторъ объявилъ, что он не умѣетъ хорошо по мадярски.

Расставшись с школою и кліросомъ, Константинъ продолжалъ свой тихій, мирный, безмятежный образъ жизни на Оріховицѣ. Жалѣлъ онъ лишь по тому, что не могъ и дальше славить Бога в яблоневской церкви; а в яблоневскую церковь онъ пересталъ ходити, такъ какъ боялся, чтобы с Небораки не вызвалъ в домѣ Божьемъ какую тамъ соблазнительную історію; для чего на богослуженіе обыкновенно отправлялся в сосѣднее, не далеко отстоящее село.

Много горя причинило ему и поведеніе Небораки. Его великопанскія манеры, небрежность в богослуженіи и школѣ, его индиферантизмъ, его невіріе, несмотря уже на тѣ личныя обиды, которыя Константинъ принужденъ былъ притерпѣти отъ него при всякомъ удобномъ случаѣ. Всѣ етѣ непріємности теперь минули и есть надежда, что онъ опять возвратится в свой оставленный кліросъ, с чѣмъ будто бы направились и его прожитыя, молоденькія літа; такъ себѣ представлялъ старый Кость, что и наполнило давно не чувствованнымъ удовольствіемъ его душу.

Константинъ Білогорка и Баранчишинъ в хорошемъ расположеніи духа вернулись на Оріховицу. И старая Завета и молоденькая Лізенька приняли їхъ радостно и угостили хотя и скромнымъ, но вкуснымъ обѣдомъ.

Послѣ обѣда стали совѣтоваться, какимъ способомъ получить бы Баранчишину Яблоновку. Відъ не такъ велика штука получить у насъ учительское помѣщеніе, – сказалъ Баранчишинъ, – школъ много, а порядочныхъ учителей мало; но однако можетъ статися, что случайно и другаго назначатъ в Яблоновку! Для чего не можно отсувати діло, а взятися чѣмъ скорѣе за работу.

– Пойди, сыне, – отвѣтилъ Білогорка, – попроси, в первыхъ, господинъ приходскаго священника, онъ знаетъ, кто ты, знаетъ твоѣ заслуги;

думаю, не будет противиться своєму назначенію, бо, видиш, и люди того желают.

– Пойду и попрошу его; відь ето так прилично, но так думаю: не должно обойти и господина благочиннаго.

– Боже сохрани! Відь от него и зависит все. Я так думаю, что он имієт к нам благоє наміреніє и не откажет нам в поддержці.

Послі сего Баранчишин стал готовитися домой. Легкое облако скорбі отуманило беспечный взор Лізеньки, но Баранчишина никто не стал задерживати, чтобы не опоздался и не был принужден ночью їхати через ліс.

Очутясь дома, Баранчишин сей час стал приготавливати все, что єму оказалось нужным для получения яблоновскаго учительскаго поміщенія. Собрал свої свідѣтельства, написал прошеніє к єпарх. правленію и лично отправился к отцу благочинному.

Благочинный знал уже Баранчишина, відь он находился в его округі, для чего и принял его очень благосклонно; и когда услышал, что он женится у стараго Константіна Білогорки, оказался к нему еще ласковіє.

– Прекрасно, – сказал он, – что вы женитесь у старенькаго, почтеннаго Константіна Білогорки; ето справедливый Израильтянин, в нем же лести нѣт.

– Я и сам так захотіл, чтобы не смішиватися с какими там модерни-ми панамы – прогресистами; но чтобы брати из своего гнізда.

– Разумно ділаєте, брат мой; если взяти жену из чужих обычаев, то она никак не может сдружитися с нашими обстоятельствами, всегда сігаєт высоко, иміє такіа претенсії, которыя мы выполнить не можем, сділаєтса недовольной – и тогда конец домашнему миру и спокойствію, готово пекло в своем собственном домі. Вы, брат мой, избавились от такой опасности. Крім того, за Лізеньку говорит весь світ, что она скромна, хорошая хозяйка и благочестива христіанка. Кто обрящєт таковую жену, говорит премудрый, таковая дражайшая єсть бісєре многоціннаго. Ну, а вы теперь желаете получить Яблоновку, я токмо радуюсь, что Яблоновка послі толькох смут наконец успокоится и приобрящєт порядочнаго учителя.

– Я рад бы перейти в Яблоновку, ибо таким способом и старый Константін Білогорка нашел бы у меня уютный уголок.

– И так вы взяли бы к себѣ почтеннаго Константіна Білогорку?

– Для того и прошу яблоновское поміщеніє. Старенький запіл бы еще на своем древнем кліросі, а я вполні занялся бы обученієм дітей.

– И прекрасно. Представляю себѣ, как обрадуются яблоновчане, если увидят на своем кліросі своего давняго излюбленнаго дяка.

– Ето все говорит в мою пользу.

– Очевидно, в вашу пользу; и я надіюсь, что ваши благонаміренія увінчаються полным успіхом; по крайней мірі, я, с своей стороны, все возможное сділаю для того, чтобы вы перешли в Яблоновку.

Послі такого сердечного приёма, какой указал Баранчишину отец благочинный, первый не мог не чувствоватися отлично и он в наилучшем расположенії духа отправился домой.

Путем приходила ему на ум будущая судьба. Он от души радовался, что попадется в круг таких добрых благочестивых людей, о которых везді питают самое лучшее мнііе. Особенно являлась ему в воображенії его возлюбленная Лізенька, от которой ожидал он все свое земное счастье. Если бы только чім скоріе послідовало его наименованіе в Яблоновку, чтобы так и свадьба чім скоріе отбытиса могла.

Между такими мечтами дошел он до ліса, чрез который ему непременно должно было миновати. Когда очутился на середині ліса, замітил, что между деревьями мелькнула какая-то темная тінъ. Баранчишин сділался внимательным, остановился при одном дереві и стал слідити, что ето такое? Но прежде всего інстинктивно хватил в руку револьвер. Смотрит, смотрит и вдруг видит, что Неборакі, в разорванной одежді, с взъерошенными волосами, сидит на одной колодѣ и посредством одной палки роет яму. Баранчишин стал приближаться, однако внимал, чтобы Неборакі его не замітил. Когда находился уже не в далеком расстоянії, видит, что яма, вырыта уже достаточно глубокая, что из глины, выбранной из ямы формовано что-то вроді необожженных кирпичей, или вальков, что в одном ворошкі стоят грибы, большей частью горчицы, в другом – орішки, в третьем – лісные яблока. «Уж не помішался ли етот чоловік? – подумал себѣ Баранчишин. – В таком случаі не очень-то совітно приближаться к нему. На всяк случай нельзя оставить его на произвол судьбы. Необходимо увідомити начальство, чтобы помістило его в больницу и наблюдало за ним».

Между тім Неборакі продолжал свою работу.

– Вот сак, – сказал он, – здісь будет колодезь, уже неодола должна явитися вода. Мні ужасно трудно жити здісь без воды... ну да и без огня... не могу просушити грибики... да спечи картофльев... Я ужасно голоден... а еті попы выгнали из Яблоновки. Ніт, в Яблоновку нельзя уже вернутися, відь там все осквернено: и школа, и дом, и люди... а ета Ліза! Ах, и она осквернена, она превратилася в змію. Ніт, туда нельзя ити. Все осквернено, только ето місто – ніт. Здісь выкопаю колодезь, выбью печ, ну и позже сооружу дом и буду жити.

– Несчастный! – произнес с сожалінієм Баранчишин. – Ніт сомнінія, ето сумашедший. Позабочусь, чтобы была оказана єму немедленная помощь.

Баранчишин намірял ийти проч, но нечаянно ступил на хворостину, раздался треск, который и возбудил вниманіє Неборакі.

– Ах, нечистый! Нечистый! – закричал он. – Не приходи сюда!

– Что ты тут ділаєш? – спросил Баранчишин.

– Что? Відь видиш, что рою колодезь, готовлю кирпичі и хочу себї соорудити дом. Прекрасный дом! Не такой, как яблоновская школа, а с шалугатрами, прекрасно вымалеванный.

– А, оставь ты єту роботу, поди со мной и приведем людей, чтобы тобї помагали.

– Но она осквернена.

– Как бы осквернена? Відь видиш, что она в стклянкі, а через стекло никакая скверна проникнути не может.

– Ну, хорошо, если так. Выпью.

Баранчишин подал єму сткляночку с водкой, Неборакі проглотил с два-три раза.

– Не правда ли хорошая?

– Превосходна!

– Но теперь, чей, вкусиш и мало хліба. Вот булка!

– Но она не была в Яблоновкі?

– Что тебї пришло в голову? Відь, видиш, я иду от благочиннаго.

– От благочиннаго! А, відь, ето мой самый завзятый враг.

– Ніт, он тебї не враг; он сожалієт твоей судьбї.

– Ну, если он мнї не враг, то я єму враг; я не требую єго сожалінія. Ніт, он выгрыз меня из Яблоновки.

– Ніт, то не благочинный выгрыз, а Юска Гриць.

– Юска Гриць! А знаю, знаю; відь он нечистый; ах, не говори о нем, так как заразиш воздух и должны будем задохнутися...

– Ну, выпьєш єще немножко водочки?

– Выпью, выпью, відь она чистая, она очень хороша.

Баранчишин отдал єму стклянку. Неборакі снова проглотил глоток.

– Ах, как она хорошая!

– Ну, вкуси хліба.

– Теперь уже вкушу; відь етот хліб не був в Яблоновкі.

Неборакі с жадностью стал їсти булку, которую отдал єму Баранчишин.

– Ну, теперь ты немножко подкрїпился. Думаю, уже можєш ийти со мной.

— Кудя? Чей, в Яблонувку? Туда за світ не пойду; відь не наміряєш же сділати и меня нечистым?

— Боже сохрани! Пойдем ко мні; я так думаю, что я еще не осквернился.

— А кто его знаєт. Відь ты тоже бывал в Яблонувці, на Оріховиці.

— Конечно бывал, но на Оріховиці еще все чисто.

— Так думаєш? Ніт-ніт, старый Кость не чист.

— Будь он и не чист; то я с ним никогда не зустрічався. Ну, пойдем ко мні, відь тебя тут сїдят звірі.

Ночь провел Неборакі бессонно. Кое-когда нападали на него пароксизмы, в час которых ломал, что попало, кричал, неистовствовал, так что солдату приходило повязати его. Тут и Баранчишин должен был напружити всі свої сили, чтобы обезоружити неистовствующаго.

Между такими обстоятельствами Баранчишин не мог держати Неборака у себя и принужден был предприняти міры, чтобы отвезен был в больницу, что и послідовало.

Между тім, на дяко-учительское поміщеніє в Яблонувці был выголошен конкурс. В означенный день явились всего только три учителя, между ними и Михаил Баранчишин. Разуміється, послідній лучше всіх понравился и благочинному, и містному приходнику, и яблонувчанам, к чему не мало подїйствовало то обстоятельство, что был со всіми знаком, ибо жил в сосідстві.

Послі конкурса Баранчишин нетерпівиво стал ожидать своего назначения, которое неодола и послідовало. Наименованіє Баранчишина в Яблонувку произвело во всіх касающихся искреннее удовольствіє. О. Букатка радовался, ибо в Баранчишині виділ честнаго, смиреннаго чоловіка, которому в голову не вошла еще ідея попаніти. «Ето хороший и не гордый чоловік, — говоривал он, — а днешніє учителя обыкновенно подносят свої головы и не хотят знати над собой никакой власти. Да он и трудолюбивый чоловік, который охотно будет заниматься обученієм дітей; и єсть надежда, что проукажет желанный успіх. Вот несчастный Неборакі думал только о том, как бы попаніти; ему было не до школы, а думал токмо о расписанных комнатах, о панском устройстві своего дома и о великом жалованіи, которое не заслужил, ибо не проуказал ни малійшаго успіха».

Яблонувчане тоже искренне радовались Баранчишину, ибо он, говоривали, так любит разговаривати с людьми! Видно, ніт в нем ни малійшей гордости. А голос у него такой сильный, такой приятный. Ну, наконец, будемє мати мир с своїм учителем.

Но наименованіє Баранчишина, разуміється, наилучше обрадовало

Лізеньку и ея старенькаго отца Константіна Білогорку. Первая нашла, что уже препятствіе, задерживающее ея обвинчаніе с любимым чоловіком, устранено; а старый Кость радовался, что при зяті мирно проживет свое остальное время и будет снова воспівати славу Божию на своем давнем кліросі.

Получив в руки свою назначительную грамоту, Михаил Баранчишин явился прежде всего у отца благочиннаго и просил, чтобы помістил его в новом званіи. Отец благочинный повірил ету должность приходскому священнику отцу Букаткі. И так новый учитель отправился в Яблоновку, представился своему новому настоятелю и просил его, чтобы распорядился на счет его перевоза и введенія в новую должность.

Замітив новаго учителя, громада сошлася и стали совіщатися, как бы наилучше устроити школу, учительскую квартиру, хозяйственныя зданія и все, что необходимо для того, чтобы новый учитель вшел в пристойный дом и не иміл никакого повода для жалобы. Рішили квартиру выбілити хорошенько, снабдити падіментом, печкою (*кальгою*), шпаргердом, обгородити двор, огород, исправить хлівы – єдным словом, привести все в порядок, и то все под восьми днями. А когда все будет готово, отправится с повозками за новым учителем.

Яблоновчане, будь їм к чести сказано, сдержали свое слово. В течение восьми дней привели в порядок дяко-учительскую квартиру. Дом был снабжен падіментом, печкою и шпаргердом и хорошенько выбілен, двор был обгорожен, хлівы, поправлены и уже указалось возможным перевезти новаго учителя в свое новое поміщеніе.

Повозки отправились. Недалеко нужно было идти, да и не много повозок требовалось. Знакомое діло, что молодой чоловік почти все свое с собою носит. Однако и Баранчишин требовал три-четыре повозки, відь у него был стол, постель, нісколько стульев, кое-какий хлібец да какіе там хозяйственныя снаряды. Все ето вмісті с самым учителем через день было перевезено. Повозки тронулись утром из Яблоновки, а вечером Баранчишин находился уже в своей квартирі, да еще хватило єму дня, чтобы розмістити свої вещи.

Однако, когда все было уже на своем місті, Баранчишину что-то сжало грудь и сердце, он почувствовал себя как-то неловко: окружающая его тишина, его одиночество пало каким-то угнетающим бременем на его душу: «Ах, как я чувствую теперь, – подумал он себi, – что нехорошо чоловіку єдиному быти. Если бы я должен сам жити в етой квартирі, то непременно не выдержал бы и пришлось бы оставить Яблоновку. К счастью, мое одиночество продлится недолго. Теперь уже ніт никакого препятствія, чтобы свадьба моя с Лізенькой состряпалась».

Баранчишин и занялся теперь ділом, чтобы невісту свою чім скоріе перепровадити из Оріховиці в свою квартиру. Разуміється, что сему должна была предшествовати свадьба и вінчанки.

З тіх пор, как введен в жизнь закон о гражданском бракі, вінчанки, как извѣстно, сопряжены с большими затрудненіями. Прежде всего необходимо позаботитися, чтоб имѣти при руках и жениху, и невісті свідѣтельства о рожденіи, о дозвѣтованіи воинской должности, соглашеніе на брак родителей; если таковых нѣтъ, а брачущіеся еще неполнолѣтны, необходимо соглашеніе сиротскаго трибунала – и кто его знает, что еще не придет в голову метрикарю, чтобы поставить какую там преграду. Но, если и все это находится в порядкѣ, теперішняя процедура оного длиннѣе, как была прежде. Оглашенія, разнаго рода протоколы, шляянья³⁶ от одного метрикаря к другому требуют много времени. Для чего Баранчишин поскоріе занялся ділом, чтобы всі еті мытарства, чім скоріе перешѣл. Да и не встрѣчал он нигдѣ препятствій; его бумаги были в порядкѣ, а Лізенькины тоже, для чего через три недѣли могли состряпати свадебку.

Свадьба odbyлась вполне скромно. Старому Константину было не до того, чтобы сзывать много гостей. Явилась только сама ближайшая родня. Баранчишин тоже не звал никого, но и не дѣлал излишних издержек. Даже не купил себѣ новой одежды. «Для чего израсходовать на пустяки? – говорил он. – Лучше еті деньги отложить, чтобы было чім начати хозяйство». Такой образ мыслей вполне соответствовал и состоянію, и финансам Баранчишина и сдѣлал очень хорошее впечатленіе на стараго Білогорку и Лізеньку, которые боялись, что Баранчишин захочет устроить свадьбу, як говорится, на весь свѣтъ, и таким способом разорит и себя, и їх.

Однако Баранчишин не хотѣл слѣдовать приміру современных учителей, которые воображают себя настоящими баринами и при подобной случайности настолько обременяются долгами, что не могут из них выкарабкаться чрез всю жизнь.

Свадьба, как сказано, odbyлась скромно и тихо. Не было ни пышных нарядов, ни отысканных³⁷ блюд, ни много гостей. Присутствовали

36 **Шляянье** – авторський (хибний) неологізм. Подля контекста автор мав би вихосновати туй іншої слово, приміром «бѣготня», «бѣганье». Причинов хибного написання було не в ушиткум доброй знатя автором російського языка (зазначка вишорителя – В. П.).

37 **Отысканный** – автор подля контекста мав би вихосновати туй іншої слово – «изысканный». Причинов хибного написання було не в ушиткум доброй знатя автором російського языка (зазначка вишорителя – В. П.).

только ті, появленіє которых по стародавньому обыкновенію оказалось необходимым. Лізенькі казалось обідним только то, что она принуждена была прежде всего заключити цивільный брак у метрикаря. Она никак не могла понять, на каком основаніи вмішавается метрикарь в самыя скрытыя тайны ея сердца? На каком основаніи получил он право спрашивать её о чувствах ея, которыя открывает она токмо одному Богу и своему избранному жениху! Однако брачущієся принуждены были перейти и чрез еті мытарства, да они и перешли сквозь них с самоотверженієм. Теперь уже ничто не препятствовало їм обвінчатися пред лицем Божиім. Вінчаніє отбылося строго по предписанію восточной церкви. Очи присутствующих наполнилися слезами, когда хор запіл: «Блаженны всі боящійся Господа и ходящій по путям Его». А когда прозвучало в храмі: «Исаіе ликуй, Дівая бо пріяты во чреві и породи Сына Емануїла, Бога же чоловіка, восток имя Ему...», «Да, Восток, – прошептал тихо Білогорка и очи его наполнились слезами, – ...а мы с дня на день все боліє и боліє теряєм восточный характер и становимся западняками».

Послі вінчання на Оріховиці был дан обід, послі котораго Баранчин перепровадил свою супругушку в своє поміщеніє. Другаго дня и старенький Кость оставил Оріховицу и перешел к своїм дітям. Солнце яркими лучами озарило остальные³⁸ дні его жизни. Он стал чувствоватися так, будто бы воспрянул к новой жизни. На своем давнем місті стал чувствоватися, как дома; ему здісь все было знакомо: к каждому містечку, к каждому углу привязывали его давнія воспоминанія. Старенький Кость будто бы отмолод, сділался ловким, легким, веселым и зажил своєю прежнею молододою жизнію.

Лізенька тоже почувствовалась вполні дома. Ёй было здісь знакомо все: двор, дом, комнаты, кухня, хозяйственныя зданія, огород, фруктовые деревья – все было ей своє и она легко могла орьєнтироваться во всіх своїх женских занятіях. А сколько милых дітских воспоминаній являлось ей на каждом шагу! Здісь гряді полола, там яблоки, груши, черешні, сливы срывала, там гніздышко отыскала и призиралася, как питает птичка птенцев своїх, там опять цвіточки садила и наслаждалася їх благоуханієм, там мотыльки ловила, ягоды сберала, малины садила; а теперь придется продолжати ей всі еті дітскія занятія! Какая ето радость, какая утіха! Лізенькі не хватило терпінія, она сей час хотіла занятися всіми етіми ділами. И как скоро распреділила свої вещи, сей час и занялась ими. Приближалась весна, для чего Лізенька стала

38 **Остальные** – автор подля контекста мав бы вихосновати туй иншакой слово – «оставшієся». Причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (зазначка вишорителя – В. П.).

заботитися, благовременно, чтобы ея огород не был посліднім, но чтобы служил приміром и для прочих жителей Яблоновки, для чего обозріла все и стала готовити план, гді что будет сіяти. Огород был ей знаком, для чего и знала, которая грядь для чего годится. Разуміється, что с тіх пор, как старый Кость принужден был оставить ето місто, не сділано в огороді ничего к лучшему; напротив, все опустіло, для чего много требовалось забот и труда, чтобы все привести в порядок и проуказати какой-то результат.

Лізенька прежде всего занялась удобренієм. В дворі было достаточно навозу то из зверев, то из перегнилой соломы; но находились еще и остатки того навозу, который отец оставил на дворі.

И так было чім одобрят³⁹ ея милыя гряді. Лізенька посмотріла и под помостинами в хлівах, и все собрала, что оказалось ей соотвітствующим, чтобы привести в цвітущее состояніе свой опустілый огород.

Многим, чей, покажется странным, что Лізенька сей час послі своєї свадьбы занялась такими ділами. Но кто взвісит, что она почти выросла в огороді, что хозяйство перешло ей в плоть и кров, тот найдет совсім природным ея заботы. И медяныя⁴⁰ неділі не слідует провести в бездйствіи, и тогда должно помнити, из чего будем жити. Послі таких забот и послі труда тім сладчайшими окажутся минуты супружеских ласк. Занятія Лізеньки в ея огороді показались для ней тім милійшими, ибо їх разділял с нею и ея супруг. Она и на Оріховиці занималась таким же трудом, но там не было никого, кто бы ей помагал и кто бы осоложивал ея минуты. А теперь все шло, так сказати, играя; так что труд показывался настоящим удовольствієм. И так не станем удивлятися, что как скоро растаял сніг и земля сділалась годною для обработки, сей час явились и гряді, путики – и огород показался в небывалом до тіх пор порядкі, так что чоловіку было весело поглядіти на него и провести в нем нѣкоторое время.

Помагая своєї супругушкі, Баранчишин стал размышляти о том, чтобы посоперничати с нею. Лізенькины цвіты будут цвісти, кухонная зелень будет давати плоды. Вот и смородина, крыжовник и малины обкопаны, уже зеленіют и будут плодоносити, а все ето заслуга Лізеньки. «А я чім похваляюся? Мні необходимо развести фруктовую школу».

39 **Одобрят** – туй и дале по тексту того слово автор веце раз хыбно хоснує у значеню: *російськ.* «удобрять»; *русин.* «гноити». Намісто того автор мав бы выхосновати слово «удобрят»; видав, причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором *російського языка* (зазначка *вишорителя* – В. П.).

40 **Медяный** – подля контекста автор мав бы дати туй иншакой слово – «медовый» (зазначка *вишорителя* – В. П.).

И Баранчишин одділил до половини югра землі в своєм огороді, вирыв ямы и стал насаживати дикія деревца, а другія стал садити косточками и зернятами. «Когда они примутся и вырастут до нужной высоты, буду прививати к ним благородныя віточки и устрою порядочное садоводство; фруктовою школою и садоводством необходимо мні заняться и по той причині, чтобы обучати сему полезному промыслу и мальчиков. Мы живем на достаточно неблагодарной почві, она не вознаграждает нас за наши труды. Наш народ біднієт, главным образом, для того, ибо не тім занимается, что могло бы ему принести пользу. Нїт сомнінія, что у нас лучше бы платило садоводство, чїм земледіліє. Я изо всїх сил займусь етїм промыслом; чей, Бог благословит мої труды и они принесут пользу не токмо мні, но и другим людям». Баранчишин изо всїх сил усиловался довлетворити своєму рішенію. И каждого дня побывал, по крайней мірі, половину часа в своей фруктовой школі. Разуміється, в етот час осмотріл каждое деревцо и всегда нашёл около них какое там полезное занятіє. Таким способом посаженныя дикія деревца попринимались, косточки стали кольчити и прозябати. Одним словом, фруктовая школа с дня на день усовершивалась.

Но Баранчишину пришло и еще что-то другое на мысль. Яблоновка находилась между горами, покрытыми темным лісом. В горах находилось много лісниц, т. е. диких яблонь и груш. Крім того, было много тополь, лип, ив, а в долині по берегам поточка росло множество верб.

По обоім берегам потока растілались цвітистые луга, а в самом селі в огородах было много фруктовых деревьєв, особенно яблонь. Не даром Яблоновка называлась Яблоновкою. Баранчишин понял, что здісь с успіхом могло бы развиваться пчеловодство.

Чтобы заняться пчеловодством, для того, конечно, необходимым оказалось приобрісти нїсколько ульєв пчел и создати кое-какую пасіку (пчельник). Баранчишин неолонга и получил от одного хозяина за чтение псалтырі улей пчел, неолонга получил и вторый, и третій; для начинанія было уже и того достаточно. Теперь из нїскольких дощек и вкопанных в землю деревянных столбов поставил среди своей фруктовой школы пчельник, послі поставил ульї в пчельник и приобріл руководство о пчеловодстві. Теперь уже двоякий інтерес привязывал Баранчишина к огороду: и фруктовая школа, и его пчелы. Поелику он предпринял ежедневно извѣстное время провести среди своих деревцев и среди своих пчел, а ето свое рішеніє исполнял он акуратно, натурально здісь, во всяком отношеніи, показывался успіх.

Но занимаясь садо- и пчеловодством, Баранчиин не забывал о своей главной должности – о школі. Он глубоко привязался ко своему

угрорусскому народу, в чем, главным образом, был он одолжен своей Лізенькі. Он не мог не видіти, что его народ находится в сожаленія достойной отсталости. «Для чего это так? – вопрошал себя Баранчишин. – Развѣ наш угрорусский народ не может похвалиться замѣтельными способностями? Наш народ даровит, в том не может быть ні малѣйшаго сомнѣнія. Между нашими мужиками находятся мастера-самоучки, которые превышаютъ своею способностью и ученых мастеров. Вот, на примѣр, между ними находятся плотники, с изумительным искусством созидающіе храмы, колокольні, между ними есть колесарі, столярі, бочечники, которые нигдѣ не учились, а однако готовятъ такіе возы, бочки, столы, двері, окна, что смѣло могут соперничать с любыми мастерами. Есть такіе люди, которые сами обучились грамотѣ; и вообще, діти в школахъ показываютъ изумительныя способности. Из всего этого слѣдует, что угрорусский народ не лишенъ дарованій, а он однако отстал! Что можетъ быть сему причиною? Эта причина, ніт сомнѣнія, находится в окружающихъ его обстоятельствахъ. Что же это за обстоятельства? Та вот первое обстоятельство то, что ті из угрорусскаго народа, которые кончили школы и сдѣлались образованными, всі оставили свой народ. Говорю, всі-всі без изыятія, и перешли в чужій табор, ибо иначе не могли существовать. Если каждый образованный чоловікъ оставляетъ свой народ и примкнетъ к чужому народу, тогда, разумеется, в народѣ останутся самыя необразованныя. Бѣдный русскій отец и мати родятъ образованныхъ лишь для чужих, а для своего народа – лишь таких, которые не достигли нікакой степени гражданственности. Да, между угрорусскимъ народомъ ніт інтелігенціі, ибо інтелігенція змінила своєму народу, сдѣлалась ренегатами. Вот для чего не замѣтно между нашимъ народомъ нікакаго преуспѣянія».

«Не преуспѣваетъ наш народ, – продолжалъ умствовать далѣе Баранчишин, – ибо ніт у него опытныхъ руководителей. Его учителя – это наѣмники, которые не о томъ заботятся, чтобы обучать народ, а о том, чтобы удостоиться награды за его омадярщенье. В самомъ ділі, наши школы, собственно, не школы; в нихъ відь не обучаютъ знаніямъ, а весь интересъ сосредоточили около того, чтобы вводить мадярскій языкъ. Положеніе нашихъ школъ таково, что оно даже не даетъ сравниться с положеніемъ школъ мадярскихъ. Мадярскія діти обучаются знаніямъ, а наши – чужему языкознанію. Понятно, что при такомъ состояніі діла наши школы и наши діти должны остаться назадъ и не могутъ в успѣхѣ сравниться с тіми школами, в которыхъ ніт нікакихъ преградъ для успѣха. А если вспомнемъ, что учителя, кромѣ сего затрудняющаго обстоятельства, должность свою исполняютъ недобросовѣстно. Сколько разъ приходится испытати, что

учителі в исполненні своєї учительської должности совсім небрежны и нерадивы; а чтоб однако засвидѣтельствовать, что учили прилїжно, научат там здороватися, пропїти какую-там пісенку или продекламовати какой-то стишок по мадярски – и вот етїм проявляется и весь успїх! А они еще ожидают награды за такое «совістное» дїйствованіе!

Учительская должность – это не шутка. Порядочный учитель много может содїйствовать для поднятїя народнаго образованїя и преуспїянїя, для чего должен совістно заняться школою.

Правда, что в школах не замїтен большой успїх, тому отчасти причина и сам народ. Он как-то інстинктивно чуждается школы. Часто слышати и такія жалобы: для чего буду обучати дїтей? Если сдїлаются учеными, то будут презирати своїх родителей, будут неприязненно относиться ко всему отцовскому и прадїдному, сдїлаются врагами своєї родні. Не станем утверждать, что все это справедливо, но, на всякий случай, есть в нем доля правды...», – Баранчишин стал раздумывати о том, каким способом можно бы достигнути, чтобы школа сдїлалась народу симпатичною и пришел к такому заключенїю, что народ только в таком случаї может полюбити школу, если в ней будет видїти что-то свое, родное. И так школа должна заниматься такими предметами, около которых, которыми живет народ.

«И так школа прежде всего должна обучати родному языку, который в нынїшнїх школах совсім пренебрегается, должна обучати русскому письму, чтобы дїти в церкви пїти и читати могли. Церковь – это самое роднїйшее мїсто для народа; в церкви чувствуется он совсім дома; ему жаль, если не может участвовать в богослуженїи, а радость и утїха, если запоет на клїросї или если прочтет Апостола. Но чтоб в богослуженїи участвовать, чтоб на клїросї пїти и читати мог, для того требуется знанїе русской грамоты, требуется и пониманїе того, что в церкви поют и читают. Как весело отпускали бы родители своїх дїтей в школу, если бы видїли, что они в церкви поют и читают! Но, увы, днесь дїти, хотя через шесть лїт ходят в школу, такого успїха обыкновенно не показывают. Їх мучат ненавистными предметами, до которых не имїют ни малїйшей охоты. А если вспомнути, что дїтей обучают не на їх родном языкї!

Чтобы школа имїла успїх, обучати должно на материнском языкї и начинати от симпатичных предметов, чтобы возбуждали інтерес в учащихся.

Но школа должна приносить и практическую пользу, должна имїти в виду водворяти благоbyt. Наш народ занимается почти исключительно земледїлїем и скотоводством, для чего школа должна быти для него руководителем в етїх отраслях хозяйства. Дїтей нужно бы частїйше

вывести на поле, обучати їх, как должно орати, как боронити землю, как спускати воду из млаковитой почвы, как расправляти кочки, как удобряти почву. Если бы народ узнал, что школа приносит практическую пользу для земледілія, его равнодушіе сей час превратилося бы в живійший інтерес, и школа сділалася бы ему милою.

Не меніе інтересовала бы народ школа, если бы она обучала скотоводству. У нас не понимают еще ціну хорошей породы скота. Біднійшіе люди держат маленькую домашнюю породу рогатаго скота, заможнійшіе же смотрят, чтобы были побольшіе рога. О том, что відь роги не платятся, а платится віс, платится такой скот, который иміет на собі тіло и который и при худом кормі вызирает хорошо, наши люди обыкновенно не размышляют, из чего часто и слідует, что рогатые волы заплатит мужик дорого, но за неимініем хорошаго корма и хорошаго пастбища, вообще по причині недостатка в средствах, волы ділаются тощими, и бідный мужик, не чтобы приобріл кое-что, напротив, еще утрачивает. Не позаботятся наши селяне и о том, чтобы vybrати быка хорошей породы; а держат обыкновенно быков, воспитанных дома от мелкаго домашняго скота; из чего слідует, что скотоводство, не чтобы процвітало и преуспівало, а с дня на день упадает. О том, как помочи скоту в болізни, нечего и говорити. Найдутся в селі разві какіе-там знахарі, которые, не чтобы помогли в біді, а еще губят діло».

Баранчишин хладнокровно взвісил все это и рішил, что он в воспріємчивыя души учеников своїх вкоренит такія начала, которыя будут пособствовать скотоводству. Для чего в час упражненія ума он ежедневно разговаривал о таких предметах, которыя клонились к тому, чтобы ученики приобріли свідінія из скотоводства. Он часто вопрошал, на примір:

– Чім животится чоловік?

Ученики: Хлібом.

Учитель: Токмо хлібом? А молоко и мясо не нужно чоловіку?

Учен.: Нужно и молоко.

Учит.: А еще что нужно?

Учен.: Масло, мясо, жир.

Учит.: Для чего это?

Учен.: Для того, ибо чоловічеськое тіло состоит из таких частей.

Учит.: А откуда получается молоко?

Учен.: От коровы.

Учит.: Что требуется для того, чтобы корова хорошо молока давала?

Учен.: Требуется хороший корм.

Учит.: Всякая ли корова дает одинаково молока?

Учит.: Ніт. Есть коровы лучшей и хужей породы. Коровы лучшей породы дают лучше и больше молока.

Учит.: Какія породы наилучше дают молока?

Учен.: Швейцарскія, алгавскія, молдавскія.

Учит.: Как выглядят еті породы?

Учен.: Еті породы обыкновенно короткорогія, білою шерсти с жёлтыми пятнами или темнобураго цвіта.

Учит.: Крім молока, какую пользу приносит нам еще рогатый скот?

Учен.: От рогатаго скота получаем еще мясо для пищи, кожу для обуви, шерсть для разных изділій, гной (навоз) для удобренія почвы; но можем получить из продажи скота и денег.

Учит.: Какой скот платится наилучше?

Учен.: Тот, который иміет больший віс (*который больше важит*), т. е. который хорошо їст и держит на себѣ мясо.

Учит.: Которая из знакомых нам пород иміет еті хорошія свойства?

Учен.: Алгавская порода.

Етакими собесѣдованіями усиловался Баранчишин вкоренити хорошія понятія и начала в сердцах своїх учеников о скотоводствѣ. Діти стали интересоватися етім предметом, говорили о нем дома, от чего школа сділалась интересантною и для тѣх, которые не ходили в школу. Но Баранчишин пошел еще дальше, он вводил своих учеников в хлѣв, обратил їх вниманіе на чистоту, на порядок, который должно соблюдать при кормленіи скота. Указал, как должно доїти коровы, как должно внимати, чтобы послѣ доенія в вымени не осталось молока, которое выгарает и часто причиняет воспаленіе вымени. Діти настолько полюбили еті практическія наставленія, что не было той силы, которая могла бы задержати їх от хожденія в школу.

Но еще большая была радость учеников, когда Баранчишин стал толковати, что и из деревьѣв можно приобрісти великую пользу. «Плоды – ето тоже хлѣб, – говорил Баранчишин. – Они покупаются и провадятся далеко в свѣт, ибо есть и такія страны, в которых не иміется фруктовых деревьѣв. Кобы у нас люди занялись порядочно садоводством, то могли бы сділатися людьми богатыми, ибо наш край очень годится для садоводства. Наши отцы знали пользу садоводства. Ето видно оттуда, ибо они не одно насадили фруктовое деревцо. Но отцы наши отжили вік свой; только гробы їх свидѣтельствуют о том, что они когда-то жили и дїйствовали, а насаженныя ими фруктовыя деревца тоже сділались уже хилыми и нїкоторя из них тоже, как насадители їх, перестали

существовать. Ибо ведь и дерево не живет вечно, а должно дожить до своего старости. Есть внуки и правнуки, которые еще пользуются плодами трудов отцов и дедов своих, но есть и такие, у которых уже нет этих плодов, ибо давно насаженные деревья тоже свалились в могилу. После трудолюбивых отцов настало легкомысленное нерадивое потомство, которое не заботилось о том, чтобы садить фруктовые деревья, и настало такое время, что на многих местах уже нет плодов. Дети, – говорил Баранчишин, – не правда ли: сливы, груши, яблока, орехи – все это вкусная пища, но она достанется только тем, которые хотят заниматься садоводством. Не даром же власти и приказывают учреждать фруктовые школы; это делается для того, ибо из плодов выходит замечательная польза. И так и наша фруктовая школа должна приведена быть в желанный порядок, ведь до сих пор находилась в опустелом состоянии».

По настоянию своего учителя яблоньчане обвели свою фруктовую школу рвом и обсадили живым забором (*городиною*). Неодолга в фруктовой школе явились дикие деревца, принесенные и пересаженные из леса, но одна часть была зорана и посажена косточками разных деревьев.

Пересаженные деревца неодолга сделались годными для прививки (*скіплення*). Баранчишин теперь один полдень в каждой неделе посвящал тому, что выводил учеников своих в фруктовую школу и прививал с ними благородные веточки к дичкам. При сем объяснял он наглядно, как должно прививать, и даже велел школьникам, чтобы сами прививали. Неодолга охота прививки сделалась цілою страстью у учеников, она охватила эпидемически всех, ходящих в школу, так что эти, если им на пути попался под руки какой-то способный субъект, сей час вынимали из сумочки нож и производили над ним операцию прививки. От учеников заохотились и старейшие, так что по всей Яблоньке пронеслась горячка прививать деревца. И сей час в первую весну было привито в селе более чем 5000 деревьев. И определить трудно, какая из этого вышла через несколько лет изумительная польза. Достаточно того, что на яблоньчанах сей час стали быть заметны признаки благобытия.

Но Баранчишин не был еще доволен тем, что он приохотил своих школьников и своих селян к садоводству. Он знал еще и другой способ, который без великаго напряжения и труда приносит замечательную пользу. Ему было всегда на уме, что своих селян должен таким же образом приохотить и к пчеловодству. Где есть фруктовые деревья, где весной все село тонет в цветах, там сама собою представляется возможность устроить и пчеловодство.

Как мы уже сказали выше, у Баранчишина была уже своя пасіка, которую он приліжно посіщал и в которой провадил почти все свое досужное⁴¹ время. Теперь начал он выводить и учеников своих в пасіку. Прежде всего познакомил он их с житьем насекомых, с их метаморфозами. Предложил им, что нужно им для жизни, между какими обстоятельствами размножаются, между какими обстоятельствами чувствуются хорошо и могут собирать все нужное для своего существования. Предложил, что пчелы тоже насекомые, но не из тех, которые наносят человеку убыток, напротив – очень полезные, доставляющие человеку и вкусную пищу, и замечательный доходок; и это все без малейшего, с его стороны, труда. Баранчишин вспомнул, что пчелы живут и в диком состоянии в лесах, но человек своим умом может устроить для них более благоприятные условия. После представил Баранчишин ученикам своим ульи системы Джиржона с рамками. Вспомнул, какая это выгода для человека, если видит, как пчелы расположены в ульях, как они работают, как матка несет яички и поставляет их в клеточках, как пчелы готовят для маток особые клеточки и как из них выходит матка. Здесь видна вся жизнь и весь труд пчелы. Кроме того, если человеку нужен мед, может вынуть его из рамки, а рамку, пустую, может вновь поставить в улей, чтобы пчелы наполнили ее вошиной и медом. Пчелы больше всего трудятся тем, чтобы приготовить соты, если же эти готовы, то это уже стоит не много труда, чтобы наполнить их патокой. Для чего Баранчишин, бывало, повышает пустые соты и поставляет их в улей; и таким образом соты или вошины в чрезвычайно короткий час окажутся наполненными патокой. На это обратит он внимание и своих учеников. Много толковал он им и о роении пчел. Объяснял, что это – первый рой, что – второй, что – третий, что такое парой и проч. И чтобы дети полюбили пчеловодство, кое-когда и делил между ними немного меда. Успех достигся полный. Через весь месяц май дети и толковали о том, как пчелы роятся и как это прекрасная пища – мед. Невозможно, чтобы эти детские разговоры не дошли и до родителей и прочей домашней челяди, вследствие чего в Яблоновке пчеловодство стало повседневным предметом разговора. Разумеется, что после разговоров следует дело, и кто только мог, усиловался приобрести себе улей пчел. Конечно, порядочных пасек еще не было, но сям-там под стрихой зачали являться ульи и недолго редко можно было видеть хозяина, у которого бы не находился «кымачок» пчел. Но дети много зачали говорить об ульях учителя, почему многие полюбопытствовали видеть эти ульи. Баранчишин с

41 В оригинале было напечатано так: «дасужный». Видав, туй проскочила печатная хыба, котру сьме виправили (заметка редактора – В. П.).

удовольством замітил, що яблонівчане цікавляться його новомодними ульями. Нікоторые, як говориться в простонародї, «майстровые» люди стали по образцу ульєв учителя и сами готовить подобные ульї и с радостію замітили, что сготовить подобный улей не представляет для них ни малїйшого затрудненїя. В короткое время стали они готовить такіе ульї и для самого учителя; и Баранчишин принужден был с удовольствием констатировати, что ульї Джиржона, сготовленные простыми русскими мужиками в Яблонівкї, вполне соответствуют своей ціли, а в многом еще лучши, чїм ті, которые у него были дома. Яблонівка сдїлалась неодолга медоточным селом, и селяне не только получали вкусную – к тому еще постную пищу, но и порядочные деньжонки, відь для меда всегда находится избыток – он нужен и берется на рынки всїх городов.

Крім сад- и пчеловодства, Баранчишин усиловался водворити в Яблонівкї любов к торговлї и ремеслам. Для достїженїя сей ціли он не пропустил ни одного удобнаго случая: в школї часто говорил о торговлї дітям, а внї школы толковал людям о торговлї, гдї попало.

При обученїи географїи не могла не прийти річ и о торговлї. В нашем отечествї есть города, торговля которых замїчательна. Баранчишин, когда річ пошла о торговлї, усиловался объяснить своїм ученикам, что такое торговля. Чтобы они не только произносили слово «торговля», но, своїм «умственным силам» соответственно, познакомились с понятїем торговли. Баранчишин предложил, что торговля – такое діло, без котораго не может обойтись чоловічество, ибо не все то, в чем нуждаемся, можем мы приобрести сами. Хлїб обыкновенно родит нам земля, но и трудом своїм можем добыть его; но соль, нефть, ширинку, одїж, нож и иные вещи должны мы покупать. Что же, если бы не было продающих, если бы не было купцев? Мы остались бы без етїх вещей. Нікоторые люди поняли это и взяли на себя труд, что они займуться доставкой нуждающимся необходимых для них вещей. Разумїется, что за труд свой они рассчитывали на нікоторую награду. Покупали нужныя людям вещи и стали продавать їм дороже, чїм сами покупали, чтобы нагородить свой труд. Таким способом повсталa торговля. Сначала она происходила чрез обмін. Мнї было нужно, напрімїр, желїзо, а другому – хлїб, и так я дал ему хлїб за желїза. Но впоследствии, зачїм торговля посредством обміна оказалась затруднительною, изобрїли деньги, или гроші, и за гроші мог покупать и продавать каждый, что захотїл.

Торговля составляет теперь способ содержанїя очень многих людей. Есть люди, которые исключительно живут из торговли. А наилучше годится она для таких, которые не имїют земли, и так не могут провадити земледїліе.

В нашем отечестве купцами, по большей части, состоят жида, ибо у них давно не было поземельных участков; и так они торговлею усиливались добыти себе все то, что нужно для жизни. Что торговля доставила им отличный способ существования, видно из того, что жиды находятся у нас в наилучших условиях жизни: скопили в своих руках имущество почти целого края.

Для нас, русских, торговля днесь-завтра тоже должна сделаться необходимостью, ибо народ множится и земля делится все на меньшие участки, и днесь-завтра ничего будет делить. Разумеется, что тогда нужно будет взятися за иной способ жизни и, у кого не будет земли, должен будет взятися за торговлю или за ремесла.

Такия начала усиловался Баранчишин вкоренити в юныя сердца своих учеников и, хотя сначала они и ускользали от внимания детей, но зачим часто повторялись, кое-что все-таки липло на них.

Чтобы, однако, діти все лучше и лучше сдружились с мыслею о торговлі, Баранчишин, особенно при арифметических уроках, задавал им такие приміры для разработки, которые относились к торговлі. Вот, наприклад: Козарь Иван, выйди к таблі и пиши: Ты купил в городе 24 кило нефти по 15-ти крайцарам. Сколько ты дал за эту нефть? Через какое действие можем это узнать?

— Через умножение, — отвечает ученик.

— Ну, и умножай.

Ученик кончит умножение.

— Окончил.

— Ну, сколько ты дал за нефть?

— 3 гульд. 60 кр., — отвечает ученик.

— А если ты продашь по 20 кр.-ам, сколько получишь?

— 4 гульд. 80 кр.

— И так ты выиграл — 1. гульд. 20 крайцаров на 24. кило.

Но село у вас великое, через день распродается 48. кило нефти, и так у тебя будет на день из одной нефти 2 гульд. 40 кр. чистого дохода. Но при сем ты продаешь и соль, и муку, и риз⁴², и крахмаль, и бочкоры (лапти), и ножики и проч. И так у тебя насбегается через день 5-6 гульденов чистого дохода. Не хороший ли это доходок? Сколько таких панов, которые не имеют на день 2-3 гульдена! И так торговля приносит человеку прекрасный способ содержания.

При таких уроках Баранчишин обыкновенно добавал:

— Видишь, сыне, если бы ты сделался купцем, то имел бы честный

42 **Риз** (бот. Огуза) — русин. «ріс», «ріж»; російськ. «рис» (зазначка вишорителя — В. П.).

доходок и не принужден бы через цілий день на зної, при палящем сонці, с мотыкой работати на полі.

Повторяя повседневно подобные уроки, Баранчишин достиг, наконец, цілі: его ученики заінтересовались торгвелею и стали между собою говорити о торговых ділах. Учитель, однако, не был доволен таким успіхом, он часто и сам замішався в їх разговор и разрішал їм затрудненія. Діло кончилось тім, что еті торговые толки из школы вышли в село, mezi жителей, да и между етіми возбудили інтерес к торгвеле.

Когда Баранчишин его замітил, стал всіми подходящими средствами поддерживать етот інтерес. Бывало, остановится между людьми, гді видит купочку, и заведет разговор о торгвеле. Так случилось в так называемую русальную пятницу, когда наши люди, и сами не зная для чего, воздерживаются от черной работы и святкуют. В етот день украшают дома зелеными вітвями и приготавливаются к Русалью (к пятидесятниці). Баранчишин, повинуюся общему обыкновенію, и сам вышел в чашу и готовил „голузы» (*vitvi*) для украшения своего дома. Народу набиралася порядочная купочка а зачали говорити о біді и нищеті – обыкновенный предмет разговора, – с которою їм приходится бороться.

– Ой бідa, честні люди, – вмішався в разговор Баранчишин, – но и не чудо, відь невозможно, чтобы наши пусті горы могли вас питати, и доставляти вам только доходка, чтобы вы и подать и прочьї выдатки свої могли носити.

– Ой, тото правда, пан учитель, – сказал Юска Гриць, – что наши горы пусты, уже и не стоит трудитися около них.

– Не лиш пусты, – сказал Баранчишин, но, – главное, – и мало їх. Подумайте лиш, сколько фамілій живет днесь на одном «телеці» (*по-містьє*), на котором давно, но еще за нашей памяти, жила одна фамілія.

– Ой, на дакотром телеці живет и пять, шесть, до десять фамілій. Там, гді была хижa и обыстьє моего прадіда, – сказал тот же Юска Гриць, – находится днесь пять фамілій. Из той земли, гді давно животилося шесть особ, днесь животитися уже шестьдесят.

– Ну, видите, честні люде, земля у наших руках всегда одна, она не чтобы убольшалася, а еще маліет, а люди, Богу слава, все больше и больше множатся. И так очевидно, что днесь-завтра земля нас уже прокормити не может. А вы всегда еще лиш из самой земли хотіли бы жити и не думаете об иншом способі, который бы доставлял вам выживленіє.

– Та об яком способі думати, пан учитель, відь не будем же ходити з «ряднєм» (*тряпьєм*) и с пищалкою, как жидаы?

– Для чего бы не ходити, хотя бы и с ряднєм и пищалкою, если етот способ доставляет возможность выживленія?

– Та что бы еще не придумали, пан учитель! Та як бы мог газда взяти на плечи мішук с ряндём, а в руки пищалку и так пуститися по світу? А где у нас такой отец, который бы отважился пустити свое дитя по світу с пищалкою и ряндём?

– Правда, у нас такой способ жизни является смішным; но он приводит к ціли. Видите, сколько у нас богачей, которые с пищалкою в руках и с мішком на плечах зачали свою торговую діяльність, а днесь уже живут в палатах и обладают домініями. Однако, братья, я не нахожу необходимым, чтобы каждый с пищалкою и ряндём зачинал торговлю. Можно торговати скотом, свинями; можно дома устроити лавку (*бовт*), купити солі, запалки, нафту, муку, лапті (*бочкору*), ножики, ширинки и прочія необходимыя для жизни вещи и продавати їх тім людям, которые в них нуждаются. Разуміється, продавати дороже, чім еті вещи куплены, ибо и продавающій заслужит какую-там нагороду за свой труд.

– А кто найдетcя у нас на такое діло? И наши отцы не торговали, и мы не знаєм торговати.

– «Научит біда попити, кедь ніт чего ся хопити» – говорит наша пословица. Мы уже близь того, что должны хотя бы улицы мести, кобы лиш зароботати кусник хліба.

– Учитель мудро говорит, – возразил другий почтенный газда, – из-за земли не можем жити, бо земли мало, та и та неплодovitа. Відь что-то лиш должны мы ділати, не полігаєм умерти от голода.

– Разуміється, что что-то должно нам ділати. Нужно искати способ, который бы помог жити. Смотрите, честні люди, другіє народы около нас занимаються, кто чім может: то торговлею, то ремеслами; только русин не ділаєт ничего, а сложа руки ждет голодной смерти. Добрый то наш народ, добрый, но не предприимчив; а днесь такой світ, что необходимо хвататися то за одно, то за другое, бо бідная земля уже не может нас кормити.

– Оно так и єсть, – отвітил Юска Гриць, – но видите, пан учитель, для того, чтобы завести торговлю, требуются гроші. Та як будеш торговати, коли не с чім? Товар відь никто не даст даром; а єсли ніт товару, то что будеш продавати?

– Навелико не нужно простирагтися. Сначала купиш за одну пятку самыя необходимыя вещи: нафту, соль, запалки, ножики и проч... А ког-да явится у тебя який то выигрыша, купиш больше, а послі – еще больше, пока не заведеш порядочный склеп (*лавку*).

– Но тото и біда, что у русина выигрыши никогда не будет. Русин не выиграєт, а непременно утратит.

– Для чого бы утрачал, відь купит дешево, а продаст дорожче?
– А наш русин, пан учитель, даст на віру, даколи и даром, и раз лиш увидит, что ни гроши, ни товару.

– Ах, братя, так не должно хозяйничати (*газдовати*). «Любімся по братски, рахуймесь по жидовски», – говорит наша пословица. Честному чоловіку в притиску можно и повірити; но такому, кто не звик платити, не должно дати ни крайцара на віру. Я с своєю части так совітовал бы, чтобы никому не давати на віру. Бо відь купец из готовых грошей живет, он не может выдаватися на случайности.

– Та хотя бы и добрі велося русину, та, видите, пан учитель, он однако не мог бы долго вести торговлю.

– А то для чого?

– Бо, видите, пан учитель, жида бы подпалили. У русина то и єсть наибольшая біда, что от всего боится.

– Говорите, жид запалил бы, а асекурація для чого? Должно за асекуроватися и тогда, не бойтєся, жид не будет палити. Для чого бы палил, когда прекрасно знает, что там не может сділати ніякого зла, ибо от асекураційного (*страхового*) общества потерпівший шкоду получит порядочное вознагражденіє.

– Ой, пане, айбо я, однако, не хотіл бы горіти.

– Не бойтєся, не будете горіти, бо жид не запалит, когда видит, что вы заасекурованы. В сем отношеніи можете быти совершенно спокоєн. Я омного больше боюся податливой природы русина. Русин, как извѣстно, мягкой природы, он даст упроситися. Купит товар и станет продавати. Придет кум, придет хороший знакомый или даже який-там сродник и станет просити на віру. Русин не устоит настоящей просьбі и, наконец, дасть. А что выйдет из того? Бессомнінно лиш одно: что ему не заплатят, а хотя бы и заплатили, но не на термин. А термин в купечестві – великое слово, ибо, єсли ніт чім платити в свое время, из того могут произойти великія замішательства и потері: русин, извините за слово, и того не знает, на яком дереві родится термин.

– Ой, тото так, пан учитель, русин кобы лиш взял, о том не журится, як бы отдати и заплатити.

– Но торговым чоловіком должен быти такой, кто не поддастся и настойчивой просьбі, а ділаєт рассудительно и не допустит, чтобы єго торговья сношенія подвергались опасности.

– Трудное-то діло быти купцем и торговым чоловіком.

– Разумієтся, что для того трудное, кто к тому не смыслит; однако для тіх, кої выучили купеческую школу или состояли купеческими помощниками, оно очень легкое. Я и не совітую вам сділатися купцами без всякаго предварительнаго приготовленія.

— Як же мы можем к купечеству приготовитися?

— Як? Та, видите, посылайте своїх дітей к купцам, чтобы прислуживали їм; там они научатся, как должно провадити купечество.

— А ци не треба буде там платити?

— Ніт; діти ваши сначала будут там «учнями», будут выслуживати в купеческих лавках (*бовтах*), позже сділаются прикащиками (*товаришами*), а тогда уже они сами будут получать плату.

— Ой, та сесе не иншак, — сказав Юска Гриць, — я свого Иванка повезу в вареш (*город*), най учится купеческому ремеслу.

— Сесе разумное слово. Ах, Господи, какая бы то утіха, если бы мы увиділи у нас дома своїх торгующих людей и не были бы принуждены всі свої грошики отдавати пархам и плекати тіх, кої нас разоряют. Бо, видите, честные люди, пока у нас не будет своих ремесленников и своих торговых людей, до тіх пор мы всегда будем убогіе и нищіе люди. Видиш, брате, работаєш через цілую неділю, а что заработал, все отдаєш жиду; бо нужно купити соли, муки, ширинку, обувь; нужно подшити чобот, сшити реклик, кабат.., а своего чоловіка ніт, кто бы ето сділал — и так ты принужден ити к жиду и... всі твої грошики перейдут в жидовскую мошню.

— Ой, тото так, кобы у нас были свої купцы и ремесленники, та наши грошики остались бы у нас самих.

— Ну, не так ли, Грицю? Наконец вы поразуміли, что я хотіл сказати.

— Теперь вижу, для чего русин лиш всегда работает, а ничего не иміет.

— Не правда ли? Русин работает, а все, что заработал, несет жиду. Не говорю, что за паленку, но за такія вещи, без которых не можно жити, и за ремесленные работы. И так наши христіанскія дудочки не остаются у нас, христіан, а перевандруют к жидам. Мы труждаемся, работаем, а жида богатіют. Как бы то хорошо, если бы мы трудились, но если бы мы и богатіли; а пока у нас ніт своих торговых людей, своих ремесленников и своих корчмарей, забогатіти для нас невозможно. И так, честные люди, берітеся за торговлю, за ремесла, если хотите, чтобы вас жида всіх не забрали в свої мошны.

— Ой, правда... А як бы зачинати, пан учитель?

— Як зачинати? Та зачніте вы, Грицю. У вас преразумный сыночок. Отведіте его в вареш, чтобы учился торговлі. Я найду вам купца, который его радостно приймет; и там научится, як должно куповати крам (товар) и як продавати, научится торговати, а когда будет знати, тогда придет в Яблоновку и отворит собі лавку (*бовт*), и мы будем у своего чоловіка пополняти свої нужды. А знаєте, еще что из того выйдет?

– Что такое, пан учитель?

– Та вот то, что вы не будете ділити своє помістьє (*телек*) и больше части (*приданого*) будете мочи дати своїм дівкам.

– Ну, а сын чім начнет торговати?

– Сын из учня сділається купеческим товарищем (*прикащиком*). Тут уже будет получати порядочную плату. Если будет честным, бережливым чоловіком, может назберати собі только, чтобы мог отворити невеликий бовт. Ну, а если бы ему чім-то помогли та, разумеется, было бы лучше.

– Ну, пан учитель, я вижу, что вы разумно говорите, и я готов повезти своего Юрочка в вареш.

– А я буду искати для него порядочное місто. Однако прежде всего должен я вам сказать, Грицю, что сын ваш должен будет честно вести себе на своем новом місті. Он будет в бовті; там всякія вещи будут ему под руками. Діти обыкновенно лакомы, добрі наклеплите ему в голову, чтобы ни до чего не дотулился, бо кобы дашто понадил⁴³, тогда, разумеется, с нечестью выгонят вон. Крім того, должен он послушливым быти и усиловатися, чтобы его полюбили – лиш так может рассчитывать на успіх.

– Но, коли вы, куме Грицю, везете свого Юрочка в вареш, и я повезу свого Петрика, чей, не будет їм так тяжко за своїм селом.

– Из вашего Петрика был бы премудрый колесарь, – возразил учитель, бо и дома непрерывно возики фабрикует.

– Та горазд, най будет колесарь.

– Колесарство тоже прекрасное ремесло. Видите, воза каждому треба, а в селі ніт ни одного порядочного колесаря. Бабрают такі, что до колесарства ничего не уміют, а бідные люди принуждены на таких возах ходити, на яких ходили еще сперед тысячу годами. Дакотрое колесо больше подобно на шестиугольник, чім на колесо. А осі, расохи, бирфы и прч. – все так дебелиовато и так неуклюже, что чоловіку мерзко и посмотри на такіе возы. Кобы в Яблоновкі появился порядочный колесарь, тот иміл бы порядочный доходок и мог бы собі по пански жити.

– А я отдам своего Василька за столяря, – сказал третій газда.

– Столярство – тоже прекрасное ремесло. Окна, двері, мебель – всё готовят столярі, и не один грош зарабатывают. Сколько новых домов строится! А к каждому необходима столярская работа. Крім того, необходимо что-то поставити и в хижу: нужен стол, стульці (*стулья*), постель, лады, шкафы и прочая утварь; все ето готовят столярі. А у нас

43 **Понадил** (*русин.*) – потягнув. В орігіналі было напечатаной так: «поновил». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

все это делают неумиленные люди. Для того на хижих ни порядочных окон, ни порядочных дверей. А мебель какова в хижих! Ни порядочного стола, ни стульев, ни постели. Кобы в селі был порядочный столяр, то и сам мог бы честно выжить, и в хижинах явились бы порядочные столы, шкафы, лады – порядочные утварь. Но и окна, и двери на хижинах были бы порядно сготовлены, чим всі сельськіє обитателі взяли бы на себя боліє образованный, гражданственный вид.

– Ой, справедливо говорите, пан учитель, – возразил один смугловатый, убого одітый чоловік, – я отдам своего Симочка за столяра; днесь-завтра уже и так не может нас земля кормить, бо, видите, поділилася, а часточку должно было продать, бо не было хліба, та и порцію (*подать*) просили... Днесь земли уже так мало, что выжить из ней совсім невозможно. Добрі будет, кедь Симочко дашто заработает долотом, пилою и стругом...

– Таку бесіду уже люблю, – сказал учитель. – Теперь я о том буду заботиться, чтобы дітям вашим отыскал в вароші порядочные міста. Доброе ремесло и мурническое, бо и мурник (*каменищик*) много может заработать. Ах, кобы в Яблоновкі явились купцы и ремесленники, но не от жидов, а от наших людей, русину сей час лучше бы тут жити, а и само село через нисколько годов походило бы боліє на варешик. А главное – наши грошики не переходили бы в жидовскія мошны, а остались бы у нас. На наш кровавый пот богатіли бы не иноплеменники, а мы сами.

Послі такого разговора яблоновчане разошлись кто-куда; но разговор этот стал служить предметом собесідованій. Через нисколько время часто можно было видети, что яблоновчане собираются в купочки и ведут между собой собесідованія, основанієм которых и служил разговор с Баранчишиным.

Послі какого-там полгода в Яблоновкі сділалось убіжденієм каждого смыслящего чоловіка, что без купцев и без ремесленников народ не может существовать, что только такой народ может быти состоятельным, у котораго свої люди ведут торговлю и свої люди состоят ремесленниками.

Когда такое убіжденіє укріпилося между обитателями Яблоновки, мало по малу зачали они раздумывать о том, как бы привести в жизнь еті начала, как бы достигнути того, чтобы в Яблоновкі явились свої купцы и свої ремесленники.

Тому мы были уже свидітели, что Юска Гриць и нисколько другие газды согласились отдать своїх сыновей в город, чтобы училися купечеству и ремеслам. Учитель Баранчишин тоже приобіщал, что будет

содійствовати такому підприємству, что по своїм связям будет поміщати в городі сыновей своїх людей на хорошия міста.

Самым ближайшим городом к Яблонівці был Боров. Этот городок славился індустрією. В нем находились ремесленники всякаго рода. Купечество тоже процвітало в нем. Конечно, імпазантных лавок с блестящими выставками в нем не имілось, однако мелких купцев было достаточно, которые вели, хотя и не світовую, однако потребностям окрестности совсім соотвітствующую торговлю. Торговые люди и ремесленники в Борові были, по большей части, словаки и чехи да находились и жидаы; однако лавки їх были грязны и они и не находились в так подавляющем большинстві, как ето обыкновенно водится в иных городах нашего отечества. Характер города был славянский, так что, крім славянскаго – словацкаго и чешскаго, едва ли можно было слышати инаго слова.

Сюда – к трудолюбивым чехам и словакам поміщали Баранчишин своїх клієнтов, и поміщали не без успіха, поелику русскіє мальчики от природы понятливы, для чего легко присвоівали необходимыя їм знанія.

Послі трех літ в Яблонівці появилась первая кузня. Кузнецом оказался не цыган, как ето прежде бывало, а настоящин русин, сын одного селянина.

Люди сначала стали относиться к нему небрежно. Но когда увиділи, что он работает порядочно, но он кує не на зарінку, а в порядочной мастерской, что у него не цыганская «куча», а порядочный домик, краше котораго едва обрїтался в цілої Яблонівці, когда увиділи, что он одівається чисто, почти что не по щегольски, что кушает, как слідует всякому порядочному хозяину, то и уваженіє стало к нему расти, и то тім боліє, ибо когда увиділи, что его работа омного превышает цыганскую работу, что цыганскую «бабранину» с его порядочным трудом и сравнити не можно, жителі зачали оставлять цыган и стали в его кузні дозвлетворяти своїм потребностям. Новый кузнец неодола сділался уважаемым согражданином яблонівчан, так что и в общих ділах всегда иміл віскоє, едва ли не рішающее слово.

Но и в селі зачали являтися порядочныя кузнєцкія изділія, так что яблонівчане стали гордиться ими, так как ни в одном селі в цілої окресности не было ни так порядочно окованнаго воза, ни плуга, ни топора, ни так хорошо покованных коней, как в Яблонівці, для чего порядочныє люди и из сосідных сел стали стекатися к яблонівскому кузнецу. И так не чудо, что яблонівскому кузнецу, как говорится, везло и он в коротком времени сділался состоятельным чоловіком.

Послі русской кузни неодола оказалась в Яблонівці и русская

столярная. К новому столяру из-межи русинов не относились яблончане уже так презрительно, відь столярство не цыганское ремесло, да оно дало иной вид Яблоновкі – обновило, так сказати, все село. В Яблоновкі на всіх новітших зданіях явились порядочныя окна и двері, порядочный потолок и порядочная мебель. Мило стало войти в каждую новітшую хижину. Чоловік чувствовался в ней так, как в любом панском домі.

Но и ветхія зданія стали перестраиватися. Если какой-то уважаемый селянин вшел в новую хижу и увиділ, какія в ней порядочныя двері и окна, ему стало стыдно, чтобы его окна и двері были старой, грубой, дебеливатой работы, для чего и в старых хижках стали являтися новыя двері, новыя окна, новая утварь, новая посуда. Разуміється, что из всего этого новый столяр иміл прекрасный доходек и хотя-нехотя сділался состоятельным чоловіком.

Когда уже мог и пощеголяти, прежде всего создал себѣ порядочное жилище, соорудил домик по приміру городских домов. Разуміється, что при сей работѣ усиловался проуказати все свое искусство, вслѣдствіе чего домик явился так чинный, так сіметрично, с таким изяществом созданный, что любо было на него посмотри́ти. Не только яблончане, но и жителі окрестных сел с гордостью сознавали, что и у русина может быти порядочный дом, который не уступает многим городским зданіям.

В сосѣдстві с сим домом появилась мастерская бочаря (*боднаря*), тоже с пристойным домом. Явились и кое-какія лавки (*бовты*), в которых русины стали продавати соль, нафту, запалки, ножики, муку, селѣдцы, москалики, ширинки и прочія необходимыя для простаго народа вещи. В Яблоновкі стало возможным купити ризу, сахару, даже кофе, а все продавали русины. В непродолжительном времени появилась цілая улица из порядочных домов, так что Яблоновка взяла на себя вид не-большаго городка. Между жителями появился предприимчивый дух и у всіх приліжных людей стали появлятися деньжонки. А главное діло – у своїх людей.

Разуміється, что такое состояніе діла не нравилось людям Мойсеева исповіданія. Они привыкли к тому, чтобы лиш сами торговали, чтобы сами завідывали всіми ремеслами, они отдавна всякий крайцар, появившийся в селі, брали в свой карман, а теперь с ужасом замітили, что русскіе крайцарики обходят їх, а сыплются в русскіе же кошельки. А еті крайцарики дійствительно попадали в русскія руки. Главною причиною того было то, что Баранчишин из всей души увіщевал своих людей, чтобы все, что їм нужно, покупали у русских купцев, чтобы для удовлетворенія своих нужд прибѣгали к русским ремесленникам. В сем ділі

піддерживав свого учителя и приходский священник о. Букатка, который с амвона не раз воззывал своїх пасомых, чтобы для дозлетворенія своїм потребностям обращались не к жидам, а к христіанам. Жиды стали сначала раздавати голоса неудовольствія против русских купцев и ремесленников, позже стали грозити; наконец, пустили по селу такіі поголоски, что школа, что фара, что лавка Юска Петра будет горіти: даже стали разбрасывати по улицам угрожающія письма. Отвітом на еті угрозы было то, что угрожаемые дали застраховати свої дома. Увидів страховыя (*асекураційныя*) таблички на домах, жиды замолчали и принуждены были с самоотверженіем сносити свое горе. Для чего поджигати? Відь страховое общество и так заплатит гою; и таким способом еще лучше разбогатіет и сділається еще опаснїйшим соперником.

И так христіанскіе жителі, несмотря на всі махінації жидов, продолжали свое діло. Продавали своїм, а свої куповали у своїх; обращались к мастрам своей віры, а мастры-христіане снабжали своих сожителей христіан хорошею работою.

Между такими обстоятельствами жиды перестали ділати гешефты и обирати христіан в Яблоновкі. Но поелику жид без гешефту жити не может, чего было ділати? Жиды мало-помалу зачали выселятися из Яблоновки. Наконец Яблоновка сділалась чистою от жидов.

Теперь просвітило яблоновчанам; они остались сами и некому было мішати їм в їх различных хлопотах, некому было отстраняти їх от пути, ведущаго к благополучію. Відь в Яблоновкі и корчмы, и лавки, и ремесла находились в руках христіан.

Отец Букатка стал завидіти себї, ибо храм Божий не только в воскресные и праздничные дні битком был полон, но люди стали соблюдать еті святые дні так, как Бог приказал, по христіанскому закону. В дни воскресные и праздничные в Яблоновкі было тихо, не слышны были безобразные крики, не видно было соблазнительных танцев, не раздавались из корчмы дикія пісні пьянствующих и демонская музыка; ибо корчма в дні праздные была затворена. Дні Божїі отбывались по Божьему. Люди, по большей части, около церкви под липой разговаривали о ділах благочестія и о разных громадских вопросах, из которых проистекала польза для общины. Послі таких разговоров одни проводили время в семейном кругі и говорили семейству о благодати Божьей, другіе посіщали больных и удрученных горем и усиловались развеселити їх, треті помогали бідным то добрым совітом, то подаваніями – и так дні праздничные дїйствительно принимали на себя вид дней Божьїх, в которые особенно соблюдается заповідь любви к Богу и ближнему.

Яблонівка таким способом в воскресеньє и праздничные дні брала на себя вид справедливой христiанской общины.

В будні же в Яблонівці повсюду закипіла робота. Земледільці тружились на полях и облегли землю, словно муравїї. Они придавали большеє значеніє тому, чтобы не только орали, сіяли, копали, косили и собирали урожай, но, главное, чтобы удобрили почву и сдїлали єї плодоносною. Для чего очищали от сорных кустов, прорывали рвы для проведенія мокроты, раскапывали кочки (*куцінки*) и сравнивали почву, которую послї покрывали навозом. Чтобы собрати чїм больше навозу, снашивали листья из лісов, стелили под скот и накопляли только навозу, что хватило їм для одобренія всїх земель, которыя особенно нуждались в одобренїи.

Но не только на полі, и в самом селі не преставала робота: из кузни раздавался стук молота, в столярнях не переставал стук струга и долота, бочарь набивал обручі и ковал от утра до вечера. Любо было посмотри на етот муравейник чоловіческого труда. Наблюдающему так и сунулась в голову мысль, что чоловік создан для труда. В лавках тоже не оставалось без суматохи: одни приходили, другіє отходили, дозлетворив своїм потребностям.

Не должно забыти нам и о пчелниках. В Яблонівці почти при каждом домі находился и пчельник, пчелы дїлали своє діло, снашивая⁴⁴ солодкий мед, а обладатели пчельников коє-когда заглядывали в улеї, очищали їх, хранили от нападающих хищников, выбирая мед, и радовались, когда виділи, что и еті крошечные труженики їх преуспівают.

Около фруктовых деревьев тоже шел усиленный труд. Когда тому настала пора, прививали деревца, очищали їх от гусениц, отрізывали дикія літорасли, а осенью собирали богатые плоды. Яблонівка из-за своїх плодов стала выплачивать всі свої податі. Из далеких мадярских стран приходили мадяры в Яблонівку и покупали яблока, груши и сливы, и грецкіє орїхи, а часто міняли яблока на пшеницу, и так все ето приносило хороший доходук. Но из-за границы приходили поляки и польскіє жидаы и очень хорошо платили за сливы, которыя уносили в бочках, по большей части, во Львов и его окрестности; а сок из слив (*леквар*) платили еще лучше, и не одному бідаку проволокли дні и дали способ, чтобы мог дозлетворити всім своїм жгучим должностям.

Понятно, что Яблонівка между такими обстоятельствами начала новую жизнь. Обитателі єя сбросили давнюю неподвижную вегетативную оболочку и зажили так, как прочї народы отечества. Они стали

44 В оригіналі было напечатаной так: «снашиваси». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме виправили (*зазначка вишорителя* – В. П.).

сами рассуждати о своїх нуждах и не ожидали того, чтобы другіе, не-прошенные опекуны заботились о них. Бывало, нужно было їх силою принуждати к тому, чтобы поправили себѣ путі и дороги; а поелику принуждали їх силою к поправкѣ путей, порядочных путей у них никогда не было. «Силовым оком не напозираеш» – говорит наша пословица. Она наилучше оправдалась в Яблоновкѣ. Верхности принуждали обитателей к поправкѣ дорог, для чего порядочных дорог никогда не было. Когда вышел приказ, чтобы поправляти дороги, нѣсколько людей вышло с мотыками на дорогу, выбрали грязь из ярков, выметали на дорогу и тѣм работа и кончилась. Верхности не контролировали работу селян, а селяне, разумеется, искали себѣ полегконю, и дорога не чтобы сдѣлалась лучшею, а по каждой поправкѣ – еще хужею.

Отколь в Яблоновкѣ завелись своѣ торговлі, своѣ ремесленники, отколь стало процвітати пчело- и садоводство, а главное, отколь во школѣ сознательно стали обучати знаніям, все в ней переминилось. Люди стали зрѣльше размышляти. «Та видь ето наша польза, если дороги у нас сдѣлаются лучшими», – говорили они. Послѣ собрались в громаду и рѣшили, чтобы дорога была поправлена. «По лихим дорогам губятся наши возы, пропадает скот, замедляется вывоз и привоз, портится здоровье. Дорогу должно поправить радикально, а не то чтобы наметати из рвов грязи а послѣ оставить все, чтобы проходящіе по осѣ тонули в грязи». Всѣ одобрили такое рѣшеніе и взялись с удовольствіем за поправку дороги. Прежде всего, были с двух боков дороги прорыты глубокіе ярки (*шанцы*), полотно дороги поднято высоко, чтобы вода стекала, дорога сначала устелена великими камнями, а устелена систематически, чтобы камень лежал при камени, поверх великих камней насыпано мелких толченых камней, а гдѣ находилась низина, там поставлены мосты. Сначала разумеется очень примитивные, но они однако вполне соответствовали своѣй цѣли.

Яблоновку полукругом обтекала небольшая рѣка. Через неѣ ходили вброд да легко переправлялись через неѣ на повозках. Однако, если пошел проливной дождь или взимѣ, когда края рѣчки позамерзали, перейти чрез неѣ оказалось затруднительным, нѣкогда даже невозможным.

В осѣни, когда возили хлѣб, сіно с поля, рѣчка, вслѣдствіе дождливой погоды, часто так разольяла, что перейти чрез неѣ оказалось вполне невозможным. В такой час застановлялась вся работа и яблоновчане принуждены были бездѣльно присматриватись, как праца їх пропадает. Чтобы помочи етому положенію, рѣшили они соорудити на рѣчкѣ мост. Мост требовал больших издержек и великаго труда; однако ето не настрашило їх, и они рѣшили, что мост все-таки должно поставить;

и рішення своє привели в исполненіє. Когда мост был готов и предан сообщенію, лиш тогда поняли яблоньчане, какое полезное діло совершили для себя.

Когда и дорога, и мост были готовы, любо стало жити в Яблонькѣ. Возы стали держати два раза так долго, скот показывался тучнѣйшим, люди веселѣйшими и, чудо, даже урожай зачал быти омноо обѣльнѣйшим. Многі сначала даже не поняли, какое вліяніє может произвести мост и дороги на урожай, но діло в том, что, зачѣм был мост и хорошая дорога, люди могли в пору вывезти навоз, зачати работу а, главное, могли в пору привезти с поля домой свой урожай, так что из него ничего не пропадало. А, бывало, пока не было моста и хорошей дороги, очень много хлѣба сгнило или было съѣдено мышами или птицами на полі. И так не чудо, что яблоньчанам стали всі завидѣти, и завидѣл бы и сам Неборакі, если был видѣл, какая перемена сдѣлалась в ней с тѣх пор, как он отправился из ней.

Неборакі, однако, не мог видѣти перемену, которая произошла в Яблонькѣ, на душу его ложался тяжелый туман и он проводил печальные дні свої в зевденіи умалишенных на Леопольдовом полі недалеко Будапешта.

Положеніє его сначала казалось не совсѣм безнадежным, так как на нем часто показывались признаки неистовства; а о неистовых умалишенных так думают врачи, что они могут выздоровѣти. Неистовство Неборакі однако не было такого свойства; послѣ припадков неистовства їм овладѣло какое-то отупленіє чувств и он пал в тихую летаргію, прерываемую порой припадками бѣшенства. В таком положеніи провел Неборакі нѣсколько лѣт. Всѣ усилія врачей вызвать в нем интерес к окружающей средѣ оказались безуспѣшными.

В эту пору была отворена в Будапештѣ мілениарная⁴⁵ выставка. Приготовленіє ся проглотило великанскія суммы. Понятно, что распорядителям выставки шло о том, чтобы етѣ суммы были собраны с посѣтителѣй выставки, для чего всі силы напрягли, чтобы выставку посѣщало чѣм больше людей. На желѣзных дорогах были понижены цѣны до половины для тѣх, которые шли на выставку. Власти воззвали подвѣдомственных чиновников, чтобы не пропустили явиться на выставку. Учителям приказано собрати чѣм больше дѣтей и с своїми учениками вмѣстѣ посѣтити выставку. Для дѣтей были приготовлены квартиры, даже харч, только чтобы побывали на выставкѣ.

45 **Міленарный** (од *лат.* millenium – тысячолѣтія). Міленіум – державні ославы (у 1896 році) з нагоди 1000-літнього юбілея Угорської держави (зазначка *вишорителя* – В. П.).

Разуміється, що между такими обстоятельствами и яблоновский учитель Баранчишин не мог ускользнути от должности побывати на будапештской выставці. «Но если уже должно ити, – думал он собі, – то непременно возьму с собой и Лізеньку; відь ето такой случай побывати в Будапешті, какой не представится другой раз».

Но из Яблоновки не токмо Баранчишину и Лізенькі и нісьольким из его учеников посчастливилось отпрапитися в Будапешт, с ними отправился и пан биров (*сельский голова*) с писарем и еще двоє-трое из яблоновских ремесленников.

Путешествіє началось и продолжалось в веселом расположеніи духа, но ни желізная дорога, ни вызванные на ней порядки не производили на наших путешествующих никакого особеннаго впечатлінія. Они мірили все по своїм соотношеніям.

– Тадь тут наскоро можно везтися, – сказал Юска Гриць, ибо и он находился в компаніи, – айбо нам из того невеликий хосен.

– Як бы невеликий хосен? Відь видите, что через дванадцати часов перейдем цілую Угорщину.

– Та тото с нами теперь раз стается во всю жизнь нашу. Знаю, что я больше не буду сюда путешествовати в моеї жизни.

– А кто бы угадал?

– Я знаю, что не буду сюда ходити.

– Та хотя и не будеш больше ходити, та теперь ти горазд, что через нісьолько часов будеш уже в Пешті, а кобы ити возом, та требовалося бы найменьше один тыждень.

– Айбо израхуй лиш, брате, тоты шкоды, которыя причиняет нам каждого дня желізница.

– Шкоды!? Я еще не чув, обы желізница дакому шкоду наробила.

– Может быти и не чув, и я не чув; айбо, видиш, пане бирове, я раздумовал и сам вижу, что желізница много шкоды робит бідным людам. Бо, видиш, сколько краму привозит и отвозит желізница, а тото до-теперь вшитко фурманёши возили. Сколько дудочок они заробили при сей фурманці, а тото теперь вшитко желізница отобрала.

– Ой, правда, правда.

– Подумай, пане бирове, сколько краму (*товару*) перевозит желізница через год, який то великий грош! Доходит до много міліонов; а тото, бывало, вшитко зарабатывали бідные фурманёши, а тоту велику суму желізница выняла їм из мошны. Сими міліонами бідный люд сділался худобнійшим.

– Правда, брате, я о сем не думал.

– Ну, видиш, желізница бідному люду не чтобы приносила поль-

зу, а еще шкодит. Желѣзница хосновита знаєш кому? Жидам та панам. Жиды ходят торгуючи по ярмаркам, та як бы їм желѣзница не была в пригоді! А паны ходят по купелям та по варешам, та и їм треба желѣзницы. А мы, бідныє русины, от того часу зачали худобніти, отколи явилися желѣзницы. Айбо желѣзницы шкодят нам, ци знаєш еще для чого?

– Та діля чого еще?

– Та не можеш догадатися? Ну, та я ти повім. Желѣзницы шкодят нам и для того, бо что лиш єсть у нас добраго, вшитко вывезут от нас. Вывезут дрова, а мы должны будеме зябнути; вывезут яйца, сыр, молоко, а мы мусиме постити; вывезут овощи, скот, а мы бідуйме, як знаєме... Ой, брате, оттогда зачинається наша горька доля, отколи желѣзница зачала свистати.

Баранчишин прислушивался такому умствованію Юска Гриця а наконец сказал:

– Вы правду говорите, Грицю; желѣзныя дороги забрали от людей фурман и вывозят от нас дерево, яйца, сіно, овощи и проч., но вывозят лиш от тѣх, кто сам дает; силою не берут ничего. Мы не должны дати то, что нам самим нужно.

– Тадь того так, айбо коли чоловік притиснется на дудку.

– Хотя бы як притисся, то, что єму необходимо нужно, не должен бы отдати от себя. Но наши люди еще не достаточно научилися уму-разуму; нужно бы їм лучше учиться. Видите, Грицю, для чего понадобится школа.

– Так того так, айбо и школа не годна оправити тоту шкоду, которую нам желѣзныя дороги причинили.

Между такими разговорами, разуміється, время быстро шло, но и поїзд не дремал, и наши путешественники около девятого часа прибыли в Будапешт.

Здѣсь представилась нашим путешественникам невиданная до сих пор панорама. Желѣзнодорожный дворец, імпозантныя арки котораго представляют рѣдкое зрѣлище, с своїм электрическим освѣщенієм представился нашим сельским обитателям каким-то сказочным, вольшебным замком. Изъѣмши Баранчишина, всі разінули рты и не могли спустити глаз из чудовищнаго⁴⁶, в электрическом свѣті плавающаго зданія. Вышедши из перона, изумленные мужички очутились лицом к лицу к таким же в сказочном блескѣ плакающим три-, чetyрeетажным зданіям.

Зданія поднимаются высоко и всі пловут в огнях, по улицам бігут

46 Чудовищный – туй мало бы стояти иншакой слово – «чудный»; видав, причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (за-значка вишорителя – В. П.).

кареты одна за другою, стук не утихає ні на минуточку. Но вот Баранчишин нанял извозчиков. Юска Гриць, сельский голова и всі пришедшие тоже садятся в кареты. Бідному Грицю закружилась голова и произнес к сельскому голове:

– Ну, бирове, теперь уже не знаю, куда нас поведут – ци в пекло, ци в царство?

– И я не знаю, Грицю, айбо лиш сідайте, тадь, чей, пан учитель не хочет с женою идти в пекло.

Садились всі, а извозчики помчались.

Юска Гриць, биров и прочие мужики, да еще и Лізенька не могли спустити глаз с великолпных зданій. Они чувствовались так, будто находятся гді-то в околдованном городе, гді и люди, и дома принадлежат какому-то вышеестественному царству. Не могли они очнуться от овладівшого ими обвороженія, как извозчики остановились пред каким-то великолпным зданіем. Это был отель, в котором для них была назначена квартира. Как скоро они остановились, сей час явились пред каретами служащие, сняли багаж и ввели їх в тісную комнату, на середині которой находился круглый диван, обтянутый бархатовой матеріей. Наши путешественники становились в смиренной позі при вході, а Баранчишин с Лізенькой заняли місто на дивані. Однако Баранчишин воззвал и їх занять місто возлі него. Когда всі садились на округлый диван, тот зачал с ними вверх подниматися. Крім Баранчишина, всі испугались, Лізенька закричала от испуга; Юска Гриць даже хотіл соскочити с дівана: однако прежде чім мог в дійствіе привести свое наміреніе, очутился в так узенькой круглой трубообразной башенькі, что соскочити с дівана оказалось вполне невозможным. Испуг, однако, был непродолжителен, ибо в дві-три секунды всі находились уже в самом верхнем етажі отеля и пред ними открылся порядочный коридор, гді было уже отворено для них соотвітствующее поміщеніе, состоящее из двух комнат, из которых одну занял Баранчишин с своей супругой, а другая осталась для прочих его товарищей.

Помістившись в своей квартирі, Баранчишин отпроводил своїх спутников в реставрацію, гді поужинав, возвратились и ложились спать, чтобы выпочити труды путешествія.

Другого дня утром Баранчишин с своїми спутниками опять очутился в ресторані, гді всі повыпивали свой кофе. Конечно, сельской голове и его компанії показался такой завтрак очень недостаточным, но они держались того правила, что «с волками жити – по волчій выти», и не показывали, что они голодны. Послі завтрака отправились всі осмотріти выставку.

Павильёны – історический, искусств и художеств, путей сообщения, лісничій, флота лиш остолько интересовали їх, что они показались їм очень изящными; но тім боліе рассматривали земледільческий, гдї вниманіе свое обращали на плуги, молотильныя и иныя земледільческія машины; кромі сего очень занимали їх скоты – коровы, телёнки, лошади, овцы, свині и иныя домашнія животныя разной породы. Не минули они осмотра и разнаго рода птицы: кури, гуси, утки, индїйки и не могли достаточно надивитися, что в світі какія крупныя птицы водятся.

Перваго же дня послі прибытія в Будапешт Баранчишину пришло на ум посітити Неборакі, который находился в домі умалишенных на Леопольдовом полі и о котором доходили такія вѣсти, что он поправляется. Леопольдово поле находится от Будапешта в отстоянїи одной милі земли. Оставив сотоварищей своїх в гостинницѣ под наблюденіем сельскаго головы, Баранчишин нанял извозчика и с Лізенькой отправился в Леопольдово поле. Выхлопотав дозволеніе видѣти своего давняго знакомаго, Баранчишин с Лізенькой был поведен в обширный сад, в котором Неборакі гулял уже без всякаго надзора. Замѣтив приближающихся к себѣ гостей, Неборакі стал удалятися. Лізенькі стало жаль, она прибавила к шагу и оставила Баранчишина в одной алеѣ. Когда находилась от Неборакі только в отдаленїи каких-там десяти шагов, кликнула:

– Господин Небораку, неужелі вы не знаете меня?

Неборакі остановился, как вкопанный.

– Лізенька! – крикнул он, неужелі это вы?

– Я самая, – отвѣтила Ліза, – я пришла видѣти вас.

– Благодарю, благодарю. И так вы не сердитесь на меня?

– Ето наш христіанскій долг отпущати обидѣвшим нас. Мнѣ и моему супругу – Баранчишину – стало жаль, что вы пали в немоц, но мы слышали, что вам уже лучше и пришли посітити вас. Вот и Баранчишин!

Баранчишин при етїх словах показался из-межи алеѣ.

– Здравствуй, друг! Каково твоѣ здоровье?

– Ах, ето ты, Баранчишин?

– Да, как видиш, тот самый.

– Не знаю, чему приписать твоѣ посѣщеніе?

– Христіанской любви, друг. Мы пришли удостовѣритися о твоѣм здоровьѣ.

– Как видите, я совершенно поправился. День через один или два я оставлю ето заведеніе.

– Нам очень приятно собственными глазами видѣти, что вы здоров, господин Неборакі.

– Оставьте, Лізенька, это поконечное «-і». Я – просто Неборак, как это давно бывало. Видите, я уже выздоровів и от этого сумасбродства. Мой покойный отец был «Неборак», ну и, стало быти, я тоже должен быти Небораком.

– Очень радуюсь, – сказал Баранчишин, – что здоровье твое настолько поправилось, что ты чисто сознаєш, что ты Неборак.

– Друг мой, я с тіх пор и захворал, когда мні вбили в голову, что я Неборакі. Иль это возможно, чтобы чоловік при ясном рассудкі отка- зался от своего имени, от своего родителя, от своей родины?

– Ну, друг, твої слова свидѣтельствуот, что ты совершенно здоров.

– Я надіюсь, что завтра уже оставлю это заведение.

– Так мы можем вмісті идти домой.

– Мні было бы это очень приятно.

– А нам тоже, – возразила Лізенька.

– Мы завтра еще раз прийдем сюда и уже вмісті оставим это заве- дение.

– А я буду хлопотати, чтобы діла мої были приведены в порядок и чтобы меня отпустили.

– Чей, и я бы мог быти в чем-то к твоім услугам.

– Конечно, если бы и ты появился у врача, діло пошло бы легче.

– С большим удовольствиєм. Можем сей час отправитися к врачу.

Баранчишин, Лізенька вмісті с Небораком отправились ко врачу.

Секундер – врачом в заведенії состоял нікто чоловік молодой, ти- хий и привітливый, – когда увиділ Неборака, сей час подал ему руку и сказал:

– Надіюсь, господин Неборакі, чувствуетесь совершенно хорошо.

– Как и видите, господин доктор. Біда только в том, что мні ужасно скучно в етом заведенії. Имію честь представить Вам моего давняго друга господина учителя Баранчишина, с его супругой. Я очень обязан їм, что посітив выставку, они вспомнули и обо мні и пришли видіти меня.

– Ах, это прекрасное чоловіколюбивое діло, – сказал доктор.

– Это просто долг, господин доктор. Иль возможно ли побывати в Будапешті и знати, что здісь находится один из друзей моей юности и не навістити его?

– Ну и как, понравилась вам выставка?

– Сказати правду, мы еще не вполні пересмотріли её; но и то, что мы до сих пор виділи, восхищает нас.

– И вы даже и супругу привезли сюда, чтобы виділа Будапешт, – сказал доктор, поклонившися Лізенькі.

– Как бы мой муж не привез меня сюда, – сказала Ліза, – когда женщины так любопытны.

– Я пришел к Вам, господин доктор, с ділом. Вы знаете, что я совершенно здоров, прошу Вас, выпустите меня из заведения. Я желал бы с друзьями своїми отправиться домой.

– А будет ли у вас средств для путешествія?

– Ах, на счет средств не беспокойтесь, господин доктор. Мы уже сумієм найти способ, чтобы наш друг путешествовал с нами. Відь нас здісь больше.

– Если так, то ніт никакой причины, чтобы господин Небораки и дальше оставался в заведении. Он сей час может оставить его, відь Богу слава, он совершенно здоров.

Доктор сей час и написал бумагу, в которой констатірует сказанное, и дал господину Небораку свободу, чтобы мог оставить заведение.

Неборак сей час и оставил Леопольдово поле и в обществе Баранчишина и Лізеньки отправился в Будапешт, гді, разуміється, и остановился на квартирі яблоньчан.

Великое было удивление послідных, особенно Юска Гриця, когда увиділи пред собою Неборака совершенно здоровым, а к тому тихим, скромным, привітливым. Даже внішній вид его перемінился. Прежнее оттолкнвающее выражение его лица перемінилось в сімпатичное.

– Я тут между вами, честные люди, и, как видите, я совершенно здоров и наміряю идти домой, но біда в том, что у меня рішительно ніт никаких средств и так я принужден или искати собі здісь в Будапешті какое-то занятие, или просити вас: сділайте со мною милость и ссудите меня деньжонками, чтобы мог въедно с вами отправиться домой.

– Да відь у Вас, госп. учитель, остались еше кое-какіе деньги на селі; из етїх денег вот Вам десять гульденов.

– Благодарю Вас, госп. биров.

– Для желізнодорожной карты будет достаточно, а о прочих иждівленіях не заботітесь, відь вы тут будете с нами.

– Ну, видите, пан учитель, теперь уже и я люблю вас, – сказал Юска Гриць, – думаю, что и вы уже не сердитесь на мене.

– Научит біда попити, кедь нечего ся хопити, – сказал Неборак.

– Ну, теперь высказали вы всю правду.

– А как там поживают теперь яблоньчане? – спросил Неборак.

– Як?! Яблонька теперь – настоящий варош (*город*). Увидите, як будем дома.

– Та як бы то могло быти?

– Впросите нашого любимаго учителя – Баранчишина, и он все расскажет вам.

– Но пора бы нам посмотріти єще раз выставку, – сказал Баранчишин, – поєлику неодолга должно нам вернутися домой.

– Я тоже рад бы видіти что-то, – сказал Неборак.

– Єсли так, та поїдем, – проговорила Лізенька.

– И так, я пойду, – сказал Баранчишин, – отыскати извощика.

– Для чего? Відь хорошо будет немножко пройтися, по крайней мірі, полюбуємся прекрасными зданіями города, – сказала Ліза.

– Но выставка далеко, идти пішком будет утомительно.

– Єсли наскучит прогулка, – возразила Ліза, – мы садимся на трамвай. Дешевле будет.

– Твоя воля, – сказал Баранчишин.

Послі сего всі отправились посмотріти выставку. На єтот раз шли пішком по желанію Лізеньки, которая завела с Небораком оживленный разговор. Однако, к своему удивленію, замітила, что Неборак почти не помнит, что когда-то был и в Оріховиці. Из чего и заключала Лізенька, что всі вызванн्या їм там сцены были совершены в неосознательном для него состоянїи и так не могут быти єму вміняємы.

Утомившись от длиннаго пути, на Керепешской улиці садились наши товарищі на электрический трамвай, который в нїсколько минут и доставил їх в выставку.

Выставка, кажется, на єтот раз не очень занимала їх. Мужики однако остановились при рогатом скоті, красоті котораго не могли достаточно надивоватися: осматривали и земледілческія машины, и Юска Гриць не удержался, чтоб не замітил:

– Ну, тут куда ни посмотри, повсюду встрічаєшься с нечистою силой.

– С якою нечистою силой? – впросил Баранчишин.

– Та, чей, нас сюда привезла нечистая сила? Відь тот «транвай», ци что за чорт, везет нечистая сила. Не везут ни коні, ни паровая машина, а само собой біжит и лиш искры мечет... Та, чей, тото не нечистая сила?

– Нїт, Грицю, нїт, – возразил Баранчишин, – то все ділаєт электричество, то самое, что блискаєт и гремит в час бурі.

– Ну, позирайся. Та як можно блискавиці (*молнію*) ухамати, чтобы везла? Тут, вижу, люди и чорта осідлают и носятся на нем.

– Ну, Грицю, кобы вас паны розуміли, Боже, як бы сміялися над вами.

– Говоріте, что хотите, а я один знаю, что тут в Пешті и чортов упрігают и вьозятся їми.

– Не дайте высміятися, Грицю.

– Говоріте, що хочете. Чей, нас и из Яблоновки сюда не нечистая сила привезла? Тепер, пан учитель, повсюду роблят с чортом, играють с чортом; ой, тото не пустинки, бо чорт всегда будет чортом и он перехитрит еще тих мудрых и разумных, которые его тепер осіддали. Не слідовало бы играти с огнём.

– Ну, подождіте мало, Грицю, и я все разьясню вам, и тогда не будете везді видіти чорта.

– Ну, позирайте, адде хотят без рук жати, косити, копати... Что, чей, и сіе не чортовска работа?

– Тото разум на образ Божий созданного чоловіка, а не чорт...

– Айбо Бог для труда сотворил чоловіка: чоловік должен копати, косити, жати, а не заставить чорта, чтобы вмісто него работал.

– Но гді тут чорт?

– Не говоріте, пан учитель, что тут ніт чорта; відь без чорта не можно бы везти цілый поїзд. Посмотріте, связано до сто и боліе вагонов, и они идут сами собою, никто їх не тягнет, а идут не помалу, а летят як птицы, чей то не чорт? А видите ли, мы посідали на трамвай – ніт ни волов, ни лошадей, ніт ніякой живой силы, а трамвай искры сыплет и летит! Чей то, не чорт?

– Ніт, не чорт, Грицю; такое можете вы и дома при печи видіти. Жена ваша поставит в огню горшок, наполненный водою и прикрьет его феделкой (покрышка); когда вода зачала кипіти, не правда ли, крышка то поднимается, то опускается. Пара, образующаяся из кипящей воды, хочет высвободиться из горшка, для чего и поднимает крышку. Когда пара высвободилась, крышка опять падает на горшок, и опять поднимается – и так дальше. Представте тепер себi вмісто горшка один великий котел с водою, а вмісто феделки – затычку. Если вода станет кипіти, образующаяся в котлі пара будет поднимати затычку, если же пара через нікое отверстие высвободилась, тогда затычка опять падет. И так затычка будет то горі, то долу ходити в котлі. Если тепер к сей затычкi и к колесу прикріпится желізный шест (*руд*), то он и будет обертати колесо, и так локомотива будет двигатися и везти за собой вагоны. Видите, Грицю, тут ніякого чорта ніт, а все сіе основывается на силі пары, которая и приводит в движение машину и цілый поїзд.

– Пара, пара, но видите, пан учитель, тота пара як бы выходила из преисподніх, из пасти самого діавола.

– Не дайте высміятися, Грицю, відь каждый знает, что пара образується из воды.

– Най будет и так; но тот трамвай, из которого пара не выходит, а лиш искры сыплются, не может быть без діавольскаго вмішательства.

– И тут ніт діавола. Тут вмісто пара дійствує електричество – та самая сила, которая производит гром и молнію.

– Та як бы то могло быти?

– Кобы вы училися, то и знали бы, а без науки я не могу сего объяснить вам, ибо и так бы не поняли мене.

– Правда, мы – неучені люде, та нам найлучше молчати и ни во что не вмішатися.

– Лучше посмотріте, Грицю, тут волики. Не так ли, пыха была бы впрягати їх в ярмо.

– Та что думаете, пан учитель, чей на нашей паші можно бы выкормити такі волята? Попробуйте їх попровадити в Яблоновку, заставляюся (бьюся об заклад), что через місяц не останется из них ни половины.

– А тоты коровки, не правда ли, придалося бы выдоїти?

– Прекрасны, ніт чего говорить, но оні не для нас, яблоновчан. Мы попали гді-то в бездолную сторону, гді не можно ни скот выкормити, ни самим загаздовати.

– Есть, Грицю, еще и пустійшия стороны. А о том краї что сказати, гді люди в кошарках носят за горы гной (*навоз*) и в простынях (плахтах), на ліствицах (*лазивах*) сношивают сіно из неприступных скал, а однако живут и благоденствуют, а еще какой прекрасный скот выкармливают. Слышались Вы, Грицю, о швейцарских коровах?

– Айбо там паша не ид нашей, пан учитель.

– Вы бы рады, чтобы у вас шелковая трава родилась и чтобы в воздуху жареные голубі літали, а вы чтобы горіниц лежали и так промыкали вкусную печенину. Не так ли, Грицю?

– Ой, пан учитель, вы обернули нас в ничто.

– Я не вам говорю, Грицю, но между нами очень много таких людей, которым очень придались бы мої слова. У нас, если чоловік бабрает в день через три-четыре часа, уже жалуется, что страх как «переробився», но порядочные люди трудятся день-ноч, чтобы только могли честно прожити.

– Правда, пан учитель, мы не можем так работати як, наприклад, таліяне, гранеры и німцы, а знаете, для чего не можем?

– Любопытен знати; чей, у русскаго чоловіка не такія руки, как у таліяна, или, чей, у него меньше силы?

– Ой, пан учитель, вірьте, у нас менша сила, бо, видите, у нас хужий кост.

– Ну, видите, Грицю, кобы русский чоловік сильнійше трудился, то

мог бы у него и кост были лучше; а зачем не трудится, то и кост у него хужий, чим у других народов.

– Як вы того разумієте, пан учитель?

– Та вот так: если бы русин приліжнійше трудился, то мог бы заслужить себе лучшую плату и тогда мог бы питаться лучшим «коштом»; а поскольку русин трудится очень потиху, то и не получает хорошую плату и не за что кормиться хорошим коштом. Видите, Грицю, у нас строились железные дороги, но русины при них мало заслужили, бо не работали так, как итальянцы и гранеры.

– Бо, видите, пан учитель, русинов не принимали на работу.

– Не принимали, бо русины не работали так, как швабы, тальяне и другие. Знаете, Грицю, что тот, кто платит, тот хочет видеть, за что платит; не можно день простояти, як на поповском деннику. Гді нужно показати правду, там русин не хлоп.

– Ой, та вижу, пан учитель, что и вы русинам не друг.

– Я от всей души люблю свой русский народ; я засвидетельствовал в Яблоновкі, что люблю Вас, ибо Яблоновка моім старанієм процвіла; но точно для того, ибо люблю вас, должен вам в очи сказать правду, чтобы знали чего держатися.

Когда Юска Гриць так разговоривал с Баранчишиным, Лізенька с Небораком осматривали выставку домашніх птиц как такую, которая наиболее интересовала Лізеньку. Конечно, птицы были хорошие, однако какой-то особенной новой породы Лізенька не находила в них. Только утки величины с гуся привлекали в ней к себе особенное внимание.

– Если пожелаете, – сказал Неборак, который заметил, что Лізенькі понравились еті крупные утки, – можем приобрести несколько яиц из етіх уток. Думаю, что в Яблоновкі будет ето в диковинку.

– Вы очень обяжете меня, если поможете приобрести несколько таких яиц. По крайней мірі, только памятки привезем себе с Будапешта.

Неборакі похлопотал, куда слідует, и купля сей час была готова. Лізенька купила дванадцать яиц.

– Скажите мні, госп. Неборак, но не рассердитесь, – сказала Лізенька, – что Вы наміряли со мной, когда Вы напали на меня одну в лісі?

– Когда? Я не помню.

– Не помните. Ну, и хорошо: если так, то и забуду про ето.

Лізенька так размышляла в себе. «Ето сділал он, віроятно, в приступі умопомішательства или ему стыдно и не хочет вспомнати об етом». И в первом, и в втором случаі в глазах Лізеньки еті обстоятельства много послужат к его извиненію.

На виставці яблонівчане не забавлялись долго; оглядів по можливості все, вони вернулись на свою квартиру. Баранчишин, Лізенька і Неборакі побували ще в театрі; селяне не ждали відіти театр, так як вони не розуміють мадярського мови; а на другий день рішили відпочитися вдома.

На повернутому шляху нічого помітного не сталося. Ранком відправились з Будапешта, а ввечері були вже в Яблонівці.

Яблонівка справила на Небрана приємне враження, від якого він провів кілька часу зі своєї молодості; і хоча його час буди в ньому не дуже приємні спогади, відносно відчувался він звідси все-таки краще, ніж на Леопольдовому полі.

Але особливо вражала його ця зміна, яку помітив уже на вулиці Яблонівки. Замість опустівлого деревця побачив він перед собою щось вроді маленького містечка з порядковою вулицею і дуже вибитими, дошками покритими будинками. Крім будинків, помітив він багато бджільників і порядкові господарські будівлі, які свідчували про те, що благополуччя яблонівчан з тих часів, як він був в Яблонівці, багато змінилось вперед. Неборак, звичайно, виявився гостем Баранчишина і його вражала опрятність і затишок вчительського будинку. Не було звідси ніякої розкоші, нічого такого, що нагадувало б мегаломанію, але в цьому простому будинку панувала скромність, жив в ньому мир і любов, і вся обстановка відповідала вчительському званню.

— Скажи мені, друг, — запитав одного дня Неборак Баранчишина, — яким способом розподілялась Яблонівка в нинішньому містечку?

— Та ось, друг, люди ділились розумом і почали жити так, як пристало чоловікові. Не стану заперечувати, що і я, кілька разів, посилювався внушати їм когось хороших думки. Так, я викликав в них бажання до ремесла, до садівництва і бджільництва, а з цього вийшла велика користь. Ось, ще не минуло десять років, як ти залишив Яблонівку, і тебе вражала помічена в ній зміна.

— Для чого ж ніт такої зміни нині?

— Для цього, бо народ нехорошо навчається. Наш народ розумний і добрий, він легко зрозуміє, що йому на користь; а якщо вже зрозумів, то стане тому і дотримуватися. В більшості наших сільських шкіл вся наука повертається тільки навколо того, щоб дітей навчити говорити по мадярськи, а на все інше звертається мало уваги. Я почав навчати і іншим предметам, особливо таким, які мають велику користь і ось результат виявився вражаючим. Навчати мові — це ще не означає навчати знання, бо сама мова ще не знання, а засіб, яким

знаніє приобрітається. Вот, друг, и ты промахнулся, что, крім мадярського языка, не учил ничему.

– Я сознаю свою ошибку; но в том виноват не вполні я; я получил такой приказ.

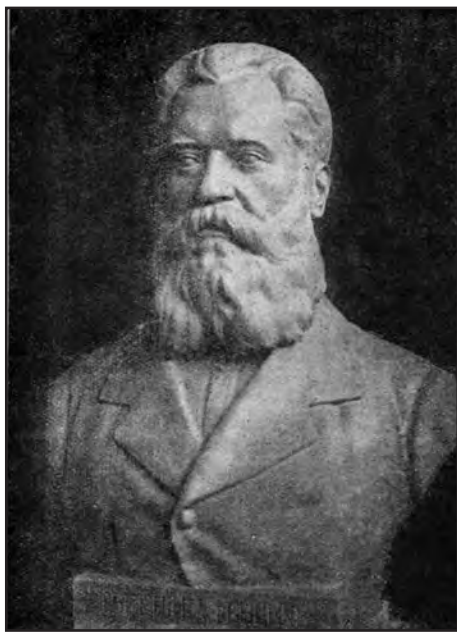
– Напротив, я учу всему, что полезным считаю; учу читати, писати, и то не только по мадярски, как на многих містах водится, но и по русски. Відь, если мальчик ни Апостола, ни молитв из молитвенника прочитати не умієт, тогда что ему за польза из школы. Учю счисленію, учю хозяйству, відь для наших людей первое діло, чтобы знали, как орати, копати, как одобряті землю, учу садо- и пчеловодству; учу всему, из чего бідный русин может получитьи какую там пользу. Но и моя Лізенька не бездільничаєт: она часто призывает к себѣ дівушек и заставляєт їх варити обід, указует їм, как спечи вкусный хлѣб, учит шити, вязати, узоры вышивати, учит, как ходити около домашніх птиц. И, видиш, друг, наши усилия Бог вінчал успіхом. Тебя поразила переміна в Яблоновкѣ, и справедливо. Я убѣжден, что немного таких сел, какими теперь является Яблоновка.

– Ну, друг, я тоже очень многому научился от тебя, и если когда-то удасться мнѣ бити порядочным чоловіком, то етим обязан я тебѣ. Меня воспитали и вели ложным путем, а ты отворил мнѣ очи. Я от тебя узнал, кто я таков, и понял всю лож или фальш, в которую я попал вслѣдствіе едукації моїх настоятелей. Днесь знаю я, чим я одолжен своему отечеству и своему народу. Я вижу достигнутые тобой блестящіе результаты, и так задача моя в том, чтобы поняти и метод, которым ты руководился. Я льщу себя надеждой, что я его и пойму и тогда не останется мнѣ иного, как подражати тебѣ.

Неборак неолонга занял учительское помѣщеніє близъ Яблоновки. Во всем дієствованіи своем усиловался подражати Баранчишину, и учительская діятельность его стала приносить хорошие плоды. Обзаведши себя найбільіе необходимыми вещами, нашѣл он себѣ и подругу жизни – опытную вдову одного учителя, находящуюся в близком сродствѣ с Лізенькой.

Дні Неборака послѣ стольких невзгод стали плыти благополучно. Он стал приобрітати уваженіє и сділался полезным и счастливым чоловіком.

ІЛУСТРАЦІЇ

Єдиной знамой фото Євгенія Фенцика (изліва) и бюст работы скульпторкы Олены Мондич, котрый вна ваяла про ужгородський памятник (1926).

Торжественной одкрытя памятника Є. Фенцику в Ужгороді 16 мая 1926 рока. Ид присутнім ся пригваряє архідіакон Євменій Сабов, научник и голова Ужгородського общества А. Духновича (стоит, у лівій части фото).

Памятник С. Фенцику днесь.

Христосъ воскресъ!

Воскресаетъ мая 14. 1869.

Провозвѣстій Сатанина!

Удивително, что я такъ обваренъ ничу
къ вамъ, кто я такой славный,
который былъ какъ семинаристъ,
и я убежденъ, что вы это ска-
завалино примете. И слава
Богу уже рукоположенъ во пресви-
тера и уже до сихъ еще осыпаетъ
и осужденъ, когда надвигая на
Григорья, что эта австрийская за-
падная Гривва уже не долго
будетъ лаять съ насъ удаловъ.
И жемчужина на Марии Васильи-
ковой, дочери одного ревнаго
русскаго православнаго Душана
австрийскаго свещенника; фран-
цузъ его вилла изъ Россіи, пришедъ
кельнъ франциска Васильковъ,

Каждый год в Петербург море,
иногда ввечеру приезжает в
Пасовуку.

И наконец Павел Кавалерский,
милый Самуилка сего фотографиро-
ванен в суровом, каменном, что
на это Кавалерский приемлен,
как будто маю в Павел Кавалерский,
сам.

Видя же знает естество у Павла
нехоту Кавалерский Самуилка при-
емлен, именуемый в Кавалерский
Сын Кавалерский Кавалерский,
— Кавалерский Кавалерский Кавалерский,
Кавалерский Кавалерский, и Кавалерский
не на сего Кавалерский Кавалерский,
Два Кавалерский Кавалерский и Кавалерский
Кавалерский.

Не забывайтесь обоим в своем
состоянии.

Правда. Все Павел:
Евгений Кавалерский. Кавалерский
Кавалерский

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

на часть

ВТОРАГО КЛАССА НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ.

НАПИСАЛЪ И СОСТАВИЛЪ :

ИВАНЪ ГАШПАРЪ,

надзиратель народныхъ школъ въ комитатахъ ниже-бѣломъ
и кюкюкловскомъ.

ПЕРЕВЕЛЪ :

ЕВГЕНІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ФЕНЦИКЪ,

священникъ Мукачевской епархіи.

Угорск.-царск. министромъ религіи и просвѣщенія вѣнчанное
отвѣтное сочиненіе.

Лавочная цѣна 30 кр.

Право переведенія и переделанія задерживается.

БУДИНЪ.

Собственность угорско-царской державы.

1870.

115. Весенняя пѣсня.

Здравствуй часъ весны прелестный,
Ты блестишь красой чудесной;
Тамъ на небѣ стѣтлы тучи (хмары),
Здѣсь пѣсня птички летучей.
Цвѣты намъ благоухаютъ,
И ягнятка ужъ играютъ:
Вотъ природа вся развилась,
Зла зима ужъ окончилась.
Здѣсь весна, зима пропала
Всё ожило, Богу слава!

116. Вербы на берегѣ ручья.

При ручьѣ журчащемъ вербы процвѣтаютъ,
Вѣдь зиму проспали холодну, замерзлу,
И дождались видѣть вновь весну прелестну,
Обновляются ужъ, да изъ сна вставаютъ.

Въ солнца яркомъ свѣтѣ пчелы къ нимъ приходятъ
До сихъ поръ они не оставляли мѣста,
Но теперь вызвала ихъ погода чиста —
На цвѣтъ верхъ сѣдаютъ, медъ домой уносятъ.

Цвѣты пищею, питьемъ ихъ подчиваютъ,
Пчелы принимаетъ поле, лѣсъ радушно,
И они изъ цвѣтокъ суютъ сокъ сладкій вкусно,
И гостепріимство пѣсней награждаютъ.

117. Жаворонокъ.

Знаете-ли малаго жаворонка? Жаворонокъ
маленькая пѣвучая птичка; не множко больша воробья,
а перя его также сивы какъ перья воробья.

Если весною ходимъ по полю можемъ видѣть
сколько-нибудь жаворонковъ. Жаворонокъ встаетъ
скоро, и на когда рабочьи выйдутъ на поле,

ЛИТУРГИКА

ПЛАН

ОБЪЯСНЕНИЕ БОГОСЛУЖЕНІЯ

СВЯТОЙ, ВОСТОЧНОЙ, ПРАВОСЛАВНО
КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

НА ОСНОВАНІИ ТОЛКОВАНІЯ ЦЕРКОВНАГО.

СОСТАВИТЕЛЬ :

ЕВГЕНІЙ ФЕНЦИКЪ,

ПАРОХЪ ЛУСИНСКІЙ.

*Собственность школьномѣстнаго фонда епархіи
пращовской.*

ВЪ БУДАПЕШТѢ.

Изъ угорскоцарской университетской печати.

1878.

ВВЕДЕНИЕ.

Что такое литургия?

Литургию называютъ набожа объясняющая церковное богослуженіе,

Какова польза литургии?

Литургии велика польза; ибо набожа даетъ намъ раздѣлѣти церковное богослуженіе и чрезъ то оукрѣпляетъ нашъ привязанность къ вѣрѣ православной и съ святымъ обрадамъ, и такимъ способомъ оулегчаетъ намъ достигнути спасенія.

Какъ будемъ мы раздѣляти литургию?

Мы литургию будемъ раздѣляти на двѣ главныя части: первая часть будетъ заниматися объясненіемъ порядочнаго богослуженія; вторая же объясненіемъ прочихъ образовъ церкви.

Какъ будемъ подраздѣляти первую часть литургии?

Первую часть литургии будемъ подраздѣляти на четыре главы: первая глава будетъ заниматися объясненіемъ храма и его принадлежностей; вторая глава будетъ говорить о богослуженіи вообще; третья глава объяснитъ церковное истинное богослуженіе въ частности;

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

ИЗЪ

ГРАММАТИКИ

И

АРИΘΜΕΤΙΚИ

ВЪ ПОЛЬЗУ УЧАЩИХСЯ.

Составилъ :

ЕВГЕНІЙ ФЕНЦИКЪ,

парохъ велико-раковецкій.

ВЪ УНГВАРЪ

КНИГОПЕЧАТНЯ ВАРΘΟΛΟΜΕЯ ІЕГЕРА

1901.

*Обкладинка шкoльного учебника «Первоначальныя свѣдѣнія
изъ грамматики и арифметики» Е. Фенцика (1901 р.)*

Выходитъ
1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца
въ объемѣ
одного печатнаго
листа

ЛИСТОКЪ.

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписная цѣна:
На годъ 4 гульд.
На $\frac{1}{2}$ года 2 "
На $\frac{1}{4}$ " 1 "
Подписку и разныя
статьи адресовати
слѣдуетъ редактору
въ Порошково.
(Poroskó Ungmacye).

Отвѣтственный Редакторъ: **Евгеній Фенцикъ.**

Воззваніе къ подпискѣ.

Мы крѣпко увѣрены, что нуждаемся въ одномъ журналѣ. Нуждаемся, ибо въ настоящее время въ Европѣ уже почти нѣтъ народа безъ газеты, къ тому у насъ множество такихъ дѣлъ, которыя требуютъ объясненій.

Но мы того мнѣнія, что нашъ журналъ долженъ быть русскій, долженъ издаватися на русскомъ языкѣ. Во первыхъ для того, ибо нужно образовати свой языкъ; во вторыхъ ибо намъ — и это главное — нужно упражняться въ русскомъ языкѣ, — чтобъ и Богослужебныя книги понимать, и народъ свой обучати могли. Миръ бѣгомъ бѣжитъ на впередъ; не нужно же и намъ остаться на задѣ. Во всѣхъ дѣлахъ своихъ стало быти и въ бесѣдѣ и во проповѣдяхъ своихъ должны мы засвидѣтельствовати, что двинулися на впередъ.

Для того взались мы за немаловажный трудъ: сочиненіе и издаваніе такого журнала.

„Листокъ“ будетъ такъ редигированъ, чтобъ онъ, по возможности, соотвѣтствовалъ всѣмъ жгучимъ нуждамъ нашимъ.

Въ мирѣ распространяется безбожіе и безвѣріе, и это мало по малу зачинаетъ отражаться и у насъ; для того мы будемъ усилыватися представити своимъ читателямъ — на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, опроверженіе всѣхъ современныхъ безбожныхъ системъ и справедливость христіанской, православно-каѳолической церкви.

У насъ множество церковныхъ и школьных дѣлъ; для того посвятимъ одну рубрику тому, чтобы указати путь, какъ привести въ цвѣтущее состояніе церковь и школы наши. Особенно будемъ усилыватися отстранити ту рознь, разрушити ту китайскую стѣну, которая существуетъ между нашими епархіями и между нашими священниками, дяками и учителями.

Чтобъ уже разъ поняли всѣ, что мы не чужи другъ для друга, но что мы родные братья.

Нашъ народъ въ упадкѣ; приближается къ гибели; будемъ усиловатися вникнути во причины этого жалкаго состоянія, объяснить дѣло, и искати лѣкарствъ, для отстраненія этого зла.

Поелику журналъ нашъ будетъ имѣти задачею и образованіе нашего роднаго языка, отворимъ одну рубрику для повѣстей и стиховъ.

Чтобъ читателямъ нашимъ былъ извѣстенъ ходъ важнѣйшихъ событій, будемъ регистрировати и выдающіяся новости.

Наконецъ, чтобъ дати пособіе душпастирствующему духовенству, къ каждому Нру, прибавимъ додатокъ, вмѣщающій въ себѣ церковныя проповѣди, такъ что изъ этого додатка сдѣлается самостоятельная книга. Между этими проповѣдями будемъ помѣщать и надгробныя проповѣди; такъ какъ въ этихъ проповѣдяхъ, какъ намъ это извѣстно, наше Высокопреподобное Духовенство наибольше нуждается.

Писати будемъ въ духѣ строго канолическомъ; но особенное вниманіе обратимъ на обряды, постановленія и дисциплину нашей восточной церкви.

Отечеству нашему посвятимъ теплѣйшія чувства любви; хотимъ видѣти оное великимъ, цвѣтущимъ и благополучнымъ; но поелику счастье и славу цѣлаго отечества составляетъ счастье и слава его народовъ; особенно будемъ заиматися нашимъ угро-русскимъ народомъ, — и будемъ усиловатися уравнати путь, которымъ шествуя, могъ бы поднятиса на уровеньъ прочихъ отечественныхъ народовъ.

Языкомъ нашимъ будетъ общепринятый литературный русскій языкъ, образованный на основаніи церковно-славянскаго. Всякую путаницу и мѣшанину въ этомъ взглядѣ бросимъ прочь, — поелику цѣль наша: образовати, назидати, а не путати, мѣшати и разрушати.

Личнымъ полемикамъ и оскорбительнымъ выходкамъ не дадимъ мѣста въ этомъ изданіи. Держатися будемъ строгой объективности.

Поелику безсомнѣнія найдутся люди, которые намъ и изданію нашему приписывати будутъ тенденціозность, для того торжественно объявляемъ, что цѣль наша чисто научна; а наука по цѣломъ земномъ шарѣ одна.

Вотъ съ какою программою беремъ съ Божіею помощію за дѣло, но чтобъ и продолжати оное, это зависить отъ Васъ родные братья.

Мы жертвуемъ умомъ, волею, сердцемъ и трудомъ своимъ, а Вы дайте намъ поддержки, чтобъ трудъ нашъ и свѣтъ узрѣти, и желанныя всѣми нами благія слѣдствія имѣти могъ.

Выписывайте журналъ нашъ!

ВПр. Благочинныхъ просимъ, чтобъ „Листокъ“ въ церковныхъ округахъ своихъ, а ВПр. пароховъ, чтобъ оный между учителями распространяли.

Подписная цѣна:

На годъ	4 гульд.
На $\frac{1}{2}$ года	2 „
На $\frac{1}{4}$ „	1 „

Но если любители роднаго языка, чтобъ сдѣлать возможнымъ изданіе, — пожертвуютъ и больше, то даръ примемъ съ благодарностью.

Этотъ 1-ый Нръ посылается на показъ, по возможности повсюду; — но 2-ый Нръ получать уже только подписчики.

Подписныя деньги просимъ посылать въ Порошково редактору-издателю „Листка“ подъ адрессомъ: **N. T. Fenczik Eugén lelkész és „Listok“ szerkesztőjének, Poroskón. Ungh megye.** (или по нѣмецки: **An Herrn Eugen Fenczik Pfarrer und Redacteur von „Listok“ zu Poroskó, Ungarn, Unger Comitat**) и то до 1. (13.) октября, такъ какъ 15-го (27) октября имѣетъ появиться уже 2-ый Пръ.

Всѣхъ родимыхъ братьевъ изъ всѣхъ пяти епархій нашихъ, да и прочихъ любителей русской рѣчи сердечно воззываемъ для поддержки нашего изданія. Въ самомъ дѣлѣ ничто не засвидѣтельствовало бы болѣе вопіющимъ образомъ о нашемъ нерадѣніи ко всякому благородному предпріятію, какъ если бы „Листокъ“ выходить пересталъ.

Если подписчиковъ окажется такъ мало, что изданіе сдѣлается невозможнымъ, въ томъ случаѣ подписныя деньги за исключеніемъ почтовыхъ издержекъ, — возвратятся.

Многоуважаемая Реданціи просимъ, чтобъ Программу нашу на столбцахъ газетъ своихъ помѣстить, и „Листокъ“ любителямъ русскаго слова рекомендовать изволили.

Евгеній Фенцикъ,

редакторъ-издатель „Листка“.

ПОЛЕЗНЫЯ ЗНАНІА ДЛА ОУГРО-РѢССКАГО НАРОДА.

Школа, читальни.

Вы не разъ оуже чѣли, дорогїи братья, что „знанїе свѣтъ, а незнанїе тма.“ И я такъ думаю, что вы кѣрдете ей приповѣдцѣ, ико на самыѣ свѣѣ, ежедневнѹ искѣшдете, что она справедлива.

Кто оучился и знаетъ дачто, толиѣ очи штворены, тотъ видить, школѹ тогѹ свѣтъ; а кто неѣчилѹ, кто не знаетъ ничегѹ, толиѣ такъ-бы очи затворены, тотъ ничегѹ не видить, школѹ тогѹ тма.

Возьмемъ на примѣръ одного челоѣка, который кѣпилъ телекъ (орекъ) и хочетъ написати свѣѣ контрактъ; но читати, писати не знаетъ. Та что чинить? Приходитъ къ дѣла-

Додатокъ къ 16-мѣ № 1818 „ЛИСТКА“ 1892.

ПОЛЕЗНЫЯ ЗНАНІЯ ДЛѢ ОУГРО-РУССКАГО НАРОДА.

Добродѣтель превышаетъ богатство.

Игра въ трехъ дѣйствіяхъ

по простонародному изреченію въ пользу Народа Карпато-Русского

отъ Александра Духновича.

(Продолженіе.)

Б о г о б о й.

Слезы точатся человѣку видящему только правовъ, такъ много душевныхъ силъ въ невинныхъ простыхъ дѣточкахъ. — О якое то счастья для человѣка Школа! якъ тамъ духъ, сердце, и мысль просвѣтятся! — бо сравнимъ одного школяря съ другимъ неученымъ хлопцомъ, о яка между ними разлука, якъ между голубомъ и ястрибомъ! школьски дѣти усилюются працювати, робити, а лѣнивѣи, пецухи, лемъ бѣгають, лѣтають, и вдячѣйше по жебрѣхъ пойдуть, якъ роботы

**ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.**

ВЫПУСКЪ 78.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
Евгенія Андреевича
ФЕНЦИКА**

Часть I.

Проф. Ѳ. Ѳ. АРИСТОВЪ и Д-ръ Н. А. БЕСКИДЪ

**Хронологическій перечень напечатан-
ныхъ сочиненій Евгенія Андреевича
ФЕНЦИКА.**

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКІЙ СВѢТЪ».

**УЖГОРОДЪ, 1932.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ».**

*Перві посмертні перевидання у р. 1932 творів Є. Фенцика –
бібліографія творів писателя и ёго публіцистичні статі.*

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВЫПУСКЪ 79.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
**Евгенія Андреевича
ФЕНЦИКА**

Часть II.

СТАТЬИ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКИЙ СВѢТЪ».

УЖГОРОДЪ, 1932.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ».

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВЫПУСКЪ 22.

Евгеній Андреевичъ Фенцикъ и его мѣсто въ русской литературѣ.

Рѣчь, произнесенная на откры-
тіи его памятника въ Ужгородѣ
(16 мая 1926 г.) проф. Русской
Учебной Коллегіи въ Прагѣ
Д. Н. Вергуномъ.

Цѣна 2 кч.

У Ж Г О Р О Д Ъ
ТИПОГРАФІЯ „ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ“
1926.

*Почас одкрытя памятника Е. Фенцику в Ужгороді (1926) ид присутнім
ся пригварив літературознатель Д. Вергун. Ёго научный реферат
быв опубликованный одділнов брошуров.*

ДОДАТКИ

ЗАЗНАЧКЫ И КОМЕНТАРІ ДО ТВОРІВ Є. ФЕНЦИКА

ПОКОРЕНІЄ УЖГОРОДА

Драма в пяти дійствіях

Посвящается столітньому ювілею Ужгородской духовной семінарії

Первонубликація: Покореніє Ужгорода : Драма въ пяти дѣйствіяхъ : Посвящается столѣтнему юбилею ужгородской духовной семинарии Владиміромъ. *Іп:* Слово / Издатель и отвѣчательный редакторъ Венедиктъ М. Площанскій. – Львовъ : Изъ типографіи Ставропигійской.

Годъ изданія XIX, 1879:

Ч. 11, 27. января (8. февраля), с. 1-2; Ч. 12, 31. января (12. февраля), с. 1-3; Ч. 13, 3. (15. февраля), с. 1-2; Ч. 14, 6. (18. февраля), с. 1-3; Ч. 15, 8. (20. февраля), с. 1-2; Ч. 16, 10. (22. февраля), с. 1-2; Ч. 17, 13. (25. февраля), с. 1-3; Ч. 18, 15. (27. февраля), с. 1-2; Ч. 19, 17. февраля (1. марта), с. 1-2; Ч. 20, 20. февраля (4. марта), с. 1-2.

Підпис: Владимиръ

Жерело публікації: Подаємо подля первопубликації.

Львівська газета русофілського направеня «Слово» (1861–1887), де была напечатана (під псевдонімом «Владиміръ») песа Євгенія Фенцика «Покореніє Ужгорода», выходила три разы на тыждень. Як є зазначеной на первій сторонці того виданя, у 1879 році новинка «Выходитъ по Вторникамъ, Четвергамъ и Суботамъ по 3 часъ пополудни, за исключеніемъ святочныхъ и посвяточныхъ дней». Є важнов (главно про изглядователів) далша інформація, тыж там застачена: «*Рукописи употребленныи уничтожаются*».

Одповідно до послідной інформації, рукопис Є. Фенцика «Покореніє Ужгорода», як лем тота драма у 1879 році была напечатана в януаровых-мартовых числах «Слова», був изнищенный у редакції. Тяжко віровати тому, же автор, скорій як загнав рукопис до львівської редакції, изробив ай про себе єдну копію. Годно быти, акурат тым ся почасті пояснює факт, же в архівах мало што обстало из рукописного наслідства писателя Є. Фенцика; не є там (ци десь инде!) и рукописа «Покореніє Ужгорода».

Варіантів, де бы ся дало опублікувати тоту песу, было у автора не аж так много. Штоправда, в Ужгороді у тім часі выходила новинка «Карпатъ» (1873–1886) и была вна од 1873 и аж до 1885 року єдиним образчи-

ком кириличной преси на Підкарпатській Русі. Зачим незмінний редактор той новинки о. Николай Ю. Гомічков (1833–28.04.1886) не підпоровав русофілство містної інтелігенції, ратовав за мадярсько-угорське избліження, Є. Фенцик як єден из майактивных русофілів края був ёго ідейным противником. А рефрен песь «Покореніє Ужгорода», хотяй вна занурювала читателя у події гет оддаленого ІХ столітя, звучав доста актуално при кінци ХІХ столітя и нагадовав «руському» читателю за важну нерішену проблему егізістенції національных меншин в Угорській державі:

Вѣдь Угры днесь всему Славянству грозят
Конечной гибелью...

Обы дати рукопис песь «Покореніє Ужгорода» Н. Гомічкову у «Карпатъ», тото Є. Фенцик, видав, тримав за неприятелиый варіант¹. Выдтак овін загнав рукопис той драмы до Галичины. Львівська новинка «Слово» помежи карпаторуську інтелігенцію русофілского прямованя мала репутацію майпопулярного галицького виданя. Из великов увагов редакція ся поставила до драмы «Покореніє Ужгорода». Песа (без покуртаны!) была напечатана на продовження у 10 числах «Слова», и то так, што каждый материал ся зачинав на майпрестижній позиції – на первій сторонці газеты!

Драма «Покореніє Ужгорода» ся складає из пять дійствій. Ушиткой дійство автор порозділив на 9 образів (одслон, куртин). Дійство пребігає в Ужгородському граді авадь поблизь Ужгорода – в радіусі 10-15 кілометрів. Зачне ся дійство в Ужгородській кріпости князя Лаборця – стольному граді Ужанської земли (подля хроніки Аноніма – «земли Гунг»). Пак ся вно перенесе до Невичанського града – твердині боярської фронды. Пак назад ся перенесе до Ужгородської кріпости (подля хроніки Аноніма – «града Гунг»); одты отряд храброго боярина Мірослава нападе на мадярське войсько, што ся отаборило під мурами Ужгорода. Аж, наконець, дійство ся скончит на березі єдної річки, де одступаючого у бік Земплинського града князя Лаборця нажене мадярської войсько и де го тоты завоєвники завісят на березі той ріки, што пак люде назвут ї имням князя Лаборца (подля хроніки Аноніма – «Лоборц»).

Драма написана у стиховый формі, хотяй у ті часы в Европі уж мало хто ся наважовав сак писати; зато стихову форму мож означити анахронізом европейської драматургії. Песа написана білым стихом – без рімованя. Розмір стиха – пятьстопный ямб.

Песа мала бы принести автору Є. Фенцику заслужену славу! Межи тым, драма «Покореніє Ужгорода» веце столітя обставала неизвістнов

1 По смерти Н. Гоміčkова Є. Фенцик у свому «Листку» (1886, № 9, с. 235) помістив ёго некролог, у котрому, межи тым, дав му таку бессторонну характеристику: «... черезъ 13. лѣтъ редигироваль еженедѣльную газету «Карпатъ», въ которой съ начала отстаиваль наши природныя права, языкъ, азбуку, чистоту обряда и проч.; но въ послѣднее время руководилс оппортунизмомъ и часто до живаго обижаль наши природныя чувства».

про широкий круг читателів на бітьківщині драматика. Вона мало як впливала на розвой умелецької літератури під Карпатами. На то суть дакілко причин.

Первый раз зато, бо число пренумерантів «Слова» (главно сящеників) из двох епархій – Мукачевської и Пряшівської – каждорочно мож было пораховати на пальцях. Угорська влада притім не толерувала русинську інтелігенцію, котра ся наважовала дописовати до «Слова»; выдтак исклала ся традиція, коли автор «из Угорської Руси» свої матеріали у «Слові» публиковав анонімно авадь під псевдонімом. Конець 1884 рока Угорський міністерський совіт цалком заостановив поштову пересылку львівського «Слова» «по всѣмъ краинамъ угорской короны»: зато, бо она «стоитъ подѣ вплиніемъ панславистической комиссії, нападаваетъ непрестанно на мадыарскую краину и правительство и возмущаетъ патріотическія чувства угро-русскихъ» («Карпаты», 1884 р., № 42).

Другый раз зато, бо Є. Фенцик з даякой (нам неизвѣстной) причины вѣце нигда ся не вертав до ідеї перевыдати сесю драму дома на Підкарпатській Руси – ани одтілнов книжков, ани у журналі «Листокъ» (1885–1903), закладателѣм и незмінным редактором котрого овін був 19 років (!) – аж до своєї смерти. Туї требало бы зазначити, што у свому журналі «Листокъ» ци у «Додатку...» до того журналу під назвов «Полезныя знанія для угро-русскаго народа» Є. Фенцик перевыдав на продовження дві култові пѣсы русинської драматургії – драму А. Духновича «Добродѣтель превышаетъ богатство» («Додатокъ...», 1892) и комедію И. Даниловича (И. И. Коротнянського) «Семейное празднество» («Листокъ», 1896). По тых двох пѣсах драма Є. Фенцика «Покореніе Ужгорода» была ци не майзначущим образчиком русинської драматургії другой половки ХІХ столітя! Зато доста чудно выпозірує то, же Є. Фенцик не выужив унікатну можність перевыдати на сторонках свого журналу тоту свою драму.

Третій раз зато, бо по смерти писателя на довгі два десятилітя історики и літературознателі забыли на Фенцика², майскорі – на ту часть ёго творчеського наслідства, котра была опублікована мимо Підкарпатської Руси и обстала десь в архівах Галичини, ци майконкретно – Львова. Хотяї у 1920-ті роки нараз дакілко істориків русинської культури завели имня писателя до своїх літературных обзорів (Д. Вергун, Є. Недзелський,

2 Анатолий Кралицкий ищи за жита Є. Фенцика у 1885 році (*позирай ёго статью: «Рефлексии на вступную статью «Карпата» № 13»*) убѣртав увагу на проблему ігнорациі владов (главно, церковнов іерархіѣв Мукачевської грекокатолицької епархії) рукописів Фенцика як церковного діятеля. Він писав: «О. Євгеній Фенцик, стот дароватый и трудолюбивый человек, написал церковныя проповѣди (я видѣл и читал ѣх) и представил ѣх духовной цензурѣ, как подобает, а тому уже почти 10 лѣт. И что вы думаете? Получил ли одобрѣніе, поощрѣніе либо похвалу? Ничуть нѣт, цензуруют и до днешняго дня, а странствующая од Савла до Павла рукопись, болѣеимѣсячный труд, исчезла как камфора» (*Цит. подля выдання: А. Кралицкий. Князь Лаборець: Выбрані творы /Вшорили: В. Падыак, М. Павліч. – Пряшів, 2020, с. 283*).

П. Федор, Ф. Арістов, Н. Бескид и др.), за перевидання його творів (ци уж хоть лем пєсы «Покорєніє Ужгорода!») вни ся не постарали. То значит, драма Є. Фенцика ци уж в рамках Чехословацькой державы (1918–1939), ци почас Другой світової войны, а ци у часы тоталітарных режімів (советська Украина, Чехословацька соціалістична рєпублика) обставала не лем про читателів, але тыж про літературознателів даяков «terra incognita» русинської драматургії и была перевыдата по первый раз (лем фрагменты той пєсы!) через 85 років (!), а первой (и доднєсь єдиной) повной выдання (и то порусчєной!) вказалося у Пряшові (публікатор – Юрій Панько) лем у році 2008 (!) – через 129 років! Наше перевидання драмы «Покорєніє Ужгорода» выходить через 141 рік (!) од часу первопублікації.

Драму «Покорєніє Ужгорода» автор вїновав важному факту в історії духовной културы карпатських русинів – 100-літїю Ужгородської духовной семінарії. На Підкарпатській Руси, де нїгда не было иншакой просвітной інституції такого тїпа, ани універзітєта, духовна семінарія стала *alma mater* про білшу часть духовной інтелігенції; її роль и значєня в історії карпатських русинів тяжко перецінити. У 1879 році ославы з нагоды 100-літїя духовной семінарії наплановали на фебруар місяць. Лївівська новинка «Слово» (1879, №16, с. 4) 22 фебруара постфактум писала: «Въ Унгварѣ праздновано 12 (нов. ст.) февраля тек. года столѣтный юбилей основанія унгварского духовного сѣменища русскаго весьма торжественно».

Акурат у переддєнь юбілєя, 8 фебруара, лївівське «Слово» зачало печатати драму Є. Фенцика «Покорєніє Ужгорода», діянїя в котрїв перебігавут в ужгородскїв кріпости, де у IX столїтю войсько князя Лаборця противостоїт ордам мадярських завоєвників, што ся вдерли у карпатський край из Азії. Але у XIX столїтю акурат туй, у просторах ужгородського замка (уже 100 років) ся розміщає Ужгородська духовна семінарія. Выдтак, поєтичне вручєня Є. Фенцика ся наповняє глубокым філософським смыслом. Овін гейбы закликє студєнтів семінарії – будучых духовных пастырїв – памнятати на свою історію тысячолїтної давнины и быти вірными ідеалам славного ужгородського князя Лаборця, котрый поклав своє житя на олтарь свободы и независимости русинського народа. Сяка паралєль межи IX и XIX столїтями позволяє иншак прочитати текст драмы; поєтичне вручєня стає скрyтым посланям автора молодій гєнерації русинської молоджавы:

Дерзайте же, любезные друзья,
Отечество зовет на брань своих
Сынов – теперь иль никогда; теперь
Вооружайтесь, защищайтесь, чтоб
Не побѣдил кичливый враг Славян.
Спастиcь иль умереть – вот наш девіз;
«Побѣда или смерть» – вот храбрых зов!
Ну, присягните же, хоробрые
Друзья: здѣсь умереть иль побѣдить!

Зачим на днесь изглядователі не однайшли рукописных ци даяких других матеріалів писателя (приміром, кореспонденції, мемоары, автобіографії и т. д.), вопрос, коли ипен была написана драма «Покореніє Ужгорода», обстає отворений. Зато мож бы пристати на то, же автор написав драму акурат до юбілея духовной семінарії в Ужгороді. Сесе ся потвержує тыж текстом вручанія, котрый має сякі слова: «Посвящается столѣтнему юбилею ужгородской духовной семинарии Владиміромъ». Выдтак, час и місто довершеня пєсы мож тримати за кєнець 1878-го авадь зачаток 1879-го рока. Тридцятьчотирирочний Є. Фенцик жив тогды у с. Дусино (днесь Мукачевський раён Закарпатської области), быв там сєлови за сященика (1873–1882) у містній Церкви Св. Духа.

Ищи до Є. Фенцика історичні діяня IX столітя, што ся одбывали в ужгородській кріпости князя Лаборця, вдухновили дакілько писателів: словацькый писатель Богуш Носак-Незабудов написав оповіданя «Laborec» (1845), монах Маріяповчанського монастыря А. Кралицькый написав оповіданя «Князь Лаборець» (1863), єден из фундаторів Ужгородського Общества св. Василия Великого, юріста, окружный судья у Великому Березному Александр Ю. Гомічков написав оповіданя «Покореніє Ужгорода» (1865).

Сужет ушиткых тых творів, а тыж драмы Є. Фенцика навіяный мадярськов латиноязычных хроніков Аноніма «Діяня мадярів» (Anonimus. «Gesta Hungarorum»), де ся пише за завоєваня Вышнього Потися мадярськыма кочовниками и убивство князя Лаборця, издав, у 896 році (у Є. Фенцика – у 895 р.) на березі даякой річки Свіржавы. Подаєме фрагмент из мадярської хроніки: «Коли переступили лісы Сніжных гір [Карпат – В. П.], привандровали на землі Гунг (*«ad partes hung»*). Місто, котрой першым стріли на свому пути, назвали Мункачом... Обы одпочити по тяжкому переході, рішили туй ся затримати на 40 днів.... Містні быванці – славяне – коли ся дознали за їх приход, дость ся напудили и самохотно ся підчинили Алмошу. Вже зато, же він походит из рода Аттілы... Дали му всё, што му требало. Росповідали за плодовиту землю, за вто, як по смерти Аттілы прародич їх царя Салана Великий хан... захватив тоты землі... Коли Алмош и ёго окружєня похопили вто, што учули, то осіддали коні и рушили до граду Гунг (*«ad castrum hung»*), обы заняти го. У тот час, коли вни поклали таборище довкола стін, жупан града на имня Лаборець, місні быванці называли го Дуков (*«note lorbocy ... dusa»*), явсь тікати до замку Земплин (*«ad castrum zemlinn»*). Воякы вождя зачали го прєслідовати; близь єдної річки вхопили и на тому місті го повісили. Зачинавучи од того дня, тоту річку ёго имням назвали – Лаборцем».

Перевиданя драмы:

Фенцик Є. Покорение Ужгорода : Драма в пяти действиях [Фрагменты]. In: Хрестоматія нової закарпатської української літератури. (Друга половина XIX сторіччя): Посіб. для студентів вищих учб.

закладів, учнів старших класів середніх шкіл, учителів та працівників культурно-освітніх установ/ Упоряд.: Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1964. – С. 187-215.

Фенцик Є. Покорение Ужгорода : [Драма в пяти действиях]. *Ил:* Хрестоматія закарпатської української літератури ХІХ століття. Друга частина/ Уклад. О. М. Рудловчак. – [Košice]: Rektorát Univerzity P. J. Šafárika v Košiciach, 1985. – С. 181-201.

Фенцик Є. А. (Владимир). Покорение Ужгорода : Драма в пяти действиях. *Ил:* Панько Ю. Князь Лаборець в художній літературі : Художні твори о князєви Лаборцєви / Русиньска оброда на Словеньску. – Пряшів, 2008. – С. 65-115.

НИЩІЄ ДУХОМ

Повість

Первопублікація: Нищіє духомъ (Розказъ). *Ил:* Листокъ: Духовно-литературный журналъ / Отвѣтственный редакторъ Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ : Книгопечатня «Келеть» въ Унгварѣ (1891 – 1893, №№ 1-18); Унгваръ : Книгопечатня Варѳоломея Іегера въ Унгварѣ (1893, №№ 19-24 – 1895).

Годъ VII, 1891:

№ 4, 15. февраля, с. 44-45; № 6, 15. марта, с. 68-69; № 7, 1. апрѣля, с. 80-82; № 9, 1. мая, с. 101-103; № 10, 15. мая, с. 113-116; № 11, 1. іюня, с. 127; № 12, 15. іюня, с. 137-139; № 13, 1. іюля, с. 149-151; № 14, 15. іюля, с. 163-164; № 15, 1. августа, с. 175-176; № 16, 15. августа, с. 185-188; № 17, 1. сентября, с. 200-201; № 18, 15. сентября, с. 213-214; № 20, 15. октября, с. 235-236; № 21, 1. ноября, с. 247-248; № 22, 15. ноября, с. 257-259; № 24, 15. декабря, с. 282-283.

Годъ VIII, 1892:

№ 1, 1. января, с. 8-9; № 5, 1. марта, с. 55-56; № 6, 15. марта, с. 70-71; № 8, 15. апрѣля, с. 92-93; № 9, 1. мая, с. 104-105; № 10, 15. мая, с. 113, 115-116; № 11, 1. іюня, с. 131-132; № 12, 15. іюня, с. 140-141; № 14, 15. іюля, с. 163-164; № 16, 15. августа, с. 187-188; № 19, 1. октября, с. 224-225; № 20, 15. октября, с. 236-237; № 21, 1. ноября, с. 247-249; № 22, 15. ноября, с. 260-261; № 23, 1. декабря, с. 272-273.

Годъ IX, 1893:

№ 8, 15. апрѣля, с. 92-93; № 9, 1. мая, с. 103-105; № 10, 15. мая, с. 115-117; № 11, 1. іюня, с. 128-129; № 12, 15. іюня, с. 135-136; № 16, 15. августа, с. 187-189; № 17, 1. сентября, с. 199-201; № 18, 15. сентября, с. 211-213; № 20, 15. октября, с. 234-236; № 21, 1. ноября, с. 246-248; № 22, 15. ноября, с. 259-261; № 23, 1. декабря, с. 271-272.

Годъ X, 1894:

№ 1, 1. января, с. 7-8; № 2, 15. января, с. 20-21; № 6, 15. марта, с. 64-65; № 7, 1. апрѣля, с. 78-80; № 8, 15. апрѣля, с. 91-92; № 9, 1. мая, с. 104-105; № 10, 15. мая, с. 114-116; № 12, 15. іюня, с. 136-138; № 13, 1 іюля, с. 153; № 14, 15 іюля, с. 163-164; № 15, 1. августа, с. 174-176; № 16, 15. августа, с. 187-188; № 18, 15. сентября, с. 209-211; № 20, 15. октября, с. 236-237; № 21, 1. ноября, с. 249; № 22, 15. ноября, с. 261.

Годъ XI, 1895:

№ 4, 15. февраля, с. 42-44; № 5, 1. марта, с. 56-57; № 6, 15. марта, с. 67-69; № 8, 15. апрѣля, с. 91-93; № 9, 1. мая, с. 101-105; № 11, 1. іюня, с. 125-127; № 12, 15. іюня, с. 137-140; № 13, 1. іюля, с. 151-152; № 14, 15. іюля, с. 163-164; № 15, 1. августа, с. 173-176; № 16, 15. августа, с. 188-189; № 18, 15. сентября, с. 213-215.

Підпис: Без підписа.

Жерело публікації: Подаєме подля першопублікації.

Євгеній Фенцик зачав публікувати прозовий твір «Нищіє духом» у своєму журналі «Листокъ» 15 фебруара 1891 рока, а скончив – 15 септембра 1895 рока. Твір выходив на продовження. Вцілови вийшли 72 сякі продовження. Каждый єден фрагмент – се три-четыри ламы (450-700 слів) журнального формата. Обсяг журналу и багата тематична палітра не дозволили автору-редактору вміщати май великі фрагменти текста. Межи тым, автору ся подарило порозділяти текст на фрагменти так, что каждый сякий фрагмент представляє из себе єден смысловый епізод – из своїм зачатком и логічним завершенням дії.

Твір має мото, взяте из Біблії (Псалтыря, псалом 145:3). Сесе такый текст: «Не надѣйтесь на князи ваши, въ нихже нѣсть спасенія!». Мото має філософський смысл и провказує главну ідею твору. Зачим текст твору «Нищіє духом» у першопечатному варіанті має 72 продовження, автор у «Листку» застачив тым мото каждой єдной продовження. У нашому (книжному) виданю, ясної діло, вишиткі тоты повторы мото (окрем первого – на зачатку повісті) сьме опустили.

Хотяй автор означив жанер свого твору як «разсказ», подля многих черт (обсяг, сужетні лінії, число особ, поступый и помалый розвой сужета и др.) твір належит означовати як «повість».

Автор не лишив изглядователям ниякой інформації односно часу написання повісті «Нищіє духом». Из текста того умельцького твору тыж мало што можеме вызнати. Межи тым, автор правдиво провказує читателю сочасне житя и актуалні проблемы русинського населеня на Підкарпатській Руси другой половкы XIX столітя. Так же цалком достовірним буде поважовати за час завершення повісті зачаток 1890-х років. Сесе був доста плодний період у житю писателя. Од року 1883 и до року 1894 він жив у с. Порошково, што ся розлягло у долині річкы Турья (днесь Ужгородський раён

Закарпатської області) і служив у міській церкві св. Ніколая Чудотворця як приходський священик (парох). У р. 1885 він зачав видавати у Порошкові журнал «Листокъ», котрий пак удержовав скоро 19 років. Вліті 1887 р. у Порошкові ся одбыло «браковінчаніє Евгенія Ференчика, окончившаго курсъ богословія, и Ксенії Фенциковой» – дочки священика³. На час написання повісті «Нищіє духомъ» Е. Фенцику было, видав, сорок шість років.

Перевидання:

Фенцик Е. Нищіє духомъ (Разсказъ) [Фрагмент]. *Іп*: Христоматія церковно-славянскихъ и угро-рускихъ литературныхъ памятниковъ / составилъ Евменій Сабовъ / Книгопечатный фондъ Епархіи Мукачевской. – Унгварь: Книгопечатня «Келеть» Варфоломея Іегера, 1993. – С. 141-144.

УЧИТЕЛЬ-НЕБОРАК

Повість

Первопублікація: Учитель-Неборакъ (Разсказъ). *Іп*: Листокъ: Духовно-литературный журналъ / Отвѣтственный редакторъ Евгеній Фенцикъ. – Унгварь : Книгопечатня Варфоломея Іегера въ Унгварѣ.

Годъ XI, 1895:

№ 19, 1. октября, с. 223-225; № 20, 15. октября, с. 233-236; № 22, 15. ноября, с. 258-260.

Годъ XII, 1896:

№ 2, 15. января, с. 19-21; № 3, 1. февраля, с. 31-33; № 4, 15. февраля, с. 43-45; № 6, 15. марта, с. 67-69; № 7, 1. апрѣля, с. 79-80; № 8, 15. апрѣля, с. 92-93; № 9, 1. мая, с. 103-105; № 10, 15. мая, с. 114-116; № 11, 1. іюня, с. 124-126; № 12, 15. іюня, с. 137-139; № 13, 1 іюля, с. 150-151; № 14, 15 іюля, с. 160-163; № 15, 1. августа, с. 175-177; № 17, 1. сентября, с. 197-200; № 19, 1. октября, с. 281-283; № 20, 15. октября, с. 293-295; № 21, 1. ноября, с. 307-309; № 22, 15. ноября, с. 318-320.

Годъ XIII, 1897:

№ 1, 1. января, с. 8-10; № 2, 15. января, с. 17-20; № 3, 1. февраля, с. 30-31; № 6, 15. марта, с. 68-69; № 12, 15. іюня, с. 137-140; № 13-14, 1. и 15. іюля, с. 159-163; № 15, 1. августа, с. 177-179; № 16, 15. августа, с. 189-191; № 17, 1. сентября, с. 201-202; № 18, 15. сентября, с. 214-215; № 19, 1. октября, с. 228-229; № 20, 15. октября, с. 240-241; № 21, 1. ноября, с. 248-250; № 22, 15. ноября, с. 264-265; № 23, 1. декабря, с. 274-275; № 24, 15. декабря, с. 286-287.

3 Новости, смѣсь. *Іп*: Листокъ. – 1887. – № 15.

Годъ XIV, 1898:

№ 1, 1. января, с. 5-7; № 2, 15. января, с. 18-19; № 3, 1. февраля, с. 28-30; № 4, 15. февраля, с. 41-42; № 5, 1. марта, с. 52-53; № 7, 1. апрѣля, с. 76-77; № 8, 15. апрѣля, с. 89-91; № 9, 1. мая, с. 99-100; № 10, 15. мая, с. 116-117; № 11, 1. юнія, с. 128-129; № 12, 15. юнія, с. 140-141; № 13, 1. юлія, с. 152-153; № 14, 15. юлія, с. 163-164; № 15, 1. августа, с. 174-175; № 16, 15. августа, с. 187-188; № 17, 1. сентября, с. 198-199; № 18, 15. сентября, с. 212-214; № 19, 1. октября, с. 223-225; № 20, 15. октября, с. 234-235; № 21, 1. ноября, с. 247-248; № 22, 15. ноября, с. 259-260; № 23, 1. декабря, с. 270-272; № 24, 15. декабря, с. 283-285.

Годъ XV, 1899:

№ 1, 1. января, с. 8; № 2, 15. января, с. 20-21; № 5, 1. марта, с. 52-53; № 6, 15. марта, с. 65-66; № 9, 1. май, с. 104-105; № 10, 15. май, с. 114-116; № 11, 1. юній, с. 128-129.

Підпис: Без підписа

Жерело публікації: Подаємо подля первоупублікації.

Автор зачав публікувати твір «Учитель-Неборак» у своєму журналі «Листокъ» 1 октовбра 1895 рока, а скончив – 1 юнія 1899 рока. Твір виходив на продовження; вцілови вийшло 67 продовжень. Як то было и при печатаню повісті «Нищіє духом», туй тыж каждый еден фрагмент має обсяг три-четыри ламы (450-700 слів) журнального формату. Обсяг журналу и багата тематична палітра не дозволили автору-редактору вміщати май великі фрагменти тексту. Межи тым, автору ся подарило порозділяти текст на фрагменти так, что каждый сякий фрагмент представляє из себе еден смысловый епізод – из своїм зачатком и логічним завершенням дії.

Твір має мото; є то прислівко: «Знаніє – світ, незнаніє – тьма», котре провказує главну ідею твору – просвіту народа. Зачим текст твору «Учитель-Неборак» у первопечатному варіанті має 67 продовжень, автор у «Листку» застачив тым мото каждой едной продовження. У нашому (книжному) виданю, ясної діло, вшиткі тоты повторы мото (окрем первого – на зачатку повісті) сьме опустили.

Як то было и при печатаню повісті «Нищіє духом», жанер «Учителя-Неборака» автор означив як «разказ», хотяй подля многих черт (обсяг, сюжетні лінії, число особ, поступный и помалый розвой сюжета и др.) сесь твір тыж має вшиткі знакы повісті.

Автор не лишив изглядателям ниякой інформації односно часу написаня повісті «Учитель-Неборак». Ведно из тым, сюжетні періпетії суть заязані на події реального жита и дадут изглядателю много інформації односно часу написаня того умельського твору. Герої повісті так ци иншак реагуют на многі тогочасні общественні и політичні події в Угорській державі. Сам Є. Фенцик доста часто тоты політичні новини перепечатавав на сторонах свого часописа (овін уміщовав їх на обкладинці журналу під общов назвов «Новости, смѣсь»).

Приміром, од 1. октовбра 1895 рока в Угорщині був заведений (по дакілько роках дискусій у парламенті) новий закон, подля котрого «бракъ, на который они всегда так смотрѣли, какъ на актъ религіозности, можно было заключити и предъ гражданскимъ чиновникомъ»⁴.

У році 1896 з нагоды 1000-літія (милленіума) Угорської державы были наплановані многі ініціативы, котрі так ци иншак мож оцінёвати як доказ політики мадяризованя національных меншин Угорської державы. Приміром, Є. Фенцик у «Листку» уміщує острый матеріал за мадяризованя назв русинських сел Маромороша. У куртій критичній замітці «По поводу милленіума» він пише:

«...приготавливается великая мадяризация многихъ русскихъ сель в Мараморышѣ. Именно администрація мараморышской вармеды тѣмъ хочетъ увѣковѣчити память милленіума, что многія русскія общины перекрестить на мадырскія имена. Такъ Русскову намѣряють перекрестити на Kárpát-oroszi, Русь-поляну на Havasmező, Русь-криву на Sebespatak, Росушку на Hegyköz, Кобыло-Поляну на Gyertyánliget, Косову Поляну на Kaszómező, Нягово на Nyágfalva, Пудплешу на Pilisálja, Кривку на Belávár, Нересницю на Királyvölgye, Кушницю на Rétfalu, Заднее на Zárfalu, Липецкую-Поляну на Lipcsemező, Тюшку на Kiser, Подобовцы на Dombálja, Пилипецъ на Fülöpfalva, Майданку на Hamvas, Рѣчку на Kispatak, Прислопъ на Dombhát, Воловое на Сенткіраль и проч. Къ этому не нужно никакого коммента».⁵

Мадяризованя имен немадярів в Угорській державі тыж было подпоровано владов. Приміром, Є. Фенцик подає статистику за рік 1897; він пише: «Года 1897 помадырщили свои имена 1841 особа, между ними 990 жидовъ, изъ христіанъ по большей части только чиновники»⁶. Туй же він додає свіжу інформацію: «Законъ о мадыризованіи мѣстныхъ именъ получилъ высочайшую санкцію»⁷.

У 1897–1898 роках часопис «Листокъ» вець раз ся убернув до проблем катастрофального економічного положеня на Підкарпатській Русі. Акурат, обы даяк зліпшити сітуацію, угорська влада завела у р. 1898 так называну «Верховинську акцію», план котрої исклав познатый економіст Едмунд Еган. Ищи до того єпископ Мукачевської грекокатолицької єпархії Юлій Фірцак позберав факты бідованя русинського населеня у верховинських комітатах, котрі вручив премьер-міністру Угорської державы у Будапешті (1896). По результатах Фірцакового меморандума у Будапешті ся зачало обговореня адсєї проблемы. Є. Фенцик слїдив за тов проблематиков и вшиткой, што ся дало однайти у централній мадырській пресі (ци

4 Новости, смѣсь. *Ин:* Листокъ. – 1895. – № 19.

5 Новости, смѣсь. *Ин:* Листокъ. – 1896. – № 8.

6 Новости, смѣсь. *Ин:* Листокъ. – 1898. – № 5.

7 Новости, смѣсь. *Ин:* Там же.

из других жерел), перекладав и давав до свого часописа. Єдна из сяких публикацій у «Листку» подля формы є скорописом засідання у мадярському парламенті од 5 фебруара 1897 рока. Многі из тых ідей, што ся нарабляли учасниками той парламентської стрічи, пак Є. Фенцик заведе до своєї «народной» повісті «Учитель-Неборак». Приміром, буде популяризовати ідеї садівництва и пчоларства; позаяк торгівля и комерція были в руках євреїв (чужих), буде пересвідчувати (своє) містне населення отваряти по селах бовты, а за індустрію села буде писати: індустрію траба зачинати из простых ремесел – майстерень коваря, столяря ци боднаря. Ясною діло, він поужие у повісті принцип умельцького осмысленя реалных фактів и актуальных подій. Ниже курто подаме протокол того засідання в Угорському парламенті од 5 фебруара 1897 рока:

«Въ предметѣ улучшения быта Угро-русскаго народа подѣ председа-тельствомъ епископа Мукачевскаго Преосв. Юлія состоялась 5-го числа м. февраля въ Будапештѣ, въ одномъ изъ теремовъ парламентскаго зданія конференція, въ которой участвовали всѣ сеймовые представители Ужанскаго, Угочанскаго, Бережскаго и Мараморышскаго комитатовъ и представители министерствъ просвѣщенія и земледѣлія. Конференція была отворена приблизительно слѣдующею рѣчью епископа Юлія: «... здѣсь представляется очамъ моимъ очень печальная картина, ибо рѣчь идетъ о томъ, что русскій народъ нашъ, живущій подъ сѣверо-восточными Карпатами, находится на краѣ гибели. Вопросъ въ томъ, какими средствами спасти этотъ народъ и достоинъ-ли онъ поддержки въ своемъ ужасающемъ бѣдствіи. ... Говорятъ, что этотъ народъ лѣнивъ и пьянствующій. И эта жалоба в нѣкоторомъ смыслѣ и управнена. Но не происходитъ-ли это отъ недостаточнаго питанія, одѣянія и несоотвѣтствующихъ жилищъ? Настоящее собраніе свидѣтельствуєтъ, что Угро-русы заслужили поддержку. И такъ теперь задачею нашею будетъ констатировати бѣдствіе и его причины, и опредѣлити начала, на основаніи которыхъ можетъ быти подана помощь стотысячамъ бѣдствующихъ». – *Францъ Галасъ*, секціонный совѣтникъ, въ имени министерства просвѣщенія съ радостью привѣтствуетъ начавшееся движеніе. – *Иванъ Недецеи*, представитель Мукачевскаго округа, въ долгой рѣчи рекомендуетъ улучшение ското-, пчело- и садоводства, для улучшения земледѣлія считаетъ необходимымъ удѣленіе хорошаго сѣмени для посѣва. Нужнымъ считаетъ тоже препятствованіе переселенія жидовъ изъ Галичины. Въ Бережскомъ комитатѣ отношенія безвыходны. Есть селенія, въ которыхъ уже только восемь мужиковъ обладаютъ на чисто своихъ имѣніяхъ, все прочее находится въ рукахъ пришельцевъ... такъ стоитъ дѣло и съ скотомъ. Для чего необходимо, чтобы ростовщики были преслѣдуемы чиновственно... Кромѣ сего необходимо заняться улучшеніемъ индустріи державною

поддержкою, которая здѣсь въ полномъ пренебреженіи. – *Аблегать Барта* ... рекомендуетъ удѣленіе пяти-процентовой державной позычки. – *Лонъаи* призываетъ вниманіе къ умаленію пьянствованія. – *Аблегать Саплонцаи* предлагаетъ отчаянное положеніе Русскихъ въ Мараморышѣ. – *Финансъ-директор Адальбертъ Сабовъ* говоритъ о бѣдствіи Русскихъ въ Бережскомъ комитатѣ... – *Аблегать Ньегре* необходимымъ считаетъ сейчасъ заняться санитарнымъ дѣломъ скотоводства, улучшеніемъ податковой системы и основаніемъ дешевыхъ взаимодальныхъ обществъ. – На конецъ вслѣдствіе проекта *аблегата Гегедюша* рѣшено выслати въ подвопросные комитаты по одной комиссії, которыя бы изучали положеніе, а необходимыя мѣры предлагали бы соотвѣтствующимъ министерствамъ...»⁸.

Через півдруга рока Є. Фенцик інформовав у «Листку» свого читателя за важну новину – інспектор індустрії Ніколай Герстнер обійшов Ужанський, Угочанський, Бережський і Мараморошський комітати; він мав ціль рішити, де і які промисли завести. Є. Фенцик резумовав:

«Конечно, индустрія найбільше можетъ содѣйствоватьъ къ поднятію благобыта нашего населенія. Земля истощала и подѣлилась на ничтожныя парцеллы, она уже не въ состоянні питати умножившееся населеніе. Индустрії, промысла, торговли у насъ совсѣмъ нѣтъ. Для довлетворенія нашихъ потребностей въ этомъ отношеніи мы принуждены обращаться почти исключительно къ евреямъ, которые для того и богатѣють, а мы бѣднѣемъ. Если бъ у насъ развилась индустрія и торговля, тогда наши гроши доставались бы нашимъ же людямъ...»⁹.

Як видиме (кідь поровнати політичне життя Угорської держави із подіями у тексті повісті), у повісті «Учитель-Неборак» герої живуть у реаліях Угорської держави образчика 1895–1899 років:

- Дія ся одбыває у долині річки Латориці – у русинському селі Яблоновка, назву котрого влада (на честь міленіума) хоче помадаризовати – поміняти на «Almásfalva».

- Молоді яблонівські учителі, обы изробити кар'єру, дають собі мадаризовати кождый свою фамілію: Володимір Неборак стає Аладаром Neboráky (Неборакі), а Міша Баранчишин міняє фамілію на Báranyfi (Бараньфі).

- Коли Михайл Баранчишин і Лізенька рішили ся вінчати, подля нового закону їм требаło заключити раз у метрикаря цивільний брак. Акурат сесь закон був дачим новым про христіанську грекокатолицьку общину на Підкарпатській Русі, што викликало в героях повісті негативні емоції:

8 Новости, смѣсь. *Ин:* Листокъ. – 1897. – № 3.

9 Новости, смѣсь. *Ин:* Листокъ. – 1898. – № 15.

«Лізенькі казалосьь обідным только то, что она принуждена была прежде всего заключити цивільный брак у метрикаря. Она никак не могла поняти, на каком основанії вмішавается метрикарь в самыя скрытыя тайны ея сердца? На каком основанії получил он право спрашивать её о чувствах ея, которыя открывает она токмо одному Богу и своему избранному жениху!».

● Учитель Михаил Баранчишин зачав вести на селі просвітну роботу. Він популяризовав садівництво и пчоларство, торгівлю и ремесла (індустрію). За пар років (подля сужета – десять років!) село стало процвітати:

«Яблоновка взяла на себя вид небольшого городка. Между жителями появился предприимчивый дух и у всіх приліжних людей стали появлятися деньжонки».

У традиціях утопічної швайцарської прози Ієремії Готтгельфа и Генріха Цшокке русинський автор став нахвалёвати (и то через міру!) благобыт обновленого верховинського села:

«В будні же в Яблоновці повсюду закипіла работа. Земледільцы труждались на полях и облегли землю, словно муравьи. Они придавали большее значеніе тому, чтобы не только орали, сияли, копали, косили и собирали урожай, но, главное, чтобы удобрили почву и сдїлали её плодоносною... Но не только на полі, и в самом селі не преставала работа: из кузни раздавался стук молота, в столярнях не переставал стук струга и долота, бочарь набивал обручи и ковал от утра до вечера. Любо было посмотріти на етот муравейник чоловіческого труда. Наблюдающему так и сунулась в голову мысль, что чоловік создан для труда. В лавках тоже не оставалось без суматохи: одни приходили, другіе уходили, довлетворив своїм потребностям. Не должно забыти нам и о пчелниках. В Яблоновці почти при каждом домі находился и пчельник, пчелы дїлали своє діло, снашивая солодкий мед... Около фруктовых деревьев тоже шел усиленный труд. Когда тому настала пора, прививали деревца, очищали їх от гусениц, отрізывали дикія літорасли, а осенью собирали богатые плоды. Яблоновка из-за своїх плодов стала выплачивать всі свої податі. Из далеких мадярских стран приходили мадяры в Яблоновку и покупали яблока, груши и сливы, и грецкіє оріхи, а часто міняли яблока на пшеницу, и так все ето приносило хороший доходок... Понятно, что Яблоновка между такими обстоятельствами начала новую жизнь».

● Конец повісті літературні герої приходят до Будапешта. Вони мають за ціль видіти дочасну Виставку досягнень народного господарства (у парку Варошлігет), отворену почас державных ослав з нагоды 1000-літнього юбілея Угорської державы (дія перебігає у році 1896). Автор з восторгом описує Будапешт, котрого ся читаво доткнув технічний прогрес, а герої –

нова генерація русинської селської інтелігенції суть надихнуті досягненнями народного господарства, готові и надале ширити просвіту свого народа.

Зачим реалні події, описані у повісті «Учитель-Неборак», перебігали не скорше 1895 рока, а печатати тоту повість у «Листку» зачали в октовбру 1895 рока, мож допустити, же автор написав сесь твір акурат у році 1895. Штоправда, пристати на такой заключеня мож лем из даякыма заувагами. Бо далші події (міленіум 1896 рока, меморандум єпископа Юлія Фірцака 1897 рока и др.) наводят на мысль, што автор из року на рік (допокая твір ся печатав на продовження!) фурт доповнѣвав сужетні періпетії (годно быти, дашто наново переписав!) – соодносно до новых актуальных подій у державі. То значит, автор ся справовав так, як днесь ся справувут авторы сценаріїв многих телесеріалів, коли по десятій серії ищи не ясно, який буде сценарій дакотрой 45-ой серії!

Межи тым, мож резумовати, же 1895–1899 роки были доста плодні у житю писателя. Од року 1894 и до року 1902 Є. Фенцик жив у с. Великий Раковець (днесь Хустський раён Закарпатської области) и служив у містній церкви Різдва Пресвятой Богородиці як приходський сященик (парох). (До того, у році 1896 Є. Фенцика выбрали членом росширеного Засідання консісторії Мукачевської єпархії¹⁰). Туй у с. Великий Раковець він продовжив (по Порошкову) видавати журнал «Листокъ». На час написаня повісті «Учитель-Неборак» Є. Фенцику было, видав, пятьдесят років.

Перевиданя:

Фенцик Є. Учитель-Неборак [Фрагмент]. *Ип*: Хрестоматія нової закарпатської української літератури. (Друга половина ХІХ сторіччя): Посіб. для студентів вищих учб. закладів, учнів старших класів середніх шкіл, учителів та працівників культурно-освітніх установ/ Упоряд.: Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1964. – С. 215-218.

*Доц. Валерій Падяк,
кандідат філологічних наук*

*(статя написана у підкарпатському варіанті
русинського языка)*

10 Новости, смѣсь. *Ип*: Листокъ. – 1896. – № 3.

ЯЗЫЧІЄ. ПРІНЦЫПЫ И ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛІТЕРАЦІЇ ТВОРІВ (не лем) Є. ФЕНЦИКА

Умілецькі творы Євгенія Фенцика написані язычієм. Днесь каждый історик літературы, котрый возьме на ся труд перевыдати тоты творы, стрітит ся из чажков задачов. Ціле, як адаптовати текст другой половкы XIX столітя до потреб и, главно, освіти сочасного читателя? Суть три нерівноцінні варіанти:

- 1) **факсіміле** (тото бы ся придало майскорі професіональным изглядователям літпроцеса);
- 2) **товмаченя** на русинський (ци даякый иншакый) літературный язык (не одмітуєме сяку ідею, коли за неї ся берут писателі-професіоналы, але мусай зазначити, што у потовмаченому тексті усе ся выгумає дух языковой стіхії);
- 3) **транслітерація** (сесе компромісний (!) варіант, бо язык літературной традиції пережой эпохы лем ся транслітерує; иншак повісти – він ся приспособлює освіти сочасного читателя и передає засобами сочасной графічної сістемы).

Ушиткі творы Є. Фенцика яло бы днесь транслітеровати засобами сочасной графічної сістемы русинського языка. Межи тым, наслідство писателів-будителів (скоро вшиткі вни писали язычієм!) популарізаторы знали ширити: а) у подобі факсіміле (до 1940-х років) авадь б) зачали транслітерувати (у советські часы) засобами реформованой російської авадь української графічных сістем. За русинську графічну сістему у часы тоталітарізма (1944–1989) ани бесіда не ишла!

Зачим у советську добу из творчости Є. Фенцика скоро нич ся не перевыдавало (хыбаль року 1964 у «Хрестоматії...» про студентів українського одділення філософського факультета Університета П. Й. Шафаріка у Пряшові ся провказало пар куртых публицистичных статей, покуртана верзія драмы «Покореніє Ужгорода» и єден «піціцькый» фрагмент повісті «Учитель-Неборак»), убернеме увагу на принцип транслітерації Фенциковых творів акурат у сів хрестоматії.

У спередслові до хрестоматії вшорителі Юрко Бача и Олена Рудловчак застачили сякі теоретичні заувагы односно принципа транслітерації (цітуєме в українськیم языку):

«В хрестоматії тексти подано... з деякою зміною орфографії. Тексти, писані на діалекті, мовою, близькою до української літературної мови, і язичієм, подаються модифіковано за орфографією сучасної української мови; тексти, писані російською мовою, подаються за сучасною російською орфографією...»¹ (підчерк наш – В. П.).

Первое, што паде до воч, коли ся убернеш у сів хрестоматії до творів Фенцика, так вто, што вшорителі не змогли дати собі рады из текстами Є. Фенцика и прояснити: ци суть вни образчиками язычія авадь «писані російською мовою»? Вшорителі не лишили читателям тыж ниякого роз'яснення, де є тота границя межи язычієм и текстами, што суть «писані російською мовою»? Межи тым, вни хыбно однесли твори Фенцика до другой категорії, позад чого тексти «переписали» на російський манір; хотай Є. Фенцик (за того уже ся говорило выше) у своїх творчости (поезія, проза, драматургія, публіцистика) писав выимково язычієм.

Туй яло бы выяснити, што представляє из себе варіант літературного языка, котрый ушиткі звикли називати «язычієм». Носителями того літературного стандарда у русинських літературі были поеты, писатели, драматики, публицисты, новинарі, котрых принято називати «русофілами». Русофілы доміновали у русинських історії и культурі у другій половці XIX століття як єден из двох ідейно-естетичных напрямів будительського двигання. Розлоге визначення русофілства подав проф. П. Р. Магочій у «Енциклопедії історії та культури карпатських русинів»². Зокрема, у тому гаслі за русофілів він пише, «Русофілы... пересвідчені, же їх народ є вітвов російської нації»³.

1 БАЧА, Ю., РУДЛОВЧАК, О. Передмова. In: Хрестоматія нової закарпатської української літератури. (Друга половина XIX сторіччя): Посібник для студентів вищих учбових закладів, учнів старших класів середніх шкіл, учителів та працівників культурно-освітніх установ/ Упоряд.: Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1964. – с. 3.

2 МАГОЧІЙ, П. Р. Русофілы. In: Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / заг. ред. П. Р. Магочія; пер. з англ. мови Надії Кушко. – Ужгород, 2010, с. 657.

3 Туй ниже подаєме ушиток текст Магочієвого енциклопедичного гасла «Русофілы»: «**Русофілы** – особи русинського етнолінгвістичного походження, які переконані в тому, що їх народ є гілкою російської нації. Теоретики русофілства – представники русинського народу, а також автори з колишньої Російської імперії – часто посилаються на існування «загальноруського» («общерусский») народу, який складається з трьох основних етнолінгвістичних груп: великоросів, білорусів («белороссы») та малоросів. Одну з підгруп малоросів становлять «карпатороси» («карпатороссы»), до яких, на думку деяких авторів, належать усі східні слов'яни колишньої Австрійської імперії (Східна Галичина, Північна Буковина, Підкарпатська Русь і Пряшівщина), а на думку інших – лише східні слов'яни Карпатської Русі (Підкарпатська Русь, Пряшівщина та Лемківщина). Ідеологи русофілства вважають, що русини належать до малоросійської гілки «загальноруського» народу, в той же час вони заперечують, що «малоросів» слід називати сучасним терміном

Сесе тверження канадського наука мусай роз'яснити. Скоро ани єден будитель-русофіл не клав знак тотожности межи такыма етносами як то «росіяне» и «карпатські русины», каждый у творчости означовав свій народ як «русинський». Ци говориме за А. Духновича (берьме, приміром, шорик «Я Русин был, есмь и буду...»), ци за А. Павловича (приміром, шорик «Горо мила, Маковицѣ, ти Русинов мати...»), ци за Феодосія Злоцького (приміром, «Пробудил из долгаго сна громким гласом Русинов»), ци за А. Кралицького (приміром, шорик «Гей, Русин был тогда еще Русином...») ци за А. Митрака (шорик «...русином не свободно мні быти, а другим по происхожденію не могу быти»), ци, докінця, за Є. Фенцика (приміром, шорик «...а мы и были, и будеме русинами»).

Иншакой діло, класіфікованя и статус языків восточных славян. Класіфікація, котрой ся додержовали карпатські русины-русофілы (а тыж галицькі и буковинські русофілы), заосмотрѣвала єгзістенцію лем єдного літературного языка про вшиткых восточных славян, авадь, як звыкли казати, про вшиткых «русских». Приміром, доста указовов є статья А. Кралицького «Язык и словесность» (напечатана у році 1888 під кріптонімом «И. В.»). Треба признати, што вшиткі містні русофілы ся додержовали позиції, за котру пише А. Кралицький. Він зауважує:

«Когда древніе наши предки съ предками другихъ европейскихъ народовъ жили еще въ средней Азии, то говорили однимъ языкомъ (санскритскимъ) и составляли одинъ народъ; но когда одна часть осталась в Азии, а другая выселилась в Европу, то распалась сія на больше народовъ, говорящих на разныхъ языкахъ, происходящихъ отъ языка индо-европейскаго. Тѣ изъ Славянъ, которые поселились на родной намъ равнинѣ восточной Европы, стали говорити языкомъ русскимъ, т. е. составили народъ русскій (підчерк туй и ниже наш – В. П.).

Но обширна страна, занятая народомъ русскимъ, много въ ней разныхъ мѣстностей, а по различію мѣстностей появились и различія въ языкѣ, которымъ говорили Русскіе той или другой мѣстности. Впрочемъ, эти различія не были уже особенно рѣзки, а потому русскій языкъ и распался не на особые языки, а только на особые виды (idioma) одного и того же языка, или, как называютъ – нарѣчія (діалекты, tájszó). Ихъ у насъ (не взирая на географ. границы) три: велико-, бѣло- и мало-русское; к послѣднему принадлежим и мы, Угро-россы»⁴.

«українці». Авторы-русофілы, по суті, відкидають саму ідею чи можливість існування окремої української національності, як і окремої русинської. Внаслідок цих переконань вони заперечують необхідність створення літературної мови на основі русинських діалектів, оскільки русини, на їх думку, повинні користуватися російською літературною мовою як «власною» мовою культури і «високого стилю» спілкування. Щодо етнонімів «русин» і «руснак», русофіли стверджують, що вони є просто регіональними варіантами «всенародної» назви «русскій».

4 И. В. [КРАЛИЦКІЙ, А.]. Языкъ и словесность. *Ип*: Листокъ, 1888, № 19, с. 289-292.

Тота теорія передбачала, што общеруський літературний язык (то значит, «язык русский») підживлюють три (ани не языки!) – лем «нарічія»-діалекты (великоруське, малоруське и білоруське), а тыж як продовження малоруського діалекта – угроруський говор-піднарічіє. (До того, русофілы знали додати, же заслуга «великорусского» діалекта у формованню «языка русскаго» омного білша, як вплив других діалектів).

Хотяй западні и южні славянські народы у сесь час в основу літературного стандарда поклали єден из своїх діалектів, русинські будителі-русофілы – од А. Духновича и до «последного из могикан» Є. Фенцика – фурт одмітовали тоту продуктивну ідею и нарабляли иншаку – мати у будучности єдиный про вшитких росіян, білорусів, украинців, «угрорусів», лемків и галичан літературний язык. Такой изближення передбачало результат лем в оддаленів перспективі. Зато русофілы пристали на мысль (граматики А. Духновича, К. Сабова и И. Раковського) вытворити про себе компромісний літературний стандарт. Сесе мав бы быти дочасный компроміс межи граматиков «русского» (фактично, великоруського) языка и бесідов русинського інтелігента. (За бесіду «простолюдина» туй ани не ишло; сесю задачу (як ся высловив Є. Фенцик, – «писати на простонародном нарічії»⁵) взяв на ся Василь Чопей, чие діятельство нараз засудили вшиткі русофілы).

Акурат тоту компромісну дочасну граматичну систему русофілської інтелігенції мы звыкли называти «язычієм». Язычіє мало стати про містну інтелігенцію, а дале (у даяків перспективі!) про цілый русинський народ мостиком, по котрому вни прийдут до російського языка як писемного и літературного варіанта у карпатських русинів.

Язычіє – неприродный, штучный язык. Вно нигда не мало своєї граматикы – из ясно регламентованым изводом правил орфографії. Зато каждый літератор-інтелігент, котрый у творчости переходив на основы язычія, писав натілько справно, накілько добрі знав російський язык.

Межи тым, язычіє ся регламентовало дакілько стратегічними правилами. За первое, у язычію ся хосновала так графічна система російського языка, як прінцип правописання російського языка (традиційный, морфологічний). За второе, лексичный запас язычія скоро на 95 % ся наповняв

5 [ФЕНЦИК, Е.]. Новости, смѣсь. *Ил*: Листокъ, 1885, № 2, с. 25-26.

Туй подаєме ушиток текст Фенцикового высловлѣваня односно писемного стандарда на основі народной бесіды: *«Что-же касается того совѣта, чтобы писати на простонародномъ нарѣчїи, то на это отвѣчаемъ, что да будемъ писати на простомъ нарѣчїи, если почтенный корреспондентъ а) скажетъ намъ, которое употреблять – Земплинское-ли или Ужанское, или Мараморошское, или Бересское, такъ какъ въ Мараморошѣ Земплинское никогда не узнаютъ за свое, б) если представитъ намъ какую-то простонародную грамматику или, по крайней мѣрѣ, письма двухъ простонародныхъ писателей, которые пишутъ однообразно... По нашему мнѣнію, между dneшними обстоятельствами писати на простонародномъ нарѣчїи можетъ лишь тотъ, что хочетъ путати, мѣшати и разрушати, а не тотъ, кому на сердцеъ лежитъ правдивое преуспѣяніе»*.

лексиков тогдышного російського языка (штоправда многі слова – общеславянську лексику – русины легко впознавали) и на 5% – специфічних містнов лексиков.

Межи тым, язычіє мало черты, чим вно ся одличало од російського языка. За первое: хотяй на письмі лексеми (так російського языка, як язычія) выпозировали еднако, даякі буквы в язычію мали иншакой звуковой наповнення – ближе до русинської бесіды:

- буква «ѣ» усе ся выговорювала як [і]: отвѣт – отвіт, дѣло – діло, дѣлити – ділити;
- російська буква «и» ся выговорювала як русинський звук [и]: жен[и]т[и]ся, пр[и]нест[и], [и]змінн[и]к.
- Язычіє тыж одмітовало традиційной про російський язык «аканя» – у слабів позиції буква «о» ся выговорювала як [о]: молоко – [молоко], один – [один], однако – [однако].

За другое: важнов чертов язычія было хоснованя церковнославянських форм у неозначеній формі глаголів, приміром: *быти, знати, читати, платити, пировати, заниматься, отправитися*. Сяка архаїчна (про російський язык) форма інфінітива, межи тым, совпадала из подобнов форм народной русинської бесіды. Вцілови, выше означені одличности приближовали язычіє ид народнів бесіди.

Кедь порівнати вытворений у лоні русинської русофільської інтелігенції літературный стандарт – язычіє – из тогдышным «великорусским» языком (до реформи 1918 рока), мож резумовати: подля написаня (орфографії) – сесе быв еден язык, айбо подля выгваряня (орфоепії) – два языки! Иншак повісти: тоты два літературні стандарды писали ся еднако, айбо ся выгваряли каждый по свому.

Обадва літературні стандарды добрі паровали ид собі на сторонах русофільських газетных и журналных выдань на Підкарпатській Руси. Коли редакторы печатали творы И. Сілвая (під псевдо: Уріїль Метеоръ), Є. Фенцика (Владиміръ), А. Кралицького (Иванъ Васильевичъ) и др., читатель міг мерьковати, же суть то, видав, російські писателі, хотяй тематика творів, а главно – слабой знатя російського языка знало легко прозрадити сякого містного челядника. На другому боці, коли редакторы печатали по російськы творы російських писателів (то єдно – ци творы на тему славянського єдинства, ци духовну поезію!), вни знали (обы не наражати собі малярського урядника!) искрыти сякой имня під кріптонімом – Н.Я., А.С.Х., И.Кр., К., Ө.Гл., М.Д., А.Н.М., Д.Д., А.П.О., К.П., Н.Щ. и др. – и хто бы міг ся здогадати, же иде за Ніколая Языкова, Алексія Хомякова, Ивана Крылова, Алексія Кольцова, Федора Глинку, Михаила Дмитрієва, Аполона Майкова, Дениса Давыдова, Александра Одоевського, Кароліну Павлову, Ніколая Щербину...!?

Язычіє ставало способом вуалізованя намірів редакторів-русофілів!

Зато, коли ламы містних новинок пестріли творами російських писателів (опублікованих під даяким криптонімом) і редакторам-русофілам опоненти натякали, же вни (як то було тыж из Є. Фенциком!) спомагавут «подъ предлогомъ народнаго просвѣщенія ... объединенію славянъ» и хоснувут «литературный русский языкъ», редакторы (у даному припадку – редактор «Листка» Є. Фенцик) выгваряли ся атыак:

«И так пусть знаетъ корреспондентъ «Egyetértés»-а, что мы пишемъ тѣмъ языкомъ, которому обучали насъ во свое время въ Унгарской гимназіи; тѣмъ языкомъ, которому обучаютъ безъ изыятія всѣ русскія грамматики, явившіяся когда то въ Венгріи, какъ-то грамматика Духновича, Сабова, Раковского, тѣмъ языкомъ, на которомъ издавались безъ изыятія всѣ газеты наши, какъ-то «Церковная газета», «Свѣтъ», «Учитель», «Новый Свѣтъ», «Сова», «Карпаты», на которомъ издавалась во время министра Этвеша и правительственная «Газета для народныхъ учителей» – тѣмъ языкомъ, на которомъ пишетъ каждый образованный русский человекъ»⁶.

Язычіє надовго засіло у свідомості русинської інтелігенції як безальтернативний варіант літературного языка. Докінця, прийшло ид тому, што ідейні опоненты русофілів – містні угрофілы, печатным бастіоном котрых стала новинка «Новый Свѣтъ» (1871–1872), а дале – новинка «Карпаты» (1873–1886), тыж тримали язычіє за язык своїх публікацій. И ци не майглавнов заслугов редактора «Карпата» Ніколая Гомічкова (1833–1886) по ёго смерті Є. Фенцик визнавав язычіє той новинки. У році 1886 він писав за Н. Гомічкова: «...безъ сомнѣнія, и онъ имѣетъ заслугу въ томъ, что у насъ на Угорской Руси не привилась фонетическая орѳографія и что у насъ нѣтъ «народівцівъ»⁷.

«Фонетичну» орфографію на Підкарпатській Русі завів молодый педагог Василь (Ласло) Чопей (1856–1934). Фактично, была то стара-нова ідея вытворити літературный стандарт на основі народной бесіди русинів. У 1883 р. Ласло Чопей выдав у Будапешті первый словник русинського языка (числит 20 тысяч слів). Сесь «Русько мадярский словарь» ся удостоив премії Фекейшгазі Угорської королівської академії наук. До того, міністерство освіти поручило В. Чопею перевыдати в русинскім языку ушиткі учебники про ошколашів. Были сесе учебники мадярських авторів (Янош Гашпар, Арон Кішш, Мікша Маєр, Пал Генц, Вілмош Гроо) про школы из мадярським языком школованя. Перед часом тоты школьні учебники (хоть лем часть из них) про Підкарпатську Русь перекладав Є. Фенцик. Овін потовмачив, приміром, учебники «Русская первая читанка для школъ народныхъ въ Угорщинѣ» (1867), «Русская книга для чтенія на часть втораго класса народныхъ школъ» (Будин, 1870), «Народоучебная книга для чтенія. Томъ второй» (Будин, 1870) и другі.

6 [ФЕНЦИК, Е.]. Новости, смѣсь. *Іп*: Листокъ, 1885, № 2, с. 25.

7 [ФЕНЦИК, Е.]. О. Николай Гомичковъ. *Іп*: Листокъ, 1886, № 9, с. 235.

Языком ушитких учебників Є. Фенцика було язычіє. Василь Чопей, нарубы, потовмачив тоты тексты на русинську народну бесіду. Він жив у тім пересвідченю, што нова генерація русинів мала ся научати писати и «читати, якь они дома говорятъ, т. е. на простѣмъ, штоденнѣмъ, матернѣмъ языцѣмъ»⁸. По язычію був то принципіально новий писемный (літературный) стандарт, до кінця, інспірований владов Угорської державы. Сесь язык (як зазначеной на титулках учебників) був приспособлений «идь говору берегскому, угочанскому и мараморошскому».

У спередслові учебника «Руська читанка» (1891 р.) В. Чопей прояснив ціль реформованя языка учебной літературы про учеників:

«Мадярско-корольскій министеръ народног просвѣщеня опредѣливъ на ново передѣлати всѣ тоты книги, котрѣ доселѣ во руснацкыхъ школахъ лишь употребляли ся. Причинѣ сього розказа была тота вина, што дотеперѣшнѣ книги не на руснацкѣмъ ай на рускѣмъ языцѣ были написанѣ, за то ихъ не лемъ дѣти, но мѣстома и самѣ учителѣ не могли точно порозумѣти»⁹.

Быв се конець русофілства а тыж конець ёго дітища – язычія¹⁰. Є. Фенцик и сам порозумів бесперспективность ідеї прискіпити язычіє «простолюдину». Од рока 1891 він зачав експериментално (єден раз на місяць) выдавати «Додатокъ» до журналу «Листокъ» під назвов «Полезныя знанія для угро-русскаго народа». Додаток містив хосенні публикації про селянина и выходив в народнім языку. Од рока 1904 Є. Фенцик наплановав собі выдавати в русинськім языку ай журнал «Листокъ», але ёго смерть завадила реалізувати тоту добру справу¹¹.

8 Руська читанка дья другой класы народныхъ школъ. Написавъ и составилъ Яношъ Гашпаръ [Часть перша]. Будапештъ, 1891, с. VI.

9 Руська читанка дья другой класы народныхъ школъ. Написавъ и составилъ Яношъ Гашпаръ [Часть перша]. Будапештъ, 1891, с. V.

10 Веце за тоту проблематику *позирай*: ПАДЯК, В. Кінець русофілства! До проблеми періодизації карпаторусинської літератури другої половини XIX – початку XX століття. In: K výskumu dejín Rusínov a Ukrajincov: teoretické a metodologické otázky. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie Metodologické a koncepčné otázky výskumu dejín Rusínov a Ukrajincov v stredovýchodnej Európe. Stará Lesná 6.-7. novembra 2014 / M. Gajdoš, S. Konečný, M. Lukáč (eds.). Košice: Technická univerzita v Košiciach; Centrum spoločenských a psychologických vied SAV – Spoločenskovedný ústav, Košice, 2016, s. 67-78.

11 TICHÝ, Fr. Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi / Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze; číslo 11. – Praha: Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi; V komisi nakladatelství «Orbis» – Tiskem «Politiky», 1938, s. 98. – *Подаетме* тот текст в чеськím опіріналі: «Výborně informovaný „Slovenský týždeník“ Milana Hodži přinesl v prosinci 1903 zprávu, že Fencikův „Listok“ bude od nového roku 1904 vycházeti nikoli v literárním jazyce ruském, nýbrž v místním nářečí. Uskutečniti tento úmysl zabránila Fencikovi smrt». *Позирай* тыж у товмаченю: ТІХІЙ, Ф. Розвиток сучасної літературної мови на Підкарпатській Русі / Переклад Л. Белея, М. Сюська. – Ужгород, 1996, с. 113-114.

По русофілах обстало читавое число літературных творів. Є то культурно-національне наслідство карпатських русинів. И білше ничіе! Печатані у тогдышних новинках и часописах, тіражовані подаколи числом лем 200-300 фалатків, многі сякі тексты у далші эпохы веце ся нигда не перепечатовали и скоро 120-150 років чекавут на то, обы русины-наслідники перебрали собі сесь інтелектуальный скарб. Є то так из творчостѣв Є. Фенцика, котру репрезентуєме у сѣму видані. Драма «Покореніє Ужгорода» (рік написаня угад. 1878) по первый раз была перепечатана у році 2008. А повісті «Нищіє духом» (угад. 1891) и «Учитель-Неборак» (угад. 1895) доднесь ся нигда не перевыдавали.

Зачим скоро вшиткі тексты суть писані язычієм, сочасному русинському укладачу мусай ся приспособити до вимог публікованя текстів старшой doby. Обы наблизити тексты сочасному читателю, сякі творы треба транслітеровати засобами сочасной графічної сістемы русинського языка. Ниже подаєме основні прінципы транслітерації сяких творів.

Майважні правилдла транслітерації текстів

Буква «ѣ» повсемістно ся пролишає при кінци слів: прапорѣ – прапор; злыхѣ – злых; живеть – живет; вспыхнулѣ – вспыхнул; намѣ – нам; кѣ (тому) – к (тому), изѣ – из, Лаборцѣ – Лаборц;

Буква «ѣ» («ять») повсягды перейде на букву «і» / «ї»: здѣсь – здісь; в княжествѣ – в княжестві; во слѣпотѣ – во сліпоті; крѣпость – кріпость; бесѣда – бесіда; тебѣ – тебі; нѣтъ – ніт; бѣдный – бідний; ѣхати – їхати, приѣхали – приїхали; (о) благобытьѣ – (о) благобыті.

Російська буква «э» на зачатку слова ци исклада, котра позначає звук [e], міняє ся на русинську букву «е»: это – ето; этотъ – етот; этого – етого; эхо – ехо; экзекуція – екзекуція; поэтъ – поет.

Російська буква «е» на зачатку слова ци исклада, котра позначає сполуку звуків [йе], міняє ся на традиційну про сочасну русинську азбуку букву «є»: епископѣ – єпископ; волнение – волнєньє; бездѣлье – бездільє; покорение – покорєніє; есть – єсть; даетъ – дает; приближается – приближаєтьє; еще – єще; его – єго; ему – єму.

Російська буква «е», котра позначає звук [е] и мнягкость спередующего согласного, міняє ся на букву русинської азбуки «є», перед котров согласный ся не змягчає: слушай[т'е] – слухай[те]; лю[б'е]зный – лю[без]ный; [в'е]рховина – [ве]рховина; боя[р'е] – боя[ре]; [з'е]мля – [зе]мля; с[м'е]рть – с[ме]рть.

Російська буква «и», котра позначає звук [і], міняє ся на букву русинської азбуки «и», котра позначає звук [и]: остатися – остат[и]ся; жениться

– жен[и]т[и]ся, призвати – пр[и]зват[и], учитель – уч[и]тель, по причинѣ – по пр[и]ч[и]ні, матери – матер[и], лишь – л[и]ш.

Позад букв «г», «к», «х», «ж», «ч», «ш», «щ» нігда не пише ся буква «ы»: *круги, руки, раки, другий, живет, по мадярски.*

Хотяй в язычію ся не хосновала літера «г», у транслітерованих текстах кладеме ї повсягды, де ї треба подля днешнёй нормы: *газда, соллабиров, гімназія, прогрес, вегетація, газета, гультен, привілеія, Гейза, Унгвар, Григоріанский (календарь).*

Далші правила транслітерації текстів:

У чужій лексиці не хоснуєме подвоєня согласных, єдну согласну пропущаєме: *каса, сума, комерція, апетит, інтелігентный, професія, субота. Вымка: русский.*

Частка **-ся, -сь** усе ся пише ведно из глаголом: *испортится, сділится, розуміється, розойшлись, осталась.*

У глаголах теперішнёго и простого будучого часу (другой лице єднини) закончення пишеме без -ь (без мнягкого знака): *любиш, увидиш, можеш, напишеш, согласишся, надієшся.*

У глаголах теперішнёго и простого будучого часу (третьей лице єднини) присокотили сьме (сохранили) характерное про язычіе закончення на **-т**: *читает, даст, показывает, будет, выйдет, поглядает.*

У глаголах минувшого часу мужьского рода єднини присокотили сьме характерное про язычіе закончення **-л**: *зачал, носил, противился, затовкал, кричал, остался.*

У називниках женьского рода на **-ч, -щ** пролишили сьме «ь»: *доч (не дочь), ноч (не ночь), річ (не річь), мелоч (не мелочь), вещь (не вещь).*

Правила написаня даяких адьєктивных форм (котрі пак у Росії почас орфографічної реформи 1918 рока вылучили) были тыж знакові про язычіе. Зато сьме їх всокотили як ціху того стіла. Иде, главно, за написаня адьєктивных форм єднини (Р. п. и В. п.): *молодаго, народнаго, всякаго, перваго*, а тыж адьєктивных форм множины (И. п.): *фруктовыя, молодыя, некоторые, интересные.*

У законченнях приложників (адьєктивів) мужьского рода єднини (И. п.) и у множині по согласных «ч», «щ» сперед гласных и «й» сохранили сьме традиційне про язычіе написаня буквы «і»: *горячий, горячіе, жгучий, жгучіе, нищий, нищіе, грозячий, грозячіе, настоящий, настоячіе, обций, обиціе, віруючий, віруючіе.* В архаічных (дореформенных) законченнях тых самых приложників (адьєктивів) у множині по согласных «ч», «щ» сперед гласной «я» сохраняєме (як ціху того стіла) букву

«і»: *горячія*, (не горячия), *жгучія* (не жгучия), *грозячія* (не грозящия), *нищія* (не нищия).

У законченнях приложників (ад'єктивів) мужського рода єднини (І. п.) по согласных «г», «к», «х», а тыж «ж», «ш» ігноруєме написаня «і» сперед «й», характерной про стару російську орфографічну норму, котру преребрали собі тыж русинські писателі-русофілы. На тому місті кладеме «и»: *другий* (не другій), *фарський* (не фарскій), *маленький* (не маленькій), *глухий* (не глухій), *чужий* (не чужій), *лучший* (не лучшій), *высший* (не высшій).

У архаїчних (дореформенных) законченнях тых самых приложників у множині (І. п.) по согласных «г», «к», «х» сперед гласной «я» сохрanyaєме (як ціху того стіла) букву «і»: *другія* (не другия), *такія* (не такия), *фарскія* (не фарския), *глухія* (не глухия), але по согласных «ж», «ш» пишеме букву «и»: *чужия* (не чужія), *лучшия* (не лучшія), *вышия* (не высшія), *хорошия* (не хорошія).

У неархаїчних (пореформенных) законченнях приложників (ад'єктивів) у множині (І. п.) по согласных «г», «к», «х» сперед гласной «е» (такі форми ся стрічавут у тексті доста рідко!) пишеме «і»: *славянськіє, тоненькіє, долгиє, убогіє, глухіє*, але по согласных «ж», «ш» пишеме букву «и»: *хорошіє, вышіє, чужіє*.

У законченнях приложників (ад'єктивів) мужського рода єднини и у множині (у непрямых падежах) по фонемах [г], [к], [х], [ж], [ш] сперед согласного пишеме букву «и»: *угрорусским, королевским, тихим, других, многих, многим, лихим, чужих, свежими, хорошими, знатнейшими*.

У законченнях присловників и назывників по фонемах [г], [к], [х], [ж], [ш] пишеме «и» (у тів позиції, де у русинськім языку стоить буква «ы»): *по мадярски, по мужицки; берег – береги, порядок – порядки, оріх – оріхи; книга – книги, дорога – дороги, муха – мухи, рука – руки*.

У присвойных и односных містоназывниках намісто буквы «и», котра стоить на межі корня и суфікса и котра скриває звукосполюку [йі], кладеме (подля сочасной нормы) букву «ї»: *твоїх* (не твоих), *мої* (не мои), *свої* (не свои), *своїма* (не своима), *їх* (не их).

Приназывник **от** не приспособлюєме ид нормі сочасного русинського языка: *от станції, от дїтства, от других, от них, от которых, от бурі*.

Приназывник **с/со** не приспособлюєме ид нормі сочасного русинського языка и пишеме атьсяк: *с прапором, с дома, с довірієм, с гнівом, с ним, с вами; со стола, со взором, со дня (на день), со мной, со своїми*.

Приназывники **из, без** усе ся пишут из буквов «з»: *из школы, из нафты, из Яблоновки, без вины, без науки, без успіха, без того*.

Префікс **от-** (**ото-**) не пристосовується ід нормі сучасного русинського мови і пишемо із букв **«т»**: *отказати, отдати, отклонитися, отнестися; оторвати, отогнати, отозвался.*

Кедь сполука **от-** є частів корня, пишемо (подля звучаня) букву **«т»**: *отчина, отчим, отвіт.*

Префікс **с-** не пристосовується ід нормі сучасного русинського мови і пишемо букву **«с»**: *сказати, сділати, сплатил, сдружитися.*

У префіксах **ис-** (**из-**), **бес-** (**без-**), **рас-** (**раз-**) кладемо букву **«с»/«з»** подля глухости-звонкости позастоячого согласного:

ис- (**из-**): *исчезновение, исполнение, истоцала, исходатайствовать, происходит; измѣнати,; извинити, избавити, избѣгнути, изберут, издержки, издавати, извѣстно, производити, изгнаніє.*

бес- (**без-**): *бестолковый, бессильный, бессомнѣнно, бессмысленный; безмѣрный, безграничный, беззаботливый, бездѣлиця.*

рас- (**раз-**): *рассказывать, рассмотреть, распахнуть, распространять, расписанный, расположение; размышлять, развращать, разганять, развѣселяюща.*

Сочетаня **-сч-**, **-лиц-** у корнях слів не пристосовується ід нормі сучасного русинського мови і пишемо атак: *счастье, несчастье, солнце.*

Сочетаня **-стн-**, **-рдц-**, **-здн-** не спрощуємо (не пролишаємо букви **«т»**, **«д»**): *честный, неизвѣстный, совѣстно, несчастный; сердце; праздник, праздный, поздно.*

Хотѣй бы як ся писали у тестах назви місяців, уніфіковано подаємо їх написаня із малої букви: *июнь, август, ноябрь, июньский день.*

Хотѣй твори написані мовою, літературні особи із русинської етнічної сполучности (жителі села) туй усе бесідуват по русинськи. Є. Фенчик у першопечатному тексті сякі фрагменти русинської бесіди передав у транслітерації – російськов кирилков. Зачим нове перевиданя є націленою на сучасного русинського читателя, правописаня сих конструкцій привели сьме (транслітерували сьме) – у міру возможности – русинськов кирилков. Напримір: *Тото мав быти якийсь комедіяш, нас здурили! То вишитко нич не стоит; та ци вы, діду, не знаете, что теперь настав поганский світ? Розумлю, панотець, айбо я и сам не знаю, як сесе вишитко докончити.*

Сякі суть главні правила транслітерації мови у текстах Є. Фенчика.

Доц. **Валерій Падык**,
кандидат філологічних наук

(статя написана у підкарпатському варіанті
русинського мови)

Портрет Є. Фенцика на обкладинці книжки
од сучасного маляря, народного умільця України

**Василя Скакандія
(1941–2020)**

быв намалёваный у рамках проєкта
"Визначні поставы карпаторусинського світа"
за підпоры русинсько-канадського філантропа
Стівена Чепы

Portrét J. Fencyka na obálke knihy
od súčasného výtvarníka, národného umelca Ukrajiny,

**Vasil'a Skakandija
(1941–2020)**

bol namaľovaný v rámci projektu
"Významné osobnosti karpatorusínskeho sveta"
za podpory rusínsko-kanadského filantropa
Stevena Chepu

ОБСЯГ

Євгеній Фенцик: життя – література – народ. В. Падяк	7

ТВОРЫ

ПОКОРЕНІЄ УЖГОРОДА. Драма в пяти дійствах	39

НИЩІЄ ДУХОМ. Повість	117

УЧИТЕЛЬ-НЕБОРАК. Повість	237

Ілюстрації	353

Додаткы

Зазначкы и коментарі до творів Є. Фенцика. В. Падяк	371

Язычіє. Прінціпы и проблемы транслітерації творів (не лем) Є. Фенцика. В. Падяк	385

Jevgenij Fencyk (1844–1903) – kňaz, básnik, prozaik, dramatik, publicista. Zakladateľ a stály redaktor známeho užhorodského časopisu „Lístok“ (1885–1903). Žiarivá a plodná osobnosť obdobia národného obrodenia. Jeho nezaslúžene zabudnuté diela sa teraz vracajú k rusínskemu čitateľovi.

Kniha jeho vybraných diel obsahuje len tri hlavné (z viac ako dvesto) literárne texty; sú to novely „Chudobní duchom“ a „Učiteľ-Neborák“, a tiež dráma „Dobytie Užhorodu“.

Zostavovatelia:

doc. Mgr. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Mgr. **Michal Pavlič**, PhD.

Projekt realizovaný pod vedením
doc. Mgr. **Valerija Pad'aka**, CSc.

Predslov, prílohy, textové poznámky
a jazyková úprava (transliterácia)
doc. Mgr. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Recenzenti:

prof. Dr. **Paul Robert Magocsi** (Torontská univerzita)

prof. PhDr. **Jozef Sipko**, PhD. (Prešovská univerzita v Prešove)

Realizované s finančnou podporou Fondu na podporu
kultúry národnostných menšín.

ISBN 978-80-555-2878-6

Jevgenij Fencyk
Tvorba

Zostavovatelia:

doc. Mgr. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Mgr. **Michal Pavlič**, PhD.

Sadzba:

Vydavateľstvo Pad'ak s.r.o.

Dizajn a obálka:

Milan Pad'ak

Larysa Pad'ak

Vydanie:

1.

Počet strán:

400

Autorské hárky:

21,33

Náklad:

300

Vydal:

Vydavateľstvo Prešovskej univerzity

Євгеній Фенцик (1844–1903) – священник,
поет, прозаїк, драматик, публіциста.
Закладатель і незмінний редактор
ізнвстного ужгородського часописа
«Листокъ» (1885–1903). Іскрава і плодна
особность добы будительства. Ёго творы,
незаслужено забыты, лем днесь ся вертають
ид русиньскому читателю.

Книга ёго выбратых творів вміщає в собі лем
три майважны літературны творы (із вецє як
двасто); суть то повісті «Нищіє духом» и
«Учитель-Неборак», а тыж драма
«Покореніє Ужгорода».

VYDAVATELSTVO
PREŠOVskej
UNIVERZITY

ISBN 978-80-555-2878-6

9

788055

528786